

Российская Академия Наук
Институт философии

А.А.Зиновьев

**ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО
К КОНКРЕТНОМУ**

(на материале «Капитала» К.Маркса)

Москва
2002

УДК 162.6
ББК 87.4
3-63

3-63 **Зиновьев А.А.** Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К.Маркса). — М., 2002. — 321 с.

Книга является кандидатской диссертацией А.А.Зиновьева, защищенной им на философском факультете МГУ им. М.В.Ломоносова в 1954 году. Она представляет ценность и как теоретическое произведение и как документ эпохи. В ней впервые раскрыт механизм восхождения от абстрактного к конкретному. Она обозначила заметную веху в истории отечественной философии — поворот от идеологизированной схоластики к профессиональной строгости и научности, задала основное тематическое и проблемное поле логики и методологии науки. Работа печатается в первоначальном варианте без каких-либо изменений.

ISBN 5-201-02089-5

©А.А.Зиновьев, 2002
© ИФ РАН, 2002

Оглавление

Вместо предисловия	5
Введение	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРОБЛЕМА МЕТОДА ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ	13
§ 1. Прием или форма мышления	13
§ 2. Общая характеристика восхождения	16
§ 3. Иллюстрации из истории науки	27
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРОСТЕЙШИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВОСХОЖДЕНИЯ	49
§ 1. Исходный пункт восхождения	49
§ 2. Анализ отношений	66
§ 3. Две стороны и два подразделения восхождения	93
§ 4. Раскрытие и изображение противоречия	122
§ 5. Дополнение (схематическое изображение отношения и его строения)	144
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОСХОЖДЕНИЯ	147
§ 1. Изоляция и конкретизация	155
§ 2. Внешняя форма изоляции и конкретизации	189
§ 3. Связь изоляции и конкретизации как особая логическая форма	222
§ 4. Сведение и выведение	230
§ 5. Выведение	252
§ 6. Историческое и логическое	268
§ 7. Восхождение от простого к сложному. Промежуточные звенья	274
§ 8. Анализ и синтез	288
Заключение	312
<i>Приложение. Отношение восхождения к приемам формальной логики</i>	317
Основная использованная литература	321

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С удовольствием откликаясь на просьбу дирекции института философии РАН предоставить рукопись кандидатской диссертации моего ближайшего друга А.А. Зиновьева «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К.Маркса» для публикации к 80-летию юбилею автора, я хотел бы сказать несколько слов об атмосфере, в которой происходило написание и защита этой работы. Речь идет не об анализе ее содержания и роли в отечественной философии, хотя такое исследование само по себе было бы в высшей степени актуальным и я надеюсь, что кем-нибудь и когда-нибудь оно будет осуществлено, а именно об атмосфере духовной среде ее появления. Это были конец 40-х — начало 50-х годов теперь уже прошлого века.

В понимании познания советские философы в те годы руководствовались ленинской формулой: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. В этой формулировке, которая кажется очень прозрачной, ясной, четкой, в действительности скрывается, затушевывается, замазывается, заговаривается суть процесса мышления. На самом деле процесс мышления идет не так. Он может идти от живого созерцания, а может идти от опыта, который есть итог, совокупность всего тобою наблюденного в жизни. Из этого опыта черпаются, собственно говоря, и интеллектуальные задачи, и никакого конкретного здесь нет, здесь есть, наоборот, некий навал явлений, фактов, переплетений, сумятица, в которой еще трудно разобраться. И все это становится достоянием твоих чувств, твоего воображения. В канонизированных в те годы текстах классиков была и работа Маркса «К критике политэкономии», где во введении говорится о восхождении от абстрактного к конкретному, конкретное понимается как конкретное в мышлении, синтез многих абстрактных определений. Думающие люди, в частности мы, студенты, терялись: «Как же так? Нас учили по Ленину, от живого созерцания, то есть от чего-то конкретного я иду к абстрактному мышлению, а потом возвращаюсь к практике не для того, чтобы смотреть, а для того, чтобы уже действовать. А Маркс задает иной, прямо противоположный ход познавательного процесса. Это возникшее в литературе, а затем и в преподавании расхождение очень сильно действовало на людей, которые приобщались к философии.

В ленинской схеме пропускатся важнейший этап мыслительной работы человека, а именно, усвоение конкретного в мышлении. Конкретное есть в двух видах или существует в двух видах: конкретное вне тебя, и причем то конкретное, которое не обязательно ты должен рас-

кусить познать — а вот оно есть. Этих конкретностей чрезвычайно много. А есть некое конкретное, которое обретает определенность, когда человек ставит перед собой какую-то определенную интеллектуальную задачу. И тогда все переворачивается, и исходным материалом становится не то единичное конкретное, с которым ты сталкиваешься, а тысячи или более чем тысячи реальных наблюдений, твоих прошлых знаний, знаний, накопленных до тебя и зафиксированных в литературе и так далее. И это все разбросанный, несобранный материал. И мне кажется, что начинается все с того, что человек, перед которым стоят познавательные задачи, сначала неким образом группирует элементы реальности, которые он наблюдал, о которых он читал, слышал, думал и так далее. И вот в ходе обработки этого невероятно огромного жизненного материала, который может накапливаться в течение десятков лет, он вытаскивает некоторые определения, которые являются совершенно абстрактными. Это — всегда целый набор абстракций, которые вычленяются человеком из предстоящего опыта, с помощью фантазий, чувства, воображения и т.д., и благодаря которым опыт как бы поднимается на более высокий уровень сознания, лучше даже сказать, на уровень «второго» сознания, сознания о сознании, потому что материал первичного опыта — это тоже материал сознания. На этом втором уровне только и начинается истинно человеческое мышление. И это первая операция, которую человек осуществляет. На втором этапе познания он сталкивается с массой осуществленных им абстракций, абстрагирования, определений, дефиниций, каждый из которых вычленяет какую-то одну сторону, одно свойство какого-то объекта, не обязательно конкретного, живого. Но как соединить эти абстракции, чтобы потом в результате, получить то, что мы ищем. Здесь, на мой взгляд, опять-таки вмешивается снова опыт, я в данном случае имею в виду опыт, как его понимал Эйнштейн, опыт, как некий итог жизненного познавательного процесса человека, который направляет мысль к соединению этих самых абстракций. Потом уже, после того, как ты понял примерно направление соединения абстракций встает вопрос, как их соединять. Здесь важно наличие некоторых тоже вне данного процесса, а в методологии, совершенного другой дисциплине, разработанных методов, приемов, соединения абстракций для получения органического целого, для воспроизводства конкретного в самом сознании. Собственно наличие конкретного в сознании в отличие от конкретного в самой действительности и абстракции в сознании — это то, о чем сказал Маркс, и то, что у нас, в советской философии очень четко зафиксировал Ильенков. Он об этом написал, произведя невероятное впечатление на всех, включая и профессуру, которые привыкли к ленинской формулировке из «Материализма и эмпириокри-

тицизме» о человеческом познании: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Но Ильенков не говорил о том, как абстракции суммируются в конкретное.

В отличие от Ильенкова, который просто зафиксировал этот непохожий на утвержденный Лениным порядок познания человеком мира, после того как это всех оглушило, огорошило, удивило, и возразить ничего не могли, последовал второй удар, мощнейший, когда А.А.Зиновьев предложил саму методологию восхождения от абстрактного к конкретному. Найти ее у Маркса невозможно, ее нет. Она у него есть в том смысле, что внутренне присутствует в самих рассуждениях, в тексте «Капитала», но ее нет как выявленной, как вычлененной, как представленной особым образом логики. Разработал ее Зиновьев. Как Маркс начал с товара, который есть исходная клеточка, а потом из нее вытащил все противоречия и дошел до капитала — вот точно также Зиновьев нашел исходную клеточку в методологии и затем, шаг за шагом фиксируя каждый раз в соответствующей категории, раскрыл логический механизм получения конкретного знания.

Вот, собственно говоря, то, что сделал Зиновьев в отличие от Ильенкова. Ильенковский вклад имел значение, но то, что сделал Зиновьев — это было вообще невероятное, потому что никому в голову не приходило, насколько мне известно, не только у нас, но и на Западе, среди тех, кто занимался диалектикой Маркса. Только говорили: «Существует не только формальная логика, а существует еще диалектическая логика. А какая она, диалектическая логика?» Зиновьев первый показал, что диалектическая логика, оказывается, есть, и диалектическая логика — именно логика, аналогом которой может быть развитие общества, именно общества, ибо диалектика природы, как считал и доказывал уже в те годы Зиновьев является выдумкой Энгельса и свидетельствует о непонимании сути дела, но исходным материалом которой является само мышление. Мыслить логикой диалектической — вообще, не есть всеобщее достояние в отличие от логики формальной. Сложные этажи, высокие этажи формальной логики, они тоже не доступны человеку неподготовленному, и тем более это касается диалектической логики, которая предполагает сознательное усвоение методологии, сознательное усвоение категорий этой диалектической логики, которая совсем не похожа на законы «исключенного третьего» и т.д. Все что придумал Аристотель, все, что придумали вслед за Аристотелем знаменитые формальные логики — все это для диалектической логики не годится. Пионером создания диалектической логики, конечно, в общем-то, является Гегель. Начатки ее в антиномиях Канта тоже можно рассмотреть. Несомненно, антиномии — это зародыши понимания диалектической логики, но по-настоящему разработал диалектическую логику, конечно, только Гегель. И развитую форму при-

дал ей Маркс. Но Маркс спрятал ее в исследование конкретного предмета, а именно, политэкономии капитала. Зиновьев проделал как бы обратную работу — расколдовал эту политэкономия под углом зрения того метода, с помощью которого и был построен весь «Капитал». «Капитал» весь может пойти к чертям, ничего не стоит, он может быть ошибочным от начала и до конца. Но не ошибочным остается метод, который был применен и который был выявлен таким образом. Чтобы проделать эту работу Зиновьев, как он мне тогда сам говорил, прочитал «Капитал» 16 раз. С цифрой я могу ошибиться, может быть, восемнадцать, но то, что это не шесть и не десять, я это помню очень хорошо. Он сейчас, может, сам забыл, сколько раз он читал, но в наших беседах в ответе на этот вопрос мне запомнилась цифра 16. Мы не уточняли — три тома или не три тома. Я думаю, что три-то тома наверняка. Но вряд ли четвертый.

Учились мы не в самое благоприятное время для изучения философии. Когда Сталиным была объявлена книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — вершиной марксистской философии, написанная для «Краткого курса истории ВКП(б)» самим Сталиным глава «О диалектическом и историческом материализме» считалась высшим достижением философии. Изучать философию было очень трудно, ибо всякое несогласие с этим, всякое отрицание этого, всякое самостоятельное толкование, конечно же, встречало резкий отпор со стороны преподавателей и самих студентов. И в этих условиях Зиновьев проявил невероятное мужество мысли и человеческое мужество. Зиновьев был студент 3-его курса, и у него, у студента, уже тогда были ученики. Что значит ученики? Чему он учил? У него не было никакого особого предмета, он учил философии. Учил философии, учил критическому отношению к тем оценкам истории философии или фигур философских, которые навязывались курсом философского факультета. Вот так бы я сказал. И особенно это касалось марксистско-ленинской философии. К примеру, он говорил мне в 48-м, примерно, году, что первым вульгаризатором марксизма был Энгельс. Я отвечал: «Саша, побойся Бога, как так? Вот Энгельс сделал то-то, то-то...». Все это правильно, продолжал он, но ты почитай его «Диалектику природы», — ведь это совершенный бред, вся диалектика природы надуманна, ты что-нибудь подобное у Маркса найдешь?». Это воспоминание об одном моменте такого критического удара по сознанию в противовес тому, что говорилось. Презирал работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», иначе ее не называл как «Мцизм-мцизм». «Ты пробовал, — он меня спрашивает, — когда-нибудь читать Маха и Авенариуса?». Я говорю — «не пробовал». Он говорит: «Попробуй. Они на десять голов выше Ленина, который их критикует. Критикует он Богданова. «Ты читал Богданова?» и г.д. А потом мне в руки попала книжка Богданова против книги Ленина «Материализм и эмпи-

риокритицизм», и я понял, насколько Саша был прав. Я хочу сказать, что он привлекал неожиданностью, своим углом зрения на изучаемые предметы, казалось бы выверенные и проверенные, и утвержденные и т.д. И это наиболее способных и критически настроенных ребят, желающих знаний, к нему привлекало. Вокруг него всегда собирались, если он где-то в аудитории или на улице, но на улице меньше. На улице он не любил ходить гуртом. А потом отобралось среди них несколько людей, которых он обучал диалектической логике. Фактически он прочитал им, но не систематически, в виде лекций, а прочитал свою книгу как курс диалектической логики, вот эту самую диссертацию он прочитал. В число этих людей входили Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Борис Грушин. В основном, эти трое. В какой-то степени заглядывали «на огонек» и другие. И все вообще на факультете знали, что вот есть такой небольшой росточка худенький парень, философ, который умеет думать по-своему. Это задевало всех. Они могли не вникать в то, что он именно говорит и чему он обучает и с чем он не согласен. Но что вот есть такой вот с виду вроде бы невзрачный человек, который умеет мыслить. Умение самостоятельно мыслить — это была черта, которая к нему привлекала и студентов, и аспирантов, надо сказать. Иногда преподавателей, того же Алексеева, который прислушивался к тому, что говорит Зиновьев. Очень уважительно к нему относился Асмус, бесспорно совершенно. Они замечали — это талант. На третьем курсе уже все видели, что он не как все, другие.

Когда появился автореферат диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному» на материале «Капитала» Маркса, все бросились на него. Потом назначается день, день защиты. Комната, где шла защита, небольшая была, ну, там человек на тридцать, она битком набивалась, человек до ста стояли, прижавшись друг к другу. И что всегда отличало Сашу — сохранять спокойствие, что бы ни говорили, как бы ни говорили, у него всегда был четкий, ясный ответ на все вопросы, которые задавали члены Ученого совета. «Ну, а как же Ленин сказал, а как же то, а как же это?» Он спокойно отвечал и замолкал. А потом шло голосование — диссертация проваливается. В коридорах люди стояли, ждали результата. Его чуть не на руках выносили, как триумфатора, хотя его только что завалили, а он выглядел, в глазах уже так сказать, расширившегося числа его почитателей и ценителей как триумфатор. Он действительно был триумфатором, так оно и было. Я в свое время занимался Чернышевским и знал, что примерно так проходила защита Чернышевского, его диссертации об эстетическом отношении искусства к действительности. И не знаю, сколько — два или три раза, но его тоже засыпали. Ему не давали степени. И потом, каким-то чудом ему эту степень дали. Защита Чернышевским его диссертации была событием философской жизни Петербурга. Это факт. Точно также событием философской жизни Москвы была защита Зиновьева.

вьева. Слух о том, что идет такая защита, очень быстро распространился, приходили студенты. Он защищался три раза. Выступали сами представители Ученого совета и говорили: «У нас все-таки не было единогласного решения. И поскольку решение было не единогласным, и диссертация спорная, у нас есть основание еще раз вернуться и еще раз рассмотреть». Вот так. Но когда последний раз завалили все-таки, третий раз, тогда решили передать в ВАК. И он защищал диссертацию в ВАКе, и комиссией ВАКа там единогласно был утвержден. Паузы между защитами были небольшими. Я, например, помню, что на вторую защиту я привел своего друга Григория Чухрая. «Получишь удовольствие, послушаешь спектакль хороший и с хорошим главным актером — Зиновьевым». Я два момента хочу выделить: не только сам факт защиты, а то, что ей предшествовало, то внимание, которое он к себе привлек, те последователи, которые у него возникли, умение убеждать в необычных своих мыслях. Это ему было дано, дано еще студенту.

Сам Зиновьев был горд тем, что он сделал, он понимал значение своего открытия. Работа эта и сегодня сохраняет свою ценность и даже актуальность. И, видимо, институт поступает правильно, что не меняет в тексте ни одного слова. Может быть автор сейчас многое исправил, ввел некоторые новые понятия, новые категории. Он бы мог раскрыть кухню того, как он это сделал. Ведь непосредственно в диссертации этого нет. Может быть он это еще сделает. Опубликовать диссертацию важно еще и по той причине, что она оказала огромное влияние на развитие нашей философии. Достаточно сказать, что ближайшие ученики Зиновьева — Щедровицкий, Грушин и Мамардашвили отдельные главы его диссертации развернули в собственные кандидатские исследования. Они просто взяли и расширили. А Мераб сделал сначала кандидатскую, потом эту кандидатскую превратил в докторскую. Рассказывали мне об этом тот же Грушин, или тот же Мераб и особенно Щедровицкий. Щедровицкий его почитал как гения.

Кандидатская диссертация А.А.Зиновьева явилась началом его исключительно богатой по тематике и результатам творческой биографии. Сразу после нее он занялся формальной логикой и своими работами вывел ее на мировой уровень. В художественной литературе он создал новый жанр — социологический роман. В социологии осуществил переворот в понимании советского коммунизма, современного Запада, основных путей социальной эволюции общества. За эти неполные 50 лет, которые прошли после написания и защиты кандидатской диссертации в 1954 году, им написаны многие десятки книг. И тем не менее, на мой взгляд, публикация сейчас, с таким опозданием работы о логике «Капитала» К.Маркса остается одним из самых выдающихся достижений А.А.Зиновьева.

К.М.Кантор

ВВЕДЕНИЕ

Среди выдающихся образцов научного мышления особое место занимает «Капитал» Маркса. В нем классического совершенства достигло диалектическое мышление, — мышление, раскрывающее условия возникновения и существования предмета, его внутреннее строение, взаимодействие его сторон, законы и их проявление, противоречия и их разрешение, изменение, развитие, короче говоря — диалектику предмета. Кроме того, в нем детально зафиксирована работа ума исследователя по раскрытию диалектики предмета. Последнее обстоятельство представляет огромную ценность для науки и мышления: оно облегчает задачу изучения приемов диалектического мышления; более того, оно свидетельствует о том, что задача эта в значительной степени уже выполнена.

Но до сих пор на изучение приемов диалектического мышления обращается мало внимания, и «Капитал» с этой стороны остается не изученным. Причина этого заключается не столько в трудности изучения, сколько в определенной ошибочной концепции, получившей распространение среди отечественных философов.

На известном отрезке истории, — утверждает ряд логиков, — «логический аппарат» человека (приемы, формы мышления) не изменился; в связи с раскрытием диалектики предмета никаких специфических для этой задачи приемов мышления не возникает; в «Капитале», в частности, нет ничего нового по сравнению с суждениями, дефинициями, силлогизмами и т.д., — по сравнению с теми формами мышления, которым дала описание «формальная логика».

Исходя из общеизвестного факта, что приемы формальной логики имеют место в мышлении современных людей и наших предков, в мышлении диалектиков и метафизиков, в мышлении творцов наук и далеких от науки людей, сторонники этой концепции отрицают то особое, что отличает первых от вторых, что образует развитие мышления. Приемы формальной логики превращаются в их представлении в надъисторические, безразличные к исследованию предметов средства выражения любого знания о вещах и оперирования готовым знанием, превращаются в нечто совершенно бессодержательное.

Эта концепция логиков нашла поддержку со стороны ряда специалистов по диалектике (специалистов не в смысле мастерства диалектического мышления, а в смысле профессии). Отдав изучение приемов мышления в монопольное ведение формальных логиков, они превратили науки о диалектическом мышлении в кодекс общих законов вещей, в своего рода большую посылку силлогизма по отношению к ча-

ственным наукам. Образцы диалектического мышления использовались ими лишь как «новое подтверждение» существования объективной диалектики. Вопрос о том, посредством каких специфических приемов открывается диалектика предметов, квалифицировался как гегельянская схематизация диалектики. Так сложилась концепция бесформенной диалектики и бессодержательной логики.

Вред этой концепции очевиден: она исключает возможность изучения специфических приемов диалектического мышления, допуская в практике исследований стихийность и случайность, представляя деятелям каждой науки заново вырабатывать приемы, уже выработанные в других отраслях знания.

Признание того, что предметам свойственна диалектика, в данном случае остается чисто номинальным. Сейчас речь идет не о том, что предметам свойственна диалектика — это бесспорно для всякого советского ученого, а о том, как ее раскрыть и воспроизвести в мышлении. Требование «подходить к предметам диалектически», означает лишь самую общую и простую формулировку задач диалектического мышления. Оно говорит о том, что в предметах должен выявиться диалектик: «происхождение, противоречия, изменение» и т.д. Но задача эта может быть реализована лишь посредством обусловленных ею и специфических ей приемов (форм) мышления.

В данной работе мы и рассмотрим специфическую диалектическому мышлению форму — «метод восхождения от абстрактного к конкретному»¹.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному зародился вместе с возникновением современных наук. Но степени зрелости сознательного и развитого способа мышления он достиг лишь при определенных социальных условиях и на определенной ступени развития наук. Впервые это было осуществлено в исследовании Марксом буржуазной экономической системы, итогом которого и явился «Капитал». Учитывая этот факт и те достоинства «Капитала», о которых говорилось выше, мы взяли «Капитал» в качестве основного материала для анализа метода восхождения от абстрактного к конкретному и для соответствующих иллюстраций.

Сознательное применение этого метода было необходимым образом связано с изучением самих приемов мышления. Не случайно потому в произведениях Маркса² впервые в науке о мышлении была дана и правильная оценка его. Положение Маркса послужили в данной работе исходными и руководящими принципами.

¹ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1949. С. 214.

² «К критике политической экономии», «Теории прибавочной стоимости», «Капитал» и связанные с ним рукописи и письма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРОБЛЕМА МЕТОДА ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Перед исследователем — предмет, представляющий собой органическое целое, или исторически сложившуюся, существующую при определенных условиях, внутренне расчлененную, взаимодействующую в своих элементах, изменяющуюся и развивающуюся систему связей. Например — буржуазная экономическая система. Этот предмет требуется изучить и воспроизвести в мышлении. Как это осуществить: с чего начать, в какой связи и последовательности рассматривать стороны предмета, какие при этом совершать мыслительные операции?

Задача решается посредством особого способа мышления — метода восхождения от абстрактного к конкретному. Для краткости будем называть этот метод одним словом «восхождение».

Специфику поставленной задачи и способа ее решения рассмотрим сначала в самой общей и проблематической форме.

§ 1. Прием или форма мышления

Анализ форм диалектического мышления с самого начала сталкивается с неопределенностью исходных понятий логики. Разработка их не входит в нашу задачу, мы ограничимся кратким определением необходимых для нашей цели понятий исключительно с интересующей нас стороны.

Выделение в предмете какой-либо его стороны и фиксирование ее в речи есть абстракция. «Сторона» — все, что может быть отвлечено в предмете, начиная от чувственных свойств (черный цвет, например) и кончая целыми «отделами» жизни предмета (обращение капитала, например).

При характеристике процесса абстракции необходимо указать:

- 1) задачу процесса, т.е. что в предмете отвлекается; или — результат процесса, который является реализованной задачей;
- 2) как, какими средствами осуществляется отвлечение; в частности — от чего приходится отвлекаться, какова судьба этих оставляемых без внимания явлений, обосновывается отвлечение или является следствием какого-то другого процесса и т.д.
- 3) какие при этом возникают субъективные противоречия и в какой связи они разрешаются.

Так как науку о мышлении интересует общее в частных процессах абстракции, то указание этих черт дает описание типа, вида или формы абстракции.

В дальнейшем нам придется сталкиваться с типом абстракции, изучаемым формальной логикой. Его мы будем называть «элементарной абстракцией». С точки зрения указанных выше принципов элементарную абстракцию можно охарактеризовать (в самом общем виде) таким образом.

Задача элементарной абстракции — выделить в предмете какую-либо его сторону. Выделение совершается путем сравнения ряда предметов, существующих наряду и в последовательности, и фиксирования общего (сходного) для данного круга предметов свойства. При этом происходит отвлечение от различий предметов в данном отношении. Те свойства, от которых происходит отвлечение, могут быть выделены как общие в других процессах абстракции, но тогда произойдет отвлечение от первого (как необщего, особого, различного в этом новом аспекте сравнения). Но в данном процессе эти свойства мысленно «отбрасываются» или вообще не замечаются. Результат абстрагирования — фиксирование общего свойства ряда предметов — ничего не говорит об особых свойствах этих предметов. Роль элементарной абстракции заключается как раз в отвлечении от особого (от различий) и фиксировании общего (сходного). Например, абстракция «полезность» фиксирует одну сторону всякого предмета потребления — способность удовлетворять какую-либо потребность человека. В процессе ее выработки происходило отвлечение от индивидуальных особенностей (различий) отдельных предметов потребления и их видов. Особые свойства были «отброшены». Хотя разнообразие полезностей и есть условие выработки этой абстракции, сама абстракция о их различиях ничего не говорит. Наоборот, о каждой полезности, как бы она ни была богата свойствами, с помощью данной абстракции можно сказать лишь то, что она — полезность, т.е. указать общее.

Исследование различных типов элементарной абстракции и их происхождения, — дело формальной логики.

Отражение предметов посредством абстракций есть мышление (мысль). В этом определении имеются два момента: 1) отражение предметов и 2) посредством абстракций. Вторую сторону дела мы уже отметили. Но не менее важна и первая. Отражение предметов, — это значит, что предмет каким-то образом отражается в голове человека безотносительно к данному процессу абстракции. Анализ того, как отразился предмет безотносительно к данному процессу абстракции, будет означать опять-таки анализ какого-либо способа отражения: восприятий, представлений или абстракций; задача оказывается либо бесконечной, либо требует изучения всей истории мышления. Для нас же здесь достаточно сделать вывод: процесс абстракции как таковой, вне связи с другим процессом отражения существовать не может. Выделение его есть выделение лишь одной стороны мышления. Мысль есть обязательно связь абстракций. Тип этой связи и есть то, что мы будем называть типом, видом, формой или приемом мысли.

В характеристику «формы мысли» мы, однако, будем включать не только тип связи абстракций, но и тип мыслимого предмета (что за предмет отражается) и тип абстрагируемой в нем стороны. Точнее говоря, тип связи может быть понят только в связи с учетом последних.

Тип мыслимого предмета и тип абстрагируемой в нем стороны образуют предметное содержание данной формы мысли. Здесь форма мысли соотносится с отражаемым предметом и тем, что в нем отражается. Повторяем: «что» не в смысле частного предмета и его стороны, а в обобщенном смысле, — что в любом, во всяком предмете отражается в данной форме. Предметное содержание расчленено, в самой простой форме — двустороннее. Различие этих сторон имеет смысл только внутри данной формы мысли. За ее пределами оно исчезает (например, в предмете может быть отвлечено отношение; оно в свою очередь, может стать предметом, в котором будет отвлекаться какое-либо свойство).

С точки зрения предметного содержания в истории мышления (и в настоящее время) наблюдается два этапа (в настоящее время — две задачи):

1) практическое мышление. Здесь человек отвлекает в предметах их функции в его жизни как их свойства (например, способность животных служить пищей для человека);

2) теоретическое мышление. Здесь человек выявляет свойства предметов, не зависящие от его вмешательства и потребности (например, раздражимость, обмен веществ и т.п.). Та форма мышления, которую нам предстоит рассмотреть, есть форма теоретического мышления. Характеристика всего богатства форм теоретического мышления со стороны их предметного содержания дает обобщенную картину мира и означает анализ категорий «связь», «закон», «качество», «количество», «движение» и т.д.

Тип мыслимого содержания определяет собою и тип его связи, его структуру как субъективного явления. Логика, как правило, лишь эту субъективную связь именуют формой мысли и считают возможным изучать ее безотносительно к предмету содержанию. Именованное можно, конечно, но изучать таким образом — ошибочно. Дело все в том, что предметное содержание не есть нечто статичное, не есть просто свойства вещей. Анализ мысли со стороны предметного содержания есть анализ процесса соотношения мысли с предметом, глубже говоря — анализ зависимости мысли как субъективной связи от деятельности человека с предметами, анализ того, как одни связи (вещественная деятельность человека) обуславливают другие (умственную деятельность). С учетом сказанного, мы в дальнейшем будем термин «форма мысли» употреблять в смысле субъективной связи, структуры.

§ 2. Общая характеристика восхождения

Абстрактное и конкретное

Термины «абстрактное» и «конкретное» имеют массу значений. Часть их, относящуюся к различным сторонам восхождения, мы укажем в следующих главах. Часть же никакого отношения к восхождению не имеет или ничего не говорит о его особенностях: «абстрактное», например, употребляется в смысле отвлеченного отражения (мышления) вообще, в смысле такого «понимания» предмета, при котором указываются его общие свойства и игнорируются специфические, в смысле отсутствия наглядности и т.п.; «конкретное» — в смысле соединения многообразного вообще, в смысле специфичности, частного и даже чувственного. Во избежание путаницы мы под «абстрактным» и «конкретным» будем понимать исключительно мысленные образы предмета, обладающие следующими чертами: абстрактное

есть понятие о предмете, полученное путем отвлечения в нем и исследования какой-либо специфической стороны, одностороннее определение предмета или одностороннее понятие о предмете; конкретное — понятие о предмете, полученное при исследовании предмета с различных сторон, — соединение абстрактных определений (понятий) предмета или многостороннее понятие о предмете («многостороннее» в смысле исследования ряда сторон, в простейшей форме — двух). Например, изучение процесса производства капитала дает абстрактное понятие о капитале в целом; включение в сферу исследования процесса обращения капитала дает конкретное (сравнительно с первым) понятие о капитале.

И абстрактное, и конкретное, как бы последнее ни было богато абстрактными определениями, — оба являются отвлеченными от предмета его мысленными образами и в этом смысле оба абстрактны. Они различаются между собою как мысленные образы одного и того же предмета, отражающие его друг относительно друга с различной полнотой или точностью. Различение это имеет силу только в их отношении друг к другу, т.е. лишь в определенных пределах. Следующий пример иллюстрирует сказанное: если человек, наблюдая массу отдельных случаев прибыли, выработал какое-то понятие о ней, то об этом понятии еще нельзя сказать, абстрактное оно или конкретное, только в связи с другими понятиями о капитале, получаемыми в ходе единого процесса исследования, оно выступает как абстрактное (по отношению к понятию о средней прибыли, например) или как конкретное (по отношению к понятию о прибавочной стоимости).

Когда мы говорим об «одной стороне», то последнюю следует представлять не как что-то нерасчленимое, абсолютно простое, а относительно. Это следует из сказанного выше. Исследование процесса производства капитала, например, есть исследование «одной стороны», но последняя сама по себе — многосторонняя. И наоборот, как бы полно мы не охватили предмет, это будет так или иначе неполное отражение, и по отношению к принципиальной возможности познания образ будет односторонним, абстрактным. Поскольку нас в дальнейшем будет интересовать, так сказать, актуальный процесс познания и лишь отношение абстрактного и конкретного в различных формах, то многостороннее отражение всегда может быть представлено как двустороннее.

Абстрактное не есть абстракция и определение в формально-логическом смысле, а конкретное не есть сумма таких абстракций и определений. Абстрактное — вся та совокупность знания, которая получается в результате одностороннего исследования предмета, конкретное — многостороннего. Они представляют собою целую систему формально-логических абстракций и определений, суждений и умозаключений. Достаточно указать на исследование Марксом процесса производства и обращения капитала.

Не всякое одностороннее изучение предмета дает абстрактное понятие о нем. Мы можем, например, отвлечь в товарах потребительную стоимость и исследовать ее, но в итоге не получим никакого понятия о товарах, как о товарах. Только отвлечение в товарах их специфического свойства — меновой стоимости и изучение его может дать абстрактное (в указанном выше отношении) понятие о товарах. Точно так же не всякое многостороннее отражение предмета мышлением есть конкретное понятие о нем. Возьмем такую мысленную картину буржуазной экономики: здесь имеют место капиталисты, наемные рабочие, прибыль, процент, рента, зарплата, кризисы, банки, безработица и т.д. Мышление принимает участие в создании этой картины, поскольку различные явления буржуазной системы отвлечены, получили определения и наименования, — зафиксированы в категориях. Кроме того, здесь отвлечены специфические явления ее. Но с точки зрения отражения буржуазной экономики как органического целого здесь имеет место лишь хаотическое перечисление замеченных явлений посредством соответствующих им категорий, хаотическое представление о целом или созерцание. Конкретное понятие предполагает, что различные стороны предмета после их отвлечения исследуются. Но и этого условия еще недостаточно. Абстрагировав деньги, можно написать о них целый трактат, — о золоте и серебре, о курсах валюты, о законодательных актах относительно денег и т.д. Точно так же можно поступить с прибылью, кризисами и другими явлениями. Однако соединение трактатов в одну книгу или простое суммирование высказываний еще не дает конкретного понятия о целом. Важно, как изучать стороны целого и как соединять понятия о них. Конкретное понятие есть такое соединение абстрактных, при котором последние органически связаны друг с другом, предполагают друг друга. А такая их связь может иметь место лишь в том случае, если исследователь отвлекает стороны с целью раскрыть их внутреннюю связь в органическом целом, если исследователь раскрывает диалектику предмета. Например,

включение в сферу исследования купеческого капитала только при том условии дает относительно конкретное понятие о капитале, когда раскрывается его происхождение внутри буржуазной системы и его воздействие на общие законы прибыли.

Следующие еще факты говорят о том же. Кажется очевидным, что конкретное как сочетание абстрактных автоматически дает отражение предмета в его специфике. На самом же деле очевидность кажущаяся. Стоит, например, отвлечь специфическую сторону капитала — процесс его производства, как прежде всего обнаруживается ее... общий характер. И лишь в связи с обращением, т.е. в связи с другой стороной целого, анализ первой стороны будет выступать как анализ специфики целого. Предмет вообще имеет массу сторон, которые, будучи взяты изолированно, выступают как общие с другими предметами. Изучение этих сторон в их общности совершенно необходимо для понимания предмета. Так, невозможно понять производство капитала без анализа всякого процесса труда. Что превращает анализ общего в анализ специфики данного целого? Исключительно одно: раскрытие специфических связей целого. Общее здесь берется не само по себе, а в его роли в данном целом, в его специфическом проявлении.

«Сила абстракции»

Мы рассмотрели восхождение с точки зрения его задачи и результата. Теперь рассмотрим его (опять-таки в общем виде) как субъективный процесс, как субъективную связь.

Хотя абстрактное и не является абстракцией в формально-логическом смысле, оно есть своеобразная абстракция. Точнее, получение абстрактного понятия связано со своеобразной абстракцией. Восхождение же есть процесс ряда таких абстракций, определенным образом связанных между собой.

Что исследование предмета мышлением есть процесс ряда абстракций, это очевидно. В политэкономии эта необходимость усиливается особенностью предмета: «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»³. Из этого не следует, что «сила абстракции» не нужна в других науках, при исследовании других предметов. Физик, например,

³ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 4.

при исследовании строения атома должен отвлекаться от строения и влияния прибора. Принципиального различия между науками в этом отношении нет. В природе и обществе процессы нигде в изолированном виде не совершаются, а лишь в сложной естественной связи. Чтобы изучить их, надо их отвлечь посредством мышления, чтобы рассмотреть их в связи с другими, надо отвлекать самые связи. И независимо от того, насколько возможен эксперимент, нужна сила абстракции. Более того, сам научный эксперимент является осязаемым свидетельством силы абстракции. В ряде наук можно с помощью вещественных приспособлений выделить искусственно какое-либо явление из связи с другими, искусственно расчленять и соединять его. Например, в химии. В других (например, в политэкономии) это затруднено. Здесь вся эта работа должна быть проделана целиком в голове. Отсюда — особо важная роль абстрактного мышления. Поэтому в таких науках впервые встает вопрос о мысленных приемах исследования как вопросе философии. Конечно, и в этих науках возможно до некоторой степени компенсировать затрудненность эксперимента. Например, Маркс берет Англию, в то время страну классического развития капитализма, в качестве наиболее удобного материала наблюдения Энгельс — Афины, где процесс формирования государства протекал в наиболее чистом виде. Такой выбор эмпирического материала есть лишь иная форма проявления силы абстракции. Но оставим в стороне различное проявление силы абстракции в различных условиях исследования, рассмотрим самые общие ее черты.

При исследовании предмета посредством восхождения стороны предмета отвлекаются не просто для того, чтобы их зафиксировать в категориях. Эта задача предполагается, но не в ней дело. Стороны отвлекаются для того, чтобы их исследовать. Исследовать особым образом: сторона исследуется отвлеченно от другой (других) и, вместе с тем, исследуется в том освещении, какое на нее бросает другая в связи с другой. Например, процесс производства капитала исследуется как таковой, отвлеченно от движения стоимости и прибавочной стоимости, но исследуется как процесс производства стоимости и прибавочной стоимости; это обстоятельство «предполагается» — оно определяет характер исследования процесса.

Далее, отвлечение стороны предмета и ее исследование означает рассмотрение предмета в целом с этой стороны, массы его явлений, которые становится возможным объяснить благодаря этой абстракции. Образно говоря, абстракция эта открыва-

ет определенный вид на предмет. Например, отвлечение и исследование обращения позволяет включить в рассмотрение влияние времени производства и обращения на норму прибавочной стоимости.

Какие должны быть произведены абстракции, в какой связи, в какой последовательности, чтобы полнее и точнее отразить предмет, раскрыть его связи? — (таково общее назначение силы абстракции при восхождении). В связи с этим надо сделать дополнение к определению абстрактного и конкретного.

Абстрактное и конкретное различаются не только степенью полноты и точности отражения предмета. Они различаются как различные понятия, полученные при исследовании предмета с разных сторон. Причем, отражая одну сторону предмета, абстрактное является условием понимания другой; конкретное, отражая другую сторону, в качестве условия ее понимания предполагает понимание первое и само, в свою очередь, представляет более точное понимание первой. Лишь в этой зависимости абстрактное и конкретное выступают как стороны исследования, как элементы субъективной связи. Иными словами: абстрактное не есть просто частичка конкретного, а конкретное — простая сумма абстрактных; они различаются также, не только как начальный и конечный пункты исследования; они представляют полюсы определенной субъективной зависимости, связи; они отражают различные стороны предмета, но в силу этой зависимости одно относительно другого выступают как абстрактное и конкретное. Поясним на примере. Исследование прибавочной стоимости есть исследование одной стороны капитала — производства; но ни о какой прибавочной стоимости и речи быть не может вне связи с прибылью и обращением; исследование прибавочной стоимости есть исследование прибыли; в свою очередь, понятие о прибавочной стоимости есть основа для понимания прибыли, включается в понятие о прибыли (напомним, что речь идет не о категориях); исследование прибыли есть переход к новой стороне и в то же время дает более конкретное понятие о прибавочной стоимости. Зависимость понимания одной стороны от другой реализуется как переход к более полному отражению предмета.

Изобразим схематично. Пусть исследуется предмет А. Он имеет ряд сторон: В и С. Они каким-то образом уже отвлечены и зафиксированы в категориях. Задача заключается в том, чтобы исследовать эти стороны. Обнаруживается, что понимание каж-

дой зависит о другой, ибо стороны связаны. Надо при исследовании В отвлечься от С и, вместе с тем, изучить ее в связи с С. Рассмотрение В отвлеченно от С дает абстрактное понятие об А. Рассмотрение В в связи с действием С дает конкретное понятие об А. Это совершается как переход к рассмотрению С в ее особенности и в связи с В. Исследование С совпадает по результату с конкретным понятием об А.

В дальнейшем мы и рассмотрим различные типы связи абстракций, образующие в совокупности восхождение. Эти связи представляют собою формы мысли, качественно отличные от форм формальной логики. Отличные не в том смысле, что восхождение обходится без приемов формальной логики, — это было бы ошибочно, а в том смысле, что это именно качественно новые типы связей, не сводимые в своей особенности к приемам формальной логики.

Способ исследования и способ изложения

Восхождение есть способ исследования. Внешне оно фиксируется и проявляется в способе изложения. Под «способом исследования», напомним, мы понимаем субъективные приемы, посредством которых раскрывается диалектика (в данном случае) предмета; под «способом изложения» — законы, регулирующие изложение знания о предмете в устной или письменной речи; наиболее отчетливо способ изложения выражается в последовательности изложения, в последовательности категорий, соответствующих различным сторонам предмета.

Восхождение прежде всего выступает как способ изложения. Что оно есть способ исследования, способ получения нового знания, это обнаруживается анализом. Но оно есть способ изложения лишь постольку, поскольку является способом исследования.

Утверждая, что способ изложения есть проявление, показатель способа исследования, есть тот же способ исследования в «застывшем виде», мы должны сделать некоторые пояснения.

«С формальной стороны»⁴ способ изложения отличается от способа исследования. Что это значит? Вопрос прост, если точно выяснить, о чем здесь идет речь: о различии данного частного процесса исследования и данного частного изложения знания о предмете (в данном произведении) или о различии зако-

⁴ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 19.

нов, регулирующих ход исследования и ход изложения. Если же смешать законы исследования и изложения с их конкретным проявлением в том или ином процессе исследования и изложения, то вопрос заведомо неразрешим.

Исследование диалектики предмета — длительная история исследования, идет ли речь о развитии науки в ряде поколений или о работе отдельного исследователя. Как и во всякой живой истории, в истории исследования предмета законы процесса исследования прокладывают себе дорогу через массу случайностей, отклонений, перерывов, как скрытые тенденции. На ход исследования влияют самые различные обстоятельства, начиная от злобы дня и кончая личными «причудами» исследователя. Да и сама природа исследования оставляет простор случайностям, образующим внешнее разнообразие хода развития наук и видимость отсутствия общих законов. Так, никто не может запретить исследователю начать изучение развитых явлений раньше простых и исходных.

Но с чего бы тот или иной процесс исследования не начался и как бы не протекал, внутренняя необходимость его обнаруживает себя, — прежде всего, в форме обнаружения зависимости понимания одного явления от понимания другого. Как бы извилист не был путь добросовестного экономиста в изучении капитала, он рано или поздно (не этот, так другой) столкнется с необходимостью исследовать товар, чтобы понять капитал.

Такого рода зависимости, имеющие более или менее общий характер и имеющие место в том или ином ответвлении или этапе исследования, и образует собственные законы процесса исследования. Будучи осознаны и обобщены, они образуют сознательный способ, прием исследования.

Процесс исследования резюмируется в форме процесса изложения. Отличается ли чем-нибудь данный процесс изложения от процесса исследования, как он протекал в данном частном случае? Конечно. Ряд случайностей, зигзагов, отступлений и т.п., неизбежных в ходе исследования⁵, в изложении исчезает. Исследователь, например, может отложить какой-либо вопрос и взяться за другой, затем — вернуться к первому. В изложении это не фиксируется: оно в «сокращенной» форме фиксирует исследование.

Но вследствие этого изложение не превращается в способ исследования «в чистом виде». И в изложении, как протекающем во времени и в данных условиях процессе, регулирующие

⁵ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 19.

его законы проявляются в модифицированной и разнообразной форме. Так, никакими декретами нельзя регламентировать количество суждений и умозаключений, характер иллюстраций и примеров, порядок следования ряда частностей, степень детализации ряда разделов и т.д. В каждом данном изложении, если учесть, что его производит конкретно-исторический человек, имеется масса индивидуальных черт. Так что можно говорить о различии данного процесса исследования и данного изложения, как его результата. Можно ли говорить о различии способов, т.е. основных законов того и другого? Ни в коем случае. Те же самые законы, которые в истории исследования пробиваются как тенденции хода исследования, в процессе изложения выступают как (скрытые или осознанные) принципы его. Так, зависимость понимания прибавочной стоимости от исследования стоимости была нащупана в результате длительных поисков затруднений, постановки проблем, длительной теоретической борьбы. В изложении эта же зависимость обуславливает порядок мысленного изображения предмета. Эта зависимость обусловлена не свойствами мысли самой по себе, не является чисто субъективным привнесением человека. Она выступает (возникает) как закономерность мысли лишь постольку, поскольку отражается зависимость в самом предмете. Потому она не зависит ни от каких случайностей, последние влияют лишь на форму ее проявления в том или ином исследовании и изложении.

Так что можно говорить о различии **формы проявления** одних и тех же законов, одного и того же **способа** отражения в истории исследования и в «застывшем» изложении.

Различие исследования и изложения вообще очень относительно. Исследование есть всегда изложение: исследователь совершает свое понимание предмета в суждениях, определениях, умозаключениях и т.п., связывая их определенным образом; процесс изложения, в свою очередь, есть тот же процесс исследования, его продолжение, раз в ходе его вырабатывается четкость категорий, систематизируется материал, появляются новые мысли о предмете. Изложение не есть просто переписка и механическая комбинация знаний. Это единый (один и тот же) процесс исследования предмета мышлением, необходимую «сторону», условие которого образует постоянное фиксирование его в субъективных формах, т.е. изложение. Изложение есть форма проявления исследования.

С двумя ошибочными крайностями приходится сталкиваться в вопросе о соотношении способа исследования и способа изложения (в связи с диалектикой). Первая крайность рассматривает диалектику как своеобразную субъективную манеру изложения, но не как способ исследования. В марксистской литературе она подвергнута критике, потому останавливаться на ней нет необходимости. Вторая крайность, наоборот, признает диалектику в качестве способа исследования, но очень своеобразно: признает, что мышление отражает диалектику предметов, но... отрицает специфические субъективные формы, приемы, ее отражения, проявляющиеся в форме способа изложения. Эта крайность выражается либо в полном равнодушии к способу изложения, либо в противопоставлении его способу исследования: исследование идет якобы от конкретного к абстрактному, а изложение наоборот.

Это представление может получить и видимость аргументированности. В самом деле:

1) познание начинается с чувственного отражения единичных фактов тех или иных явлений, и выработка соответствующих им абстракций есть результат, а не исходный пункт;

2) познание предмета, представляющего продукт истории, исходит из готовых результатов развития и идет путем, противоположным его развитию;

3) познание начинается с отражения внешних проявлений предмета и идет к его внутренним связям.

Можно привести факты из истории науки, свидетельствующие об «обратном» ходе исследования. Например, экономисты 17 столетия⁶.

Тем не менее эти обстоятельства ничуть не влияют на то, что законом исследования является именно восхождение.

Познание начинается с чувственного отражения эмпирических фактов. Это бесспорно. Но мы говорим не о познании вообще, а уже о познании предмета посредством мышления, т.е. посредством абстракций. А в этом случае даже такой поверхностный факт говорит о движении от абстрактного к конкретному: чтобы отразить предмет с массой его сторон посредством абстракций, человек должен последовательно отвлекать его стороны и идти ко все более полному отражению предмета посредством абстракций. Конкретное понятие, как сочетание ряда абстракций, есть не исходный пункт, а результат.

⁶ Маркс К. К критике.... С. 213.

Ошибка в понимании восхождения в данном пункте основывается на смешении конкретного предмета (он действительно исходный пункт, предпосылка и постоянно находящийся перед исследователем предмет) и конкретного понятия о предмете; во-вторых, это очень важно, основывается на смешении чувственного и конкретного.

Конкретный предмет не есть нечто просто чувственно воспринимаемое. Чувственно воспринимаются единичные предметы, да и то в пределах возможностей органов чувств, в пределах, за которыми вступает в силу абстрактное мышление: воспринять, например, такой единичный предмет, как французский капитализм, невозможно. Конкретный предмет есть единство многообразного. Отражение его предполагает, что различные стороны его чувственно наблюдались в единичных проявлениях. Но отражение его как целого возможно одним единственным путем — путем сочетания ряда абстракций, фиксирующих его различные стороны и результат их исследования.

Относительно приведенных выше второго и третьего аргумента надо сказать следующее. Речь у нас идет даже не об абстрактном мышлении вообще, а о мышлении, отражающем диалектику предмета, — о диалектическом мышлении. Ошибка в понимании восхождения как средства изложения, противоположного по направлению ходу исследования, заключается здесь в том, что восхождение представляют как однообразный процесс нанизывания абстракций одной за другой («товар» + «деньги» + «прибавочная стоимость»). На самом же деле восхождение — противоречивый и многосторонний процесс. В процессе восхождения (как в исследовании, так и в изложении) исследователь должен не только восходить от одностороннего к многостороннему, от простого к развитому, от скрытого к проявляющемуся, но, чтобы восходить, должен постоянно углубляться от являющегося к скрытому, от развитого идти к простому, и т.д. Достаточно открыть «Капитал», как мы увидим: он начинается с движения от менового отношения к скрытому в нем отношению в процессе труда. Но процесс в целом есть восхождение: этот термин наиболее точно выражает специфическую задачу диалектики — изучение предмета в его многообразии путем раскрытия его возникновения, возникновения его различных явлений, внутренних законов и их внешних проявлений, развития и т.д. Восхождение, выражая господствующую тенденцию диалектического мышления, характеризует последнее в его субъективной форме **специфически**.

Таковы основные соображения, позволяющие брать изложение Марксом своего понимания капитала в «Капитале» в качестве материала для изучения способа его исследования и позволяющее говорить о восхождении как о способе исследования.

§ 3. Иллюстрации из истории науки

Рассмотрим некоторые факты из истории науки (политэкономии и философии) до Маркса. Это послужит дополнением к общей характеристике проблемы восхождения. Кроме того, это послужит цели критики ошибочных взглядов, препятствующих пониманию и применению восхождения.

На путь восхождения до Маркса отчетливо встала «классическая политэкономия». Известно, что она запуталась в неразрешимых противоречиях и восхождение не осуществила. Известно также, что виной этому метафизика. Как сказало действие этого препятствия на самом механизме исследования?

Попытку применить восхождение к целому ряду наук сделал Гегель. И не только применить, но и исследовать самое восхождение. Ни того, ни другого он не осуществил правильно. Причина этого — его идеализм. Как сказало действие этого препятствия на самом механизме исследования?

Разбор этих вопросов хотя бы на нескольких примерах имеет значение сугубо актуальное.

Неудовлетворительность метода Рикардо

Сторонники той концепции, о которой мы говорили во введении, полагают, что диалектик и метафизик оперируют одинаковыми приемами мышления. Если бы этим хотели сказать, что диалектик, как и метафизик, пользуется приемами формальной логики, то спорить было бы бессмысленно. Но они имеют в виду большее: отрицают тот факт, что раскрытие диалектики всякого предмета необходимым образом связано с рождением приемов, которых нет и быть не может у метафизика, раз он отрицает и, значит, не раскрывает диалектики предмета.

Проиллюстрируем на примере Рикардо, что если метафизический взгляд на мир исключает приемы диалектики, то отрицание последних и абсолютизация приемов формальной логики имеет необходимым следствием метафизику в фактическом исследовании предмета. Это две стороны одной медали.

Научное исследование органического целого начинается с исследования его внутреннего строения. Рикардо фактически приступил к решению этой задачи⁷. Рассмотрим в связи с этим три момента: способ понимания чувственно отражаемых явлений, как таковых, объяснение их зависимости и способ перехода от одних явлений к другим.

Первый вопрос рассмотрим на примере понятия о стоимости. Впервые стоимость была зафиксирована в мышлении на основе наблюдения проявления ее в чувственно осязаемой форме меновых отношений, — как способность полезностей обмениваться. При этом безразлично, считает абстрагирующая голова данное явление вечным или исторически возникшим, лишь бы единичные факты данного явления (факты обмена) были налицо и появилась потребность зафиксировать их в категории. Но это безразличие преходяще.

Что из себя представляет меновая стоимость как свойство товара, рассматриваемая отвлеченно от обмена? Единственно, что можно пока сказать, следующее: это — способность, «сила приобретать другие блага»⁸. Хотя здесь меновая стоимость и рассматривается как заключенное в самом товаре свойство (это — прогресс сравнительно с меркантилистами), вопрос о том, что из себя это свойство представляет или в чем источник этой «силы», остается открытым.

Оставим историческую форму вставшей проблемы (поиски меры или правила, регулирующего пропорции обмена) и возьмем готовый результат у Рикардо: источником «силы приобретать другие блага» является труд, затрата труда. То есть Рикардо в меновой стоимости обнаружил стоимость («абсолютную стоимость в отличие от «относительной»). Как теперь в мысли выступает особое явление — товар? Затрата труда есть свойство продуктов труда всех эпох, а не особенное свойство товара. Хотя исследовалось особое явление, отличие которого заметно наглядно, служило исходным пунктом, однако в мышлении о нем особенность его исчезла и осталось общее. Именно в этом, а не в словах о «вечности» и «неизменности» (их-то меньше всего в произведениях Рикардо) проявляется метафизика Рикардо.

⁷ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. I. С. 52

⁸ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Рикардо Д. Соч. Т. I. М., 1955. С. 1.

Такой результат есть следствие того, что исследуя особое явление, Рикардо не исследовал особенностей образующего его источника, — не исследовал того, почему труд становится источником стоимости, особенностей создающего стоимость труда. В конечном итоге — неисторический подход к товару. Уже здесь можно заметить, что исторический подход означает особую зависимость в самом процессе понимания: надо рассмотреть труд, поскольку он создает стоимость, т.е. в зависимости от обмена. Отрицание ее равно отрицанию диалектики, и никакие разговоры о том, что исследуемое явление возникло исторически, дела не меняют.

Еще более это заметно в следующей проблеме: в стоимости воплощается труд вообще. Как понимать это воплощение? Формальная логика твердо знает: нет общего вне отдельного, «труд вообще» есть абстракция от эмпирических видов труда. Так что же абстракция труда создает стоимость? Но ясно, что не абстракция, а сам труд воплощается в стоимости. Как? В теле товара не обнаружишь ничего, что соответствовало бы категории «стоимость»; полезный труд производит в предмете видимые изменения, но труд вообще не образует никакого осязаемого свойства товарного тела⁹. И вместе с тем, стоимость — реальное, внутреннее присущее товару свойство. Вот проблема, на которую можно обрушить весь арсенал приемов формальной логики, — сравнивать, отвлекать сходное, строить силлогизмы, «таблицы инстанций» и т.п. и до второго пришествия оставаться с проблемой.

Проблему стоимости, как она встала до Маркса, можно еще сформулировать так: стоимость не существует вне обмена, не обмениваемый продукт не есть товар и стоимости не имеет, с другой стороны, стоимость, как кристаллизация затраты труда или труда вообще, существует в товаре до обмена, в обмене товар лишь реализует свою стоимость. Подобные антиномии — обычное явление в науке. Они свидетельствуют о развитии науки, а не о нарушении законов формальной логики. Применение же закона исключенного третьего в данном случае будет означать путаницу и устранение от проблемы.

Способ объяснения связей (причинных зависимостей явлений) рассмотрим на примере объяснения причины падения нормы прибыли. Чтобы зафиксировать в мысли связь различных явлений, необходимо зафиксировать в категориях сами эти явления и выработать категории, соответствующие данному типу

⁹ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. I. С. 110.

связи. Например, чтобы высказать суждение: «с понижением процента стоимость земли возрастает», требуется знать о проценте, стоимости земли и об обратной зависимости величин. Формальная логика дает приемы выявления таких связей — «индуктивные методы».

«Индуктивные методы» по своему существу предполагают, что явления, причинную связь которых надо установить, известны независимо от этой задачи; цель умозаключения состоит в том, чтобы выявить, что именно такое-то есть причина другого (изменение или появление одного — причина изменения или появления другого). Способ же решения задачи заключается в сравнении различных случаев и в отвлечении от массы обстоятельств в сложном сцеплении связей.

Когда какое-либо явление обусловлено в своем возникновении или изменении массой обстоятельств, связанных между собой так, что ни одно по отдельности не есть причина появления или такого-то изменения его, индуктивные методы неприменимы. В чем, например, причина изменения нормы прибыли? Сравнить различные капиталы, значит отвлечься от самого факта изменения нормы прибыли и, следовательно, причины его, ибо причина изменения действует через совокупностную связь массы отдельных капиталов. Здесь можно иногда и приблизительно выявить, почему у данного капиталиста в такой-то момент понизилась норма прибыли или повысилась, но ни в коем случае — если это изменение является всеобщим.

Экономисты, при всем их почтении к «индуктивным методам», вынуждены были обратиться к умозаключениям, дающим необходимый вывод. Вот как Рикардо доказывает причину падения нормы прибыли. Чисто эмпирически был замечен факт связи падения нормы прибыли с ростом ренты. Рикардо стремится доказать, что здесь имеет место причинная зависимость. Мы не будем указывать здесь ошибок Рикардо в понимании прибыли и ренты, не будем указывать симпатий, которые побудили Рикардо одно объявить причиной другого. Важен сам характер рассуждения.

Часть рабочего дня рабочий, с точки зрения Рикардо, воспроизводит зарплату, другую — создает прибыль, за вычетом того, что Маркс называет постоянным капиталом. Утверждение бесспорное.

Если отвлечься от ряда обстоятельств, принять их постоянными, например, данным принять капитал и рабочий день, то падение нормы прибыли есть следствие увеличения части рабо-

чего дня, идущего на зарплату. Без отвлечения от всех прочих обстоятельств умозаключение невозможно. Но раз отвлечение произведено, умозаключение безупречно, соответствует всем правилам логики.

Зарплата определяется стоимостью средств существования, даваемых главным образом (или в конечном итоге) сельским хозяйством. Повышение ее есть результат повышения стоимости последних; а повышение стоимости сельскохозяйственных товаров есть результат падения производительности земледелия; так как с точки зрения Рикардо рента возникает вследствие различия производительности участков земли, конечной причиной оказывается рост ренты. Умозаключение на каждом этапе при условии отвлечения от соответствующих обстоятельств или при условии предположения их постоянными, правильны. Вывод однако ложный. В чем дело?

1. Само это рассуждение возможно лишь постольку, поскольку факт связи падения нормы прибыли с ростом ренты замечен без него. Все рассуждение строится с целью обосновать его, определяется наперед заданной задачей, а не объективной связью явлений.

2. Отсюда — искусственно произведенные абстракции. Рассуждающий закрывает глаза на обстоятельства, исключающие возможность строить рассуждение. Так, стоит принять во внимание изменение рабочего дня, как все рассуждение становится невозможным. Тем более, стоит принять во внимание изменение органического строения капитала, как выступает изменение нормы прибыли, совершенно независимое от изменения ренты.

Рассуждение логично лишь постольку, поскольку на каждом этапе абстрагируется односторонняя зависимость. Оно справедливо в целом только в таком смысле: при всех прочих постоянных обстоятельствах изменение одного явления ведет к изменению другого, и больше ничего.

Но объясняет ли это всеобщий факт понижения нормы прибыли? С таким же успехом можно «обосновать» любую эмпирически замеченную связь. Так, Смит объявляет причиной падения нормы прибыли конкуренцию и накопление. В самом деле: конкуренция заставляет капиталистов снижать цены, что при всех прочих постоянных условиях ведет к снижению прибыли; при росте капитала, хотя абсолютная прибыль растет, норма ее снижается.

Надо помнить постоянно, что речь идет об изображении связи посредством мышления. А здесь постоянно приходится отвлекаться от различных обстоятельств. Как выяснить, от чего можно отвлечься и от чего нельзя, в какой последовательности производить отвлечения, чтобы обеспечить возможность безошибочных необходимых выводов? Имеются ли здесь общие правила или нет? Ответить отрицательно, значит оставить богатейшее поле деятельности для субъективного произвола и схоластики. Кто может запретить какой-либо голове предположить все обстоятельства постоянными или «несущественными» и «объяснить» падение нормы прибыли сокращением рабочего дня? Здесь вполне можно построить правильные умозаключения при условии соответствующих абстракций. Можно возразить: умозаключения в целом ошибочны, ибо условия, предположенные постоянными, изменяются. Однако, Маркс рассматривает влияние изменения органического строения капитала на норму прибыли и предполагает все прочие условия постоянными. Что же, вывод ложен, ибо эти условия изменчивы? Вздор, вывод Маркса математически точен¹⁰. Точность вывода зависит от того, какие связи отвлечены, в какой последовательности, с какой целью в общем исследовании. Либо общих правил в том отношении нет, и тогда разговоры о развитии, противоречиях и т.п. остаются пустой фразой. Либо они есть и должны быть изучены.

Наиболее четко неудовлетворительность метода Рикардо обнаруживается в способе перехода от одних категорий к другим. Рикардо «исходит из определения величины стоимостей товаров рабочим временем и затем исследует, не противоречат ли остальные экономические отношения, категории этому определению стоимости, или насколько они эти последние модифицируют»¹¹. Этот метод имеет «историческое оправдание»¹² у Рикардо: он стремится доказать, что закон стоимости действует в буржуазном обществе, несмотря на кажущиеся ему противоречия. Но он «отличается научной недостаточностью, которая проявляется не только в способе изложенном (формально), но и приводит к ошибочным результатам, потому что этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение экономических категорий между собою»¹³. Доказывая соответствие эмпи-

¹⁰ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. I. С. 7.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 8.

¹³ Там же. С. 7.

рических фактов закону, Рикардо осуществляет ряд абстракций, представляющих зародыш восхождения. Но он тут же убивает его самым переходом, игнорируя произведенные абстракции.

Проиллюстрируем это на следующем примере. Рикардо исходит из определения стоимости товаров необходимым на его изготовление рабочим временем. Закон отвлечен от цен буржуазного общества и должен действовать для них с силлогической силой, как общее по отношению к отдельному. Во всяком случае, цены должны колебаться вокруг стоимости. Цена понимается лишь как выраженная в деньгах стоимость. Рикардо должен сказанное доказать. Вместе с тем, вывод — исходная цель рассуждений его. Он заранее знает, что отвлеченное от отдельных общее силлогистически должно быть обнаружено в отдельном. В действительности, однако, дело обстоит как раз наоборот. Наблюдение показало, что равные капиталы дают в среднем равную прибыль. Рикардо этот факт принимает. Далее, он обратил внимание на различие в строении капиталов: правда, в процессе обращения, но и это обстоятельство играет ту же роль, что и различие строения в производстве¹⁴. А при одинаковой норме прибыли и различном строении капиталов цена товара будет равна затрате капитала плюс средняя прибыль. То есть товары будут продаваться не по стоимости, а по «цене производства», отличной от стоимости. Рикардо фактически констатировал ее существование («естественная цена»).

Наконец Рикардо заметил факт отклонения продажных цен от «естественной цены» («рыночная цена»).

Вместо того, чтобы посмотреть, насколько существование средней прибыли (и цен производства) мирится с законом стоимости, Рикардо хочет доказать совпадение цен товаров со стоимостью, сводит первые ко второй.

Каким путем он этого достигает?

1. Путем произвольной абстракции. Он рассматривает, как влияет изменение зарплаты при различии в строении капиталов на цены, и приходит к выводу, что имеющие здесь место колебания цен не противоречат закону стоимости. Абстракция допустимая, но она нисколько не объясняет образование цены производства, независимое от изменений зарплаты.

2. Путем исследования второстепенного вопроса и смешения его с главным. Конкуренция, заставляя капиталы «переливаться» из одной сферы в другую, создает среднюю прибыль и

¹⁴ См.: «Капитал». Т. III. Влияние оборота капитала на норму прибыли.

цены производства, а действием на капиталы одной и той же сферы производства, ведет к образованию различной цены, отклоняющейся от цены производства.

Рикардо исследует только второе действие конкуренции, не объясняющее цен производства. Но рассматривает «удивительным образом»¹⁵ как сведение рыночной цены к «естественной». Стоимость отождествляется с ценой производства, рыночные цены — как колебания самой стоимости, выраженной в деньгах.

3. Путем... опровержения самого закона. Рикардо вынужден допустить, «что самые стоимости подпадают влияниям, независимым от рабочего времени, и иногда закон их нарушается»¹⁶. Стараясь доказать непосредственное совпадение закона с эмпирической действительностью, Рикардо не в состоянии понять факты кажущегося его нарушения.

Понимание закона есть один из важнейших критериев оценки способа мышления. Что может сказать формальная логика по этому поводу? Закон есть общее, и какие бы приставки дальше не следовали («существенное» и т.п.), формальная логика берет закон в качестве большой посылки силлогизма, подводя под него частные случаи. Эти представления в науках пришли в конфликт с фактами кажущегося противоречия законов и эмпирии. Два пути возможны, чтобы выйти из затруднения. Первый путь — «путем болтовни, путем схоластических нелепых определений и различий», путем произвольных абстракций «непосредственно согласовать противоречащие явления с общим законом»¹⁷ или путем отрицания самого закона. Заметив, что в буржуазном обществе в обмене между капиталистом и наемным рабочим большее количество труда обменивается на меньшее, Смит отнес действие закона стоимости к «доадамовым» временам и отверг его в отношении капитала. Рикардо, как мы показали, не замечает проблемы и устраняется от нее путем произвольных абстракций. Мальтус отвергает закон стоимости вообще. Последователи Рикардо пытались спасти положение: одни на пути возвращения к Смигу (Торренсу), другие — по пути «развития» схоластической стороны учения Рикардо, на пути «прямого подчинения и непосредственного приспособления конк-

¹⁵ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. 1. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ Там же. Т. 3. С. 19.

ретного к абстрактному»¹⁸. Этот способ гораздо больше разрушил теорию Рикардо, чем все нападки врагов¹⁹. Второй путь — путь прослеживания того, как закон проявляется в той или иной связи и в связи с возникновением новых условий. Это прослеживание — процесс мышления. И все вопросы, которые мы выше поставили, имеют силу и здесь.

Неудовлетворительность метода Рикардо проявляется не только в том, что он ведет к ошибочным результатам, но и формально — в способе изложения знания о предмете²⁰.

Вопрос о способе изложения, как о существенном элементе способа мышления, возникает в связи с тем, что знание о предмете накапливается и его требуется изложить в связной форме. Первый взгляд на научные произведения, представляющие систематическое изложение знания о предмете, обнаруживает колоссальное разнообразие их. Создается впечатление, что изложение — дело вкуса или субъективного произвола, излагающего. Но уже при дидактических соображениях излагающий должен принять во внимание процесс усвоения знаний аудиторией, т.е. процесс понимания. Каждая наука с первых же моментов своего существования сталкивается при изложении с фактами изложения, независимыми от субъективного произвола (например, излагая учение о силлогизме, Аристотель должен был изложить сначала учение о суждении). Всякое научное изложение в конечном итоге представляет проявление способа исследования. На примере Рикардо это заметно отчетливо.

Неудовлетворительность метода Рикардо проявляется в неправильной «архитектонике его произведения»²¹. Что это за неправильность? Рикардо знал о принципах правильности формальной логики. У него имеют место ошибки в этом отношении, вынужденные теми же самыми причинами, которые привели к неправильности особого рода. Формальная логика ничего не говорит и не может сказать, почему одно явление целого должно быть рассмотрено после другого, а здесь приходится с этим считаться и говорить о правильном и неправильном расположении знания о предмете. Например, почему промышленный капитал надо излагать раньше ренты? Последняя не есть единичный или особый случай первой, не есть следствие первой. Однако основания для такого порядка изложения есть.

¹⁸ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. III. С. 40.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Там же. Т. 5, ч. 1. С. 9.

²¹ Там же.

Неправильность второго рода не есть следствие нарушения принципов формальной логики. Скорее наоборот: абсолютизация формально-логической правильности и следование ей там, где не следует, способствует неправильности второго рода. Ряд экономистов до Маркса (да и после) всеми силами стремились довести формально-логическую правильность (последовательность) «до конца». И чем больше им это удавалось, тем больше наука превращалась в нечто удивительно жалкое и плоское. Одним из первых попытался дать систематическое изложение политэкономии Джемс Милль. «К чему он стремится — это формально-логическая последовательность. С него поэтому начинается разложение рикардианской школы»²².

Принципы формальной логики либо ничего не говорят о последовательности изложения многостороннего знания о предмете, либо ведут к ошибкам в силу их абсолютизации, это очевидно. Но поскольку об этом зашла речь, скажем еще несколько слов.

1. Не следует подменять понятий. Известно, трижды известно. Но рад бы в рай, да грехи не пускают. Рикардо смешивает... трудно даже сказать, что. Термины различные даже («стоимость» и «естественная цена»), рассудочные определения (дефиниции) различны («стоимость» — определяемая рабочим временем меновая стоимость; «естественная цена» — по смыслу приближение к понятию цены производства), но стоимость и цену производства Рикардо не различает. Избежать их смешения можно лишь в том случае, если удастся объяснить возникновение цены производства и развить понятие о последней в отличие от первой. А это — процесс целого ряда абстракций (отвлечение стоимости в отличие от меновой, объяснение формы цены, переход к капиталу, абстрагирование прибавочной стоимости и т.п.). Если же, как у Рикардо, стоимость силлогистически переносится на товар, как продукт капитала (поскольку стоимость абстрагирована в нем), то стоимость и цена производства сливаются, и единственное отличие выступает — отличие цены вообще от стоимости вообще, что абсолютно не влияет на указанное смешение.

Надо, между прочим, сказать, что в данном случае понятие-то одно или понятие об одном и том же явлении — о стоимости. Потому здесь и о различении категорий надо говорить в ином смысле, чем в формальной логике. Здесь различные категории фиксируют одно и то же явление, но в его проявлении в связях

²² Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. III. С. 61.

и в развитии: «цена» фиксирует ту же стоимость как она проявляется в отношении товаров в самых различных влияниях, «цена производства» — ту же стоимость как она проявляется в связях, явившихся продуктом развития товарных отношений. Формальная логика ни звука не говорит о последовательности рассмотрения этих связей и стоимости в них.

2. Не следует противоречить себе в процессе рассуждения. Будучи оторвано от условий, где это положение справедливо и применено где не следует, это положение ведет к ошибкам, не говоря уже о том, что оно не дает ничего позитивного для той цели, о какой идет речь. Товары продаются по стоимости и нет, прибавочная стоимость возникает в обращении и не в нем. Подобные антиномии постоянно возникают в исследовании. Это типичное явление в науках. Типичными должны быть и условия их возникновения. Отказаться от них в угоду концепции единственности формальной логики? Науки выработали способ их разрешения — расчленение предмета диалектическим методом. Как разрешались подобные антиномии в истории наук, это и необходимо изучить.

Надо сказать, что в ряде случаев формально-логическая непоследовательность исследователя свидетельствует о более глубоких соображениях. Так непоследовательность Смита в определении закона стоимости навеяна тем, что Смит видел модификацию формы проявления закона в связи с возникновением капитала, тогда как более последовательный Рикардо этого не заметил.

3. Но вернемся к построению произведения Рикардо²³.

Произведение Рикардо состоит из 32-х глав. Из них: одиннадцать говорят о налогах, т.е. являются приложением теоретических принципов; двадцатая говорит о меновой и потребительской стоимости, т.е. является приложением к первой; двадцать четвертая, двадцать восьмая и тридцать вторая являются дополнением ко второй и третьей и т.д. Вся теория Рикардо содержится в первых шести главах. Остальные — дополнение к ним. По содержанию они перепутаны и не представляют никаких претензий на архитеконику. Маркс говорит о неправильной архитектонике первых шести глав. Последнее, повторяем, не случайно, а выражает неудовлетворительность способа исследования.

Что из себя представляют первые шесть глав? С одержание третьей («О ренте о рудников») представляет дополнение ко второй («О земельной ренте»); содержание четвертой («О естествен-

²³ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. I. С. 9—11.

ной и рыночной цене»), пятой («О заработной плате») и шестой («О прибыли») уже вполне развито в первой («О ценности») и второй («О земельной ренте»): например, учение о прибыли дано в приложении к третьему отделу первой главы. Вся теория Рикардо содержится в первой и второй главах. «Дальнейший ход труда не является больше его развитием»²⁴.

Цель Рикардо — исследовать, не противоречат ли различные экономические явления закону стоимости. В соответствии с этим каждая глава и раздел начинается соответствующим вопросом.

В чем порок архитектоники произведения Рикардо, т.е. его способа изложения?

1. В первой главе, где речь идет о стоимости, и ни о чем другом не должна была бы идти, раз рассматривается стоимость как таковая²⁵, Рикардо уже говорит о зарплате, капитале, прибыли и даже о машинах.

«В том-то и состоит ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости предполагает данными всевозможные категории, которые еще должны быть выведены»²⁶.

Эта формальная неправильность есть лишь иное выражение метода: раз задача не в объяснении происхождения экономических явлений, а в выяснении, не противоречат ли они общему закону, они с самого начала предполагаются данными и порядок их рассмотрения не имеет значения.

Эта формальная неправильность не есть просто дело удобства изложения. Рикардо не может при рассмотрении стоимости отвлечься от прибыли; Смит не способен рассмотреть стоимость независимо от модификаций в связи с возникновением капитала; в результате — путаница. Они не смогли изложить правильно, ибо не смогли исследовать таким образом, — исследовать стоимость отвлеченно от капитала и прибыли и затем исследовать возникновение капитала и модификации закона стоимости в связи с этим. И дело не в том, что Смит и Рикардо отрицали вообще изменения, возникновение, развитие. Подобные слова у них встречаются часто. Они не смогли **понять** предмет с точки зрения развития, изменений, ибо не смогли проделать необходимых процессов исследования. И наоборот.

2. Различные явления привлекаются в рассмотрение хаотически. Так, во второй и третьей главах Рикардо говорит о ренте, в четвертой — о цене производства и рыночной цене, в шестой —

²⁴ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. I. С. 11.

²⁵ Там же. С. 10.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». С. 161.

о прибыли. По отношению к буржуазной экономике как целому такой порядок привлечения соответствующих ее явлениям категорий представляет простое беспорядочное их привлечение.

3. Хотя Рикардо идет ко все более полной картине целого, определяющим в ходе его изложения является не объяснение многообразного, а сведение его к общему. Более конкретный образ предмета получается лишь постольку, поскольку стороны его привлекаются и получают определение. Но в итоге все различия тонут в общем законе.

Было бы несправедливо по отношению к такому выдающемуся ученому, как Рикардо, видеть в его работе одни недостатки. Рикардо в меновой стоимости — стоимости, наиболее отчетливо до Маркса сформулировал закон стоимости, сделал попытку рассмотреть развитые отношения буржуазной экономики исходя из отношения и закона стоимости. В этом — зародыш восхождения у Рикардо (не только с точки зрения общей задачи воспроизведения многостороннего предмета, но и с точки зрения средств ее решения). Но зародыш этот был буквально раздавлен его метафизическим мировоззрением.

Признание диалектики в предмете устраняет препятствие к научному пониманию предмета, но не устраняет проблем такого порядка, о которых мы частично говорили выше, не устраняет необходимости **процесса** исследования. Ограничение науки инструментами формальной логики обрекает ее на полную беспомощность, если даже черты диалектики выучены на зубок и исследователи горят искренним желанием «подходить» к предмету диалектически.

Ошибка Гегеля в трактовке восхождения

Восхождение как закономерность познания в науке о мышлении первым заметил и исследовал Гегель. Он же первый сделал попытку сознательно применить этот метод в исследовании, например, права и мышления. Но Гегель не смог правильно понять и применить восхождение. Причина этого — его идеализм.

Обратив внимание на тот факт, что конкретное понятие о предмете есть продукт мышления, Гегель впал в иллюзию, будто восхождение есть процесс образования самого предмета, будто сам предмет есть продукт самодвижения мысли.

В действительности в ходе восхождения создается не сам предмет, а лишь конкретное понятие о нем. Предмет существует независимо от познающей его головы. Восхождение есть процесс его **отражения**.

Не следует при этом упускать из виду то, что восхождение есть лишь **способ** отражения предмета²⁷.

Если оставить в стороне ту крайнюю мистификацию, будто в результате восхождения возникает сам предмет, в концепции Гегеля остается еще следующее: отрицая независимое от мышления существование предметов, идеализм с необходимостью означает отождествление свойств предмета (того, **что** в предмете отражает человек) и специфических свойств процесса отражения (того, **как** осуществляется процесс отражения). В этом — основная ошибка Гегеля в трактовке форм мышления вообще, восхождения — в частности. Дело несколько не изменяется от того, что мы «перевернем» Гегеля не по-марксовски, а таким образом: представим процессы мышления, как отражение предметов, но оставим идеалистический тезис о тождестве «бытия» и процессов мышления. Или, выражая эту концепцию современным языком, — если мы изобразим свойства самого хода отражения как отражение свойств предметов.

У Гегеля отождествление движения мысли с предметом имеет двоякий смысл.

1. Гегель обнаружил диалектику в некоторых простейших процессах мышления, — например, в суждении, силлогизме. Но он не смог сделать ее обобщения до конца и зачастую именно конкретную диалектику некоторых процессов движения мысли навязывает вещам, как всеобщую, не отвлекаясь от частной формы действия диалектических законов в процессе мышления. И это вполне последовательно с точки зрения тождества «бытия» и процесса мышления. Отсюда всякий процесс движения мысли, раз понята его диалектика, выступает как отражение предмета (или диалектика предмета выступает, как проявление диалектики мысли). Отсюда всякое мышление выступает как восхождение.

2. Там, где Гегель говорит о действительном восхождении, оно выступает тождественным (по последовательности) процессу формирования предмета. В результате вместо исследования приемов диалектического мышления Гегель главной задачей делает определение основных категорий диалектики («сущность», «явление», «бытие» и т.п.) и исследование диалектики простейших форм мышления (суждений и умозаключений) в той мере, в какой эти формы были выявлены до него.

²⁷ Маркс К. К критике... С. 214.

Рассмотрим, к чему ведет первое отождествление. В качестве примера возьмем объяснение Гегелем стоимости и денег²⁸. Гегель начинает с «единичных потребляемых вещей». Последние определены качественно и количественно и удовлетворяют какую-либо потребность человека (единичное). Специфическая полезность вещи качественно сравнима с другими вещами того же рода полезности (особенное). Полезности данного рода могут быть сравнимы с полезностями другого рода, — вещь выступает как полезность вообще. Эта всеобщность вещи и есть ее «ценность». Дело сделано: возникновение стоимости «объяснено» с удивительной легкостью. И этот ход мысли, согласно принципу тождества бытия и процесса мышления, есть процесс возникновения стоимости. Что изменится от того, если мы скажем, что здесь отражен процесс возникновения стоимости?

Что мы на самом деле имеем у Гегеля? Описание одной стороны процесса образования абстракции «полезность», которую Гегель называет «ценностью» или «стоимостью». И ничего больше. Отвлечение от количественных различий имеет место при образовании абстракции данного рода потребности и полезности. Отвлечение от качественных различий имеет место при образовании абстракции потребности и полезности вообще. Но это ни в коем случае не есть отражение процесса образования не только стоимости, но даже и полезности. Достаточно сравнить это рассуждение Гегеля с тем, как Маркс раскрыл историческое движение, приведшее к превращению продукта труда в товары, как станет осязаемой разница между процессом абстрагирования наглядного факта и раскрытием процесса возникновения этого факта.

Гегель называет свою абстракцию «ценностью» в смысле стоимости. Легко заметить, что на деле здесь абстрагирована полезность, потребительская стоимость. Но так как Гегель не знает иных путей объяснения возникновения стоимости, кроме объяснения возникновения абстракции, он дает видимость объяснения. Стоимость — реальный факт. Хотя и в поверхностной форме меновой стоимости и денег, она уже отражена в головах людей и зафиксирована в абстракции задолго до Гегеля. И лишь постольку Гегель может ее «вывести». А «выводит» он ее так: дает одностороннее описание образования абстракции «полезность» и

²⁸ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 87–88.

это абстрактно-общее от единичных и особых полезностей, т.е. полезность вообще, объясняет стоимостью. Абстракция, а не реальные исторические отношения людей, образует стоимость!

Еще проще обстоит с деньгами. Специфическую сторону «ценности» (единичное и особое) образует та или иная полезность вещи, а абстрактная сторона («полезность вообще») есть деньги. Выделив в вещах общее («ценность»), Гегель превращает абстракцию в нечто самостоятельное и тут же смешивает ее с эмпирической действительностью, принимая последнюю за воплощение абстракции. «Ценность» есть деньги. Деньги, как тело (золото) — телесное воплощение идеи «ценности».

Характерно, что стоимость у Гегеля понимается, с одной стороны, просто как абстрактно-общее от эмпирических полезных вещей, а с другой — грубо эмпирически, как деньги. При всем презрении к эмпиризму, гегельянство с необходимостью приходит к нему, поскольку исследуется не диалектика предмета, а лишь движение мысли об эмпирических явлениях.

Если сравнить ход мысли у Маркса от единичной формы стоимости к цене с аналогичным ходом у Гегеля, то станет совершенно очевидно, что кроме терминов «единичное», «особое», «всеобщее», «воплощение» и т.д. здесь нет ничего общего. Именно ничего. У Маркса прослеживается развитие товарных отношений до возникновения денег. У Гегеля процесс образования абстракции «ценность» выдается за возникновение самой «ценности», а возникновение денег изображается как воплощение абстракции в эмпирическом.

Конечно, в этих различных процессах можно выявить сходное:

1. Процесс образования абстракций и процесс возникновения денег имеют общие черты, — и те и другие являются продуктом противоречий, взаимодействия, развития, качественно-го «скачка». Но это различные процессы. Образовав абстракцию «деньги», человек еще ничуть не раскрыл возникновения денег.

2. Процессы мышления, имеющие место при раскрытии происхождения денег и при образовании абстракции «деньги», имеют общее, — и тот и другой являются процессом, подчиняющимся законам диалектики. Но и это различные процессы: в одном отражается происхождение явления, в другом — в эмпирических фактах отвлекается общее.

Смешение специфической диалектики некоторых процессов мышления с диалектикой предметов, отражаемых в мысли, изображение первой в качестве второй не является только ис-

торическим заблуждением. Подобные взгляды имеют место в философской среде и в наше время, причем выдаются за самые что ни на есть марксистские. В особенности это относится к так называемой диалектике общего и отдельного в вещах.

Гегель обнаружил, что отражение вещей мыслью противоречиво; например, единичное отражается как общее. отождествляя процесс мышления с предметом, Гегель это специфическое противоречие мысли представил как противоречие самих предметов. Это представление, правда в «перевернутом» виде (в вещах имеется противоречие общего и единичного, оно отражается в мысли), живет и здравствует по сей день.

Материалистическое понимание общего и единичного, в двух словах, заключается в следующем: общее — «частичка», «сторона» или «сущность» единичного²⁹; единичное — многосторонний акт этот предмет. И в самом единичном нет никакого противоречия между им самим, включающим данную сторону (данное общее), и его же собственной стороной (данным общим). По самому смыслу понятия «противоречие»: наличие в предмете в одно и то же время и в одном отношении взаимоисключающих и взаимно предполагающих сторон, противоречие возникает между различными сторонами единичного. Например, противоречие всякого товара образуют потребительная стоимость и стоимость, но на тот факт, что товар есть этот, единичный товар и товар вообще. Лишь в процессе отражения единичных предметов посредством абстракций единичное отражается как общее, и эти стороны мысленного образа предмета образуют противоречие; последнее есть действительное движущее противоречие, — оно проявляется в особом движении мысли: «единичное есть общее» (например, «это — товар»).

К таким последствиям ведет смешение диалектики простейших процессов мышления с диалектикой предметов, о которых совершается мышление.

1. Действительная диалектика исследуемого предмета не исследуется или затушевывается. Перефразируя известные слова Маркса³⁰, можно сказать, что логика получает предметность, но исчезает логика предметов. Всякий предмет фактически берется лишь для иллюстрации трижды известных логических приемов.

²⁹ Ленин В.И. Философские тетради. С. 328.

³⁰ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 569.

2. Конкретная диалектика процессов мышления, будучи абсолютизирована, утрачивает свою конкретность и превращается в искусственную схему. Так, категория «общее», «особое» и «единичное» превращаются в крайне расплывчатые термины, под которые при желании можно подвести под схему. Действительные предметы «становятся простыми названиями идеи, и мы в результате имеем только видимость познания»³¹. Предметы остаются непонятными в их специфике. «Но объяснение, в котором не указано... не есть объяснение». Эта точка зрения соблазнительна тем, что быть «диалектиком» оказывается удивительно легким делом. Раскрыть диалектику атома? Извольте: всякий атом есть этот атом и атом вообще. При этом никакого смущения не вызывает то, что это «противоречие» ничего в предметах не движет, что знание его ни на йоту не продвигает исследование вперед. Удовлетворяет ли только такая «диалектика» ученых, желающих раскрыть диалектику исследуемых ими предметов?

4. Где же у Гегеля остается восхождение? Лишь в пределах самой схемы. Восхождение заключается лишь в конструировании разумом раз навсегда данной схемы.

Посмотрим теперь, к каким неразрешимым проблемам приводит концепция «тождества» Гегеля в отношении восхождения. Мы уж не говорим о том, что здесь исследование сводится к возне с категориями и их порядком. Возьмем эту концепцию уже в «перевернутом» виде: восхождение тождественно (прямо совпадает) формированию предмета.

В противоположность метафизике, Гегель рассматривает категории, соответствующим различным сторонам предмета, как исторически возникшие и следующие друг за другом. Первое затруднение, на которое наталкивается отождествление хода мысли с ходом истории предмета, следующее: каким образом можно объяснить целое, в котором все его стороны существуют одновременно и опираются друг на друга?!

Единственный выход — представить стороны предмета, как последовательные фазы его истории. Так восходя от владения к семье, и от последнего — к гражданскому обществу, Гегель изображает дело так, что у него владение развивается в семью, а последняя — в гражданское общество. Тогда как на самом деле владение есть одностороннее отношение целого, предполагающее и семью и гражданское общество.

³¹ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 541.

Еще более нелепая конструкция получается в «Логике». Категории «качество» и «количество» — последовательные этапы мышления о предмете, значит (с точки зрения «тождества») качество должно исторически фигурировать раньше количества.

2) Но может быть, дело обстоит так: в истории предмета стороны его выступили в той последовательности, как в голове человека, и накапливаясь, как страница за страницей в книге, дали современное состояние предмета. Пусть так. Как быть в таком случае, если мы имеем уже сложившийся предмет и последовательность сторон по времени их появления еще надо раскрыть? Здесь имеют место зигзаги, отступления, процесс осложнен массой внешних обстоятельств, изменения остаются до известного времени скрытыми, новое первоначально появляется в чуждой ему форме, входящие в строение предмета явления могут иметь другие источники происхождения и т.д. Требуется работа ума, чтобы последовательность явлений раскрыть.

Если даже последовательность уловлена, абсолютизация ее ведет к односторонности и ошибкам, у Гегеля одна фигура силлогизма сама по себе переходит в другую, причем причина образования одной формы умозаключения, лежащая вне другого, на основе которого возникает первое, исчезает. Почему? Потому что мышление должно отступать от принципа «тождества» — зафиксировать факт ставшей формы и идти к условиям ее возникновения. Но самый любопытный итог отождествления хода мысли и истории предмета — полный отказ от этого тождества, т.е. другая крайность. Столкнувшись с тем фактом, что восхождение есть процесс рассмотрения одновременно существующих сторон предмета, и с фактами несовпадения последовательности категорий в восхождении с последовательностью появления соответствующих им явлений в эмпирической истории, Гегель должен вообще отвергнуть историю за предметом, признав только движение мысли о неподвижном предмете. Естественно, что процессы мышления, отражающие историю предмета, остаются в тени. Единственным объектом исследования становятся процессы мышления, вырастающие на основе абстрагирования общего в чувственных предметах. Не случайно «субъективная логика»³² Гегеля ограничивается в основном рассмотрением известных в логике суждений и умозаключений.

³² Раздел «Понятие». «Наука логики».

Иным путем здесь получается тот же результат: отрицание диалектики предметов и специфических путей ее открытия.

Между прочим, путаница в рассматриваемом пункте не является привилегией идеалистов. В нее впадает и допускающий независимое от мышления существование предметов метафизик. Например, с точки зрения капиталистического производства собственность на капитал кажется первичной, а земельная — вторичной. Рикардо рассматривает это как эмпирическую последовательность, ибо рассматривает буржуазные отношения как вечные, как «законы природы», и потому как историческое³³.

Таким образом, с точки зрения отождествления хода мысли с историей предмета возникает проблема: категории должны выступить в той же последовательности, что и в истории отражаемые ими явления, и в то же время они не могут соответствовать истории предмета.

3) Гегель настаивает на том, чтобы категории не просто перечислялись, а выводились одна из другой. Как это осуществить?

Пусть даже последовательность категорий тождественна последовательности соответствующих им явлений в истории предмета. Чтобы порядок категорий был именно таким, надо, очевидно, еще исследовать последовательность истории предмета. В последней, к тому же, надо выявить, как возникает одно явление на основе другого. А для этого надо поставить вопрос о тех процессах, посредством которых отражается, исследуется предмет, связь его сторон во времени, — т.е. вопрос о приемах отражения. Но это не устраивает теорию «тождества».

Представитель теории «тождества», взявшись за конкретные исследования, либо забывает о своей концепции, как это имеет место у Гегеля в ряде случаев, где он улавливает действительную связь явлений, либо заимствует категории и их порядок из чужих трудов. Гегель, например, берет уже готовую классификацию суждений и пытается ее представить как саморазвитие понятия. Поскольку способ раскрытия действительного развития предмета остается в тени, характер перехода от одного явления к другому принимает искусственный, вымученный характер. Гегель фактически остается в рамках приемов формальной логики в этих переходах: он стремится вывести одно явление из другого путем

³³ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. I. С. 196.

умозаключений. Если раскрывается действительная связь, то применяется фактически какой-то прием отражения, и тогда исследователь изменяет своей сознательной концепции.

Какой лицемерный характер принимает концепция «тождества» в отношении «порождения» новых категорий, можно проиллюстрировать на следующем. При рассмотрении предмета надо начать с абстрактного. Но чтобы понять предмет, надо его различные стороны иметь в созерцании. Так, невозможно логически вывести деньги, если они уже не являются созерцаемым фактом. Тогда как с точки зрения «тождества» этого не должно быть, ибо если, например, исследователь знает о существовании капитала и этот факт принимает во внимание при исследовании товара, он в ходе этого «принятия во внимание» совершает логический процесс, опровергающий теорию «тождества».

Гегель начинает свою «Логiku» с «бытия-ничто», лишенных всякого определения. Уже одна мысль о «лишенности определений» может существовать лишь в соотношении с определенными категориями. Невозможно в мысли сделать ни одного шага, если хотя бы с какой-то стороны не намечен тот пункт, к которому надо идти. И этот пункт даже в отрицательной форме дает себя знать в исходном пункте. Далее Гегель воображает, что из имманентной диалектики «бытия-ничто» выводит прочие категории — качество и т.д. На деле он эти категории имеет в голове до того, как их вывел.

Выше мы уже показали, какой характер носит переход от товара (стоимости) к деньгам у Гегеля. Не будь деньги созерцаемым фактом и не будь они уже известны, Гегель не смог бы построить свою конструкцию воплощения абстрактной стороны «ценности» в деньги. А процесс перехода от товара к деньгам, какой бы ошибочный или правильный характер он не имел, есть способ установить связь созерцаемых фактов (с точки зрения мышления они созерцаются одновременно) посредством мышления, — процесс, подчиняющийся законам, отличным от тех законов, которые имеют место при образовании денег и существовании их в товарном производстве.

Идеализм, обуславливая смешение процессов мышления с отраженным предметом, ведет к отрицанию диалектики предмета и путей ее раскрытия или к их извращению.

Мы взяли в учении Гегеля лишь одну сторону, не рассматривая колоссального богатства мыслей в его «Логике». Урок, который надо учесть из рассмотренной ошибки Гегеля, заключается в следующем: с точки зрения «тождества» или плоского отражения (для понимания специфических законов движения мысли они одинаково ошибочны) невозможно понять приемы диалектического мышления. Надо, исходя из того факта, что мышление открывает в предмете диалектику его, рассмотреть, какие мысленные процессы вырастают на этой основе. Это мы и сделаем на примере восхождения в «Капитале» Маркса.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПРОСТЕЙШИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВОСХОЖДЕНИЯ

§ 1. Исходный пункт восхождения

С чего начинать воспроизведение предмета в мысли?

Вопрос необычайно многосторонний и может быть решен исчерпывающим (сравнительно) образом лишь в науке о мышлении в целом. Так как нашей задачей является рассмотрение формы мышления, возникающей на высокой ступени развития научного мышления, мы начнем сразу с момента, когда вопрос о начале науки превратился в специальную проблему. Но и после этого ограничения возникает необходимость рассмотрения огромного материала по истории возникновения и развития наук и теоретических воззрений на их начало. Чтобы на этом пути вопрос об исходном пункте не превратился в бесконечный и тем самым в конечный пункт работы, мы должны принять восхождение как факт и исключительно в позитивной форме выяснить характер его исходного пункта, ограничив критическую часть лишь необходимыми для этой цели замечаниями по адресу Гегеля, наиболее ярко поставившего вопрос о начале науки до Маркса.

Итак, с чего начинать воспроизведение предмета посредством восхождения или с чего начинать восхождение? Ответ заключен уже в общем определении восхождения: с абстрактного. Но это слишком абстрактно.

Надо указать специфическое отличие того абстрактного, с которого начинается восхождение.

Если даже известно, что надо начинать с «простейших определений» предмета, возникает вопрос: откуда берутся они? у предшественников? Это дело не меняет: откуда их взяли пред-

шественники? Т.е. в характеристику исходного пункта должны войти и пути выяснения того, что именно это — исходный пункт. Иначе все восхождение — блуждание вслепую.

Вопрос о начале науки встает не тогда, когда наука только начинает свое существование, а когда она прошла уже известный путь, — абстрагировала и до некоторой степени изучила целый ряд сторон предмета. При этом безразлично, с чего начала та или иная наука: одновременно с различных сторон, с исторического начала самого предмета или с развитых его проявлений. Так или иначе сохраняет силу необходимость абстрагирования различных явлений целого, определение их, описание строения и т.д. В процессе выявления сторон предмета и их изучения обнаруживается зависимость понимания одних явлений от других и тем самым (косвенно еще) их внутренняя объективная связь. Встает вопрос об охвате предмета в целом и об исходном пункте этого охвата.

Два основных пути возможны и имеют здесь место действительно. Первый путь заключается в том, что к рассмотрению различных сторон единого предмета применяются те же мыслительные операции, которые имели место (и необходимы) при фиксации этих сторон мышления впервые. Следствием этого является стремление дать такое универсальное определение предмета, чтобы под него подошли все известные его стороны. Затем эти стороны располагаются наряду и в последовательности, получают определения как частные случаи того общего, что указано в общем определении предмета, и рассматриваются наряду и друг за другом, и только.

Классическим примером этому является изложение формальной логики в учебниках. Дается общее определение: это наука о формах и законах мышления. Затем излагаются формы и законы по принципу «формы существуют какие-то»: «понятие есть форма мысли...», «суждение есть форма...». Здесь даже законы выступают наряду и отдельно от процессов, законами которых они являются.

Но необходимость процесса движения мысли, обусловленная новым его содержанием, дает себя знать и на этом пути. В отрицательной форме: попытки дать определение предмета, которое охватило бы все его явления, кончаются либо расшифровкой термина, обозначающего предмет в целом, либо перечислением вопросов, которые охватываются называемая этим термином наука; даже в развитых науках попытки дать универсаль-

ное и окончательное определение предмета науки превращаются в предмет бесконечных споров (пример этому — психология). В положительной форме: действительным исходным пунктом в изображении предмета всегда оказывается не общее определение предмета, а какое-либо конкретное явление целого, которое может быть определено и независимо от общего определения предмета (и наоборот, лишь определение его дает первое определение предмету, как увидим дальше).

Второй путь — путь сознательного раскрытия внутренней связи сторон целого, путь раскрытия его объективной диалектики. Этот путь и обуславливает новые мысленные операции.

Мы отнюдь не отрицаем роли дефиниций. Мы лишь подчеркиваем, говоря о различии путей решения указанной выше задачи, следующее: дефиниция по своей природе фиксирует общее и различное в существующих наряду или в последовательности предметах и, будучи применена к различным сторонам предмета, заставляет на них смотреть лишь как на частный случай общего; вопрос об исходном пункте рассмотрения предмета превращается в дело личное или традиции, открывается от объективной зависимости в самом предмете.

Второй путь, сказали мы, путь раскрытия объективной диалектики предмета. Но он может быть проделан лишь посредством соответствующих ему мыслительных операций.

Раз мы подходим к предмету диалектически, в том числе — как к исторически сложившемуся, значит и начать должны с того, с чего начала история. Это верное положение, чтобы стать рабочим инструментом исследования, нуждается, однако, в пояснении.

В самом деле, как быть, если мы не имеем возможности созерцать историю формирования, начало предметов? Но оставим этот каверзный вопрос и допустим, что эта возможность есть. Тогда мы прежде всего сталкиваемся с тем фактом, что предмет имеет целый ряд исторически исходных пунктов, т.е. ряд необходимых условий своего возникновения. Так, исторически исходный пункт капитала образуют развитие торговли, накопление денег, отделение рабочих от средств производства, кооперация. И если мы, кроме вышеприведенного положения, не знаем ничего больше, то в число условий возникновения капитала можем включить и возникновение... солнечной системы. Очевидно, нужно производить абстракции в наблюдаемой истории, т.е. оставить без внимания условия, не объясняющие возникновения данного предмета в его специфике и взять только

специфические. Последние же в истории не увидишь до тех пор, пока не обнаружишь их в сформировавшемся предмете. Так, отделение рабочей силы от средств производства только тогда выступает для сознания как один из исходных пунктов (одно из условий возникновения) капитала, когда в самом развитом капитале оно будет обнаружено как необходимое условие и следствие его существования. Чтобы узнать, с чего начала история, надо знать, **история чего** начала с этого.

Затем среди специфических условий мы должны будем в своей голове установить какую-то иерархию, последовательность, ибо надо и возможно начать с чего-то одного.

Наконец, история возникновения и развития предмета обладает следующим свойством: то, что было исходным пунктом предмета, оказывается его необходимым следствием и результатом. Превращение продукта труда в товар, например, есть предпосылка и исходный пункт капитала, но лишь капитал превращает его в свое необходимое следствие.

Очевидно, сама история нуждается в каком-то условии для понимания того, с чего она начала. Иначе рассматриваемое требование превращается в простое описание последовательности случайно замеченных событий во времени, — описание, ничего общего не имеющее с диалектическим методом.

Отношение логического процесса отражения предмета к его истории мы будем постоянно рассматривать на протяжении всей работы. Здесь надо заметить следующее. Изучение, наблюдение истории предмета имеет значение не само по себе, а для понимания предмета, переживающего историю. Значит и в истории мы должны увидеть то, что входит в строение самого предмета как необходимое условие и следствие его существования. Значит то, с чего начала история предмета, мы должны обнаружить **в самом предмете**. Причем, должны обнаружить это начало как такой пункт, к которому сходятся все проблемы, от которого зависит все понимание предмета, — как исходный пункт понимания сложившегося предмета. Поскольку мы говорим об исследовании находящегося перед исследователем предмета, каким-то образом зафиксированного в мышлении, то под историей мы понимаем тот процесс, который привел к данному состоянию предмета, в результате которого сложился данный предмет.

Именно указанная выше необходимость стихийно пробивала себе дорогу в истории науки о буржуазной экономике до Маркса. Экономисты и не помышляли еще об историческом

характере капитала, сознательно не ставили вопрос об исходном пункте его исследования. Однако, начав решать задачу раскрытия внутреннего строения капиталистической системы, они столкнулись с фактом, наносящим первый удар по их метафизическому способу мышления из самого процесса познания: понимание одних явлений зависит от понимания других. Так, понимание процента и ренты требует исследования прибыли, и понимание последней — исследование стоимости. Экономисты не поняли того, что эта зависимость обусловлена не свойствами мышления самого по себе, а строением исследуемого предмета, и может иметь место лишь как историческая. Это сделало невозможным для них решение задачи. Но они стихийно нащупали этот пункт, от понимания которого зависит понимание всех сторон буржуазной системы. Это — товар, экономическая клеточка буржуазного общества.

Этот конечный пункт блужданий и должен послужить исходным пунктом понимания. Поскольку у нас речь идет не об отражении вообще, а об особой его форме — о способе раскрытия внутренних связей органического целого или о раскрытии диалектики предмета, — поскольку речь идет не о стихийном процессе, а о сознательном применении этого способа, то требование начинать с «клеточки» должно послужить руководящим указанием исследования.

Итак, исследование органического целого надо начинать с его «клеточки». Что такое «клеточка»? Рассмотрим это на примере товара.

Маркс начинает свое исследование с рассмотрения **отдельного** товара. «Отдельный» товар — это не эмпирический «этот» товар (эти сапоги, этот сюртук, сапоги и сюртук вообще и т.д.), а всякий любой товар. Т.е. уже произведено абстрагирование особого свойства всякого товара — меновой стоимости. Исследованию подлежит всякий продукт труда, обладающий этим свойством, товар в его особенности меновой стоимости.

Товар, далее, рассматривается не как нечто застывшее, неподвижное — в этом случае он выступает просто как вещь, — а как обмениваемый продукт, как меновое отношение, т.е. в его специфическое форме движения. Именно это отношение, связь, движение и позволило впервые зафиксировать в мысли меновую стоимость как особое свойство товара, и сам товар, как особое явление. Т.е. исходным пунктом восхождения у Маркса является специфическая и общая для данных предметов связь их

или всякий предмет этого рода в его общей и специфической для данных предметов связи, фиксируемое как его специфическое и общее свойство. Странно, быть может, звучит здесь речь о связи и свойстве одновременно и общем и специфическом. Но это факт: меновая стоимость есть свойство, общее всем товарам, и вместе с тем — специфическое лишь для них.

Сравнительно с прочими экономическими отношениями буржуазного общества товарное отношение является простейшим по своей структуре. Товар предполагает отношение двух элементов данного товара и другого (Т-Т' или Т-Д). Выражаемое в отношении товаров отношение людей есть отношение двух агентов продавца и покупателя.

Тогда как, например, промышленный капитал предполагает сложную систему отношений:

$$D - T \begin{matrix} \leftarrow P.C. \\ \leftarrow C.II \end{matrix} \dots P \quad T' (\Delta^T T) - D' \Delta^{(D)} D.$$

формулы, представляющие абстрактное выражение этих явлений, наглядно об этом говорят.

На первый взгляд купеческий и ростовщический (ссудный) капитал кажутся точно так же простыми. Но и тот и другой даже в своих «допотопных» формах предполагают уже товарное обращение по крайней мере (Т-Д-Д). Купеческий: Д-Т-Д' и другие экономические отношения, кроме товарных. Ростовщический, если учесть весь путь между начальным и конечным пунктом: (Д-Д'/Д + Д), предполагает отношения купли и продажи, в других формациях — отношение данной формации, в буржуазной — движение промышленного капитала.

Всякая попытка найти более простые отношения в буржуазной экономике будет означать либо ложную абстракцию изолированного Робинзона, либо утерю специфического предмета и перехода в другую область исследования.

Простота товара, однако, не абсолютна, а относительна. Как рефлекс есть простейший нервный процесс, «клеточка», когда речь идет о высшей нервной деятельности, и сложное явление по отношению к предшествующим формам отражения, так и товар является простейшим по отношению к прочим буржуазным, т.е. **товарным** отношениям.

Относительный характер простоты имеет важное значение для понимания исходного пункта восхождения и его определения.

О структурной простоте и сложности можно говорить только при сравнении явлений одного качества. При сопоставлении явлений различного качества о простоте и сложности говорить в

отношении структуры бессмысленно. Так, что сложнее — простые товарные отношения или необычайно запутанные отношения какого-либо родового племени, сложная система товарных отношений или ясные как божий день отношения рабства? Из положения можно выйти только с точки зрения исторического подхода. Но исторический характер исследуемого предмета еще должен быть открыт.

И в применении к явлениям одного качества определение простоты и сложности нуждается в умозаключениях, как например в отношении сравнения формы Т-Т' (Т-Д) и Д-Д'.

Из сказанного вытекает, что для определения (выявления) простейшего отношения исследуемого предмета необходимо наличие и фиксирование в мысли более сложных отношений того же качества. Если даже исследователь случайно начнет с простейшего, чтобы осознать как таковое, он должен будет выявить сложное, по отношению к которому выявленное им ранее явление будет понято как простейшее. Так что тот путь, который политэкономия проделала от развитых и сложных отношений буржуазной экономики к простейшим, не есть заблуждение, а есть объективная необходимость процесса познания. Заблуждением является его абсолютизация. Но и восхождение, не включающее в себя этот путь как свою необходимую сторону, невозможно или случайно.

Простое имеет еще одну сторону: другие более сложные отношения для своего возникновения требуют дополнительные условия кроме тех, которые предполагает простое.

Исследование простого должно выявить условия его возникновения. И это будет вместе с тем выявление одного из условий возникновения предмета в целом. Так, условие возникновения товара, — разделение труда и частная собственность на средства и продукт труда, — есть вместе с тем условие возникновения капитала. «Определение» простого, точнее говоря — знание о простом, есть знание о предмете в целом, но знание еще «одностороннее», абстрактное.

Восхождение от простого отношения к другим отношениям предмета должно объяснить условия возникновения этих более сложных отношений, т.е. усложнение предмета. Но вместе с тем, исследование этих отношений способствует пониманию простого. Повторяем, абсолютизация той или другой стороны восхождения ошибочна. (В конкретных исследованиях возможны самые различные случаи).

Мы сказали, что товар есть простейшее отношение сравнительно с другими буржуазными экономическими отношениями, т.е. товарными же отношениями. В чем заключается вторая сторона товара как «клеточки»? Товар есть самое общее экономическое отношение буржуазного общества. Действительно, какие бы буржуазные экономические отношения мы ни взяли, они обязательно включают в себя как необходимую сторону товарное отношение, являются так или иначе товарными отношениями:

Т-Д-Т	
Д-Т-Д'	
Д-Т	Р.С. П...Т'-Д'
	С.П.

Даже Д-Д' есть товарное отношение, поскольку деньги как капитал превращаются в товар благодаря «своему» свойству давать среднюю прибыль.

Т.е. являясь простейшим отношением наряду с другими, «клеточка» (товар) есть вместе с тем «сторона», общее свойство всякого другого отношения данного предмета (буржуазного экономического отношения).

Характерно здесь отметить, что общность «клеточки» отлична от той, о которой говорит формальная логика. Формально-логическое общее-сходное, одинаковое в различных предметах. Абстрагирование его имеет место при выявлении свойств предметов и фиксации их в мысли. Здесь же явления предмета в мысли зафиксированы, и исследование имеет целью раскрыть их взаимоотношение. Кроме того, сравниваемые формально-логическим путем предметы имеют общее, но и различаются. Здесь же все (экономические) отношения имеют отличие от простого (товарного), но последнее как таковое, как общее им всем, не отличается от первых или отличается от них тем, что не имеет свойства, образующих их отличие от простого. Это тавтология. То, что отличает «клеточку» (товар) от других отношений, включающих ее в себя, есть исторические формы, в которой он существовал до них и независимо от них. Но так как исследуется предмет, как он развился и включает в себя эту клеточку, от этой исторической формы надо отвлечься. Она может быть рассмотрена лишь после исследования «клеточки» как «клеточки».

Это обстоятельство, с другой стороны, подчеркивает тот факт, что «клеточка» вне ее отношения к другим явлениям не есть «клеточка», а просто особый предмет. Наконец, отличие всех отношений от простого, как должно выяснять восхождение, есть развитие самого простого и отличие его от самого себя как исходного пункта.

Отсюда — самое главное отличие абстрагирования «клеточки» от отвлечения просто общего: абстрагирование общего — конечный путь абстракции, абстрагирование клеточки — исходный пункт процесса ряда абстракций.

Общность «клеточки» (товарных отношений) точно так же относительна. Можно дать еще более общую характеристику буржуазным отношениям: это — экономические отношения. Но здесь мы выходим за пределы исследуемого предмета. Товарный характер буржуазных отношений есть самая общая черта буржуазных отношений, но это — их особая черта сравнительно с другими формациями.

Т.е. «клеточка» есть общая черта всех отношений предмета, но специфическая черта его отношений. Исследование «клеточки» есть исследование предмета с самого начала и его специфичности, понятие о «клеточке» есть самое общее и одностороннее (абстрактное) понятие о предмете, как о данном предмете³⁴.

«Клеточка» есть общее, но такое, которое предполагает особенное, — тот предмет, в котором она есть общее, т.е. «клеточка».

В этой связи и сама особенность отлична от той, которую выявляет формальная логика. Факт, конечно, что особенность буржуазных отношений выявляется путем их сравнения с другими формациями. Но приемы формальной логики лишь констатируют отличие одного предмета от другого. Здесь характеристика «клеточки» как характеристика предмета в его специфичности есть, во-первых, характеристика одного из условий возникновения предмета в целом как особого предмета, а во-вторых, она предполагает исследование условий, при которых она является клеточкой. Эти обстоятельства ни в коем случае нельзя упускать из виду при характеристике «клеточки».

Кроме того, еще любопытное очень явление. «Клеточка» (товар) есть самое общее отношение предмета (капитализма). И всякое другое отношение, если отвлечься от тех черт, какие ему придает «клеточка», (от товарного характера буржуазных отношений), утрачивает в сознании его специфичность данному предмету. Так, достаточно отвлечься от товарных отношений, посредством которых выжимается из рабочего прибавочный труд, как специфика буржуазной эксплуатации утрачивается: выжимание прибавочного труда из непосредственного производителя — свойство ряда формаций. «Клеточка» характе-

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». С. 67, 77.

ризует предмет специфически именно в силу ее крайней общности для всех его отношений. В формальной логике — наоборот: чем меньшему числу и типу предметов присуще данное свойство, тем выше степень его особенности. Крайняя особенность — единичное, неповторимое.

Повторяем, такое отношение общего и особого имеет место исключительно внутри взаимоотношения сторон, явлений единого связанного предмета, т.е. внутри сферы действия восхождения.

Добавим еще, что «клеточка» абстрагируется как исходный пункт рассмотрения всех явлений, сторон предмета. Потому здесь не происходит отвлечения от особенностей этих сторон по сравнению с «клеточкой» тем путем, как отвлекаемая от различий при выделении сходного и фиксирования его в абстракции. Смысл абстракции здесь в том, что надо понять «клеточку», чтобы понять другие явления предмета, — здесь абстрагируется зависимость понимания, а не просто общее.

Рассмотренные особенности «клеточки» (товара как клеточки) могут иметь и имеют место лишь в том случае, если все прочие явления предмета представляют собою результат развития «клеточки» (товарных отношений). Конечно, понимание ее еще не дает всего необходимого для раскрытия этого развития: требуется еще масса условий. Но оно дает необходимое начало для этого.

«Клеточка» представляет собою такое явление, которое «остается» во всех отношениях предмета, пока существует сам предмет. Изменяется лишь форма ее проявления. Например, товарные отношения изменяются с возникновением капитала.

Но не только. В той или иной связи «клеточка» либо не является общим свойством отношений, в среде которых она существует как особое явление. Например, товар в феодальном обществе. Тогда она не клеточка этого предмета. Или перестает быть общим свойством отношений предмета. Например, товар в социалистическом обществе. Тогда она точно так же не клеточка этого предмета.

Но когда она выступает в качестве клеточки предмета, она как особое явление, существовавшее до возникновения этого предмета, претерпевает такие изменения, что оказывается лишь внешней формой отношений этого предмета. Категорию «форма» мы рассмотрим дальше. Здесь же, однако, без этого момента обойтись нельзя. Поясним это на примере товара. Товарное отношение существовало как особое отношение наряду с други-

ми отношениями и существует в буржуазном обществе в известной степени как таковое. Но как клеточка буржуазных отношений она означает, что буржуазные отношения совершаются как товарные, в форме товарных. Купля-продажа рабочей силы выступает по форме как обычная купля-продажа товаров, а по существу это — отношение господства и подчинения. Товарные отношения именно в силу того, что становятся всеобщей формой, средством осуществления буржуазных отношений, приобретают свойство их клеточки.

С другой стороны, именно поэтому (и в силу условий существования и развития капитала вообще) они приобретают более или менее всеобщий характер и специфически характеризуют предметы в целом (буржуазное общество, буржуазная формация).

Отсюда вытекает следующая черта «клеточки», важная для понимания хода выявления клеточки как клеточки, для понимания характера ее исследования и характера дальнейшего восхождения.

Являясь внешней формой, средством движения, существования всех отношений предмета, клеточка выступает как явление, непосредственно, чувственно-практически данное созерцание³⁵ (как, например, товарные отношения). Она прежде всего «бросается в глаза» (скрытые в ней отношения еще должны быть выявлены. Как выявляются скрытые в ней отношения, этому будут посвящены следующие параграфы).

Поэтому она (как особое явление) абстрагируется и фиксируется в мысли обычным путем, о котором говорили выше. Она может быть абстрагирована как особое явление безотносительно к предмету, клеточкой которого является. Так, например, был абстрагирован товар задолго до того, как за изучение его взялась наука. Но это не устраняет необходимости тех процессов, посредством которых она объясняется (понимается) как клеточка, как исходный пункт восхождения.

Указанный выше «массовидный» характер клеточки дает целый ряд преимуществ начала науки о предмете именно с нее. Трудности в ряде наук в определении их предмета во многом зависят именно от того, что пытаются в самом начале уже учесть выявленные путем анализа непосредственных явлений сложные отношения. А там сразу выступают различия, не поддающиеся

³⁵ Ленин В.И. *Философские тетради.*

универсальному определению, необходимость определений и других форм мысли, о которых не знает формальная логика, и к которым даже при знании их нужен переход.

Исходя из клеточки сразу дается всеобщее определение всех отношений предмета и определение их в их специфичности, т.е. сразу определяется круг исследований и последнее направляется в глубь предмета и по пути раскрытия его внутренних связей, избавляя от массы подчас не нужных сравнений, даже выбивающих почву из-под уже достигнутых результатов. Исходя из клеточки с самого начала дается самое простое, привычное, не вызывающее никаких недоумений у среднеграмотного человека определение предмета науки, и все дальнейшее движение мысли будет процессом, который должен был бы проделать читатель или слушатель, сам принявшись за исследование, — и читая и слушая, он вместе с автором как бы заново проделывает путь исследования.

Начало с клеточки соответствует действительному ходу познания от внешних проявлений отношений к их скрытому содержанию.

Начало с клеточки целиком и полностью соответствует требованию диалектики начинать рассмотрение предмета с того, с чего начала его собственная история. Оно лишь конкретизирует это требование. Конкретизирует в том смысле, что оно говорит о процессе мышления, который должен начаться о предмете. Кроме того, благодаря клеточке исследователь начинает с исходного пункта предмета косвенно: он исследует одно из условий возникновения предмета и начинает путь проникновения к исходному пункту предмета, лишь в котором клеточка становится клеточкой. Отсюда следует, что положение о начале восхождения с исторического начала предмета надо понимать не в смысле фиксации последовательности явлений (как одно из условий капитала товар существует, естественно, раньше капитала; но как клеточка он — следствие).

Наконец, начало с клеточки соответствует требованию восхождения от абстрактного к конкретному. Здесь лишь конкретизируется абстрактное как начало.

После того, как Маркс уже исследовал товар, кажется возможным в изложении начать сразу с разделения труда например (как некоторые экономисты до Маркса). Можно. Но разделение труда специфически не характеризует буржуазное общество. Товар — характеризует. Кажется возможным начать изложение сразу с превращения рабочей силы в товар. Но так или иначе в

«испорченном» изложении пришлось бы взяться за товар и затем возвращаться к ошибочному с т. зр. правильности формы, т.е. закономерности процесса мышления, пункту.

Являясь экономической клеточкой буржуазного общества, товар есть, вместе с тем, особое самостоятельное явление. Как таковое он и должен быть исследован прежде всего, отвлеченно от всех модификаций, какие он претерпевает как клеточка буржуазного общества.

С т. зр. последовательности рассмотрения это кажется вполне естественным: надо рассмотреть прежде что изменяется, чтобы понять как оно изменилось. Но это естественное требование является таковым лишь тогда, когда выработался диалектический взгляд на предмет. Отсутствие последнего привело, например, Смита к тому, что он не смог осуществить эту абстракцию и запутался в определении закона стоимости даже для простого товарного производства.

Рассмотрим, какое обязательство накладывает это явление на исследователя при понимании «клеточки».

Клеточка, будучи понята как клеточка, должна быть, однако, исследована прежде всего безотносительно к предмету, в котором она есть клеточка. Но «безотносительно» — не значит безразлично вообще. Раз клеточка понята как клеточка, это обстоятельство дает направление и границы исследованию клеточки. Границы не в кантовском смысле невозможности, а, наоборот, границы как «предохранение» от колоссальной возможности познания, — отвлечения от массы обстоятельств. Иначе исследование расплывается до бесконечности, и восхождение останется лишь возможностью.

Т.о. мы имеем дело с двоякого рода зависимостью понимания. Первого рода зависимость говорит о том, что для понимания предмета в целом надо исследовать его клеточку. Так, для понимания капитализма надо исследовать товар.

Второго рода зависимость говорит о том, что клеточка может быть и должна быть понята с т. зр. предмета в целом.

Относительно «может быть понята» мы уже говорили: клеточка понимается как таковая лишь в предмете, где она играет роль. Вторая сторона дела заключается в том, что лишь в этом предмете клеточка обнаруживает свои тенденции³⁶. Лишь когда известен продукт развития, можно понять и тенденции к нему в исходном пункте в «зародыше» его. Это очевидно.

³⁶ Маркс К. Письма о «Капитале». С. 67; Капитал. Т. I. С. 4.

Относительно «должно быть» надо заметить следующее. Все исследование клеточки идет в том освещении, какое на нее бросает ее целое. Так, при рассмотрении товара главное внимание должно быть направлено на то, что необходимо для понимания капитала³⁷. В чем конкретно это сказывается? Например, история разделения труда, необходимого условия товара, могла бы стать предметом специального обширного исследования. Маркс же ограничивается констатацией факта его существования и роста.

Со второго рода зависимостью мы сталкиваемся во всех случаях, когда рассматривается всякое явление целого, существовавшее до него и независимо от него, но в нем преобразованное и выступающее как его собственный продукт, например, при рассмотрении «допотопных» форм капитала.

Но клеточка существенно отличается от них. Последние, вырастая на основе чуждых исследуемому предмету условий, подлежат либо самостоятельному исследованию, либо исследованию в составе исследования других предметов, в условиях которых они вырастают. В исследовании данного предмета они должны быть поняты как его собственный продукт. Тогда как клеточка должна быть исследована как особое самостоятельное явление и вместе с тем исследована в тех ее проявлениях, какие обнаруживаются в ее развитии в целом. Этот противоречивый характер абстракции не есть препятствие к пониманию, а есть движущее противоречие, обуславливающее единство процесса мышления — процесс восхождения.

Вопрос о начале науки теоретически наиболее отчетливо до Маркса поставил Гегель³⁸. Мы не собираемся разбирать в деталях все, что касается взглядов его на исходный пункт науки, а лишь становимся на том, что необходимо для позитивного решения вопроса и что осветит сказанное с новой стороны.

Перечислим в нескольких словах то положительное, что, материалистически читая, можно найти в «Логике» Гегеля.

«С чего начинать науку?»³⁹. Начало — не произвольное, не временно предположенное и не предположение, которое оправдывается впоследствии⁴⁰. Гегель, как никто до него, понимает сложность вопроса: целое, рассматриваемое наукой, таково, что в нем первое становится последним, а последнее первым⁴¹; начало

³⁷ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. III. С. 25—36.

³⁸ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 5. М., 1937.

³⁹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. С. 49.

⁴⁰ Там же. С. 55.

⁴¹ Там же. С. 54—55.

продолжает лежать в основе всего последующего⁴²; движение вперед не в том, что выводится некоторое другое, а есть «снятие»⁴³; начало — «наличная во всех дальнейших развитиях и сохраняющаяся основа, есть то, что остается всецело имманентно своим дальнейшим определениям»⁴⁴. Науку нельзя начинать с дефиниций⁴⁵. Наука должна начинать с совершенно простого и, стало быть, всеобщего⁴⁶. Начало абстрактное⁴⁷. Начало — имманентное самой науке⁴⁸, «воспринимать то, что имеется лицом»⁴⁹. Начало не познается в начале, так как оно в нем еще не развитое⁵⁰, — начало может быть понято как начало развитого.

Мы специально привели эти мысли Гегеля с целью показать, что Гегель прекрасно видел сложность вопроса, видел разные его стороны, стремился дать диалектическое решение. Игнорируя то, что сделал положительного Гегель, нельзя понять величие Маркса, сделавшего по сравнению с Гегелем гигантский шаг вперед. Мы не собираемся реабилитировать Гегеля — он сам за себя достаточно говорит. Мы подчеркиваем лишь то, что распространенная манера приписывать Гегелю всяческие глупости, а Марксу — лишь исправление этих наивностей, низводит Маркса до уровня очень ничтожного, до ряда общих и банальных положений, о первичности материи и т.п. В частности, в вопросе об исходном пункте восхождения действительная заслуга Маркса, его отличие от Гегеля до сих пор остается не исследованным.

В чем путаница у Гегеля в понимании исходного пункта науки и в чем отличие Маркса от него? Гегель ставит вопрос о начале философии как науки, а не о начале всякой науки (в том числе и науке о мышлении) философски, — т.е. не ставит вопрос о начале восхождения в чистом виде. В связи с его общей идеалистической позицией и отождествлением движения мысли с движением предмета у Гегеля имеет место смешение самых различных вопросов и ошибки.

⁴² Гегель Г.В.Ф.. Соч. Т. V. С. 55.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 27.

⁴⁶ Там же. С. 15.

⁴⁷ Там же. С. 17.

⁴⁸ Там же. С. 53.

⁴⁹ Там же. С. 52.

⁵⁰ Там же. С. 55.

В самом деле, одно — поставить философский вопрос о начале науки, другое — начать изложение самой философии с рассмотрения факта отражения предмета человеком в процессе практической деятельности. Но обратимся к Гегелю.

Конкретные науки, говорит Гегель⁵¹, не начинают абсолютно с самого начала, а зависят от других понятий. Тогда как Гегелю важно абсолютно начало, которое (якобы) имеет место только в философии. Но, как мы сказали, если понимать под философией науку о законах познания человеком объективных вещей, то и начало философии относительно. Так, рассмотрение понятия предполагает предшествующие формы отражения, диалектическое мышление — развитие абстрактного мышления вообще. Абсолютное начало у Гегеля имеет и другой смысл: абсолютное — абстрактное⁵². Но в таком случае и другие науки начинают с абстрактного. Гегель смешивает логический вопрос о начале всякой науки с вопросом о начале логики. Ищет потому абсолютное начало, извращая и то и другое. Несмотря на то, что у Гегеля абсолютное имеет оттенок абстрактного, так или иначе этот оттенок гаснет в общей концепции.

Далее, «Логическое начало»⁵³ есть бытие без всяких определений, «чистое бытие» («ничто»); начало не может быть конкретным⁵⁴, начало — нечто не поддающееся анализу⁵⁵, начало — пустое⁵⁶.

Если сопоставить это с положением Маркса и Ленина⁵⁷ об исходном пункте, то противоположность Маркса Гегелю в этом вопросе очевидна.

Начало у Маркса не абсолютно, а относительно — исторически возникшее явление, предполагающее другие условия, и для своего воспроизведения в мысли — понятия о других предметах и другие предметы для образования абстракций: начало абстрактно в том смысле, что понятие о нем наиболее односторонне характеризует целое; начало конкретно в том смысле, что это доступный созерцанию особый предмет; начало есть начало

⁵¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. V. С. 19.

⁵² Там же. С. 53.

⁵³ Там же. С. 52.

⁵⁴ Там же. С. 59.

⁵⁵ Там же. С. 60.

⁵⁶ Там же. С. 19.

⁵⁷ Ленин В. И. Философские тетради.

исследования и отвлеченное как начало явление должно быть проанализировано (анализ товара); оно имеет определения, в исследовании его рождаются новые определения.

Философия лишь должна обобщать имеющие место в действительных науках закономерности движения познания о вещах, выяснить основу этих законов в отражении идентичного в различных предметах. В том числе — исходный пункт восхождения. Но философия должна обобщать особым путем — анализируя закономерности процессов, посредством которых (в которых) отражаются предметы. Потому она и есть особая наука, подчиняющаяся законам всех наук и имеющая свой закономерный исходный пункт, раз она сама начинает познавать свой предмет (процесс познания мира) посредством восхождения.

Второе основное смешение у Гегеля связано с первым: отождествление процесса движения мысли с самим предметом не по содержанию мысли, а по форме ее движения. Это исключает возможность правильного понимания исходного пункта. Если оставить в стороне все мистификации и оставить одно: мысль начинает с того, с чего начинает предмет, и целиком совпадает с ним, тогда мы действительно должны начать с такого момента, когда предмета еще не было. Но тогда мы не сможем объяснить возникновение предмета, если мы уже не знаем о его существовании или о тенденциях к нему, мы вообще не сможем сдвинуться с места. Человек должен уже отражать предмет в его проявлениях, доступных чувственному созерцанию, чтобы хотя бы поставить вопрос о его возникновении. Игнорирование чувственного отражения того, что логическое мышление без него — ничто, с необходимостью исключало постановку вопроса о специфическом движении самой мысли, отражающей движение предмета. Речь идет не об исходном пункте предмета, а об исходном пункте движения мысли, которая этот исходный пункт (в его многосторонности) еще должно открыть. Эта сторона дела у Гегеля исчезла.

Вульгарное «переворачивание» мысли Гегеля с сохранением тождества бытия и мышления путаницы не устраняет.

Осознание клеточки как исходного пункта и фактическое начало изложения науки с нее еще не означает, однако, восхождения. Восхождение лишь может начаться с анализа клеточки. Для своей действительности оно требует еще главное условие — действительное раскрытие диалектики предмета, в том числе — самой клеточки. К рассмотрению процессов движения мысли, имеющих место при этом, мы и переходим.

Так как нашей задачей является не пересказ «Капитала», а анализ основных логических форм, обеспечивающих восхождение, то порядок изложения этих форм не совпадает, конечно, с порядком изложения у Маркса. Так уже при исследовании товара Маркс применяет самые различные приемы в совокупности, мы же их должны расчленить и рассмотреть в последовательности. В различной связи эти приемы применяются на каждом этапе, в каждом отделе восхождения.

С другой стороны, изложение сторон восхождения должно отразить в основных чертах восхождение, как оно совершалось в данном конкретном случае — в «Капитале». Это создает дополнительные трудности изложения, избежать которых в данной работе невозможно.

§ 2. Анализ отношений

Процесс исследования товаров как самостоятельного предмета имеет черты, общие с процессом исследования капитала в целом. Только в последнем случае процесс сложнее по структуре: все исследование товара, например, есть его элемент.

Но товар — «клеточка». Потому простейшим по структуре должен быть и процесс его исследования. Потому характеристика этого процесса должна быть наиболее общей и простой характеристикой восхождения. На примере исследования товара Марксом мы в этом параграфе рассмотрим общие черты восхождения. Здесь мы увидим, что хотя восхождение и представляет цепь суждений и умозаключений, однако анализ его ведет к иным мысленным образованиям как к его простейшим элементам.

До Маркса в товаре были абстрагированы:

- 1) потребительская стоимость, полезность или способность удовлетворять какую-либо потребность человека;
- 2) меновая стоимость или способность потребительных стоимостей обмениваться на другие в определенной пропорции;
- 3) тот факт, — что товар — продукт труда.

Эти свойства были абстрагированы путем отвлечения от различий соответствующих эмпирических случаев.

Абстракции «полезность» и «труд» могли быть образованы и независимо от наблюдения товаров. Но фиксирование полезности и затраты труда в качестве свойств товара означает абстрагирование свойств товара.

Если бы Маркс начал изучать товар впервые, то и он в ходе исследования должен был бы образовать эти абстракции и выявить эти свойства в товаре тем же путем. Никакими, например, логическими ухищрениями не выведешь меновую стоимость, если этот факт не дан чувственно.

Ради упрощения оставим в стороне ряд производных абстракций: «пропорция обмена», «величина меновой стоимости» и т.п. Точно так же — те объективные условия, при которых стала возможной выработка указанных выше абстракций: в эпоху предшественников Маркса они были налицо, т.е. предмет был достаточно развит.

Задача исследования предмета не кончается на этом — на фиксировании его сторон в форме абстракций. С этого она только начинается. Если мы теперь скажем о товаре: товар обладает полезностью, меновой стоимостью, на него затрачен труд, то мы этим еще не раскроем внутренней связи указанных сторон. Мы осуществляем связь лишь умозрительную.

Путем эмпирических наблюдений было замечено и зафиксировано в суждениях, что меновая стоимость не существует без потребителей. Но это ничего не говорит о взаимоотношении этих сторон между собою. С таким же успехом можно сказать, что она не может существовать без вещества природы.

В поисках постоянного мерил пропорций обмена экономисты фактически начали решать задачу раскрытия внутренних связей товарных отношений и выявили, что меновая стоимость товара определяется количеством необходимого на его производство труда. Но какой труд и почему выражается в меновой стоимости, т.е. связь между меновой стоимостью и отличным от нее явлением — трудом — они не раскрыли.

Выяснение зависимости меновой стоимости от затрат труда было в «классической политэкономии» зародышем диалектического понимания предмета. В общем контексте метафизического способа мышления оно носит случайный⁵⁸ характер. Но с т. зр. закономерности диалектического исследования движение от менового отношения к труду в той форме, как это имело у нее место, есть историческая бессознательная форма проявления этой закономерности.

Итак, известны три основных ингредиента товара: потребительная и меновая стоимость и труд. Надо раскрыть их внутреннюю связь.

⁵⁸ Маркс К. Письма о «Капитале». С. 203.

Сама постановка задачи говорит о том, что идти по пути выделения в них общего и отвлечения от различий бессмысленно. Правда, попытки такие были. Так, «стоимость» была объявлена родовым понятием по отношению к потребительной и меновой стоимости. Но это — либо спекуляции на словесном выражении «потребительная стоимость» и «менная стоимость», либо сведение меновой стоимости к потребительной: «стоимость» в указанном смысле родового понятия есть отвлеченная полезность, «менная» — один из способов, видов ее. При таком сведении различных сторон к общему их отношению между собой остается, во всяком случае, «вещью в себе».

Чтобы раскрыть внутреннюю связь указанных сторон товара, необходим ряд условий.

Первое условие — уяснение того, что дело сводится к комбинации уже имеющихся абстракций. Это дало бы, повторяем, связь умозрительную, но не раскрытие связи реальной. Надо, опираясь на имеющиеся или образующиеся путем сравнения в ходе исследования абстракции, выявить в предмете нечто такое, что даст возможность решить задачу. Этим «нечто» не может быть просто выявляемая путем сравнения сторона предмета. Это прибавило бы лишь еще один признак в предикат суждения о предмете, что можно проделывать до бесконечности, не изменяя существа исследования.

Как из тысячи мышей не сложишь одного слона, так из массы суждений об осязаемых свойствах предмета не сложишь одного понятия о его внутренней связи. Процесс исследования должен качественно изменить свой характер.

Рассмотрим процесс исследования товара Марксом со стороны того, что в товаре выявляет он. Так как этот процесс есть процесс ряда абстракций, мы более или менее подробно остановимся на его отличии от элементарной абстракции.

С рассматриваемой стороны процесс исследования товара Марксом можно расчленить на следующие этапы.

Первый этап

На первом этапе Маркс отвлекается от всех различий товаров как тел природы и полезностей и выявляет их общее свойство — меновую стоимость. Последняя есть, вместе с тем, особое свойство товаров.

На это обстоятельство при характеристике процесса абстракции обычно обращают мало внимания.

Всякое свойство предметов в действительном процессе отражения абстрагируется как общее и одновременно как особое. Но чтобы абстрагировать какое-либо общее свойство предметов как особое для них, круг предметов должен быть определен в их особенности каким-либо путем. Процесс этот не имеет ничего общего с абстракцией, но абстракция без него невозможна: абстракция сама по себе ничего не говорит о том, особое это свойство или нет, оно говорит о том, что это свойство общее для данных, по крайней мере, предметов.

В истории отражения товара его особенность как меновой стоимости была установлена путем чувственно-практического различения, отличия. Это дало подсознательную основу, направление и предел абстракции. Роль абстракции же заключалась лишь в том, что по мере наблюдения фактов обмена происходило отвлечение от всех различий товаров. Результатом было фиксирование особого явления — меновой стоимости — в абстракции.

Т. о. абстрагирование общего есть абстрагирование общего для данного круга предметов, т.е. предполагает другой процесс — процесс различения, отличия. Лишь последний дает предел и направление абстракции.

Необходимость различения не исчезает и при теоретическом отношении к предмету. Так, Маркс постоянно прибегает к сравнению буржуазных отношений с другими. Но здесь появляется дополнение к способу определения того, что данное свойство — особое. О нем мы скажем ниже.

Направленность абстракции видна еще из такого факта. Товары имеют и другие общие свойства: они — тела природы и полезности. Но в данном процессе происходит от них отвлечение, ибо как тела природы и как полезности товары между собою различаются. Эти свойства абстрагируются в других процессах, в которых товары как таковые вообще не могли участвовать, а если бы и участвовали, то произошло бы отвлечение от меновой стоимости, т.е. от товарных свойств предмета, продукта.

В практике меновых отношений абстрагирование меновой стоимости было проделано стихийно. Маркс фиксирует этот процесс в сокращенном виде (исчезает, например, вся сложная конкретная история выработки абстракции с т. зр. образных средств и языка) и сознательно. Но отличие не только в сознательности,

а более существенное: в истории дело шло о выделении свойства в абстракции, здесь же речь идет об анализе целого посредством абстракций. Отсюда два очень важных следствия.

Первое. При движении к меновой стоимости Маркс отвлекается от потребительной стоимости. Но не «отбрасывает» ее: это имело бы место, если бы требовалось образовать абстракцию «меновая стоимость». Маркс констатирует наличие в товаре свойство быть потребительной стоимостью в особой абстракции; указывает качественную и количественную стороны этого свойства; указывает, что быть полезностью является непременным условием для товара, что потребительная стоимость — носитель меновой.

Это свойство не «отбрасывается», оно должно фигурировать в исследовании, потому что то, что должен выявить в товаре Маркс, предполагает учет всех его сторон, потому что речь идет о связи сторон. А можно ли раскрыть связь сторон, если какую-либо сторону отбросить?

Маркс отмечает, что как полезности товары различаются. И это имеет значение: различие полезностей, чтобы указать общее свойство товаров. Он отвлекается от полезности вообще, чтобы рассмотреть меновую стоимость специально.

Характерно при этом заметить: быть потребительной стоимостью — свойство, общее товару с продуктами всех эпох. Однако от него Маркс отвлекается и идет к свойству особому. Это уже никак не вмещается в рамки элементарной абстракции. И это, повторяем, потому, что встала новая задача. Маркс констатирует потребительную стоимость, констатирует, что в этом отношении товары различаются. **Они не различаются лишь как меновые стоимости.**

Второе следствие: меновая стоимость выделяется Марксом не просто как способность обмениваться или обмениваемость. Если бы это было так, то мы получили бы абстракцию «меновая стоимость» и немедленно столкнулись бы опять-таки с различиями и в этом отношении. (Все те различия товаров, от которых отвлекались при выработке абстракции). Меновая стоимость выделяется Марксом как **реальное** отношение, в котором **реально** все различия товаров оказываются безразличными.

Что это означает? Категория «потребительная стоимость» отражает общее свойство предметов потребления — способность удовлетворять какую-либо потребность человека. Но это ничуть не устраняет того факта, что потребительные стоимости реаль-

но качественно различны. Пока речь идет о какой-либо особой их группе, здесь еще реально имеет место одинаковость. Но как только обобщение доводится до предела: «потребительная стоимость вообще», так исчезает качественная одинаковость полезностей. В отношении же меновой стоимости — наоборот: товары как меновые стоимости качественно не различаются (различные продукты приравниваются; в цене это еще яснее видно).

Если бы Маркс ограничился лишь элементарной абстракцией, то и в отношении меновой стоимости у него немедленно выступали бы реальные различия — количественные различия и колебания ее, и меновая стоимость предстала бы просто как название различных фактов обмена, факта обмениваемости. Маркс, повторяем, выделяет меновую стоимость как **реальное отношение**, в котором товары выступают друг **по отношению к другу** как одинаковые. Т.е. выявляет связь, **общую для товаров и особую именно в силу этой общности для них**.

Отсюда и вытекает тот корректив, который мы обещали внести выше. Сравнение (различение) тогда эффективно позволяет выявить особенность предмета, когда сравниваются предметы, близкие по качеству и, следовательно, генетически. (Сравнение товарного производства с млекопитающими, например, бесполезно для исследования. Она может дать лишь образные и языковые средства для новых определений). Но если допустить, что такой возможности у исследователя нет, то из этого вовсе не следует, что надо отказаться от диалектического понимания. В этом случае до известной степени критерием особенности может служить тот факт, что особенным для данной группы предметов является их такое отношение, связь между собою, в которой реально все их различия оказываются безразличными. Это отношение образует их особую связь, которая и подлежит исследованию.

Этим и объясняется то, что одни науки могли развиваться и развивались до высокой степени, тогда как другие науки, которые, казалось бы, давали ей предпосылки для различения, были совсем не развиты. Так, Аристотель описал и глубоко проанализировал логические формы, тогда как психология как наука вообще не существовала.

В этой связи и различение приобретает новую роль: оно оказывается не единственным средством установления особенности, — а это средство **чувственное** по своей природе, — а лишь подсобным средством особого логического способа.

Второй этап

В акте обмена все различия предметов потребления нивелируются. Не буквально уничтожаются, а оказываются безразличными, раз товары приравниваются. Это отношение и подлежит исследованию.

Меновая стоимость выступает для сознания прежде всего как пропорция обмена потребительных стоимостей. Чувственный факт обмена и чувственно-практически осязаемые количественные различия меновых стоимостей (на один товар можно приобрести больше других, чем на другой; в цене это еще ярче видно), — вот факт, с которого начинается отражение товара.

Пропорция обмена — величина переменная, и пропорции эти различны. Маркс отвлекается от этих колебаний и различий. Но как? Если бы он ограничился элементарной абстракцией, то отвлечение от различий и колебаний пропорций обмена привело бы к образованию ряда абстракций: «пропорция обмена», «величина меновой стоимости» и т.п. Маркс, разумеется, фиксирует эти стороны дела и имеет их в виду. Но он вообще отвлекается от количественной стороны обмена, отвлекаясь от ее различий. Отвлекается с особой целью и особым образом: несмотря на колебания и различия пропорций обмена, товары приравниваются каждый раз; значит, в них содержится нечто одинакового качества, что позволяет их приравнять, и одинаковой величины, раз обмен совершен. Количественное равенство предполагает качественное тождество. Т.е. в меновой стоимости (меновом отношении) проявляется какое-то отличное от нее свойство.

Путь абстракции от количественного сравнения к качественному тождеству — явление обычное в человеческом освоении мира. Но также обычным было фиксирование самого способа сравнения в качестве свойства предмета (например, факта обмена — как меновой стоимости товара, фактов взвешивания — как веса предмета и т.п.).

Остановимся на этом пункте подробнее, ибо смешение различных явлений — диалектики процессов абстрагирования и абстрагирования при раскрытии диалектики предмета — приводит в логике к страшной путанице: одна из сторон процесса образования абстракций выдается за прием диалектики и диалектика благополучно оказывается лишь... диалектически истолкованной формальной логикой.

Всякое свойство предмета проявляется объективно и обнаруживается чувственно в каком-либо отношении к другим предметам. Именно это чувственно осязаемое отношение (обмен товаров) и позволяет сделать первый шаг в раскрытии самого свойства. Пока этот шаг заключается лишь в фиксации в форме абстракции самого общего отношения (обмена) и, тем самым, мысленном выделении предметов как особых (товаров).

Первоначально человек фиксирует само отношение, как свойство предмета (обмен — как обмениваемость). Но отношение и свойство, которое в нем проявляется, не одно и то же.

С т. зр. процесса отражения (истории развития и хода его в развитом способе), отношение доступно чувственному созерцанию (какую роль играет здесь абстракция, мы неоднократно говорили), тогда как проявляющееся в нем свойство может быть выявлено лишь логически.

Поясним сказанное. При практической абстракции человек фиксирует свойства предметов в их отношении к его потребностям, отношение предметов (сопоставление) служит субъективным средством фиксации в абстракции отражаемого отношения как свойства предмета. Например, полезность — способность удовлетворять потребности человека, т.е. свойство, существующее (а не только проявляющееся) благодаря отношению к человеку; мысленно фиксирует его человек, сравнивая, соотнося различные полезности друг с другом, так что со временем одна какая-либо полезность становится «эталоном» этого соотнесения, пока со временем слово «полезность» вообще не превращается просто в знак.

Уже на ранних стадиях человек не просто фиксирует вещи в их отношении к нему, но плюс к тому — в их отношении друг к другу (например, отношение, координация частей). Дифференциация этих различных аспектов — дело истории мышления. На стадии теоретического мышления — оно есть ставший факт. Человек здесь фиксирует предметы осознанно в их отношении друг к другу (способность обмениваться — в отношении товаров; отношение к субъекту — предмет можно обменять — здесь «совпадает» объективно с его реальным отношением. В науках естественных это еще резче выступает). Это отношение есть чувственный факт. **Что** объективное проявляется в отношении, дело раскрытия логическим мышлением. Не в том смысле, что человек должен выдумать из ума что-либо (если человек только ставит вопрос о том, что в отношении предметов проявляется что-

то, отличное от этого отношения, и дает название этому «что-то», он делает первый шаг к познанию его, но еще не познал, хотя абстракция уже есть), а в том смысле, что посредством ряда новых абстракций человек должен раскрыть внутреннюю связь различного. Забегая вперед, скажем: в меновом отношении вскрыть другое чувственное отношение людей — процесс их труда, и в ходе этого процесса раскрыть недостижимое для чувств, но постижимое путем раскрытия этой связи свойство — стоимость.

Если исследование не будет продолжено в указанном направлении, возможен такой факт. Меновая стоимость была абстрагирована путем наблюдения постоянно колеблющихся пропорций обмена. Поскольку вставал вопрос не о назывании факта обмениваемости, а о том, что это за «обмениваемость» как свойство самого товара, то оно представлялось как чисто внешнее отношение полезностей, создаваемое самим отношением. В применении к товару она казалась чисто умственной фикцией (меркантилисты). Взгляд на меновую стоимость, как на чисто внешнее к природе товара отношение, был одной из причин того, что теория трудовой стоимости классической политэкономии осталась лишь случайной (для метафизиков) догадкой.

После того, как, например, была образована абстракция «вес» и посредствующий процесс исчез, то на вопрос: «что такое вес», человек в лучшем случае должен поступить по примеру Диогена и указать на чувственный факт ощущения тяжести или... на гирию. В отношении меновой стоимости таким чувственным фактом является обмен полезностей и вещество эталона (деньги).

Но это не есть действительное познание. Отличие рассматриваемого нами случая от веса в том, что там еще нужно перейти от способа отражения веса к исследованию реального отношения, у нас же — реальное отношение налицо с самого начала. В отношении веса аналогии с рассматриваемым нами случаем имеет место в полной мере лишь тогда, когда предметом исследования станет весь организм процесса познания веса, массы и т.д. — т.е. организм науки.

Мы уже говорили о практической основе абстрагирования: человек практически выделяет в предметах общее и фиксирует его мысленно через сопоставление образов различных предметов, из которых со временем один становится «эталонном» и дает вещественную и чувственную основу для абстракции, как продукт процесса. Трудность в отношении рассматриваемого исследования в том, что при рассмотрении его специфики пере-

плетаются различные процессы — диалектика процессов выработки абстракций и диалектика предмета, как он существует, отвлекаясь от законов его изучения. В отношении предметов природы это, с одной стороны, еще ярче заметно, с другой, поскольку исследователь отвлекается от деятельности человека, это сглаживается. Тогда как специфический предмет Маркса — сама деятельность людей. Так, человек вырабатывает абстракцию «вес», взвешивая предметы посредством весов (через отношение равновесности предметов), но вес не проявляется в гире. Т.е. хотя процесс отражения совершается по законам диалектики (противоречие, связь и т.п. в ходе отражения), однако в этом процессе еще не раскрывается диалектика объективного процесса тяготения. Здесь еще только намечается путь к абстрагированию его. Взвешивание и абстрагирование — дело человека, а не диалектика предметов. Она **является** в деле человека, но требуется отвлечение от последнего, чтобы вскрыть ее. А это отвлечение есть целая история развития мышления.

В отношении меновой стоимости, конечно, практика есть основа её абстрагирования. Но нас сразу интересует исследование самой меновой стоимости, осознаваемой как объективное отношение. Нас интересует другой процесс абстракции. То, что мы сказали в крайне концентрированной форме, имеет сложность и важность необычайную. Повторим, подытожим в двух словах:

1) свойства предметов отражаются через человеческую деятельность;

2) процесс их субъективного фиксирования есть отношение и связь отношений субъективных образов предметов, процесс противоречивый, связанный, в нем возникает новое явление — абстракция;

3) человек фиксирует объективные, независимые от потребностей практики человека (исследователя, по крайней мере) свойства предметов в их отношении к другим (в теоретическом исследовании) и фиксирует само это отношение как свойство предмета;

4) возникает новая задача — раскрыть, что проявляется в этом объективном отношении.

Все это — история развития мышления. Постановка вопроса о «сущностях», скрытых в явлениях, — дело высокого развития и мышления и науки о нем.

Обычно все указанные выше стороны процесса отражения, как он совершается в современном научном мышлении, и этапы в развитии мышления, если рассматривать их исторически-

временную связь, смешиваются в кучу и резюмируются в пустой (в силу отсутствия внутренней дифференцированности) фразе: свойства проявляются в отношении.

Чтобы в дальнейшем не возвращаться постоянно назад, надо здесь на основе сказанного дать определение некоторых категорий. Очень краткое, «рабочее» определение. Повторяем, дело идет исключительно о теоретическом уже мышлении, предметом которого может стать и образование элементарных абстракций, и исследование вещественной деятельности человека.

Под «отношением» мы понимаем объективную, реальную связь предметов, если речь идет о процессе мышления — связь образов, в которой проявляются свойства двух предметов, «сущности», качества. Простейшее отношение — связь двух предметов. (Т-Т, например). Связь не статичная, как она воспринимается в единичном эмпирическом предмете, а движение, включающее момент замещения. В дальнейшем все эти категории «расходятся», получают дополнительные значения. Здесь они пока что слиты, если речь идет об «отношении». Отношение, точнее говоря — связь двух предметов, в которой проявляются их свойства. Это есть, в то же время, их взаимное движение.

То, что проявляется в отношении и что должно быть вскрыто, есть качество предметов, свойство.

Рассматривая дело с т. зр. процесса отражения, фиксирование качества, как проявляющегося в отношении, есть дело чувственного отражения. Само проявление свойства, качества в отношении есть **явление**. То, что является в нем, — сущность. Это — простейшее определение «сущности». Здесь «сущность» и «качество» еще тождественны.

Сущность может быть понята лишь особым путем — путем логического мышления. Чувственному содержанию она действительно недоступна. Поясним примером. Меновая стоимость есть явление стоимости. Стоимость с т. зр. наших определений — сущность первой. Каким путем она познается — первый этап его мы уже отметили. Здесь важно следующее: как бы мы точно ни познали сущность меновой стоимости — стоимость, кристаллизованный труд, — ее никакими усилиями чувственно нельзя ни увидеть, ни обонять.

Явление здесь доступно чувственному. Но явление и чувственное — не одно и то же. Явление — объективный факт, сам предмет, само свойство в явлении, есть явление свойства, сущности. И познает человек или нет предмет, сущность является

независимо от него. Это имеет первостепенное значение. Но явление постигается чувственно лишь в том смысле, что, наблюдая массу эмпирических единичных фактов, человек фиксирует его в абстракции как общее. Сущность чувственно непостижима в том смысле, что ее этим путем не отразить, не зафиксировать в мысли. Она действует на познающего через свое явление, плюс к тому — через эмпирические факты явления. Она отражается косвенно, а это и есть особый процесс ее постижения.

Категории «сущность и явление» имеют силу и для сложных явлений, и для предмета в целом. Например, для капитала в целом. Но так как процесс ее раскрытия есть сложный дифференцированный процесс исследования массы явлений, то и раскрытие сущности его равно раскрытию внутренней связи его, равно восхождению в целом. Сущность в широком смысле есть сам предмет в его внутренних связях, скрытых за внешними проявлениями, явление — тот же самый предмет в его всесторонних проявлениях. Познать явление — познать сущность; познать сущность — познать, что является; в целом — познать предмет. С т. зр. хода процесса отражения раскрытие их взаимоотношения выступает как этапы движения мысли. Так что надо различать вопрос о «сущности», как вопрос о познаваемости, как он встал в истории философии, — вопрос о «сущностях» и вопрос о «сущности», как он стоит в настоящее время в марксизме, предполагая вопрос о познаваемости решенным. Здесь речь идет уже о сущности и явлении в смысле процесса их познания. Сущность есть внутренняя связь, законы предмета. Явление — их обнаружение, проявление в сложной связи.

Выявив, что меновая стоимость есть проявление какого-то отличного от него свойства, сущности⁵⁹, Маркс отвлекается вообще от меновой стоимости, чтобы выявить, что в ней проявляется. Для этого надо данный этап исследования закрепить в особой категории — «меновая стоимость» — и тем самым закрепить эту сторону предмета. Вместе с тем, чтобы сдвинуться с этой точки, надо от нее отвлечься, «оттолкнуться». Иначе движение мысли невозможно.

Здесь особенно отчетливо видна новая роль абстракции.

⁵⁹ Маркс здесь говорит о «содержании». Мы категорию «содержание» употребляем в другом смысле, хотя их интересы — интересы «сущности» и «содержания» — здесь перекрещиваются. Можно сказать «содержание», но это требует пояснений, а мы категорию эту еще не определили.

Меновая стоимость настолько же обща товарам, как и то, что в ней проявляется. Здесь нет отвлечения от различий и выделения общего, — это очевидно, а есть отвлечение от одного свойства с целью выявить другое, отличное от него, но в нем являющееся.

Примерно такая же картина имеет место при переходе от количественной стороны менового отношения к качественной. Но там:

1) фигурировали количественные различия, а это скрывает суть дела;

2) на первый план выступает внешне логическая сторона, средство выяснения и изображения того, что в отношении двух проявляется что-то третье, содержащееся в них и проявляющееся в их отношении. Схематично:

а) 10 А обмениваются на 15 В

10 А -" - на 13 С и т.п.

б) 10 А -" - на 15 В

10 А -" - на 13 В и т.п.

Какие бы мы сочетания ни взяли, но факт отождествления, взаимного замещения различных предметов налично. Важно тождественное, одинаковое в них. Что это?

Меновая стоимость не является особым свойством товаров в том смысле, как количественные и другие различия ее случаев по отношению к факту обмена. Она — общее. Но она и не есть общее, как потребительная стоимость. Она — особое. **Процесс сравнения здесь по существу закончен.** Отношение меновой стоимости к тому, что в ней проявляется, отношение особого рода. Они обе и общее и особое, одинаково общие и особые. Здесь весь процесс должен идти в сфере особого общего и общего особого, — а это есть раскрытие внутренней связи **одного и того же.**

Отвлечение от меновой стоимости элементарным путем означало бы переход к более широкому кругу предметов, например, к потребительным стоимостям. У Маркса этого не происходит: отвлечение от меновой стоимости с целью раскрытия того, явление чего она представляет, оставляет Маркса в рамках данного круга предметов. Это и понятно, раз исследуется само общее в его «строении».

Отвлечение от меновой стоимости указанным образом составляет переломный пункт, определяющий всю физиономию процесса. Когда он принимается во внимание заранее (как способ исследования), он определяет ход процесса до этого пункта

(например, характер отвлечения от потребительной стоимости). Вместе с тем, он определяет дальнейший ход исследования: требует его продолжения. Но последнее еще не заключено в том, что мы называем «что-то», проявляющееся в меновой стоимости, «стоимостью». Последнее, да и сам переломный пункт, представляют лишь преходящие моменты того целого мысленного процесса, одну лишь сторону которого мы рассмотрели.

Что это так, доказывает история науки. Даже выявив, что меновая стоимость определяется трудом, даже (в какой форме, неважно) абстрагировав факт стоимости, экономисты до Маркса не поняли и не могли понять, что такое стоимость, как общественный труд. Они хотели невозможного: представить ее эмпирически.

Исследование, стихийно встав на указанный путь, может ограничиться лишь выработкой новой абстракции, не анализируя того, что абстрагировали, ограничиваясь дефинициями.

Третий этап (или точнее, момент)

После отвлечения от меновой стоимости в товарах осталось только одно чувственно-практически заметное свойство: все они являются продуктами труда.

Но раз произошло отвлечение от потребительной стоимости, то надо отвлечься и от особенностей полезного труда, создающего данную потребительную стоимость (например, от особенностей труда сапожника, создающего сапоги). Различные виды полезного труда сводятся к абстрактному человеческому труду, к труду вообще, к затрате труда вообще безотносительно к форме затраты.

Как кристаллизация этого «труда вообще», товары суть стоимости. То, что выражается в меновой стоимости товаров, и есть их стоимость.

Но объявить «труд вообще» источником меновой стоимости и на этом остановиться, значит пережить все злоключения «классической политэкономии». И вот почему.

Выше мы говорили, что характер отвлечения от меновой стоимости у Маркса оставляет его в пределах того же круга особых предметов и направляет исследование вглубь. А это предполагает ряд условий.

В том случае, если исследователь идет стихийно к сущности явления (меновая стоимость) и при этом упускает из виду, что это — сущность именно данного явления (меновая стоимость), то неизбежен выход за пределы этого явления, т.е. потеря его специфики.

«Классическая политэкономия» свела меновую стоимость к труду. Но затрата труда свойственна продуктам труда всех эпох. Товар в сознании, т. о. выступает как явление не историческое, свойственное всем эпохам. Это вполне соответствовало метафизическому мировоззрению экономистов. Точнее говоря, наоборот: сознательный подход к товару как к явлению неисторическому с необходимостью привел к тому, что особенное (товар) было сведено к общему (продукт труда).

Отсюда напрашивается вывод, что исторический подход к предмету заключается не в том, чтобы произнести кучу резонерских фраз о «происхождении», «возникновении» и т.п. Он заключается в особом способе анатомирования предмета, который является необходимым условием конкретного объяснения исторического характера данного предмета. В рассматриваемом аспекте этот способ выражается в том, что абстрагирует исследователь в предмете.

«Политическая экономия анализировала... стоимость и величину стоимости и раскрыли скрытое в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами — почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, — в величине стоимости продукта труда»⁶⁰.

Т.е. экономистам даже в голову не приходило, что надо выявить то содержание, которое выражается в данной форме — в форме меновой стоимости. Потому-то они и свели товар (особое) к общему, а не вывели его как особое явление, — если взять конечный итог. Сведение к общему, вполне уместное при выработке абстракций, будучи применено при рассмотрении внутреннего строения особого предмета дало метафизику. И наоборот.

Но чтобы выполнить это условие, надо в процессе исследования **различить форму и содержание исследуемого предмета**. При чем различение не может быть осуществлено чувственно: исследуется один и тот же предмет. Люди обменивают товары, но что проявляется в этом отношении, — выявление этого содержания требует **логического** исследования. Оно скрыто от глаз. Более того, оно требует особого логического процесса. Выше мы показали, что анализ меновой стоимости выявляет, что в ней проявляется что-то, отличное от нее. Здесь уже намечается различение формы и содержания, но этого еще мало: надо выяснить: что именно?

⁶⁰ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 26.

Этим «что-то» не может быть полезность та или иная. Различие полезностей — условие обмена: сапоги на сапоги не обмениваются. Но именно потому, что как полезности обмениваемые товары различны, та или иная полезность не может служить основой приравнивания товаров.

Чтобы не усложнять дело, мы оставим в стороне «мнение», «спрос и предложение» и т.п., что предлагалось в качестве основы обмена. Раз товары обмениваются, значит в них самих должно быть нечто одинакового качества. Единственно общим у товаров остались затраты труда.

Фиксирование труда как субстанция, сущности стоимости в отличие от меновой стоимости есть новый шаг в исследовании, в различении формы и содержания. Но и он еще не достаточен. Выше мы показали, что остановка на этой стадии сводит на нет новый аспект исследования. Исследование должно быть продолжено. Таково третье условие.

Как обстояло дело у «классической политэкономии» в отношении различения содержания и формы? Сознательно для них такой способ расчленения предмета не существует. Так они рассматривают форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. С другой стороны, она не могла рассмотреть стоимость независимо от меновой стоимости и постоянно смешивала их, что вело к страшной путанице.

Отсутствие этих двух условий с необходимостью сказалось на третьем.

Экономисты заявили, что величина меновой стоимости определяется количеством труда, необходимого на производство товара, что субстанцию ее составляет труд вообще. Что это за «труд вообще»? Если речь идет об абстракции, обозначающей различные работы, то эта абстракция могла быть выработана и независимо от исследования товара. Но экономисты исследовали буржуазную экономику и, выделив «труд вообще» сделали нечто большее, нежели выработали абстрактно-общее от видов труда: абстрагировали труд вообще как источник буржуазного богатства (стоимости). Их метод мышления, однако, признавал только один тип абстракции: абстрактно-общее от эмпирических отдельных случаев и видов. «Труд вообще» для них представлялся как абстрактно-общее по отношению к эмпирическим отдельным и особым работам (подобно тому, как «стол вообще» по отношению к отдельным столам). Естественно, что

когда вставал вопрос: чему соответствует эта абстракция, то экономист единственно что мог сделать, это указать на труд сапожника, ткача и т.п. — т.е. на полезный труд. Но полезный труд создает потребительную стоимость. А меновая создает «труд вообще». Но что же такое это? Неужели абстракция «труд» создает меновую стоимость?

Экономисты ставили задачей отыскать меру меновой стоимости. Единственно реально общее, что они при своем методе мышления могли увидеть, это — количество труда. Но количественное приравнивание предполагает качественное тождество. В стоимости кристаллизуется не количество труда, а труд вообще, а количество его кристаллизуется в величине стоимости. Что же это за проклятый «труд вообще»? Если остаться на позициях элементарной абстракции, тогда снова и снова придется проделать этот «порочный круг».

Маркс отвлекая от меновой стоимости, чтобы раскрыть ту сущность, которая проявляется в ней. Потому меновая стоимость должна постоянно иметься в виду, как то, что подлежит объяснению. Ее надо объяснить. Отвлечение означало лишь то, что познание — прерывистый процесс, фиксируемый в определенных точках — в категориях. Только связь их и образует движение мысли.

Сущность, субстанция меновой стоимости фиксируется в отличие от нее особой категорией — «стоимость». Стоимость предстала как кристаллизация труда вообще.

Маркс отвлекая от полезного характера труда. Но не отбросил, а констатировал его в особой категории. Отметил, что он воплощается в особой потребительной стоимости продукта, что он является вечным условием жизни общества, что он общ всем эпохам. Но он отвлекая от него, ибо труд вообще означает отвлечение от его особенностей как полезного труда. Вопрос встанет теперь так: что реально означает это отвлечение.

К тому же ведет анализ труда о количественной стороны.

С количественной стороны рассматривая дело — мы сталкиваемся с переменными и различными величинами.

1. Различие в сложности труда. Их Маркс сводит к простому труду (элементарная абстракция означала бы выработку абстракции «степень сложности»).

2. Различие в производительности труда отдельных производителей: один производит за то же время товаров больше, чем другой. Маркс эти различия сводит к среднему труду.

3. Наконец, на один и тот же продукт различные люди тратят различное время. Эти различия сводятся к труду, общественно необходимому при данных условиях и средней степени умелости.

Все эти различия реально сводятся к простому, среднему, общественно-необходимому труду. Этим реальным процессом сведения является то, что люди фактически приравнивают свои работы, сравнивая продукты своего труда. **Обмен выступает для них как средство выразить свой особый труд**, как труд вообще и количественно приравнивать. Меновое отношение выступает как форма, средство проявления отношений людей в процессе производства. Именно в этом специфическом отношении — в обмене продуктами труда — виды и различия полезного труда сводятся реально к труду вообще

Труд вообще, как имеющее место реальное отношение между людьми (а не труд в отношении человека к природе), есть специфическое свойство труда, создающего товар. Это — экономическое отношение людей в процессе труда, выражающееся в форме меновых отношений. Первое есть содержание второго. Второе — форма первого.

В чем заключается содержание менового отношения? Хотя исследуется отдельный товар, однако предмет исследования в целом есть предпосылка этого исследования. Мы уже видели, что в определении закона стоимости необходим учет взаимодействия, связи массы товаров, включающих различия. Здесь — точно так же. Выразить в мысли содержание менового отношения — указать необходимые условия его возникновения и существования: обмен товаров предполагает различие потребительных стоимостей (вот она «отброшенная» сторона), т.е. различие видов труда — разделение труда; обмен предполагает отчуждение товара, т.е. собственность на него — частную собственность на средство и продукт труда. Только при этих условиях продукт принимает форму товара, а отношение людей — форму отношения вещей; труд вообще — форму стоимости, величина его — форму величины стоимости. (Мы оставляем все детали исследования товара Марксом, — они могут быть поняты после рассмотрения различных сторон восхождения).

На третьем этапе особенно отчетливо видно, что суть абстракции в рассматриваемом случае — не «отбрасывание». Она — лишь сторона, средство совсем иного движения мысли — раскрытия внутренней связи одного и того же предмета.

Т. о., если рассмотреть процесс исследования товара Марксом со стороны абстракции, мы имеем:

1) на первом этапе абстрагируется отношение, в котором все различия данных предметов оказываются безразличными. Это отношение представляет общее свойство данных предметов и, вместе с тем, составляет их особенность;

2) на втором этапе выясняется, что в этом отношении проявляется какая-то, отличная от него, сущность, субстанция. Происходит отвлечение от самого отношения, как от проявления, с целью выявить, что в нем проявляется, — его сущности;

3) на третьем этапе выясняется, что проявляется в форме данного отношения, т.е. раскрывается не просто сущность явления, но другое отношение, и как момент процесса — раскрытие сущности. Центральный пункт, связующее и определяющее звено процесса — 2 этап. Но он ничто без 1 и 3. 1 этап дает специфику предмета в его внешней осязаемой форме, т.е. выявляет предмет исследования, что должно быть исследовано. 3 этап раскрывает то содержание, которое проявляется в данной осязаемой форме, и дает возможность ее объяснения.

Процесс — единое целое, внутренне связанное целое, особое мысленное образование, являющееся следствием, реализацией и условием диалектического подхода к предмету. Процесс этот предполагает обязательно различные суждения, умозаключения, абстракции, сравнение и т.п. Но если выделить, указать в нем главное, специфическое, что отличает его как целое от указанных логических процессов, входящих в его состав, от простого скопления суждений, умозаключений и от скопления, основанного на принципах этих умозаключений, — если указать в нем главное и, следовательно, специфическое, то это будет движение мысли от формы проявления к тому, что в ней проявляется, к содержанию. Вместе с тем, это — процесс объяснения формы проявления. Схематично можно изобразить так: «форма — содержание» и, одновременно, «содержание — форма». Эти две стороны процесса неразрывно связаны.

Например, выявив в меновой стоимости определенное социальное отношение, Маркс тем самым объяснил меновую стоимость как способ выражения, проявления этого социального отношения.

Рассмотрим категории «форма и содержание», в особенности в их отношении к сущности и явлению.

Содержанием мы будем называть то отношение, которое проявляется посредством другого, отличного от него. Формой — средство проявления, существования, движения содержания, — отношение, в котором проявляется другое, образующее его содержание. Так, меновое отношение есть проявление отношений людей в процессе производства.

Смешивать эти категории с категориями «сущность и явление» нельзя. Здесь, с одной стороны, различные аспекты отражения, с другой — различные средства и задач.

Второе различие: если требуется раскрыть сущность товарных отношений, как они являются, и объяснить это явление, путь от формы к содержанию и наоборот есть одно из средств, причем — основное, исходное, решающее средство решения задачи; что он совершается при посредстве других процессов, ничуть не влияет на то, что во взаимодействующем целом процесса познания мы можем выделить определяющий процесс, раз нам требуется понять зависимость самого механизма познания.

Различие аспектов. Сущность и явление в применении к частностям единого целого, а не к целому в целом, принимают статический характер. Например, сущность меновой стоимости — стоимость кристаллизации труда, сущность зарплаты — стоимость рабочей силы. Тогда как категория «форма и содержание» с самого начала ставят вопрос о связи, движении в самом предмете.

Поскольку у нас идет речь об исследовании сложного, развитого, связного и т.д. предмета, то отношение частных в их сущности — момент, зависящий от основных закономерностей, исследования предмета. Потому мы категории «сущность» и «явление» оставляем совсем: надо раскрыть сущность предмета во всех его явлениях и объяснить сами эти явления. А нам надо выяснить основные стержневые процессы этого раскрытия. Если в контексте конкретного исследования словоупотребление не может быть строгим (содержание или сущность стоимости — в контексте ясно, о чем речь), то в работе специально о процессах мышления определенность категорий есть первое элементарное условие решения задачи. Сказать ли, например, что сущность меновой стоимости — стоимость, или это — содержание; или сказать, что сущность товарных отношений — определенное социальное отношение людей; или это — содержание, — в контексте не имеет существенного значения. Но для нас имеющие здесь место различия важны. Одно

дело — раскрытие одного отношения в другом, другое дело — сторона этого процесса — раскрытие стоимости в меновой стоимости, труда и стоимости⁶¹.

Выше мы указали три этапа движения мысли от меновой стоимости к ее содержанию. Центральный этап, сказали мы, определяющий. Но сам этот этап является таковым лишь благодаря единству процесса «форма—содержание». Он играл роль в выработке этого единства, как постановка проблемы, разрешить которую средствами созерцания нельзя. Однако требуется еще одно условие для выработки и направленности этого процесса.

Если рассмотреть основные элементы содержания товара — разделение труда и частная собственность на средства и продукт труда, — то возникает вопрос: зачем весь сыр-бор загорался, ведь все эти факты доступны созерцанию. Более того, даже заметно то, что люди, чтобы жить, должны и имеют возможность обмениваться продуктами своего труда. Эти факты — процесс труда, разделение труда и частная собственность — действительно факты созерцаемые. Однако созерцание их как таковых ничего еще не дает: эти элементы не связываются с меновой стоимостью таким же образом, как части и свойства в воспринимаемом предмете. Для созерцания они как раз выступают как различные явления. Что обменивая товары, люди приравнивают свои работы, или через этот процесс, как будто ничего не имеющий общего и с их делом или являющийся одним из дел, выражают свой труд как общественный, как звено совокупного общественного труда, что через этот процесс проявляется особый общественный характер их работ, это не созерцается. Для созерцания прежде всего выступает внешняя самостоятельность и независимость работ производителей.

С другой стороны, если возникла проблема в ходе теоретического исследования товара выяснить, что проявляется в меновой стоимости⁶², то логические заключения о том, что в товарах есть нечто одинаковое, отличное от самой меновой стоимости, еще ничего не дают для выяснения того, каково это «что». Необходимо наличие и созерцание в его проявлениях того содержания (отношения), которое проявляется в меновом. Логическое мышление лишь раскрывает их внутреннюю связь — связь

⁶¹ Речь говоря: сущности меновой стоимости — ошествленый мертвый труд, а содержание — отношение людей.

⁶² В истории политэкономии: имманентное самим товарам мерило меновой стоимости.

особого рода — связь содержания и формы, проявление одного отношения в форме другого или, точнее, понимание их как одного и того же единства в различных моментах. Понимание это — не просто декламирование связи, а есть процесс раскрытия умом одного в другом и наоборот. Указанные два условия есть абсолютная необходимость понимания.

Следует еще помнить, что исторически, в ходе исследования предмета проблема, хотя и косвенно, неосознанно, встала именно в такой форме. Кроме того, когда встает вопрос о товаре, он встает как вопрос о клеточке (стихийно это или сознательно — это сказывается на результате, но не влияет на скрытую необходимость хода мысли). А в такой форме скрытое в товаре содержание настолько модифицировалось, что уже не является его содержанием: здесь мы уже имеем с одной стороны — собственников, с другой — людей лишенных собственности.

Обнаружение того, что на втором полюсе товаром является рабочая сила, требует еще ряда условий, «не существующих» при исследовании товара, но вместе с тем, последнее есть само условие для этого (раскрытие различия живого и мертвого труда).

Необходимость обоих указанных условий видна еще из следующего.

Стоимость, как сущность, субстанция, содержащаяся в самом товаре, есть кристаллизация труда вообще. Но это овеществление не есть превращение в осязаемое вещество. Если не вскрыто содержание менового отношения, то можно сказать лишь следующее: зафиксировать труд в абстракции — это созерцаемый факт; выяснить, что величины пропорций обмена зависят от затрат труда (нащупать, так сказать). Но что такое стоимость — остается загадкой. Сказать, что стоимость есть труд, значит смешать живой труд с трудом, как он кристаллизовался уже в стоимости, с мертвым. Это смешение исключило для экономистов возможность понимания капитала. Лишь раскрытие в меновом отношении экономического отношения людей в процессе труда дает возможность решить проблему.

Раскрыть содержание менового отношения — еще не значит просто указать на труд, разделение труда. Надо эти обстоятельства вскрыть в меновом отношении, в форме.

Указание на эти обстоятельства еще ничего не говорят о том, что мы исследовали содержание менового отношения: надо раскрыть их проявление в этой форме. История науки показывает, что рассмотрение этих отношений независимо друг от дру-

га (в указанной форме зависимости) ничего для их понимания существенного не дало. Меркантилисты знали, что товар надо произвести, знали о разделении труда и частной собственности, но это не помешало им рассматривать меновую стоимость как внешнее товару отношение. Физиократы знали о наличии движения денег как капитала, анализировали процесс капиталистического труда, но не смогли понять капитал в его специфической форме движения.

Наличие двух указанных условий — созерцание различных отношений и особое направление логического процесса — имеет еще существенное значение в отношении движения самой мысли в целом. Мы рассмотрели одну сторону процесса — движение от формы к содержанию. Но сам ход этого процесса постоянно показывает, что все предпосылки, из которых исходит углубление (так мы будем называть эту сторону), постоянно имеются налицо и мыслятся. Вместе с тем, от них постоянно происходит отвлечение.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что процесс «форма-содержание» есть одновременно противоположный процесс «содержание-форма», или движение к форме. Раскрытие содержания есть объяснение формы, объяснение формы есть раскрытие содержания.

Весь процесс, если исходить из готовых результатов, представляется как топтание на месте. Куда, кажется, проще было бы сказать, что при разделении труда и частной собственности на продукт труда люди должны обмениваться продуктами труда. Но эти условия обмена еще должны быть поняты как таковые. А во-вторых, процесс начался именно с меновых отношений. Стоит здесь поставить вопрос: чем определяются пропорции обмена, как вся история должна повториться сначала. Иллюзия топтания на месте создается в связи с тем, что предмет расчленяется мысленно на такие «стороны», которые не укладываются в рамки элементарной абстракции.

С другой стороны, если исходить из готовых результатов, наоборот, создается впечатление однообразного движения вперед без возвращения назад, — процесс схватывается односторонне: то как однообразное прибавление новых сторон, то как однообразное от них отвлечение.

На самом деле это двусторонний, противоречивый процесс, имеющий специфику в отношении абстракции: здесь отвлечение от ряда обстоятельств происходит таким образом, что мысль

направляется вглубь, но вместе с тем то, от чего отвлекаемся, есть условие углубления и есть предмет объяснения посредством углубления.

Конечно, выделение указанной зависимости процесса познания есть абстракция, поскольку эта сторона мышления в чистом виде в конкретном исследовании никогда не выступает. Но эта абстракция необходима при анализе способа мышления, если мы не хотим остаться при пустой фразе о «связи». Схематично процесс можно изобразить так:

1) форма предмета, или предмет, как он является в отношении (или системе отношений). Исследование ее;

2) содержание, или предмет в его внутренних отношениях. Исследование их;

3) возвращение к форме.

Путь от первого ко второму этапу и от второго к третьему совпадает как различные стороны одного и того же процесса.

Процесс постоянно фиксируется посредством категорий («менная стоимость», «стоимость» и т.д.). Но дело не сводится к ним. Процесс есть совокупная связь различных форм мысли. Внутреннюю ее зависимость мы и абстрагируем в форме данного процесса.

Когда речь идет не о простейшем отношении, а о сложном целом, то указанная зависимость наиболее абстрактно характеризует тенденцию понимания предмета и совпадает с понятиями о сущности и явлении: в массе явлений вскрыть сущность и проследить ее проявление. Но это крайне абстрактно. Как только встает вопрос о последовательности решения задачи, возникает необходимость абстрагирования клеточки, а анализ последней ставит задачу рассмотренного расчленения предмета.

Рассмотрим еще один пример для иллюстрации сказанного. Здесь обнаруживается и ряд новых сторон. Это — исследование капитала. Исследование капитала начинается точно так же с фиксирования его во внешнем отношении различных предметов, во внешней форме движения, во внешней связи: Д-Т-Д'. Мы не имеем возможности рассмотреть все перипетии истории развития политэкономии. Укажем основные моменты.

Капитал в этой форме исследовали меркантилисты, и они уже столкнулись с проблемой: откуда Д. физиократы начали исследование капитала в том процессе труда, в каком создается прибавочный продукт. Что прибавочный продукт есть результат того, что рабочий производит больше, чем получает сам, это

очевидно. Выраженная в форме стоимости (в денежной, точнее), «прибавочная стоимость» есть остаток стоимости всего продукта за вычетом основного капитала и зарплаты. Но ни те, ни другие не исследовали капитал как отношение людей в процессе производства, проявляющегося в форме стоимостных, товарных отношений. На этот путь стихийно встала «классическая политэкономия» (Петти, Смит, Рикардо) — на путь объяснения происхождения прибавочной стоимости из движения стоимости, с учетом ее происхождения из труда.

Метафизический метод помешал решить задачу. Но несмотря ни на какие препятствия (метод, классовое положение и т.д.), экономисты с необходимостью натолкнулись на трудности **понимания** предмета. Постановка проблем есть необходимость познания. Решение их зависит от условий. Но первое свидетельствует о скрытой необходимости исследования.

Если предположен эквивалентный обмен, то откуда прибыль? $D=I$; $T=D'$, а $D \neq D'$. Вместе с тем, прибыль «возникает» (капиталист ее получает) благодаря процессу обращения.

Прибыль возникает и в обращении, и не в нем — такова проблема, которая в истории науки встала в форме борьбы различных теорий. С другой стороны, прибыль создается в производстве. Но как она возникает как прирост стоимости? За средства труда заплачено, труд рабочего оплачен, откуда же она? И хотя ясно, что прибавочный продукт создан рабочим, физикраты объявляют источником прибавочной стоимости землю.

Проблема не исчезает и в «классической политэкономии». Но трудности приводят Смита к отказу от закона стоимости в условиях капитала. Рикардо устраняется от проблемы, создавая лишь видимость объяснения прибыли из различия в производительности труда, т.е. объясняет (односторонне) различие в прибыли, но не самую прибыль. В рациональном мышлении прибыль, созерцаемый факт, исчезает вообще.

Для решения проблемы требуется историзм в подходе к капиталу. Это очевидно. Но как он воплощается в процессе исследования? Историзм имеет место у Рамзая, Джонсона и др., но они не решили проблемы.

Точнее сказать, необходим диалектический метод исследования предмета. А последний не устраняет затруднений, он их разрешает. Это разрешение — процесс понимания.

Путь Маркса от внешней формы капитала (Д-Т-Д)¹ к его содержания (к тому другому отношению, в котором создается прибавочная стоимость) есть логический процесс, в котором противоречия, на которые наталкивается оперирующий приемами формальной логики исследователь, и неразрешимые для него, служат источником движения мысли нового порядка, нового расчленения предмета. От Д-Т-Д¹ Маркс углубляется к отношению людей в процессе производства, отношению, которое проявляется в этой форме, — к содержанию. Исследует содержание — эксплуатацию рабочего капиталистом, особое социальное отношение людей. И благодаря этому объясняет и самое форму движения капитала:

$$D-T \begin{cases} \text{ср} \\ \text{сп} \end{cases} \dots P \dots T^1 - D^1.$$

На этом примере особенно ясно видны все условия движения мысли — созерцание и фиксирование в мысли обоих отношений в их внешних проявлениях, фиксирование того, что одно предполагает другое и необходимость нового движения мысли.

Маркс здесь точно так же отвлекается от формы движения капитала и углубляется к содержанию, но точно так же исследование содержания проходит под углом знания того, как оно проявляется в специфической своей форме.

Здесь, кроме того, видно яснее и различие сторон процесса. Здесь эти стороны различаются как самостоятельные процессы. Но это обусловлено другими условиями, другими процессами. Эти стороны расчленяются в общей связи исследования как самостоятельные процессы, но их внутренняя связь постоянно сохраняет силу.

Расчленение сторон единого процесса на различные процессы обусловлено следующими причинами.

1. Процесс мышления — процесс, фиксируемый в абстракциях. И когда идет движение от формы к содержанию, то от массы обстоятельств происходит отвлечение. Происходит отвлечение и от самой формы. Хотя она как предпосылка понимания и фигурирует в исследовании содержания, однако от нее отвлекались в той форме, в какой она была зафиксирована сознанием в ее проявлении. Исследование содержания как содержания данной формы есть именно исследование — выявление новых знаний о предмете (например, превращение рабочей силы в товар, постоянный и переменный капитал и т.д.). Потому в свете этих

новых знаний иначе должен быть понят и исходный пункт. Весь путь от формы к содержанию и рассмотрение содержания в возможности и в потенции содержится объяснение формы. Но этот путь должен быть проделан действительно в системе новых абстракций. Требуется возвращение к форме. Так, Маркс, углубившись от менового отношения к его содержанию, затем возвращается к меновой стоимости, начав с движения капитала, возвращается к нему назад.

Это возвращение не есть простое изображение того, что уже известно, в «перевернутой» форме. Это в свою очередь новый процесс исследования. На базе понятого содержания в исследовании формы выявляются новые свойства предмета.

2. Но все это предполагает дополнительные процессы исследования — внутри содержания и внутри формы. — как с т. зр. нового понимания формы, так и для обособления этих процессов. (Например, раскрытие противоречия в исследовании клеточки.).

Необходимо заметить, что процесс «форма-содержание» и «содержание-форма» обособляется не в том смысле, что разрываются как таковые. Это зависимость понимания, обуславливающая определенный ход мысли, как бы он ни совершался в том или ином случае — от формы к содержанию или наоборот. Она говорит о том, что в обеих формах проявления этой зависимости она сохраняет силу, изменяется лишь форма ее проявления.

Обособляются не сами элементы зависимости, а процесс их рассмотрения: содержание может быть исследовано отвлеченно от формы и наоборот. Это мы рассмотрим в следующем параграфе.

В различных науках, в зависимости от особенностей предмета и особенностей развития науки, процесс раскрытия содержания формы и наоборот может совершаться в самой различной форме. Исследование разнообразия случаев и сторон — дело особого исследования. Мы не беремся здесь делать широкие обобщения. Заметим только, что возможность антимоний, стремление понять свойства предметов, находящихся в отношении, безотносительно к их данному отношению... источники свойств отношения, — все это способствует постановке проблемы. Фиксирование содержания в его проявлении в процессе, отличном от формы и чувственно заметном, является условием решения проблемы.

С т. зр. Категорий, фиксирующих процесс (и, следовательно, предмет) внутри уже диалектического понимания, категории, фиксирующие форму и ее стороны, — конкретные. На-

пример, стоимость более абстрактная категория, чем меновая стоимость, поскольку последняя на основе первой полнее отражает предмет. Только в этих относительных пределах можно говорить об абстрактном и конкретном, а не вообще в пределах отражения, т.е. только в пределах отражения, т.е. только в пределах восхождения.

Меновая стоимость, как исходный пункт, — конкретное явление. Меновая стоимость, понятая как проявление стоимости, — конкретное понятие о ней. Стоимость есть скрытое в меновой стоимости. Выявление ее и фиксирование в мысли есть основа для понимания меновой стоимости и в этой связи — абстрактное понятие о ней.

§ 3. Две стороны и два подразделения восхождения

В предшествующем параграфе мы говорили о том, что процессы «форма-содержание» и «содержание-форма», представляющие стороны единого процесса, обособляются и выступают как самостоятельные.

Для краткости первую сторону будем называть углублением в содержание, вторую — движением к форме. Эти обозначения сохраняют смысл и для предмета в целом, с той лишь разницей, что содержание будет представлять многократно расчлененные отношения в их внутренней связи, а форму — точно так же расчлененные их проявления во внешних отношениях. Эта разница с точки зрения процесса мышления означает, что в последнем случае углубление в содержание и движение к форме будут совокупным обозначением всех процессов восхождения, всей его структуры. Взятые в самой абстрактной форме они выступают, вместе с тем, как процессы, существующие наряду с другими.

Что они представляют стороны одного и того же процесса, очевидно: раскрытые содержания есть раскрытие содержания формы, т.е. исследование формы, движение к форме — движение к форме содержания, т.е. исследование содержания. Так, раскрытие в товаре определенного социального отношения есть объяснение первого как формы проявления второго.

В такой абстрактной постановке единство рассматриваемых сторон процесса мышления настолько очевидно, что различие их кажется несуществующим или надуманным. Кроме того, если вырвать какой-либо элемент из восхождения в целом, точно так

же различие сторон рассматриваемого процесса мышления не обнаруживается. Например, раскрыть содержание купеческого капитала — объяснить возможность его формы движения в условиях промышленного капитала.

Но указанные процессы играют различную роль в исследовании, и в силу этого они становятся различными процессами. Если бы этого не было, не было бы движения мысли вперед. Так, меновая стоимость есть проявление стоимости, стоимость проявляется в меновой стоимости, — и ни шагу дальше. Такое внешне тавтологическое отношение имеет место лишь при определении категорий (как момент в познании), соответствующих исследуемому предмету (стоимость — то, что проявляется в меновой стоимости), и при определении философских категорий «содержание и форма». Однако это не есть еще сам процесс познания предмета, а лишь момент его, и не есть изображение самих процессов познания в науке о мышлении, а лишь момент его.

Различие углубления в содержание и движения к форме обусловлено общей задачей исследования — исследованием внутренних связей предмета и (на этой основе) всех его проявлений, сторон. Лишь в общей связи процесса познания они выступают как последовательные во времени, а значит и различные, обособленные процессы со специфической функцией каждый, хотя каждый и представляет одновременно единство обоих. Так, углубление от прибыли, как она фиксируется в форме $D-T-D'$, к прибавочной стоимости, как она возникает в процессе производства и движение от второй к первой совершенно отчетливо выступают как последовательные процессы. Формула процесса, которую мы дали в предшествующем параграфе, принимает вид: форма-содержание-форма.

Эта формула имеет смысл лишь в том случае, если процесс на втором этапе отличается от первого не только по направлению, но и по задаче, а конечный пункт отличается от исходного содержанием понятия о предмете.

Рассмотрим основные случаи обособления углубления к содержанию и движения к форме и то, что вытекает из их единства. Причем мы будем говорить не об обособлении и соединении в том или ином частном исследовании, где они могут зависеть от внешних причин и случайностей, а как о всеобщей необходимости, раз имеет место восхождение.

1. Выделение объекта исследования

Углубление к содержанию и движение к форме, взятые в самой абстрактной форме (выявлено, что содержанием данной формы является то-то, что содержание проявляется в такой-то форме) можно рассматривать (когда они выступают в единстве, т.е. когда задача их выполнена) как своеобразное выделение объекта исследования. Например, буржуазный способ производства, соответствующие ему формы обмена — таков объект исследования Маркса.

Предмет, как он существует вне мышления, один и тот же, кто бы его ни изучал. Но что именно в нем обнаружат и будут специально изучать те или иные исследователи, зависит не от предмета, а от исследователей. История науки показывает, что предмет изучался все тот же, но объект изучения — что изучалось в существующем предмете — был различен. Так, меркантилисты знали о процессе производства, однако изучали специально лишь отношения торговли (в основном, прежде всего); физиократы прекрасно знали о стоимостных отношениях, но специально изучали только капитал в процессе производства со стороны его вещественного строения.

Оставим в стороне соображения «злости дня» и возьмем «классическую политэкономия», которая наиболее глубоко изучала до Маркса внутреннее строение буржуазной системы, и посмотрим, что она сделала объектом своего исследования в существующем предмете. На первый взгляд то же самое, что и у Маркса: товар, деньги, капитал, формы его и т.д. По существу, даже в самых глубоких положениях (трудовая теория стоимости, фиксирование противоположности интересов капиталиста и наемного рабочего и т.д.), «классическая политэкономия» объектом исследования сделала исключительно вещественную форму буржуазного богатства: не сам строй людей, проявляющийся в вещных отношениях, а лишь последние; так, капитал рассматривался ими лишь как накопленный труд, но не как отношение людей, проявляющееся в форме товарно-денежных отношений.

До Маркса ни один экономист не произвел такого расчленения предмета, как фиксирование его содержания и формы, — никто не абстрагировал объект исследования таким образом. Мы оставляем без внимания тенденции к этому, догадки, как например у Годскина, Р.Джонса, Чернышевского и др., а берем зрелый факт. Мы оставляем, далее, те причины, которые в

конкретной истории мешали новому пониманию предмета, как например, классовая позиция исследователя, — они преходящи. Берем дело лишь с т. зр. процесса познания, — а это остается в веках.

Что экономисты исследовали форму капитала (меркантилисты), из этого вовсе еще не следует, что они ее поняли как таковую. Они просто исследовали особые явления, и потому их не поняли. Точно так же обстоит дело с физиократами и «классической политэкономией».

Объект исследования элементарным путем выделяется посредством сравнения, — отличия данного предмета от других. Таким путем меркантилисты выделили товарно-денежные отношения. Предъявить им какие-либо претензии за то, что они сосредоточили внимание на количественных отношениях, мы не можем: почему бы это не исследовать? Другое дело, когда они взялись за решение, например, вопроса об источнике прибыли, они потерпели фиаско. Почему? Да потому, что для решения этой проблемы нужно исследовать производство и обращение капитала в их единстве, т.е. сделать объектом изучения нечто другое, чем то, что они исследовали. А для выделения последнего одного отличия мало, нужен процесс «форма-содержание» и наоборот.

Физиократы выделили в качестве объекта исследования процесс производства капитала. Они исследовали вещественное строение его, и это правомерно. Но как только они поставили вопрос, опять-таки, о источнике прибыли, они столкнулись с той же трудностью, что и меркантилисты, и дело не поняли. Здесь, правда в другой форме, сказалось отсутствие понятия об объекте исследования как единстве формы и содержания.

От того, что человек в предмете делает объектом своего исследования, зависит успех исследования. А история науки показывает, что это «что» с известного момента может быть выявлено посредством особого процесса абстракции, а не просто путем отличия объекта и возведения его в степень абстракции на этой основе.

Маркс, раскрывая в товаре и капитале определенные социальные отношения, объектом своего исследования делает это отношение, причем в той форме, как они проявляются. Выделив это в качестве объекта исследования, Маркс еще должен затем раскрыть, исследовать этот объект в его проявлениях, связях, изменении и развитии. Но раскрыв в данной форме ее со-

держание и поняв форму как проявление этого содержания, Маркс с самого начала выделяет объект как специфически-историческое целое.

Отличие выделения объекта исследования посредством рассматриваемым способом, короче говоря, заключается в следующем.

1. Выделяется объект как живое **целое**: выделяется, что проявляется, движется, и т.о., как оно проявляется, движется.

2. Выделяется объект как **специфическое целое**. При выделении повторяем, кроме сравнения, принимает участие — это главное — новый процесс абстракции.

Будучи выделен указанным способом, объект еще выступает абстрактно: отвлечено то, что «остается» в предмете, т.е. образует сам предмет, отвлеченно от его модификаций и развития. Рассмотрение последних — дело дальнейшего восхождения. Здесь же выделен, абстрагирован объект как целое еще в самом одностороннем виде. Разрыв углубления к содержанию и движения к форме с рассмотренной точки зрения возможен в том случае, если исследователь не осознает новой задачи и не оперирует диалектикой, но в силу необходимости, обусловленной предметом, должен совершать те или иные процессы хотя бы «насильственно», стихийно, вопреки собственному мировоззрению и сознательному методу. Так, «классическая политэкономия» свела стоимость к труду, и здесь есть элемент углубления, но она не вывела из анализа труда форму стоимости; физиократы уже свели прибавочную стоимость к прибавочному труду, но не смогли объяснить прибавочную стоимость как особую форму последнего.

2. Различные функции углубления к содержанию и движения к форме в восхождения в целом

Один и тот же предмет проявляется в различных отношениях. Те отношения, которых диалектик познает в одном форму предмета, в другом — содержание, в которых внешне выступают как явления предмета, внутренняя связь которых есть его сущность, в данном случае образует связь формы и содержания.

Раскрытие этой внутренней связи не есть дело созерцания. Последнее, наблюдая массу эмпирических случаев, может заметить здесь лишь внешнюю зависимость. Например, меркантилисты знали великолепно, что товар должен быть произведен,

чтобы быть проданным «с выгодой», а это есть известная связь. Но содержание данного отношения (обмена) образует не те явления, в которых оно проявляется безотносительно к форме (процесс труда), — последние суть просто другие явления.

Мы видели, далее, что путь к раскрытию в форме ее содержания лежит в особом направлении абстракций, в котором перед исследователем возникает масса проблем, он наталкивается на противоречия (не на противоречия предмета, а приходит к антиномиям).

Весь процесс установления единства формы и содержания протекает при фиксировании и учете самых различных сторон предмета. Вместе с тем, в ходе процесса происходит отвлечение, «отгалкивание» от ряда сторон. Весь процесс идет уже внутри имеющегося знания о предмете, но в результате его получается новое знание.

При движении от формы к содержанию происходит отвлечение от массы обстоятельств. Например, при движении к содержанию менового отношения — от потребительной стоимости, количественной стороны и колебаний менового отношения и т.д. Происходит именно отвлечение, поскольку стоит задача вскрыть, что проявляется в данной форме. Отвлечение особого рода: не просто на том основании, что обстоятельства различны, а мотивированно с т. зр. проблемы «что проявляется». Так, отвлечение от потребительной стоимости происходит на том основании, что в силу различия их она не может служить критерием приравнивания товаров; отвлечение от самой меновой стоимости вообще мотивируется без ссылок на различия, а тем, что в ней ее свойство лишь проявляется, тогда как надо выяснить, что оно из себя представляет и как возникает.

С другой стороны, процесс имеет задачей выявить, что проявляется в данной форме. А это предполагает учет всех сторон, обстоятельств, от которых отвлеклись. Например, чтобы выяснить, что проявляется в меновом отношении, необходимо учитывать и потребительную стоимость (ибо обмен есть их обмен) и количественную сторону (без нее нет обмена, более того, вопрос о мере ее был отправным пунктом рассматриваемого процесса в истории науки).

Мы сказали: учет всех сторон. И это не просто пожелание о полноте охвата, а факт, раз весь процесс идет в сфере уже обобщенного. Так, если мы скажем о потребительной стоимости, о факте обмена и количественной стороне, то мы в обобщенной

форме охватим меновое отношение, как таковое и как оно созерцается, всесторонне. От всего остального в абстракции произошло отвлечение. Кроме того, можно сказать «всех», ибо знание в данный момент ограничено.

При движении к содержанию констатировалось наличие обстоятельств и мотивировалось отвлечение от них. После выявления его познание не может ограничиться простой их констатацией в обратном порядке. Оно может их объяснить на базе понятого содержания. Но, мало того, оно должно это сделать, ибо в противном случае оно не может быть понято как содержание **данной формы**. Так, рассмотрение условий производства товара может быть понято как таковое лишь при том условии, что оно будет понято в той связи, в какой из этих условий с необходимостью вытекает меновое отношение.

Т. о. обратное движение к форме имеет задачей не просто фиксирование и без того известных обстоятельств, а понимание их с т. зр. понятого содержания. Например, количественные колебания меновой стоимости не просто констатируются как различия, а объясняется их необходимость и причина (стихийно складывающийся строй производства), они понимаются как необходимый способ проявления внутренней зависимости содержания (с его количественной стороны). Мы не говорим уже о том, что при движении к форме выявляются новые обстоятельства или понимаются как существенные уже известные, лежащие «под носом», но не привлекавшие внимания. Например, формула $D-T-D'$ у Маркса превращается в формулу

$$D-T \begin{cases} \text{р.с} \\ \text{с.п} \end{cases} \quad П... T' \left(\frac{T}{\Delta T} \right) - D' \left(\frac{D}{\Delta D} \right).$$

Поэтому формула «форма-содержание-форма» распадется на два различных процесса с различными функциями. Хотя каждый из них и представляет единство обеих сторон, однако их различие еще усиливается следующим.

Хотя исследователь и может заранее подходить к предмету с диалектическим методом анатомирования, однако он должен встать в той или иной частной форме (общие случаи мы уже отметили). Движущее противоречие этого углубления возникает как проблема антиномического характера. Например, прибыль возникает и в обращении и не в нем, стоимость не существует *вне* обмена, но в обмене она лишь реализуется, она существует до него и т.п. Эти противоречия лишь ставят вопрос о новом расчленении предмета и способе его понимания. Если процесс

начался и осуществится, т.е. содержание действительно раскрыто, процесс с необходимостью принимает по отношению к предмету односторонний характер, как процесс абстракции. После раскрытия содержания в силу односторонности процесса, приведшего к нему, возникает новое противоречие, — противоречие специфическое для отражения предмета **диалектическим** мышлением. Предмет отражается — созерцается и фиксируется в абстракциях в массе сторон, свойств, частей, элементов, связей и т.д. и т.п., — как сложное единое целое и, вместе с тем, абстрагирующее мышление выявило в нем его содержание. Противоречие разрешается в движении к форме проявление содержания прежде всего, и ко всем проявлениям предмета, как движущегося целого. При рассмотрении изменений и развития предмета (как он выделен посредством фиксирования формы и содержания его) возникают в процессе восхождения другие противоречия, но и все они представляют развитие лежащего в их основе основного противоречия: в данной форме вскрыто ее содержание; мышление должно на базе понятого содержания познать форму как его форму.

Здесь мы фиксируем общее противоречие отражения по его ближайшим последствиям. Другие формы его разрешения образуют другие процессы мышления.

Но познание предмета новым способом не ограничивается фиксированием содержания и формы в абстракции. Указанные противоречия и различия процессов имеют место при том условии, что содержание и форма подвергаются специальному исследованию, будучи осознаны как таковые. И в этом случае различие углубления к содержанию и движения к форме принимает форму исследования различных отношений, так что их различие и единство, их взаимоотношение, исчезает из поля внимания в силу того, что на первый план выступают другие процессы восхождения внутри этих специальных различных исследований (например, I и II «Капитала»). В исследовании же клетки (товара) точно такая же картина является следствием слитности этих процессов и их переплетения с другими.

3. Два подразделения восхождения

Абстрагировав в данной форме ее содержание, исследователь должен исследовать содержание и форму в их специфичности взаимно обособленно друг от друга и в их единстве.

Процесс исследования предмета с этой уже т. зр. принимает такой вид.

1. Исходный пункт — единство формы и содержания.
2. Исследование их взаимно отвлеченно друг от друга.
3. Рассмотрение их в единстве.

Конечный пункт не есть повторение исходного: в исходном абстрагирован объект как единство формы и содержания, конечный пункт — рассмотрение изменений и развития.

Здесь мы должны рассмотреть своеобразие абстракций, имеющих место в среднем пункте. Первый пункт мы рассмотрели. Третий пункт образует особые процессы, которые мы рассмотрим в следующей главе.

Надо сказать, что искать четкое пространственно-временное разграничение абстракций среднего пункта бесполезно: внутри каждого абстрагированного раздела совершается восхождение, причем, они могут переплетаться в ходе исследования и изложения. Смысл этих абстракций в том, каким образом содержание и форма рассматриваются отвлеченно друг от друга, образуя два основных подразделения восхождения.

Различие подразделений восхождения особенно четко выступает в сравнении второй части I тома «Капитала» (производство капитала, прибавочной стоимости) и первой части второго тома (обращение отдельного капитала).

Смысл абстракции при исследовании в каждом подразделении заключается в следующем.

Так как каждое подразделение представляет собою отношение, имеющее сравнительно друг с другом специфические черты, они и должны быть рассмотрены в их специфике отвлеченно друг от друга. При первом подходе к предмету эти различия прежде всего бросаются в глаза. Так, процесс производства товара, капитала и процесс обращения их уже непосредственно различаются как различные сферы деятельности человека, различные явления.

Раскрытие внутренней связи этих отношений, т.е. того, как одно дает содержание другому, а другое — форму первому, не устраняет различий подразделений, но влияет на характер рассмотрения их в их особенности. Рассмотрение их взаимно отвлеченно друг от друга после раскрытия отношения их как формы и содержания означает рассмотрение их особенности **друг по отношению к другу**, рассмотрение в их особенности, но в такой, в какой одно есть содержание другого, а второе — форма перво-

го, — в том виде, как одно налагает свою печать на свое другое. Например, Маркс должен рассмотреть производство прибавочной стоимости, поскольку она возникает не в обращении, но должен рассмотреть обращение, поскольку прибавочная стоимость не может возникнуть вне его (связь подразделений); производство и обращение — разные процессы, но рассмотрение их в этой разности означает теперь рассмотрение производства как производства стоимости и прибавочной стоимости, а обращения (движения стоимости) — как обращения произвольной стоимости.

Оба подразделения, как они образуют содержание и форму одного и того же предмета, как они взаимно проникают друг в друга, исторически возникают одновременно, хотя отдельно условия их возникновения или они же как условия возникновения предмета могут возникать в зародыше независимо друг от друга во времени. Исследователь, открыв их как содержание и форму одного и того же предмета, фиксирует их точно так же как «стороны» одновременно существующие. Но в процессе рассмотрения необходима последовательность в их рассмотрении. Какова она и чем определяется?

Во-первых, эта последовательность определяется ходом проникновения исследователя в предмет: раскрыв в данной форме ее содержание и чтобы получить возможность при движении к форме понять ее как таковую, исследователь должен исследовать содержание, отвлекаясь от формы указанным способом. Так, углубившись от меновой стоимости к процессу труда, Маркс исследует его отвлеченно от первой, но как проявляющейся в ней; углубившись от внешней формы обнаружения капитала к производству прибавочной стоимости, Маркс таким же образом прежде всего исследует его.

Во-вторых, эта последовательность определяется самим характером взаимоотношения подразделений как содержания и формы. Хотя они не могут существовать одно без другого, взаимно влияют и стимулируют друг друга, однако определяющей «стороной» является содержание: оно означает то, что существует и движется в данной форме, движущееся; и как оно будет двигаться — форма движения — зависит от него. (Влияние внешних обстоятельств будет рассмотрено дальше). Так, содержание товара обуславливает необходимым образом форму его проявления, средство существования движения: $T - T'$.

Исторически возможно движение познания от содержания, понимаемого просто как особое отношение к форме, и наоборот. Но если исследователь открывает зависимость отношений как содержания и формы, указанная последовательность вступает в силу.

Так как содержание и форма при всех указанных условиях рассматриваются в их взаимной особенности, очевидно, должна быть специфика и в том, что рассматривается в каждом подразделении.

А. Исследование содержания

Содержание есть то отношение, которое проявляется в форме данного отношения, или то, что движется в данной форме, движущееся — субъект движения.

Укажем основные моменты, выявляемые при рассмотрении содержания.

Раскрыть содержание данного отношения — значит раскрыть необходимые условия возникновения и существования данного отношения. Т.е. с самого начала предполагается исторический подход к предмету, возникающему и существующему лишь при определенных условиях, представляющих продукт истории. Например, раскрыть содержание менового отношения, значит раскрыть необходимые условия его возникновения и существования: разделение труда и частная собственность на средства и продукт труда.

В более сложных случаях сама форма, взятая в самом абстрактном виде (например, в форме движения капитала Д-Т-Д¹ отвлекается факт обмена) выступает в качестве условия предмета. Например, условиями капитала являются отделение рабочего от средств труда, его личная «свобода» и развитая торговля (т.е. товарные отношения). Здесь процесс исследования опосредствуется переходом от клеточки через ряд промежуточных звеньев к целому, в котором она есть клеточка. Но и здесь познание должно от внешне отличительной формы (Д-Т-Д¹) углубиться к содержанию, т.е. к тем условиям, в которых становится возможной такая форма движения.

Т.о. необходимые условия возникновения данной формы входят в содержание предмета и воспроизводятся его существованием как его следствия, — самовоспроизводятся.

Отличие здесь в том, что, когда говорится о необходимых условиях существования данной формы, они просто фиксируются наряду как существующие, возникающие, воспроизводящиеся. Когда же речь идет о содержании данной формы, то рассматривается отношение предметов в этих условиях. Например, указание условий товара есть указание на разделение труда и частную собственность, а раскрытие содержания товара есть раскрытие того, что посредством обмена продуктами люди выражают специфически-общественный характер своих работ, вступают между собой в этих условиях в определенные экономические отношения.

Грубо говоря, условия характеризуют содержание, статически они просто фиксируются как специальные условия и стороны отношения; само же содержание есть отношение, т.е. движение, связь предметов.

Говоря о необходимых условиях существования и возникновения данного отношения, не следует их смешивать с условиями вообще и с причинами. Вообще-то говоря, в философской литературе различие здесь проводится, однако терминология очень неустойчива, расплывчата. Мы не собираемся специально заниматься разбором вопроса об условиях, причинах, «основаниях» и т.п. Исключительно в «рабочем» порядке, чтобы отметить, о каких «условиях» у нас идет речь, разграничим понятия «условия», «причины» и «необходимые условия».

Под необходимыми условиями возникновения и существования данного отношения мы понимаем, как уже сказали, условия, образующие специфическое содержание отношения, зафиксированного во внешней отличительной форме, воспроизводящиеся существованием предмета, существующие, пока существует предмет, и исчезающие с ним.

Но возникновение и существование данного отношения предполагает и другие обстоятельства. Чем полнее охватывается предмет, тем полнее выясняются и последние. Они образуют «среду» существования предмета.

Исследование, исходя из уже возникшего и существующего отношения, должно раскрыть прежде всего его содержание и, значит, необходимые условия («основания»). Привлечение прочих становится возможным на этой основе и реально осуществляется как особый процесс. Степень полноты зависит от условий и задач данного исследования.

Главная задача исследования путем восхождения: раз отношение есть, существует, то каковы необходимые условия его существования. Мышление в силу собственной необходимости имеет один путь зафиксировать эти условия — абстрагируя их как стороны сложного целого путем сравнения. Потому представляется, что необходимые условия — сумма ряда общих. Например, разделение труда имеет место не только в товарном производстве. На самом деле мышление посредством суммы абстракций фиксирует единое специфическое отношение, подчеркивая фиксированием сторон его как условий специфический или исторический характер отношения.

Категория «причина» часто употребляется в смысле условия и «основания» (необходимого условия). При этом расширение сферы применения термина понимается как развитие понятия и причинной связи.

Понятие о причинной связи, конечно, развилось в марксизме, но не в смысле распространения этого значения на другие, внутренние связи, а в смысле выяснения места причинной связи в системе связей.

С т. зр. Маркса⁶³, причина есть то, что превращает возможность в действительность. Это действительно более глубокое понимание причины, — с т. зр. восхождения. Поясним сказанное. Исследование исходит из внешней формы отношения, раскрывает ее содержание и, следовательно, необходимые условия, «основания» предмета. Причем, в силу того, что это есть абстрагированные стороны содержания или абстрактно изображенный сам предмет, раскрытие их говорит лишь о том, что только при этих условиях возможен предмет. То, что эту возможность превращает в действительность, и есть причины возникновения предмета. Они находятся вне предмета, когда речь идет о возникновении его. Так, почему люди начали обменивать товары, лежит вне самих товарных отношений. Причины — вся та совокупная эмпирическая связь явлений, в силу переплетения которых возник предмет. Исследование их — дело бесконечное.

Мышлением причины отражаются путем наблюдения эмпирических причинных связей и абстрагирования (и обобщения) их. Раскрытие необходимых условий предполагает особый процесс раскрытия внутренних связей (мы рассмотрели раскрытие связи формы и содержания).

⁶³ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. 2. С. 181-190.

Мышление, чтобы зафиксировать причинную связь, должно зафиксировать последовательность причины и следствия во времени. При раскрытии содержания данного отношения выявляется внутренняя связь одновременно возникающих и существующих отношений.

Вся та бесконечная масса причинных связей, имевшая место в истории возникновения предмета, со временем исчезает, сменяясь другими эмпирическими связями. Необходимые условия остаются в предмете на всем протяжении его существования. Их исчезновение ведет к уничтожению предмета.

Мы все это говорили к тому, что либо категорию «причина» надо ограничить строго определенным содержанием: отражение последовательной во времени связи явлений, из которых появление одного ведет к появлению другого или изменение одного — к изменению другого. Либо каким-то образом выделять те связи, о которых у нас идет речь.

Кроме того, все те методы выявления причинной связи, основанные на сравнении различных эмпирических случаев, в которых встречаются или не встречаются (или то и другое порознь) причина и следствие, в рассматриваемом нами случае не применимы. Лишь после исследования можно схоластически подвести добытый посредством диалектики результат под примы формальной логики.

В рассматриваемом пункте вообще следовало бы поставить вопрос об исходном пункте предмета специально. Мы ограничимся, в заключение к сказанному, одним дополнением к вопросу об исходном пункте рассмотрения предмета.

Если строго придерживаться принципа соответствия логического процесса истории предмета в абсолютном смысле (в смысле полного совпадения их), то даже после проделанного исследования предмета диалектическим методом для педантичного осуществления указанного принципа потребовалось бы усилий в неизмеримое число раз больше, чем для раскрытия всех связей, приведших к появлению в стручке гороха пяти горошин. Это просто означало бы — отказаться от возможности познания, направив последнее в бесконечность, в прошлое.

В действительности исходным пунктом познания предмета является ставший предмет в его внешней отличительной форме. Исторический характер его и необходимые условия (а не вся эмпирическая история) его возникновения и существования еще должны быть раскрыты мышлением, если исследователь не хо-

чет отделаться пустой фразой о «возникновении». Диалектический метод, как инструмент познания, дает средства анатомирования предмета, которые сокращают в себе бесконечную массу частных, а в принципе — если это потребуется — на этой основе в тенденции (путем ряда новых сокращений — абстракций) приближаться ко все большей полноте охвата. В этой связи и такие важнейшие категории диалектики, как «возможность» и «действительность», «случайность и необходимость» должны быть поняты не просто как отражение объективных фактов (по принципу: «возможно, вечером будет дождь», где возможность отражает то, что это... может быть), а как средство познания предмета. Если речь идет о реальном процессе исследования, исходящим из наличного предмета, то указанные категории приобретают смысл определенных абстракций, производимых в предмете, и их связи.

С т. зр. восхождения причина есть то, что превращает возможность в действительность. Раскрытие необходимых условий возникновения предмета говорит лишь о возможности его возникновения. Это значит, что указанные необходимые условия есть исторический процесс, а фиксирование их в абстрактной форме есть фиксирование самого предмета в абстрактной форме. Эти условия только как обнаруженные в предмете, в его содержании выступают как таковые; возможность с этой точки зрения есть сам предмет, изображенный в абстрактной форме. Действительность — не просто факт созерцаемого предмета, а его понимание посредством абстракций — есть процесс раскрытия того, как исторически возник данный предмет.

Поскольку исследование и в этом направлении должно раскрывать систему внутренних связей, приведших к появлению предмета, и не гоняться за охватом всех эмпирических связей, и исходя из данного пункта, должно затем проследить историю абстрагированного предмета посредством того же метода, характер самих приемов по существу не меняется. Потому и внутри движения мысли в данном предмете все указанные категории выступают, но они здесь движутся на основе главных процессов восхождения, как их внешний продукт.

Остановимся кратко на некоторых категориях.

1. Возможность, действительность и причина в ходе восхождения. Кризисы, например, являются действительностью, фактом. Здесь вопрос решается не просто так: «Кризисы существуют», — вот отражается действительность. В диалектике воп-

рос стоит иначе. Кризисы — факт, надо раскрыть, почему этот факт возникает. Изображение в качестве причины кризиса разрыва актов обращения, например, не есть причина: это сам кризис в самой абстрактной форме, или возможность кризиса. Раскрыть причины кризиса — значит раскрыть всю ту систему внутренних связей предмета, которая ведет к ним. Но и здесь понятие «причины» недостаточно, раз речь идет о внутренних связях. Надо понять кризисы как необходимый момент в форме движения всего общественного капитала. Только в силу сложности и расчлененности этой формы этот процесс выступает как раскрытие причин: здесь причина понимается в смысле опять-таки уже раскрытия (обобщенного) внутренних связей («внутренняя причинность»). В этом процессе «возможность» означает, фиксирование какой-либо стороны в системе связей, «причина» — совокупное действие связей, а «действительность» — раскрытие закономерности факта.

2. Случайность и необходимость в ходе восхождения. Отклонение цены от стоимости товара в простом товарном производстве есть случайность. Что это значит? Это отклонение не вытекает из законов товарных отношений. Это отклонение причинно обусловлено. Оно случайно в указанном смысле. В буржуазном производстве это отклонение необходимо. Что это значит? Оно вытекает из имманентных законов капитала (механизм образования средней прибыли и цен производства). Процесс превращения случайности в необходимость раскрывается восхождением, и категории эти представляют абстракции, отражающие этапы восхождения и различные внутренние связи предмета. «Случайное» — то, что не вытекает из законов предмета, «необходимое» — вытекает, т.е. представляет его общую внутреннюю связь, какую-либо сторону этой связи.

Раскрыть содержание данного отношения — значит понять его как специфическое явление. Экономисты до Маркса не путали товарно-денежные отношения и капитал с другими предметами, видели их отличие. Почему, однако, имея дело с особым, отличительным предметом, они специфически-то его и не поняли?

Например, физиократы исследовали прибавочную стоимость, капитал. Анализировали вещественное его строение, т.е. процесс труда. Они не рассмотрели его с т. зр. специфической формы последнего, потому в капитале на первый план и единственно выступали черты, свойственные всякому процессу труда.

Точно так же «классическая политэкономия» видела в капитале и стоимости лишь труд, но не рассмотрели этот труд в его специфической форме.

Понять предмет в его специфике — это зависит от метода: от рассмотренного процесса, в частности. С т. зр. последовательности рассмотрения предмета с этой стороны характерным для Маркса является следующее.

1. Рассматриваются общие черты отношения, безотносительно к форме. Например, процесс труда вообще.

2. Рассматривается данное отношение как специфическая форма этого общего отношения. Например, процесс производства стоимости и прибавочной стоимости.

Надо заметить, что в этой связи проявляется относительность понятий «форма» и «содержание», только в другом смысле, чем мы говорили в предшествующем параграфе.

Рассмотрим на примере. Задача — рассмотреть отношение людей, проявляющееся в форме движения стоимости, — отношение в процессе труда.

1. Рассматривается процесс труда, т.е. рассматривается отношение человека к природе в этом особом процессе.

2. Но это отношение всегда проявляется и существует в форме отношений между людьми, т.е. в другом отношении. Но если из отношений в процессе труда вытекают отношения обмена как их форма, то из отношения человека к природе, взятого в общей форме, не вытекает та или иная общественная форма труда. Здесь нет отношения формы и содержания в первом смысле. Та или иная общественная форма труда может быть взята как факт и анализироваться.

Здесь рассмотрение общих моментов труда и переход к данной общественной его форме означает лишь подчеркивание и способ изображения специфики отношения с одной стороны.

Данное отношение в целом — их форма и скрытое в ней содержание — образуют специфическую форму общественного труда, вид его, тип.

Отношение содержания и формы в рассматриваемом смысле выступает для общих моментов содержания данной формы тогда, когда будет рассматриваться возникновение этих моментов впервые, т.е. их специфическое отличие в этой их общности.

Указанная абстракция с новой стороны позволяет выделить объект исследования и сделать последнее направленным и в этом смысле ограниченным определенными абстракцией рамками.

Мы постоянно говорим об отношении в том смысле, как его определили, — об отношении предметов. И форма есть отношение предметов и содержание. В отношении различные предметы находятся в связи, в движении, в котором они друг по отношению к другу играют различные роли, обладают различными свойствами, и в связи друг с другом образуют специфическое единство. Один без другого не существует. Один без другого утрачивает те свойства, которые они проявляют друг по отношению к другу в отношении. Это очень важно для исследования предмета в целом, ибо именно находящиеся в отношении предметы («единицы» своего рода) образуют сам предмет в его массовидности. Так, меновое отношение — отношение товаров, их содержание — проявляющееся в них отношение идей в процессе труда. Исследованию подлежат не сами эти «единицы» с бесконечным разнообразием их свойства, т.е. изолированно, а эти «единицы» как находящиеся в отношении — **отношение**. Оно образует **специфику** предмета и оно совершает историю. Так, история товарных отношений — не история Ивана, Петра, Сидора и т.д., а история **отношений** их и их, как находящихся в **отношении**.

Остановимся в этой связи на категориях «качество» и «количество», ибо с ними нам придется иметь дело. Охарактеризуем их место в восхождении.

Категория «качество» часто употребляется в смысле «отличие», «специфика». Именно в этом смысле говорят о «качественно различных формах движения». Это выделение, если вдуматься в него, полно неопределенностей. Если «качество» «отлично», то достаточно сказать «различные формы движения». Если имеется в виду, что движения различаются количественно еще, то зачем говорить «форма» в смысле «вид», «тип»: они предполагают качество. Если «формы» понимаются в том смысле, как мы определили, то либо новая тавтология (форма-движение), либо «качество» ни к чему: форма включает качество, которое в ней проявляется. Поскольку речь идет об особой форме мысли (о восхождении), такая неопределенность категории препятствует ее применению, тогда как она необходима.

Мы будем говорить о содержательности и предметности движения. А «качество» фактически имеет другой смысл, — и не смысл различия, хотя вещи по качествам и различаются. Вещи прежде всего различаются не по качествам, а по явлениям качеств в отношениях. Качество — то в **относящемся предмете**, что

проявляется в данном отношении его. Например, стоимость — качество товара, и проявляется она в меновом отношении, меновой стоимости. (Количество, как увидим далее, в отношении лишь измеряется и определяется не данным отношением).

С количеством дело обстоит сложнее. Категория «количество» в такой самой общей форме заключает, объединяет в себе самые различные категории отражающие самые различные стороны вещей: 1) число предметов, существующих наряду; 2) величину; 3) степень, как соединение первого и второго. Мы уж не берем способ их измерения.

Эти стороны «количества» надо различать. Если для простейшего отношения требуется по крайней мере два предмета («единицы»), то чтобы данное отношение было замечено и абстрагировано как специфическое и общее, требуется масса отношений, — их большое число. Исследование содержания, вскрывая необходимые условия отношения, тем самым:

1) констатирует факт значительного числа данных отношений, чтобы оно не выступало как случайное. Но этого мало;

2) констатирует факт связи, переплетения — координация этих отношений, т.е. констатирует переплетение и связь однородных отношений как единое целое.

Так как данные отношения возникают, переплетаются и растут численно в каком-то другом целом, то тот пункт, который показывает, где данные отношения окрашивают в свой цвет прочие отношения целого, зависит от взаимоотношения различных отношений целого. Восхождение, ставя задачей исследование данных отношений и исходя уже из развитого их организма, отвлекается от этого исторического процесса, принимая его как факт. Тем более, в ставшем предмете все прочие отношения в тенденции внутри данного целого исчезают. У Маркса постоянно такие абстракции встречаются. Например, он вообще рассматривает товарные отношения в таком виде, как будто они одни только и существуют, — он абстрагирует их.

Так как речь идет о раскрытии внутренних связей и законов целого, то в отношении целого количество во втором смысле не имеет значения. Например, разные страны и т.д. не имеют значения для понимания внутренних законов капитала, раз он существует и развивается.

(«Уровень», «степень» развития — выражение фигуральное. Если говорится о величине, то это уже не «уровень» развития, а величина, как следствие развития).

Понятие «величина» применимо, если речь идет о всяком данном целом и о исследовании внутри его, лишь к качеству. И только в этом смысле «качество и количество» соотносительные категории. Величина есть чувственная реальность качества. Само качество выявляется логически. Качество в своем количественном проявлении есть величина.

В сведении качеств к количествам потому кроется не просто глупость, а неумение пойти глубже чувственно данного. Фиксирование всякого качества в чувственной форме есть фиксирование его как количества. Без количества качество с т. зр. чувственности есть лишь одно название. Например, стоимость. Что это такое? Вся политэкономия до Маркса в лучшем случае видела в ней лишь количество (величину) труда.

Более того, качество первоначально фиксируется в форме **относительной** величины, — величины качестве данного предмета сравнительно, относительно другого предмета данного качества. Но раз исследование начало выявлять в отношении качество, оно идет и к понятию об абсолютной величине.

Например, величина стоимости товара в отношении к величине таковой другого, как она и проявляется, есть величина относительная. Безотносительно к другому — абсолютная. Но эта абсолютность, в свою очередь, относительна, лишь относительность здесь иная.

Величина и качество — это одно и то же, рассматриваемое с разных сторон, в разных отношениях.

Когда мы говорим о стоимости как о качестве, то мы этим выражаем то, что в данных условиях затрата труда принимает форму стоимости. Когда говорим о величине стоимости — величина затраты принимает форму стоимости. Абсолютная величина качестве относительна как рефлекс, форма величины другого, отличного от нее процесса, или как зависимость.

Если рост числа отношений не зависит от самих этих отношений, а происходит за их спиной, то величина качества есть всегда в данный момент величина определенная. Эта определенность ее зависит от взаимодействия массы отношений. Последнее выступает как средство, определяющее величину качества данного предмета, закономерную для данного целого в данных условиях.

Ошибки экономистов были в том, что они искали искусственную меру — способ измерения стоимостей. Маркс же раскрыл их собственную меру — зависимость, закон величины сто-

имости. (Закон стоимости: именно во взаимодействии актов обмена величина стоимости выступает как общественная величина и определяется общественно-необходимым трудом). Мера есть не что иное, как взаимная зависимость отношений, закон величины. Отклонение от него — случайность. Но в общей связи и в силу различия условий существования предметов — необходимость. Закон проявляется в форме тенденции.

Потому надо сказать, что трактовка гегелевской меры как того пункта, за которым поступает переход количественных изменений в качественные, ошибочна. По крайней мере в отношении задачи восхождения. Мера постоянно преступается, и это — форма ее проявления как закона. Вместе с тем, она действует как принудительный закон для величин качества всякого отдельного предмета. Неблагоприятные условия какого-либо предмета сказываются на нем в силу данного закона губительно. Благоприятные — в тенденции сводятся к мере. И ничего больше.

Мера изменяется в том смысле, что в тех или иных условиях она проявляется различно. Но говорить здесь о превращении количественных изменений в качественные неточно.

Рост числа отношений ведет к «качественным» изменениям в смысле возникновения нового явления. Но это — лишь одно из условий, как увидим далее.

Вообще, закон перехода количественных изменений в качественные, казалось бы, наиболее очевидный, в действительности наиболее не изученный в деталях и разнообразии закон. Отсюда, очевидно, и неопределенность понятия «количество».

Еще один пример, и мы с этим вопросом покончим. Часто в качестве примера количественных изменений, ведущих к качественным, приводят следующий: не всякие деньги — капитал, лишь достигнув известного уровня, они «превращаются» в капитал. Но здесь дело не в переходе количества в качество. Просто дело в том, что в силу ряда зависимостей в данных условиях устанавливается закономерный минимум для денежной суммы, чтобы она могла быть использована в качестве капитала. Не увеличение суммы денег превращает ее автоматически в капитал, а просто определенная сумма денег может быть использована в качестве капитала, что зависит от воли ее хозяина. От воли его не зависит мера, т.е. закон. С другой стороны, с развитием банков и кредита всякая сумма денег, даже не достигшая необходимого уровня, может быть превращена в капитал: например, покупка акций.

В. Исследование формы движения

Исследование содержания при условии указанной абстракции может совершаться более или менее длительное время и представлять законченное целое. Например, 1 т. «Капитала». Это сложный процесс, в котором предмет рассматривается с т. зр. его содержания. Но от известного предела исследование должно специально обратиться к форме движения содержания. Не говоря уже о том, что предмет будет исследован в особой его сфере проявления и, следовательно, понятие о предмете будет конкретное, это есть необходимое условие для объяснения развития предмета и понимания появления его законов в общей связи. Так, проявление закона стоимости в эмпирии показывает прямое несовпадение с ним, разные формы капитала показывают видимую самостоятельность по отношению к законам капитала вообще.

Посредствующим звеном к этому является рассмотрение формы содержания. Кроме того, задача рассмотрения законов координации целого не может быть понята без рассмотрения формы содержания, ибо лишь та, являясь средством движения последнего, включает его в систему целого.

Что такое форма? Уточним данные выше определения. Речь идет не о пространственной форме как воспринимаемый форме единичных предметов, хотя всякое отношение проявляется в форме другого в пространстве. Форма есть проявление, но не просто качества (тогда это — просто отношение), а отношения предметов. Форма есть движение, но не просто предмета, а предмета — отношения.

Внешне форма есть особое отношение и связь, движение предметов. Так, в отношении товаров (Т-Т, Т-Д) фиксируется отношение людей. Точно так же — отношения капитала проявляются и фиксируются в форме Д-Т-Д¹, Д-Т... П... Т¹-Д¹.

Когда говорится о форме, то имеется в виду всякое отношение этого рода. Т.е. не связь однородных отношений, а **всякое** отношение этого рода.

Понятие «форма» применимо и к организму предмета в целом, представляющему связь однородных отношений и различных, выросших на их основе. Но так как изображение формы движения организма в целом предполагает рассмотрение координации и субординации отношений его и вытекающих из них взаимодействия последствий, то понятие о форме в данном слу-

чае требует массы промежуточных звеньев, является продуктом восхождения, всех его сторон. Так, циклическое движение буржуазной экономики может быть легко зафиксировано в формуле: подъем — кризис — застой — процветание и т.д. Но эта «форма» отличается от того, о чем у нас идет речь. Кризис, подъем и т.д. не есть предмет в том смысле, как например, товар, деньги и т.д. Это состояние предмета. Предмет — обладающее качествами, отношение — связь предметов обладающих качествами, а приведенная выше формула фиксирует различные закономерные состояние организма в целом, есть совокупное действие всех его связей и зависимостей — проявление закона, представляющего равнодействующую всех законов организма. Здесь нужны другие понятия.

Повторяем, форма есть зафиксированное чувственно-практически отношение (связь) предметов, которая является проявлением, способом существования и движения другого отношения, являющегося ее содержанием. Понятие «форма» применимо к отдельному (всякому) отношению этого рода.

Мы говорили, почему содержание должно быть исследовано раньше формы. Абстракция при рассмотрении формы несколько отличается от абстракции при рассмотрении содержания. Если во втором случае содержание рассматривалось в его особенности, но в той, как оно определяет данную форму, то в первом — рассматривается форма в ее особенности, но в той, как она определяется содержанием. Т.е. эти абстракции взаимно дополняют друг друга, представляют единство противоположностей.

Переход от содержания к форме есть первое проявление этого противоречия и простейшая зависимость восхождения от абстрактного к конкретному.

В каком смысле содержание оказывается формой, мы уже говорили. Форма, как отношение, сама становится содержанием, если она в свою очередь, проявляется в отличии от нее отношении. Но и здесь дело не так-то просто: рассмотрение формы как содержания другой формы означает новый процесс исследования, который выясняет следующее: форма оказывается содержанием другого отношения **не как таковая, а как содержательная**, т.е. различные формы и содержание в данном пункте оказывается несущественным для проявления отношения в целом в каком-либо другом. Например, при переходе от экономических отношений к политическим первые выступают как

содержание вторых, но внутри самих экономических отношений производить различие на форму и содержание по отношению к политическим бессмысленно, да и невозможно. Потому не следует упрощенно представлять дело по аналогии с цепью причин и следствий: форма — содержание — форма — содержание и т.д., где каждое звено есть содержание по отношению к предшествующему и форма — к последующему. Это ошибочно. Это будет полным непониманием существа рассматриваемых абстракций. Содержание не превращается в форму, а форма — в содержание. Содержание и форма есть одно и то же отношение во внутренне различающихся моментах, проявляющееся в различных связях.

Наконец, последнее замечание. Товарное отношение в капитале, говорит Маркс, оказывается формой, чуждой содержанию, пустой формой. Точно так же товар в социалистическом обществе. Здесь речь идет о форме не в том смысле, как у нас. Здесь «форма» имеет смысл внешнего сходства. Тогда как у нас речь идет об исследовании отношения в его форме проявления, в какой оно фиксируется как особое отношение, отличающееся от других, а не сходное с другими. С этой т. зр. формой капитала является форма $D-T-D'$ ($D-T... P... T'-D'$), а это форма не есть чуждая содержанию. Чуждой содержанию является «форма» следующая: деньги — рабочая сила, т.е. рассматриваемый изолированно элемент формы движения капитала.

Точно так же к нашему определению формы не относится и вопрос об «отставании формы от содержания», о «сбрасывании формы» и т.п. Здесь в очень абстрактной форме ставится вопрос о развитии, и категории «содержание» и «форма» употребляются в более широком смысле. Возьмем обычно приводимые в таких случаях примеры.

1. Рассматривают производительные силы как содержание, а производственные отношения как форму. С развитием первых «в рамках» вторых, вторые оказываются тесными, сбрасываются, возникают новые. Здесь в сложной обстановке высказывается простая мысль о смене экономических формаций. Но производительные силы не есть содержание производственных отношений. Содержание есть специфическое — отношение, проявляющееся в специфической форме. Тот или иной способ связи человека с природой и есть специфическое экономическое отношение людей, которое лишь само имеет свойственную ему форму движения.

2. От общественного бытия как содержания отстает общественное сознание, как форма. Что сознание может отставать от бытия, это факт. Но у нас речь идет о процессе познания. Исследование может в каких-либо идеологических отношениях вскрыть их содержание — отношение политическое и экономическое (в конце концов) и объяснить первые, исходя из вторых.

Мы говорили об особенностях содержания и формы, как проявления одного и того же отношения в различных отношениях. Так особенности этих последних и их относительная самостоятельность и образуют то, что и с изменением одного отношения другое может исчезнуть или отстать в своей модификации. Но тогда исследователь фиксирует лишь внешнее отношение различных отношений, но не раскрывает внутреннего механизма их связи.

Категория «форма» при характеристике восхождения не означает ничего больше того, что мы сказали выше. При рассмотрении ее надо оставить в стороне разговоры о развитии и изменении: здесь исследуется одно и то же отношение. Раскрытие его исторического характера еще не есть раскрытие его развития.

Укажем в двух словах основные моменты рассмотрения формы.

1. Время. Не хронология отношения, хотя это и может быть исследовано, а отношение рассматривается как существующее во времени. Время — абстрактное время. Так как форма есть содержание в его «наличном бытии, в движении, то, естественно, должно быть учтено влияние времени. (Абстрактно).

а) Продолжительность процесса. Например, оборот капитала (Д-Т... П... Т'-Д') влияет на производство прибавочной стоимости: капитал быстрее обернется и сможет снова «производить» прибавочную стоимость. Здесь учитывается, тем самым, и время процесса производства, т.е. специфика содержания как особого отношения учитывается во времени, ибо это отношение (процессы) выступает как преходящий момент движения предмета. Производство — момент в движении капитала; Маркс рассматривает время производства в его влиянии на производство прибавочной стоимости. Рассматривает способы сокращения времени процессов производства и обращения и тенденции, вытекающие из развития и общей связи целого на него. Лишь учет всех влияний и связей может выявить действительную тенденцию. (Тенденции экономии времени и противодействующие причины).

б) Повторяемость процесса. Например, кругооборот капитала: $D-T...P...T^1-D^1 \cdot D-T...P...T^2-D^1$ и т.д. Вытекающие отсюда последствия.

Особенно важно здесь следующее. Если форма представляет связь различных отношений (уже), то внутри повторяющегося одного отношения в силу его внутренних различий совершаются одновременно различные отношения, составляющие единство. Например, кругооборот капитала есть единство трех фигур:

- 1) $D-T...P...T^1-D^1$;
- 2) $P...T^1-D^1 \cdot D-T...P$;
- 3) $T^1-D^1 \cdot D-T...P...T^1$.

Знание этого важно для дальнейшего восхождения.

2. Пространство. Опять-таки не эмпирическое место и его размеры, а учет того фактора, что движение совершается в пространстве.

Пространство, как и время, учитывается и при рассмотрении содержания. Например, рассмотрение организации трудового процесса в кооперации, мануфактуре, фабрике. Таким же путем оно учитывается и при рассмотрении формы, например, — влияние расстояний от сырья и рынка на обращение и, следовательно, на производство. Во всех этих случаях все усилия сводятся в конце концов к экономии времени, ибо «время есть деньги». Здесь и время и пространство учитываются с той точки зрения, в какой рабочее время есть мера стоимости, — т.е. в той мере, как их «ассимилирует» сам предмет.

При рассмотрении формы вопрос о пространстве и времени встает еще в иной форме. Существование данного отношения во времени означает его повторение и постоянное фиксирование его в различных точках пространства. Движение выступает в связи различных предметов в пространстве и времени, — единое и расчлененное внутренне. Это — один смысл «прерывности и непрерывности». Здесь точно так же встает вопрос о прерывности и непрерывности в другом смысле: перерыв как нарушение «нормального движения и как нормальный результат взаимодействия, переплетения массы внутренне связанных и внешне самостоятельных отношений целого. При рассмотрении формы как таковой выясняется лишь возможность перерыва. Превращение возможности в действительность рассматривается другими процессами восхождения.

Мы сказали, что при восхождении учитывается не эмпирическое время и пространство, а абстрактное. Поясним, что это значит.

Из сказанного вовсе не следует, что восхождение не фиксирует данное время и пространство — как характеристики эмпирических единичных процессов. Наоборот. Дело лишь в том, что они берутся обобщенно — как характеристики любого процесса этого рода. Например, рассматривается не продолжительность данного акта обращения (хотя она в числе прочих и дает материал для обобщений), а влияние продолжительности процесса обращения вообще на те или иные свойства капитала, — т.е. фиксируется общая связь. Точно так же — в отношении пространства: важно не измерение его, но распадение этого капитала, например, в этом акте движения в пространстве, а влияние факта того или иного типа пространственного распада на свойства капитала. Короче говоря, учет времени и пространства выступает как абстрагирование определенных связей. Мы это неоднократно повторяем, ибо это имеет первостепенную важность.

Разделение связей на пространственные и временные с т. зр. восхождения относительно, имеет смысл в определенных пределах. В отношении капитала это настолько очевидно, что не требует пояснения. Однако именно в отношении капитала это пояснение особенно необходимо: учет пространства здесь имеет теоретический и практический смысл как учет затрат времени, ибо время — деньги. Но ближе к делу.

Возьмем такой пример. Производство и обращение капитала с т. зр. анализа их как содержания и формы — одновременно существующая одна связь. Но значит ли это, что стоимость в одно и то же мгновение производится и реализуется? Конечно, нет. Надо сначала произвести, чтобы реализовать. Одновременная связь распадается на последовательные во времени процессы в ходе восхождения. Предположение одновременности в начале было особой абстракцией от времени. Затем факт последовательности был включен. Но останавливается ли анализ на этом? Нет. Когда мы берем производство и обращение в последовательности, мы опять-таки совершаем абстракцию: допускаем, что стоимость сразу (в один миг) произведена, т.е. отвлекаемся от процесса, и затем — реализуется. Эта абстракция оказывается преходящей. Далее оказывается, что производство — непрерывный процесс, постоянно возобновляющийся не так, что кончается один акт и начинается другой, а так, что акт каждой доли капитала начинается вслед за другим и получается именно непрерывный процесс. И если одна доля капитала находится в стадии производства, то другая — в стадии обращения (самая

грубая и простая схема пространственного распада капитала). И это не просто функциональное распадение, но пространственное (в самом общем виде). Т.е. учет непрерывности прерывного процесса и есть учет особого рода связей — пространственных связей. Как обстоит дело теперь с последовательностью и связью во времени? Она на данном этапе сыграла роль. Учет ее теперь оказался бы просто пустой абстракцией, неточностью. Теперь связи рассматриваются как одновременные (отвлеченно от последовательности) — как пространственные.

Изучение в деталях вопроса об одновременности, последовательности, продолжительности и т.д. в связи с вопросом о времени и пространстве очень важно. Мы не имеем возможности останавливаться детальнее. Добавим еще в резюмирующей форме: 1) при анализе ряда связей хотя и предполагается факт их существования в пространстве и времени, однако от этого факта приходится отвлекаться, — например, в раскрытии связи содержания и формы; 2) специальный учет пространства и времени выступает в определенном месте восхождения (анализ формы С); 3) различие пространственно-временных связей относительно как отвлечение различных в известных рамках связей; 4) одновременная связь означает отвлечение от последовательности, а связь в последовательности — отвлечение от одновременности; их единство — единство прерывного и непрерывного процесса; одновременность не абсолютный миг, а связь в определенных рамках продолжительности; последовательность — не абсолютное следование одно за другим, а связь в пространстве.

Какое значение имеет расчленение связей на пространственные и временные или различие этих двух характеристик одних и тех же процессов, мы еще рассмотрим в дальнейшем в связи с вопросами развития и истории вообще.

С. Рассмотрение содержания и формы в единстве

Это — не просто соединение того, что уже известно из указанных процессов, а новый процесс исследования.

1) Рассмотрение содержания и формы взаимно обособленно друг от друга есть вместе с тем рассмотрение различных отношений. Необходимо рассмотреть их взаимодействие как следствие их самостоятельности. Например, производство до известной степени может продолжаться (совершаться) хотя акт T^1-D^1 не совершается; это добавляет свою долю в нарастание кризиса.

2) Координация отдельных и различных отношений данного целого между собой совершается через форму их движения, значит рассмотрение ее предполагает рассмотрение их в единстве.

Например, существование отдельного капитала предполагает рынок, где продаются его товары, рынок труда, рынок средств труда: $D-T \begin{smallmatrix} P.C. \\ C.P. \end{smallmatrix} \dots P \dots T^1-D^1$; с другой стороны, исследование содержания капитала раскрыло его стоимостное строение ($C+Y+T$) в процессе производства; соединение этих понятий дает понятие о процессе производства (т.е. движения общественного капитала) суммы связанных капиталов (в целом. Здесь выясняется: 1) зависимость движения отдельного от общей связи; 2) сама связь отдельных — закон этой связи.

3) Наконец, рассмотрение содержания и формы в единстве есть рассмотрение изменений предмета, его развития и его законов как целого.

О. Боковые ветви

Какие бы «боковые ветви» не возникали в ходе исследования, общие законы восхождения сохраняют силу. Что это за «боковые ветви»? Например, стоимость рабочей силы принимает форму заработной платы; повременная плата — форму почасовой и т.д. Т.е. целое есть система отношений. Каждое из них может быть понято путем восхождения, как особое отношение.

Вырастая на основе центрального «ствола» восхождения, эти процессы видоизменяются в связи с этим. Во-первых, они вступают в силу после различных процессов центрального восхождения. Например, рассмотрение зарплаты и ее форм становится возможным после раскрытия стоимости рабочей силы и восхождения к форме зарплаты. Во-вторых, восхождение в связи с этим принимает «энтинематический» характер. Например, не требуется уже устраивать сложную церемонию углубления к содержанию и движения к форме при переходе от повременной платы к почасовой.

Точно так же обстоит дело в тех случаях, когда на основе выявленных в центральном «стволе» восхождения законов понимаются их важные следствия, просто как следствия, причем рассматривается их обратное воздействие на проявление указанных законов. Например, на основе понимания экономических законов капитала, как следствие их, понимается классовая борьба и ее обратное воздействие на экономику.

И «боковые ветви» и необходимые следствия могут стать предметом специального исследования. И тогда механизм восхождения должен вступить в полной мере, уже модифицированный не данным центральным восхождением — здесь он сам становится центральным, — а частными условиями и задачами исследования. (Например, «Что делать?» Ленина.)

Углубление к содержанию и движение к его форме играет существенную роль при переходе из данной области исследования в другую, с ней связанную. Например, исследование процесса труда в его общих для всякой формации моментах ведет к исследованию возникновения человеческого общества вообще в его отличии от биологической формы материи. И тогда должен начаться совершенно новый процесс восхождения, для которого все исследование буржуазной формы общества буде служить постановкой новой проблемы (если она не встала иным путем) или дает некоторый частный фактический материал (точнее, может дать).

Мы намеренно до сих пор не затрагивали вопрос о противоречии, хотя в иной терминологии он уже частично рассмотрен. В силу большой важности мы выделили его в особый параграф.

§ 4. Раскрытие и изображение противоречия

Раскрытие противоречия⁶⁴ в исследуемом предмете — центральный пункт диалектического мышления. И если приемами формальной логики можно отыскать этот источник самодвижения и развития предмета, формальная логика может уверенно заявить о своей универсальности, единственности.

Жаль, нельзя проделать эксперимент: поставить сторонника единственности формальной логики перед неизученным предметом, вооружать инструментами формальной логики, сообщить о том, что в предмете наверняка есть противоречие, и предло-

⁶⁴ Диалектического противоречия.

жить его обнаружить. Впрочем, такой эксперимент уже проделан в их произведениях. Разве случайно они больше всего на свете боятся говорить о внутренних противоречиях изучаемых ими форм, процессов мышления. Не свидетельствует ли это о том, что в исследовании своего предмета (форма мышления) они оперируют лишь приемами формальной логики и потому не могут обнаружить никаких противоречий?

После исследования Марксом товара раскрытие противоречия представляется простым делом: товар есть потребительная и, с другой стороны, меновая стоимость; это противоречиво; если экономисты до Маркса этого не заметили, так на то они и метафизики; подходим мы к товару диалектически и противоречие видим. Схематично: известно, что предмет противоречив; посредством приемов формальной логики абстрагируются его свойства; на них смотрят как на противоречие. Раз приемы диалектического мышления отрицаются, большего сказать нельзя.

Но предметы имеют массу свойств. Какие противоречивы? Почему потребительная и меновая стоимость, а не природное какое-либо свойство и полезность? Надо, очевидно, мысленно выбрать какую-то пару. Если последняя обнаружена, откуда видно, что она образует противоречие? Очевидно, надо принять во внимание проявление противоречия в каких-то последствиях. Спрашивается: «принятие во внимание», «обнаружение пары», есть это процесс мышления или нет, закономерный процесс или нет? Как бы поверхностно ни был вопрос поставлен, без этих дополнительных условий противоречие не вскрыешь. Они нас и интересуют прежде всего.

Постановка вопроса о противоречии обычно вызывает антитезу «закона противоречия» формальной логики, приводя к смешению самых различных проблем. Упомянутый закон запрещает о предмете в одно и то же время и одном и том же отношении высказывать противоречащие суждения. Однако мышление, оперирующее приемами формальной логики, наталкиваясь на диалектику предмета, с необходимостью приходит к высказыванию о предмете противоречивых суждений в одно и то же время и в одном и том же отношении, — к антиномиям. Например, прибыль возникает в обращении и не в нем. Исследуя форму движения капитала ($D-T-D'$), экономисты приходили в поисках источника прибыли и противоречивым суждениям как в одинаково возможным и невозможным: 1) если предположен эквивалентный обмен, то: $D=T$, $T=D'$, значит $D=D'$, т.е. при-

быль невозможна; 2) но чтобы увеличить деньги (получить прибыль). надо на них купить товар и продать его, т.е. без обращения прибыль невозможна. Подобные антиномии свидетельствуют о бессилии формальной логики понять диалектику предмета. Диалектическое мышление, решая такие антиномии, **вовсе не означает того, что можно о предмете сказать что-то и тут же отказаться от этого**, а означает новое расчленение предмета мыслью. Так, проникновение Маркса от обращения капитала к производству его разъясняет, что прибыль возникает в производстве, опосредствованном обращении, или в обращении, момент которого представляет производство. «Закон противоречия» в таких случаях просто ни к чему: здесь имеют место условия познания, отличные от тех, при каких действует этот закон, — здесь нет для него условий. И в подобных антиномиях их нет: умозаключения берут предмет с различных сторон. Тащить его любыми путями за уши к подобным проблемам просто нелепо. Дело здесь вовсе не в том, что имеется суждение «прибыль возникает в обращении и не в нем» и все прочие суждения «полное отрицание его или частичное — ложны (или наоборот). Антиномия эта ничего не говорит кроме того, что умозаключения, построенные на основе наблюдения одного и того же факта ведут к противоречащим суждениям, если в качестве посылок берутся различные стороны его: 1) эквивалентность обмена, и 2) необходимость превращения денег в товар и обратно.

Подобные антиномии, однако, не имеют никакого отношения к противоречиям предмета. Они свидетельствуют, повторяем, о бессилии приемов формальной логики, понять диалектику предмета, — в данном случае понять соотношение (связь) формы и содержания. Они свидетельствуют об одностороннем характере всяких умозаключений.

Далее. Принцип противоречия в диалектике говорит о наличии в предмете в одно и то же время и в одном и том же отношении взаимоисключающих и взаимопредполагающих сторон. Словесное сходство с «законом противоречия» явное. Но в том и другом случае речь идет о совершенно различных отношениях.

Отношение, которое фигурирует в формулировке «закона противоречия», есть отношение, в которое человек **«умозрительно»** ставит предмет, **аспект абстракции** каких-либо свойств предмета. Так, если человек в данном продукте в данный момент абстрагирует (или мысленно выделяет, «указывает») меновую стоимость, он не может тут же отказаться от суждения, не впадая в абсурдное противоречие.

В диалектике же речь идет о реальном отношении (связи) предметов между собой. В данном случае — об отношении товаров между собой (Т-Т').

Посредством приемов формальной логики абстрагируются находящиеся в отношении предметы и факт их отношения. Но исследование самого их отношения (связи) или их как находящихся в этом отношении (связи) — дело диалектического мышления. В частности (и прежде всего) в задачу последнего входит раскрытие проявляющегося в данном отношении и обуславливающего его противоречия.

Путаница усугубляется еще одним обстоятельством. Процесс абстрагирования какого-либо свойства предмета (и процесс мысленного изображения этого предмета, как обладающего данными свойствами), как и всякий процесс, есть противоречивый процесс, есть отношение. Так, отвлекая в товарах их свойство обмениваться, человек умозрительно соотносит данные продукты в их свойстве товаров с другим товаром, образ и имя которого становятся средством выражения в мысли меновой стоимости данных товаров. То есть умозрительное отношение само может быть исследовано как особое реальное отношение и в нем может быть раскрыта его собственная диалектика, в частности, противоречие.

Смешение законов движения мысли с законами предмета в данном пункте было бы особенно пагубно. Можно раскрыть диалектику процесса абстрагирования свойства предмета и отражения предмета посредством абстракции, но этим еще нисколько не раскрывается диалектика предмета, в котором свойство абстрагировано. В рассматриваемом случае эти различные процессы особенно переплетаются:

1) абстрагируя меновую стоимость, человек может выразить это свойство продуктов через образ и имя другого товара; 2) вместе с тем обмен — реальное отношение. Но в этом же случае ясно видно и различие: 1) одно дело — отвлечь меновую стоимость, обмен; 2) другое дело — исследовать само меновое отношение, исходя из факта зафиксированных в абстракции явлений (товар, меновая стоимость, обмен и т.д.) и оставляя без внимания то, как эти абстракции были образованы.

Итак, предметом диалектического мышления становится исследование реального отношения предметов между собой, — отношения, в котором они есть то, что они есть в их особенности, и в котором они и абстрагируются, как особые явления.

В этом отношении диалектик и должен выявить взаимоисключающие и взаимопредполагающие стороны каждого из предметов, — различные стороны, а не мистическое «и да и нет».

Из такого отношения и исходит Маркс в исследовании товара.

Рассмотрим основные моменты этого исследования со стороны раскрытия противоречия товара.

1) Итак, Маркс исходит из отношения товаров между собой. Отношение это — связь товаров, связь подвижная — взаимозамещение, грубо говоря. Далее, Маркс не просто рассматривает товар с какой-то точки зрения (их может быть сколько угодно), в данном случае, с точки зрения его обмениваемости, а сам факт обмена. Исследуется не просто отношение различных предметов. В этом смысле и отношение товара к потребности есть отношение, связь — потребление. Исследуется то отношение, в котором каждый из предметов есть то, что он есть в своей особенности, которая и исследуется. Товары только в отношении друг к другу — товары. То есть исследуется отношение однородных предметов: товара к товару (или товара к деньгам, что деньги — товар, легко установили до Маркса). Причем род их и образует их взаимное отношение. Мышление и фиксирует их как однородные в этом отношении, но отвлеченно от места в отношении. Это очень важно: имеются отношения (связи), в которых по крайней мере для одного из предметов данное отношение является внешним. Так, если человек проявляет свою природу, обрабатывая камень, то быть орудием человека из свойств камня не вытекает (в том смысле, что камень сам в силу внутренней необходимости в руки человеку не лезет).

В дальнейшем понятии «отношение» нам часто придется упоминать. Несколько слов здесь еще скажем в дополнение к сказанному уже выше. Отношение (мы будем понимать) — простейшая связь. Простейшая: 1) связь двух предметов; 2) однородных, если из рассматривать каждый сам по себе, безотносительно к месту в отношении; 3) однородность их есть единственно общее свойство и вместе с тем специфическое, отличающее от других предметов; 4) связь подвижная: имеет место взаимное замещение; в тех случаях, когда пространственное замещение ничтожно и для исследователя не играет роли, имеет место функциональное взаимозамещение или взаимобмен (или оно прежде всего исследуется, как, например, при процессе дифференциации участков живого вещества, когда функции ответной реакции на внешние раздражения берет на себя определенная их

часть). В этом смысле это — простейшее движение; 5) отношение проявляется в чувственно осязаемой форме. Все сказанное относится к клеточке. Клеточка и есть простейшая связь или отношение. Как анализ клеточки вообще есть исходный пункт к пониманию целого, так и выявление ее противоречия есть исходный пункт к пониманию всех противоречий целого.

Возникает задача: что в каждом из предметов заставляет их вступить в это отношение. Путь к этому «что» в различных науках различен. Укажем, как идет Маркс, и затем общие черты.

2) Товары приравниваются, отождествляются, значит в них есть нечто одинакового качества. Это одинаковое, как показало исследование, есть стоимость, кристаллизация труда вообще. Исторически перед политэкономией вопрос встал о мере количественных пропорций обмена; путь к качественному тождеству шел через количественное приравнивание. Более обще говоря, от тождества в одном отношении к тождеству в другом отношении. И об отношениях опять-таки здесь речь идет не в формально-логическом смысле, а в указанном. В данном случае — от тождества товаров в обмене (от обмена) к тождеству в процессе труда (к процессу труда), ибо стоимость без выявления труда, как ее субстанции — ничто.

Чтобы два предмета вступили в отношение, необходимо, чтобы они были не только тождественны в данном отношении, но и различны в нем же (с точки зрения формальной логики, это уже будут разные отношения; тогда как, мы уже сказали, тождество в одном и том же реальном отношении предполагает другое реальное отношение, в нем выражающееся). Так, обмен предполагает различие потребительных стоимостей товаров. Это прежде всего и бросается в глаза: обмен представляется как внешнее отношение различных полезностей, а меновая стоимость — лишь как название обмениваемости.

Еще раз подчеркиваем, ибо это очень важно. Все вообще предметы, даже не вступающие в связь между собой, в чем-то тождественны и в чем-то различны. Это — с точки зрения формальной логики: имеются сходные и различные свойства. Здесь же речь идет о реальном отношении: тождество и различие имеются в виду в данном реальном отношении. То есть «выбор» тождества и различия определен реальным отношением.

Уже простое созерцание фиксирует различие предметов. Но оно не фиксирует реальное тождество: оно фиксирует само отношение, как свойство предметов и в этом смысле фиксирует

их как сходное, однородное. Реальное тождество раскрывается логическим путем: здесь — путь от количественного приравнивания к качественному тождеству.

Далее. Две стороны каждого товара образуют не потребительная и меновая стоимость (последняя есть отношение). Здесь нет даже двойственности, а не то что противоречия. Две стороны товара образуют потребительная стоимость и **стоимость**. Так что формальная логика никакими усилиями не в состоянии вскрыть противоречие, если даже знает, что оно есть.

Уже одно только умозаключение: очевидно, в товарах имеется что-то одинакового качества, есть логический процесс. Но это лишь момент в движении от формы к содержанию. Без последнего данное умозаключение не дает ничего.

Все рассуждения о товаре могли бы оказаться мистификацией, если бы Маркс в меновом отношении не вскрыл отношения в процессе труда, т.е. его содержание, и если бы тем самым не объяснил, что такое стоимость как овеществление труда вообще. Это вместе с тем одно из условий объяснения того, почему указанные стороны товара образуют противоречие.

Что значит «овеществление труда в стоимости»? Труд дважды не совершается, чтобы произвести потребительную стоимость и стоимость. Он одним движением их создает. Очевидно, сам труд имеет двойственный характер. Маркс называет труд, как он выражается в потребительной стоимости, конкретным, и **тот же** труд, как он создает стоимость — абстрактным.

Конкретный труд производит видимые изменения в предметах природы, и в этом смысле воплощается в потребительной стоимости. След его, так сказать, непосредственно ощутим. Но что значит воплощение абстрактного? В теле товара нет такого же оригинала для стоимости, как и для потребительной стоимости. Исследование Маркса показало, что это воплощение есть не что иное, как проявление отношения людей в процессе труда, в обмене продуктами, люди производят один какой-либо вид продукта (разделение труда) и как частные собственности; чтобы существовать, они должны обмениваться трудами своего труда, а за тем самым они должны представить свой частный труд, как непосредственно общественный, конкретный труд, как труд вообще. То есть движение от формы к содержанию и исследования последнего как содержание данной формы есть необходимое условие понимания противоречия: открытие двойственного труда есть условие открытия двойственности товара, — оно есть это открытие.

Несколько слов к понятию «абстрактный труд». Лишь внешне эта абстракция похожа на абстракцию «труд вообще». У них есть общее: и та и другая — абстракция: и та и другая обозначает труд вообще, безотносительно к форме затраты. Но «труд вообще» — абстрактно — общее о видов труда; «абстрактный труд» отражает реальное безразличие людей к форме затраты труда, т.е. отношение людей в процессе труда, отражает труд, как он образует стоимость или как это отношение выражается в отношении стоимостей товаров. Абстрактно-общее «труд» имеет силу для видов труда всех эпох; «абстрактный труд» — лишь для одной эпохи, ибо это — содержание стоимости.

3. Раскрытие двойственности товара — одно из условий раскрытия противоречия. Следующее необходимое условие — «возврат» к той связи, отношение, движение, в котором товар выступает как товар, в котором выражается отношение людей, — к обмену. Т.е. взаимная связь предметов, в которой проявляется, грубо говоря, взаимная «потребность» их в друг друга (в простейшем рассматриваемом случае — одинаковая «потребность»), их взаимное движение, есть исходный пункт к источнику этой связи, самодвижения и, вместе с тем, конечный пункт, — иначе говоря постоянное условие или постоянный опорный пункт мысленной зависимости. Аналогично тому, как товар в своем существовании предполагает другой товар одновременно, так в данном случае понимание формы как содержательной и содержания, как выражающегося в данной форме есть одновременно существующие компоненты мысленного отношения, зависимости (раз мы еще ее берем в простейшей форме).

Указанное обстоятельство вносит важнейший корректив в то, что говорилось выше о качестве и отношении: в отношении проявляется не одно какое-либо качество предмета, а его двойственность. И эта двойственность обуславливает отношение как самодвижение (а не внешнее движение или движение под влиянием внешних причин). Так, обмен обусловлен не тем, что товар — стоимость, а тем, что он — потребительная стоимость и стоимость.

В обмене, далее, обнаруживается, что эти две стороны товара не только взаимно обуславливают (чтобы произвести стоимость, надо произвести полезность; чтобы произвести полезность, надо произвести стоимость⁶⁵), но и взаимно исключают

⁶⁵ В данных условиях — в буржуазном обществе.

друг друга. Выражаясь гегелевским языком, они взаимно предполагают друг друга или, иначе говоря, взаимно исключают друг друга, и наоборот.

Как полезности, товары различны. Их характер, как стоимостей, говорит о безразличии к этим различиям. Продавец товара выносит свой товар на рынок как полезность, но не для себя, а для других. Для него его товар есть лишь стоимость. Для его контрагента наоборот, если рассматривать с точки зрения первого. И наоборот. То есть взаимоисключающий характер этих сторон проявляется в том, что одна сторона означает безразличие к другой, и в реальном отношении они располагаются на полюсах его. Их взаимоисключающий, как и взаимопредполагающий, характер обнаруживается в реальном отношении. На каждом полюсе сохраняет значение единство сторон, но на каждом — в противоположном друг относительно друга виде. В отношении как едином стороны поляризуются относительно каждого члена отношения. Отношение выступает как взаимное проникновение членов отношения и взаимное исключение, — как взаимодействие.

Таким образом процесс раскрытия противоречия предполагает движение к форме и анализ ее как формы. Анализ формы обнаруживает противоположность полюсов отношения. Однородные предметы в силу имманентной двойственности при определенных условиях вступают в отношение и в последнем занимают различное положение, играют различную роль. Это различие вытекает из двойственности каждого, проявляющейся в отношении, оно означает различие в отношении, — реальную поляризацию внутренних различий каждого.

Несколько слов о противоречии и противоположности. Противоположность есть проявление противоречия в отношении, противоречие — скрытое единство противоположностей. Это одно и то же: противоречие есть содержание противоположности, противоположность — противоречие в реальном проявлении. Противоречие — внутреннее, противоположность — его внешнее проявление. Так что раскрыть единство противоположностей есть не просто фраза: противоположности друг без друга не существуют как таковые, а есть раскрытие противоречия в каждом из относящихся предметов.

Рассматривать относительный характер этих категорий мы не имеем возможности. Относительность их, заметим только, имеет тот же смысл, что и относительность категорий, содержание и форма.

Относительно замечаний Маркса, что метафизика понимает противоположности лишь как внешние, заметим, что в таких случаях Маркс имеет в виду противоположность как следствие внутреннего противоречия, т.е. различные нами категории не различаются: единство противоположностей и противоречие действительно понятия тождественные. Но у нас речь идет о процессе понимания, в которых моменты противоречия должны быть обязательно различны.

Соблюдение указанных нами условий объясняет и такой второстепенный вопрос, как «выбор пары». Раз рассматриваются не просто предметы как таковые, изолированно или как они воспринимаются, а их отношение, то все различия их аккумулируются в категории, отражающей их различие в этом отношении (чем они различаются с точки зрения данного их отношения, это предполагает их рассмотрение в другом отношении, например, «полезность» — различие в отношении к потребностям; а тождество должно быть вскрыто (например, стоимость).

Для полноты картины рассмотрим дело еще со стороны способа фиксирования категорий, фиксирующих стороны противоречия. На первый взгляд здесь царствуют правила «единственной» формальной логики. Уж что-то, а определение категории — дело сугубо формальной логики. А все богатства последней в этом отношении необычайно скудны: определение через род и вид или подведение под более общую категорию.

Что такое, например, абстрактный труд? Труд, выражающийся в стоимости. Все как будто на месте: род есть, вид есть. Но что такое стоимость? Кристаллизация абстрактного руда, т.е. выходит тавтология. В чем же дело?

Если бы противники особых форм диалектического мышления хоть немного вдумались даже просто в определение категорий в диалектическом исследовании, они должны были бы усомниться в верности своих воззрений и увидели бы, что определение, как оно обнаруживается в речи, есть не просто формальное средство, а содержит в себе или выражает собой способ образования понятий.

Формально-логическое определение через род и вид предполагает, что существуют другие виды с определяемыми и что эти виды существуют наряду. Иначе определение невозможно: оно основывается на сравнении различных видов или индивидов, на выделении сходного, которое выступает как род, и отличных признаков каждого вида, — отличительных друг по отношению к другу.

Посмотрим, как обстоит дело с этой точки зрения с абстрактным и конкретным трудом.

1. Допустим, что «труд» — общая категория, а абстрактный и конкретный — виды: приставки «абстрактный» и «конкретный» создают такую видимость. Однако абстрактный и конкретный труд не существуют наряду в качестве видов труда, наподобие растений и животных как видов организмов или качества и прядения, как видов полезного труда. Это один и тот же труд, рассматриваемый с разных сторон.

Далее, абстрактный труд и есть труд вообще, затрата труда отвлечена от конкретной формы затрат: ткачества, прядения и т.п. Выходит, что вид есть свой род и род другого вида, от которого от отличается. Тут как не изощрайся, выхода на пути формальной логики не найдешь.

2. Пусть конкретный труд, поскольку он общ труду всех эпох, выступает как общее, а абстрактный, поскольку он создает особое явление — стоимость — как особое. Но если конкретный труд — общее, значит все признаки его можно распространить на абстрактный и сказать: абстрактный труд есть конкретный (вид есть род), но это означает полную противоположность фактам: абстрактный труд означает как раз отвлечение от конкретного, безразличие к нему. Быть конкретным трудом действительно свойственно всякому труду во все эпохи. И труд, создающий товар, имеет эту черту. Потому, труд, создающий товар, может быть рассмотрен как вид полезного, конкретного труда. Именно труд, создающий товар, но ни в коем случае не абстрактный труд.

Плюс еще два обстоятельства.

1. Как конкретный труд виды труда различаются между собой реально. Реально одним для них в товарном производстве как раз является то, что они — труд вообще.

2. Быть трудом вообще в такой же мере свойственно всякому труду, как и быть конкретным: во все эпохи всякий труд есть затрата человеческой энергии, затрата труда вообще.

3. Пусть абстрактный труд, поскольку он есть труд вообще, — общее, а конкретный, поскольку виды труда с этой точки зрения различны, — особое.

Но и здесь та же история: быть конкретным трудом — свойство труда всех эпох, а стоимость, как кристаллизация абстрактного труда, явление специфическое. Вместе с тем и труд вообще — общее свойство всякого труда.

Единственно «разумное», к чему можно здесь прийти с точки зрения формальной логики — это объявить и абстрактный и конкретный труд сторонами всякого труда и увековечить товар по примеру домарксовой политэкономии.

Не менее вредными в данном случае являются и попытки свести диалектику вещей к диалектике общего и отдельного, общего и особого. Эта попытка заключается в следующем: известны простейшие приемы мышления, специфических для диалектики приемов не видят, но говорят о «диалектической логике», значит что-то нужно измыслить; известно, что простейшие процессы мышления подчиняются диалектическим законам, например, отдельные предметы отражаются как общее; законы мышления объявляются копией законов вещей, а раз так, то диалектика общего, особого и отдельного в мышлении есть копия таковой в вещах; «диалектическая логика» готова! Например, попытки представить отношение абстрактного и конкретного труда, потребительной и меновой стоимости, товарного производства и капитала и т.д. как отношение общего и особого. Выше мы показали нелепость сведения реальных противоречий к противоречиям общего и особого.

Являясь противниками «схематизации» диалектики, эти «диалектики» фактически подсовывают старую гегелевскую схему, только в «перевернутом» виде: предмету навязывается чуждая ему диалектика некоторых процессов мышления.

Фактически здесь за «диалектическую логику» выдается та же «диалектически» понятая формальная логика, а за приемы диалектического мышления — те же приемы формальной логики.

Путаница здесь неизбежно возникает потому, что путают два различных аспекта отражения:

1) образование абстракций путем сравнения различных, существующих наряду или в последовательности явлений. Метод этот имеет дело с рядом и друг за другом положенными эмпирическими явлениями и ведет к выработке абстрактно-общих категорий. Здесь действительно действуют приемы формальной логики, например, отношение рода и вида. Так «труд» выступает как общее по отношению к его видам;

2) исследование одного и того же предмета посредством абстракций, — здесь исследование труда, создающего товары. Потому за внешней формой фиксирования и определения категории исчезает новый процесс познания.

Познание начинается с наблюдения единичных и особых эмпирических фактов и ведет к выработке абстрактно-общих категорий. Логический анализ предмета опирается, естественно, на них — ибо он есть анализ посредством абстракций. Естественно, что они фигурируют и при решении второй задачи.

Но с их помощью в предмете абстрагируется новое. Надо, значит, выполнить те законы, которые регулируют связь этих абстракций и ведут к выявлению нового. Надо затем выяснить, как изменяется характер определения этих вновь выявленных сторон предмета.

Единственно верный подход в рассматриваемом случае должен быть такой. Маркс рассматривает одно и то же явление — труд, создающий товар. Специфику, видовое отличие этого труда средствами формальной логики можно определить только так: это — труд, создающий товар. Не впадая в схоластику, большего здесь сказать нельзя. Никакого иного видового отличия формальная логика без ошибок указать не может. Именно этот специфический вид труда Маркс и исследует. Он идет глубже: выявляет двойственность, противоречивость этого вида труда. Обе стороны его — и абстрактный и конкретный труд (их противоречие) — образуют специфику труда, создающего товары, а не та или иная сторона. Кроме того, дело ведь не ограничивается этими сторонами: есть количественная сторона (простой, средний, общественно-необходимый) и ряд других сторон, специфических для труда, создающего товар. Но лишь эти образуют качества его.

Если Маркс использует для характеристики этого труда ряд общих категорий, если стороны, будучи взяты изолированно, выступают как общие всякому труду, то из этого еще отнюдь не следует, что во всяком труде они образуют противоречие. Дело здесь в том, что мышление иначе и не может начать схватывание специфического, как только посредством абстрактно-общих категорий. Общие категории, однако, в связи, в контексте дают возможность изобразить специфическое явление. Но для этого нужен ряд условий — новый процесс мышления.

Маркс выяснил, что специфика труда, создающего товар, заключается в его особой общественной форме, особом отношении людей: частный труд выступает, как общественный в обмене товаров. То есть лишь раскрытие содержания менового отношения придает общим категориям новый характер, — выяснение того, почему труд оказывается двойственным и в чем эта двой-

ственность проявляется внешне. Раскрытие внутреннего противоречия предмета совпадает таким образом с раскрытием его специфичности. А это сказывается и на способе фиксирования, определения вновь выявленных сторон. В чем это выражается?

В формальной логике известны так называемые «соотносительные» понятия, которые могут определяться одно через другое. Например, «учитель и ученик». Но формальная логика просто констатирует наличие таких понятий, не анализируя их. Кроме того, в таких понятиях схватывается еще высшее отношение предметов. Так, определение капиталиста как нанимающего рабочего, а рабочего как нанимаемого еще не есть раскрытие их внутреннего взаимоотношения. Предметы, фиксируемые в таких понятиях, определяется и независимо друг от друга — в других процессах сравнения.

Замеченная формальной логикой закономерность определения некоторых понятий не есть привилегия некоторых, а общая закономерность абстрагирования предметов: всякий предмет абстрагируется в его отношениях к другим. Другое дело, что при этом абстрагировании человек сравнивает данный предмет (соотносит) с другими, существующими наряду, отличает его от других и выделяет сходные для данных предметов, так что субъективно фиксируется прежде всего не факт реального отношения предмета, а тот процесс отношения, который имел в итоге абстрагирование и определение предмета по его свойству.

Заметив на ряде понятий отношения предметов, формальная логика не поставила и не могла поставить вопрос о последствиях, вытекающих из процесса исследования самих этих отношений.

Рассмотрим особенности определения категорий, имеющих место в процессе раскрытия противоречия предмета, выявления качества в отношении и вообще в процессе раскрытия связи формы и содержания.

Эти определения — лишь мимолетная сторона процесса, но и в ней отражается действительный процесс мышления, — всякое определение не просто итог познания по своему содержанию, но и в своем строении зависит от хода процесса познания. Так, и определение через род и вид не есть изобретение ради удобства, есть неизбежное следствие отражения предметов посредством их отличения от других и выявления сходного внутри данного круга предметов.

В качестве примера возьмем определение абстрактного труда.

1. Абстрактный труд — труд, выражающийся в стоимости. Стоимость — кристаллизация абстрактного труда. Здесь одно определяется через другое, ибо одно проявляется, выражается в другом (это имеет место и при определении стоимости через меновую стоимость, определение качества через его проявление в отношении). Тогда как в соотносительных понятиях, фиксирующих внешнее, этого нет: капиталист, например, не проявляется в форме рабочего.

Эта сторона определения связана с процессом 1) раскрытия качества в отношении и 2) вообще с процессом углубления. Стоимость не есть сам абстрактный труд. Стоимость — застывший абстрактный труд. Это — различные явления, потому в определении нет тавтологии. Но здесь одно выражается через другое, потому создается видимость тавтологии.

2. Абстрактный труд определяется не только в связи со своей формой проявления. Он проявляется в форме стоимости не сам по себе, не взятый изолированно, а лишь как сторона, как одна из противоположностей труда. Потому он должен быть определен как таковой — в противоположность конкретному труду.

В этом противопоставлении нет никакого указания на сходство и различие. Насчет сходства — очевидно. Реально они не различаются, как предметы наряду или чувственно отражаемые различные свойства предметов. Это — один и тот же труд в его внутреннем противоречии. Стороны противоречия мышлением различаются в сложном логическом процессе: об абстрактном труде мы уже сказали; конкретный точно так же предполагает свое проявление в форме потребительной стоимости: их противопоставление предполагает еще то, как они реально различаются. А последнее есть проявление противоречия во внешнем отношении товаров, в котором конкретный труд становится проявлением абстрактного. Это — третий момент.

3. То есть с точки зрения внешнего проявления противоречия абстрактный труд определяется через конкретный, точнее, через проявление последнего в форме потребительной стоимости эквивалента.

Здесь нет соотносительного определения, ибо последнее может лишь схватить внешнее: один товар обменивают, другой обменивается, и все.

4. Наконец, абстрактный труд должен быть определен в его отношении к частному и общественному. Здесь имеет место система взаимосвязанных определений. Но каждое сможет в тот или

иной момент выступить в качестве особого определения. Например, определение постоянного и переменного капитала, основного и оборотного, стоимости рабочей силы и зарплаты и т.д.

Все сказанное, повторяем, имеет силу лишь в том случае, если под определением понимать не мертвую, раз навсегда выработанную для «удобства» форму, а понимать процесс выявления свойств предмета, лишь фиксирующийся в той или иной форме.

Интерес представляет отношение процесса углубления к противоречию и движения к его проявлению, к процессу углубления и содержанию формы и движения к форме вообще. В решении этого вопроса можно было бы пойти по такому пути: указать общее — углубленно от являющегося к скрытому, к сущности и восхождение к явлению, — и затем перечислить наряду различные типичные случаи. Тогда мы смогли бы уже дать некоторую «классификацию»: 1) углубление к содержанию и движение к форме; 2) углубление к качеству и движение к отношению, в котором оно проявляется; 3) углубление к противоречию и движение к его проявлению в отношении. Но этот поверхностный подход возможен лишь после абстрагирования этих процессов иными путями. И во-вторых, он оставляет в тени действительные зависимости процесса познания.

Действительное взаимоотношение этих процессов, на наш взгляд, таково.

1. Постановка проблемы о качестве, проявляющемся в отношении данного предмета к другому, есть элемент в движении от формы к содержанию. Но только действительный переход к последнему гарантирует раскрытие качества. Поэтому углубление к содержанию и движение к форме, являясь сложным по структуре, в целостности являются определяющим процессом и простейшим в этой целостности.

В истории познания возможны самые различные пути: постановка проблемы о качестве «толкает» исследователя «вглубь» или, наоборот, исследователь может начать с проявления содержания в отношении, отличном от того, в котором проявляется качество. Но общая закономерность, как тенденция, сохраняет силу.

2. При движении к содержанию раскрывается качество, проявляющееся в форме исходного отношения, раскрывается двойственность предмета в данном отношении. Но только исследо-

вание содержания и проникновение к нему дает возможность понять качество, двойственность и, следовательно, противоречие. Но и постановка проблемы о двойственности предмета ставит вопрос о противоречии. Здесь имеет место взаимодействие. Определяющим (целым) является углубление к содержанию и движение к форме.

В сложной форме, при исследовании не клеточки, а сложного предмета, включающего в себя клеточку, это особенно заметно. Так, раскрытие внутреннего противоречия капитала не совпадает, так как в отношении товара, с раскрытия целой системы противоречий, причем оно предполагает выявление противоречий товара и рассмотрение того, какую они теперь принимают форму.

Процесс восхождения в целом со всеми его приемами есть вместе с тем процесс исследования развития противоречий предмета, раз он имеет целью рассмотреть движение целого в его моментах и совокупности. Рассмотрение восхождения с этой стороны не входит в нашу задачу, поскольку мы рассматриваем восхождение, а не капитализм. Наметим лишь основные моменты.

Противоречие не исчезает до тех пор, пока не исчезает отношение, в котором оно проявляется, как не исчезают условия данного отношения. С изменением и развитием предмета изменяется лишь форма проявления исходного противоречия и возникают новые, представляющие «разветвление» исходного, поскольку новые отношения представляют развитие исходного. Так, с возникновением денег движение товара принимает форму Т-Д-Т. Этот единый процесс при определенных условиях раздваивается на куплю и продажу, на два противоположных акта. Не говоря уже о том, что само движение Т-Д-Т есть единство противоположностей (Т-Д и Д-Т), здесь возникает новый момент: обособление этих актов и их единство и противоположность проявляются, например, в особом новом отношении «в отношении кредитора и должника», в функции денег платежного средства. В этом случае противоречие возникает между частями процесса. Еще более сложную форму противоречие принимает в раздвоении и приспособлении производства и обращении капитала. Здесь единство проявляется в форме опять-таки особого явления — кризиса. При рассмотрении взаимодействующего целого мышление выявляет противоречивое воздействие различных явлений на одно и то же и одного на различные, противоречивые тенденции целого и т.д.

Рассмотрение всех этих противоречий есть сторона в процессе восхождения, восхождение — средство их выявить.

Если теперь взять движение капитала в простой форме: $D-T...P...D^1-T^1$, то даже в этом виде раскрыть противоречие этого явления — раскрыть систему противоречий в процессе восхождения.

Мы сказали, что нас интересует не капитализм, а восхождение и, естественно, противоречия этого процесса отражения. Мы об этом уже говорили и будем постоянно говорить, не указывая, так сказать, пальцем. Здесь же кратко остановимся на противоречивости процесса отражения в самой общей форме.

При постановке вопроса о противоречивости процесса отражения посредством восхождения, мы исходили из следующих основных соображений.

1. Процесс отражения противоречив не потому, что отражается противоречие предмета, а в силу своей собственной специфической природы. Выше мы показали, что для отражения противоречия требуется особый логический процесс. Чувственное отражение есть противоречивый процесс, но оно не постигает и в этом смысле не отражает противоречия предмета. Оно лишь может зафиксировать его внешние проявления в форме внешних противоположностей.

Отражать противоречие не значит испытать на себе действие противоречия. В этом отношении камни парижской мостовой, выворачиваемые коммунарами на баррикады, испытывали на себе каким-то образом противоречия буржуазного общества, но вряд ли отражали их. Если, конечно, отражено понимать как образ одного предмета в другом.

Процесс отражения лошастью внешнего мира протекает по законам диалектики, в том числе — противоречив. Но вряд ли кто считает, что она раскрывает диалектику вещей, их противоречия.

Раскрыть противоречие предмета — это надо еще суметь. Но всякое отражение противоречивый процесс.

2. Процесс мышления, открывающего противоречие предмета, именно в силу того, что отражается внутренне противоречие предмета и в силу того, что он совершается как процесс ряда абстракций, обладает специфической, свойственной только ему противоречивостью.

Так как процесс раскрытия противоречия предполагает специфический мысленный процесс — углубление к содержанию и движение к форме, мы здесь и рассмотрим характер противоречивости процесса восхождения в этом исходном, специфическом пункте.

Начнем «с Адама». Простейший процесс мышления есть суждение, имеющее форму A есть B [S—P]. Анализ суждения показывает, что посредством суждения (в форме суждения) человек в предмете, обладающем рядом свойств, отражает какое-либо одно или несколько свойств. Мы уже говорили: чтобы абстрагировать какое-либо свойство, требуется мысленное соотнесение предметов друг с другом, и всякое свойство впервые абстрагируется, фиксируется в мышлении как общее (одинаковое) для данного круга особых (что определяется не абстракцией) предметов. О механизме выработки абстракции в практике мы точно так же говорили. Посмотрим, как отражается предмет посредством абстракции. Возьмем простейший случай. Перед человеком воспринимаемый предмет с массой свойств. Посредством восприятия человек отличает данный предмет от других, как данный, этот. Но в то же время он абстрагировал в этом предмете какое-либо свойство, т.е. общее. В результате мысль о предмете или отражение его посредством абстракции есть противоречивое отражение: предмет отражен с массой воспринимаемых свойств как этот, и в то же время — отвлечена его одна сторона, общее. Суждение и выступает как тот процесс, в котором это противоречие разрешается, мысль существует как таковая. Самое простое название предмета (если оставить в стороне современное словообразование и взять таковое в исходном пункте, где оно по содержанию совпадает с простейшим абстрагированием) есть противоречивый процесс, процесс этот зависит от предмета, как он отразился, но противоречие и обусловленный им процесс есть особое противоречие и процесс — противоречие и процесс мысли, отражения.

Когда встает задача не просто фиксировать, отвлекать стороны предмета в абстракциях, а исследования внутренних связей сторон предмета посредством абстракций, возникает новый процесс (форма отражения). Его специфика определяется следующими его чертами:

1) тем, что в предмете отражает мысль, в данном случае — какие внутренние связи? Общность внутренних связей для различных предметов определяет то, что в процессах их раскрытия в разных частных случаях обнаруживаются общие черты самих процессов.

Тем, что это отражение совершается посредством сложившегося аппарата мышления, точно так же общего в развитых науках в своих существенных чертах. Но в силу того, что реша-

ется новая задача — раскрытие внутренних связей предмета, — весь механизм абстрактного мышления на этой основе приобретает новую роль, изменяется, в ходе деятельности его появляются новые зависимости, т.е. законы, обусловленные новым содержанием процесса мышления. Формирование нового процесса во всех его деталях — предмет науки об истории мышления. Мы берем его как факт.

Если взять теперь отражение предмета посредством восхождения и выявить его простейшие процессы, то обнаруживаются свойственные только ему противоречия и способ их разрешения, образующий самые формы мышления.

Процесс углубления к содержанию предмета, как мы показали, предполагает рассмотрение массы его сторон и в то же время отвлечение от них с целью раскрытия того, что проявляется в данной форме. Выявив содержание, исследователь в известном смысле (в смысле: неполно) отражает предмет «односторонне» и в то же время, как обладающий массой сторон, зафиксированных в мысли. Это противоречие разрешается в форме восхождения от содержания к форме, в ходе которого и на основе рассмотрения формы осуществляется более полный охват предмета мыслью.

Указанная «односторонность» отличается от той, которая имеет место в суждении. Здесь исследователь с самого начала имеет дело с многосторонним предметом и с многосторонним образом предмета, — с конкретным. Он, опираясь на знание о сторонах предмета, проникает к его содержанию, отвлекаясь особым образом от различных сторон предмета, но делает это для того, чтобы на этой основе понять внутреннюю связь всех сторон целого. Здесь имеет место зависимость особого рода: содержание может быть понято как содержание данной формы и в то же время рассмотрение его предполагает отвлечение от формы.

С подобного рода зависимостью мы уже встречались в разделе о клеточке. Но исследование последней есть этап в движении к содержанию целого, где клеточка есть клеточка. Поэтому процессы углубления к содержанию и движения к форме есть простейшие процессы и простейшие характеристики восхождения в целом. И противоречивость его образует исходное специфическое противоречие процесса отражения предмета восхождением.

Если рассматривать абстрагирование содержания предмета изолированно, то мышление здесь действительно отражает предмет неполно. Отсюда создается иллюзия, будто эта абстракция

не отличается от «обычной», во всяком случае есть вид ее, частный случай. Но абстрагировать содержание — не просто выделить сторону предмета, а рассмотреть предмет во всех его сторонах с точки зрения того, каково их содержание. По сравнению с элементарной абстракцией здесь предмет отражается постоянно многосторонне. Абстрагирование содержания есть лишь момент движения мысли в этой многосторонности. Движение к форме проявления содержания есть простейшее средство мышления раскрыть внутреннюю связь сторон предмета, а не просто их фиксирование. Более полное отражение предмета в диалектическом мышлении и осуществляется путем восхождения от абстрактного к конкретному. Мы рассмотрели его простейшее противоречие и зависимость.

Абстрагирование в процессе восхождения не упраздняет элементарных абстракций. Например, без таких абстрактно-общих категорий как «полезность», «труд», «производство», «обмен» и т.п. восхождение невозможно. Они дают «строительный материал» восхождению со стороны мысленных средств, есть его предпосылки. Но они сами в ходе восхождения играют роль его собственного продукта, движутся на основе собственных законов восхождения.

Противоречивое отражение предмета посредством элементарной абстракции разрешается, например, в суждении и определении. Противоречие же отражения предмета посредством восхождения разрешается в охвате всех сторон предмета путем раскрытия их внутренней связи.

Конечно, привлечение сторон предмета в ходе восхождения не есть привлечение абсолютно всех его сторон. Маркс, например, отвлекшись от особенностей труда ткача, не восходит к ним: это не дело восхождения. Восхождение раскрывает внутренние связи и вытекающие из них последствия, т.е. постоянно движется в сфере закономерностей, общего. Лишь в бесконечности, в принципе, оно дает возможность воспроизвести предмет в абсолютной конкретности.

Так что ставя вопрос об относительности человеческого знания, надо выявить характер этой относительности на каждом этапе развития познания и характер движения к полному познанию и предмета.

В дальнейшем мы еще столкнемся с противоречивостью различных процессов восхождения. Так что даже внутри одного и того же целого нельзя говорить о противоречивости, вообще, не говоря уже о целой истории мышления.

Те противоречия процесса отражения, о которых уже идет речь, не имеют ничего общего с противоречиями в смысле высказывания противоречивых суждений о предмете. Так, формальная логика не запрещает высказывать противоречивые суждения о предмете в разное время его существования. Но она ничего не говорит и о необходимости рассмотрения изменения. В процессе рассуждения (в теоретических спорах) возможно столкновение противоречивых суждений. Если это «противоречие» не представляет голого отрицания одним другого, в каждое их суждений опирается на факты и процесс умозаключений, то оно свидетельствует в данном случае о происшедшем изменении предмета, которое и должно быть рассмотрено диалектиком.

История науки полна таких «противоречий», точнее, антиномии. Прибавочная стоимость возникает в обращении и не в нем; свет — волна и не волна, а корпускула, корпускула и не корпускула, а волна; суждение и отражает и не отражает. Все эти антиномии возникают на самом различном содержании и имеют различный смысл. Одно общее для них: каждая точка зрения основывается на фактах, но в силу характера умозаключений, которые могут двигать мысль лишь в сфере какой-либо абстракции, т.е. одной стороне дела, она односторонне рассматривает предмет; каждая антиномия ставит вопрос о новом способе понимания предмета — о диалектике. Разрешение антиномии в данном пункте диалектическим методом есть точно так же процесс абстракции. Так как на основе этой абстракции процесс движется в свою очередь в системе умозаключений, то снова ведет к новым антиномиям и т.д.

Восхождение со всей совокупностью своих приемов «мимоходом», как следствие, решает подобные антиномии. Но не исчезает его имманентная противоречивость, обеспечивающая и требующая процесса движения мысли ко все более полному и точному охвату предмета.

То есть: «противоречия», на которые наталкивается исследователь при исследовании диалектики предмета в силу несовершенства приемов отражения. И есть противоречия, обуславливающие отражение диалектики предмета как процесс, и свидетельствующие об относительном совершенстве приемов — **жизненные противоречия**⁶⁶.

⁶⁶ Мы рассмотрели противоречие в простейшей форме.

§ 5. Дополнение (схематическое изображение отношения и его строения)

Абстрагированное отношение и его стороны могут быть изображены в формуле. При этом только надо иметь в виду, что формула не есть зеркальный аналог соответствующего явления. Это — способ чувственно-наглядного изображения абстракции, отображающей предмет (в данном случае — отношение).

Учитывая практику некоторых наук (политэкономии и логики в особенности), мы считаем целесообразным следующий способ изображения отношений в формулах. Рассмотрим это сначала на простейших отношениях.

Простейшее отношение — отношение двух предметов: $a — a$. Одинаковые знаки на полюсах формулы говорят о тождестве предметов в данном отношении, их различное положение — о различии. Последнее может быть обозначено еще так: $a — a'$. Когда простейшее отношение оказывается элементом сложного, то формула может принять вид: $a — b$, где различие в знаках будет говорить о возникновении нового явления (b).

Такой способ обозначения принят не только в политэкономии, но и в логике (например, суждение изображается в формуле « $S — P$ », « $A — B$ »).

С т. зр. двойственности находящихся в отношении предметов формула принимает вид: $A(kL) — a'$ (L, k). В развитой форме отношений: $k — L$ или $a — b$.

С т. зр. структуры отношения в плане связи содержания и формы, формула принимает такой вид:

$$\begin{array}{ccc} a & — & a' \\ | & & | \\ b \dots b' & & \end{array}$$

Здесь $a — a$ выражает отношение со стороны формы. $a — b$ и $a' — b'$ выражают проявление содержания в процессе, отличном от $a — a'$ и чувственно-практически заметным; $b \dots b'$ выражает содержание $a — a'$. Схема $a — a'$

$$\begin{array}{ccc} & & \\ | & & | \\ b & & b' \end{array}$$

выражает зависимость $a — a'$ от $a — b$ и $a' — b'$.

В этой формуле наглядно представлена посредствующая роль $a — a'$ как средства осуществления $b \dots b'$.

В зависимости от сложности отношения усложняется и формула. Лишь несколько слов по этому поводу скажем.

Отношение может принять вид $a - v - a'$, формула $a - a'$ по отношению к ней будет односторонней характеристикой соответствующего отношения (как $T - T'$ односторонне характеризует $T - D - T'$), — без посредствующего звена. Посредствующее звено — продукт развития. Отношение $a - a'$ в соотношении с $a - v - a'$ есть непосредственное отношение. $a - v$, как элемент $a - v - a'$, будучи взята обособленно, есть формула $a - a'$, только здесь четче обнаруживается двойственность предметов.

В логике формула $S - M - P$ для некоторых видов умозаключений есть формула $a - v - a'$.

С т. зр. анализа содержания формула $a - v - a'$ не отличается от формулы $a - a'$, ибо они различаются только посредствующим звеном:

$$\begin{array}{ccc} a & - & v & - & a' \\ | & & & & | \\ k & \dots\dots\dots & & & k' \end{array}$$

Отличие в этом плане будет иметь место только тогда, когда будет анализироваться новое отношение. Но тогда части формулы ($a - v$) и ($v - a'$) будут в целом обозначать полюсы нового отношения:

$$\begin{array}{c} K - K' \\ (a - v) (v - a') \end{array}$$

Здесь вся процедура должна повторяться сначала:

$$\begin{array}{ccc} K & - & K' \\ | & & | \\ M & \dots\dots & M' \end{array}$$

Если учитывать только те элементы, которые участвуют в $a - v - a'$, то формула принимает вид: $v - a - v'$. Она вытекает из повторения формулы, отражающей соответствующее повторение актов отношения в предмете. Чтобы само такое отношение возникло в действительности, необходимы дополнительные условия. Анализ этих условий исходит из формы $v - a - v'$. В дальнейшем рассмотренный нами тип формулы уже не будет удовлетворять.

В логике ряд умозаключения имеет форму $v - a - v'$. Об этом хотя бы говорит проблема нового знания в связывании суждений.

Анализ отношения типа $v - a - v'$ с учетом того, что оно предполагает, что ему предшествуют или в нем заключаются отношения $a - a'$ и $a - v - a'$, означает точно так же переход к анализу другого процесса. В формуле это выражать нецелесо-

образно (громоздко). Но продукт анализа может изменить формулы. Так, у Маркса формула Д-Т-Д' превращается в формулу Д-Т... П-Т'-Д'.

Отношения и их связь образуют, так сказать, скелет органического целого. Анализ их не ограничивается выяснением их структуры и анализом ее моментов. Прочие стороны исследования мы рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОСХОЖДЕНИЯ

Мы рассмотрели две основные стороны восхождения, два его подразделения и смысл абстракции при изучении их взаимно отвлеченно друг от друга.

Результат соединения этих процессов — понятие о предмете как исторически возникшем, противоречивом, внутренне различающемся целом. Вместе с тем, это своеобразное выделение мыслью объекта исследования. Хотя исторический характер предмета понят, его собственная история остается для мышления впереди; раз предмет обнаружен в связи с другими и влияние связей на него не рассмотрено, предмет отражен неполно, «односторонне», абстрактно.

Теперь надо рассмотреть восхождение в той его функции, в какой оно осуществляет более полный обхват предмета в его связях с другими и в развитии. Рассматриваемое с этой стороны восхождение мы будем называть конкретизацией понятия о предмете или просто конкретизацией.

Можно было бы просто назвать пути конкретизации, обручать метафизиков за их **импотенцию** в этом отношении, привести «классические примеры» и умыть руки. Но в таком случае от специфики восхождения вообще, не говоря уж о его внутренних различиях, осталось бы одно название.

Предмет, сказали мы, отражен еще односторонне. Одностороннее отражение предмета мышлением в широком смысле слова — частичное, неполное отражение. Одностороннее с этой точки зрения и «абстрактно-общее» («труд», «производство», «распределение»), и абстракции, вырабатываемые в восхождении

(раскрытие в товаре социального отношения, противоречия). Точно так же крайне общий характер и положение о движении познания к более полному, многостороннему охвату предмета.

Понятие об односторонности и о движении к многостороннему отражению предмета явилось результатом наблюдения прежде всего таких фактов познания, когда в предметах чувственно-практически и экспериментально выявлялись все новые качества (в разных отношениях предметов) или вообще обнаруживались новые предметы по их качествам. Во всяком случае, эти факты давали наиболее наглядный материал для соответствующих иллюстраций (например, иллюстрация Энгельса с открытием получения ализарина из каменноугольного дегтя).

Но как быть, если исследуется одно и то же качество? Если известен только что указанный путь и только он, возможности познания быстро исчерпываются. Так, стоимость имеет качественную и количественную характеристику — и все. Однако известно, что исследование стоимости у Маркса не ограничивается этим и что более полный охват ее заключается не в выявлении новых качеств, а в рассмотрении формы ее проявления в той или иной связи и развитии. Это общеизвестно, но на исследование этого процесса со стороны его специфической формы движения меньше всего обращали внимание после Гегеля и Маркса.

Если известен только указанный путь охвата, то единственным объектом исследования становится количественная сторона качества и его проявления, как в домарксовской политэкономии — в отношении стоимости. Правда, анализ качеств так или иначе ставил вопрос о новом способе охвата (например, проблема отклонения цены от стоимости) предмета, но отсутствие такового обрекло чисто количественный анализ на полное фиаско (например, в той же проблеме).

Если наблюдаются при этом факты, объективно представляющие продукт модификации и развития одного и того же качества, они субъективно фиксируются наряду или в последовательности просто как различные явления. Например, товар и деньги рассматривались в политической экономии по тому же принципу, как школьная логика — формы мышления: «формы мысли бывают разные».

Очевидно, нельзя ограничиваться крайне общими положениями об односторонности и многосторонности, надо рассмотреть специфику различных форм отражения в этом отношении.

В этом случае оказывается, что открытие получения ализарина из каменноугольного дегтя в такой же мере есть конкретизация понятия о каменноугольном дегте, как изготовление водки из дерева — конкретизация понятия о дереве. Здесь знание расширяется, но конкретизации никакой нет.

Выше мы дали характеристику односторонности отражения предмета посредством восхождения в его простейших процессах. Теперь мы сталкиваемся с новой формой односторонности. Т.е. внутри одной и той же форм отражения (восхождения) имеют место различия в этом отношении, — различия, образующие внутреннюю дифференциацию сложного мысленного образования и имеющие следствием различные формы движения мысли.

Это обстоятельство чрезвычайно важно: анализ его показывает, что восхождение есть лишь название совокупного действия внутренне связанных различных процессов или внутренне дифференцированное целое, а с другой стороны — самое общее и пустое определение каждого из этих процессов. Но это процессы не просто существующие наряду виды, а стороны единого сложного процесса. Поэтому понимание одних предполагает понимание других.

Односторонность (будем лучше говорить «абстрактность») в рассматриваемом пункте относительна. Относительна не только в том смысле, что полученное путем углубления к содержанию и движения к форме понятие о предмете конкретно сравнительно с понятием о содержании, ибо предмет понят как единство формы и содержания, — в этом смысле, т.е. по отношению к предшествующему этапу, понятие конкретно. Оно абстрактно по отношению к дальнейшему движению мысли.

Чтобы сказать, что данное понятие абстрактно, надо, очевидно, в сознании иметь уже отраженными такие факты, которые позволяют это сказать. Т.е. сам мысленный образ предмета должен быть двойственным: полученное путем углубления к содержанию и движения к форме понятие, с одной стороны, и отраженные в мысли каким-то путем факты; лишь в этом соотношении первое осознается как абстрактное, второе — как конкретное. Само собой разумеется, что «факты», о которых мы говорим, представляют собой проявление того же самого предмета, а абстрактное — выявленное в конкретном предмете.

В зависимости от того, какое понятие (по содержанию) получено уже путем восхождения и какие сведения о предмете имеются безотносительно к данному понятию, в том же иссле-

довании возникает соответствующее противоречие и способ его разрешения, т.е. определенное движение мысли — определенный процесс восхождения.

В рассматриваемом пункте ответить на вопрос «относительно чего понятие абстрактно?» так: относительно предмета, как он существует вне головы, — значит не сказать абсолютно ничего или нечто бесконечно общее. Что предмет богаче любого образа, это образует постоянную возможность дальнейшего познания. Но в этом не заключен ни мотив исследования: он лежит в потребностях общества, ни источник той или иной формы движения мысли, раз исследование уже начато: он лежит в противоречивости самого процесса отражения.

Такой факт иллюстрирует сказанное. Стоимость отражена в мышлении в форме колеблющихся меновых отношений (цен). Это не сам предмет, а его идеальное отражение. Вместе с тем анализ меновых отношений выявил стоимость и закон ее. Это — точно так же идеальное отражение. До тех пор, пока первое не сопоставляется со вторым, разумеется, никакого противоречия не возникает. Их сопоставление есть образование единого образа, но внутренне расчлененного и противоречивого: абстрагированный в первом случае закон цен не соответствует прямо наблюдениям над эмпирическими ценами, — единого в том случае, когда они друг относительно друга осознаются как абстрактное и конкретное, т.е. и различаются (или предмет расчленения)⁶⁷.

Мы уже касались подобных антиномий в истории науки. Но у нас здесь идет речь уже не о них: мы здесь предполагаем, что диалектическое мышление уже поступило к выполнению своей профессиональной обязанности. Они для диалектического мышления никакого противоречия не представляют. Так, достаточно из проблемы «прибыль возникает в обращении и не в нем» убрать ее антиномичность, поставить в такой форме: «прибыль возникает в производстве, опосредованном обращением», как всякая видимость противоречия исчезает. В антиномиях мышление в силу односторонности умозаключений приходит к противоречивым суждениям о предмете, что заставляет искать

⁶⁷ Забегая вперед, поясним: здесь в одном и том же явлении (в цене товара) скрещиваются различные зависимости (отношение в затрате труда и взаимодействие товара), по существу образующие одно и то же, но внутренне различающиеся как содержание связей и форм их проявления.

новый способ решения, но сами по себе противоречащие суждения не ведут ни к какому из их отношения вытекающему процессу движения мысли.

У нас же уже предполагается, что диалектическое мышление вскрыло содержание данной формы и объяснило самое форму, — выработало понятие о предмете как единстве различного — содержания и формы⁶⁸. Вместе с тем, мышлением зафиксированы явления, не создающие прямо или силлогически с полученным понятием.

Чтобы указать вторую сторону имеющегося здесь знания или указать, относительно чего имеющееся уже понятие абстрактно, необходимо учесть следующее.

1. Возникающее здесь противоречие есть развитие исходного, но это — новое противоречие, предполагающее ряд дополнительных условий.

2. Последние могут быть выяснены лишь на основе наблюдения истории науки, изучения тех проблем, которые требовали нового расчленения предмета мыслью и в новом аспекте, отличном от того, какой мы уже рассматривали во второй главе.

После исследования Маркса указать возникающее на данном этапе восхождения противоречие как будто легко: предмет отражен отвлеченно от его связей и развития, между тем в созерцании он дан в связи и как измененный.

Это верно, но поверхностно. Во-первых, никакого противоречия здесь не чувствуется. Во-вторых, здесь сопоставляются абстрактные данные с чувственными данными или с созерцанием. Восхождение есть, конечно, переработка созерцания в понятие, но это — общее его свойство как рационального, как мышления вообще, но не специфическое. Для понимания специфики или восхождении в рассматриваемом пункте необходимо не только сопоставление понятия с созерцанием (это очевидно), но сопоставление различных логических данных об одном и том же предмете, — различных данных рационального⁶⁹. А это можно заметить исключительно в реальной истории наук.

⁶⁸ Раскрытие противоречия предмета входит в содержание понятия о предмете на данном этапе восхождения.

⁶⁹ Диалектическое мышление есть не только переработка созерцания в понятие, но и понятий в новую форму понятия. Возможно, здесь надо произвести различие и в терминологии.

Рассмотрим на примере: одинаковые капиталы в связи с различием в органическом строении должны давать разную прибыль, но они дают в среднем одинаковую. Эта проблема есть результат логических операций как с той, так и с другой стороны.

1. Эмпирическим фактом является различие норм прибылей различных капиталов. Чтобы абстрагировать среднюю прибыль, требуется ряд условий. В частности, хотя нормы прибыли различных капиталов и у одного во времени колеблются, они колеблются вокруг какого-то среднего для данной местности и времени уровня. Средняя прибыль и фиксируется в мысли как всякая средняя величина. И вряд ли кто-либо будет спорить против того, что это логический процесс.

2. Поставив норму прибыли в связь с органическим строением капитала (или с различиями в обороте) и затратой труда, экономисты логически же пришли к противоположному выводу. Исторически здесь возникла проблема закона и эмпирических его проявлений, абсолютно неразрешимая средствами формальной логики.

Диалектическое мышление не упраздняет проблему, а решает ее своими приемами. Последние — не просто нечто выдуманное, а необходимость процесса понимания, обусловленная противоречивостью его. Так, исследование раскрыло содержание отношения и форму его проявления; вместе с тем в мышлении зафиксировано проявление данного отношения в его связях и развитии. Чтобы понять предмет, исследование должно рассмотреть отношение в его содержании и форме отвлеченно от изменений в связях и развитии; но чтобы понять связи и развитие, необходимо рассмотреть содержание отношения и форму его проявления. Это взаимное отвлечение и образует стороны процесса понимания предмета в его связях и развитии. Детально мы их рассмотрим в ближайших параграфах.

Вернемся еще раз к примеру.

Исследуется цена, т.е. одно и то же явление. Фиксируются ее колебания. Делается вывод: цена зависит от спроса и предложения.

Но цена колеблется вокруг какого-то среднего уровня. Ему можно дать название («естественная цена»).

Поиски меры обмена и, вместе с тем, меры этого естественного уровня цен привели к определению ее другим отношением и другой зависимостью: цена зависит от затраты труда.

Возникает проблема: первое не совпадает со вторым.

Диалектики исследуют само меновое отношение как форму проявления отношения работ и труд как проявляющейся в первом. Расчленяется единое — цена — на скрещивание различных зависимостей, причем одна выступает как способ проявления другой, а другая как проявляющаяся в первой. Именно то, что это — одно, образует необходимость мысленной связи, но, вместе с тем, в силу различия их совершается переход к рассмотрению новой зависимости. Связи здесь не просто перечисляются, а закономерно привлекаются в рассмотрение.

Восхождение в его роли конкретизации обычное явление в современной науке. На него обычно ссылаются, когда требуется привести пример развития понятия. Но поскольку сам процесс конкретизации в его специфических законах не исследуется, то отсюда вытекают следующие ошибки.

1. В разряд случаев конкретизации понятия о предмете попадают случаи, никакого отношения к конкретизации не имеющие. Это — случаи выявления в предмете различных качеств чувственно-практическим путем и фиксирование их в абстракции.

2. Конкретизация смешивается с процессом, прямо противоположным ей, — с процессом абстракции. Поскольку при отвлечении от различных сторон предмета в диалектическом мышлении стороны эти не отсекаются, не отбрасываются, то почва для этого смешения имеется. Например, отвлечение от различий индивидуальных работ при абстрагировании закона стоимости выступает как конкретизация: труд вообще + простой + средний + общественно-необходимый.

3. Поскольку задача сводится к указанию приемов, то сами примеры попадают под руку такие и в таком виде, что прежде всего в глаза бросается различие частных случаев. Единственно общим оказывается лишь само общее положение о развитии понятий. Например, конкретизация понятия в связи с учетом конкретных условий предмета именно потому, что условия различны или приходится учитывать особые условия, выступает как процесс, лишенный общих законов мышления, кроме общего положения «подходить конкретно».

4. В философской литературе фактически указаны основные направления конкретизации: конкретизация понятия о предмете в связи с учетом особых условий существования данного предмета (связей) и как учет развития предмета. Игнорирование процесса мышления, имеющего при этом место, выражающееся в смешении основного вопроса философии с

вопросом о специфических законах мышления (по принципу: раз предмет изменяется, изменяется и понятие) опять-таки ведет к путанице.

Известно, например, что общее положение надо применять с учетом места и времени, т.е. особых связей или условий. Но откуда берется общее конкретизированное положение? Выработка его предполагает как раз отвлечение от особенностей частных проявлений общего. Предмет изучается в данных связях; от них происходит отвлечение, они учитываются затем, т.е. мысль постоянно движется. Но ни один нормальный человек не скажет, что сами особенные связи есть продукт изменения и развития общего. Так, учет условий России Лениным в «Развитии капитализма в России» есть конкретизация, но условия России не только не есть развитие капитализма, но вообще даны исторически до и независимо от него.

Наиболее распространенным является мнение, будто понятие развивается от простого к сложному, поскольку мысль отражает такое развитие предмета. Это мнение поверхностно и ошибочно.

Поверхностно, ибо остается в тени субъективный процесс раскрытия развития. После уже проделанного исследования не представляет труда показать соответствие последовательности ряда категорий с последовательностью явлений соответствующих сторон предмета в истории. Но какой от этого прок, если не менее успешно можно показать противоположное (например, капитал и рента).

Ошибочно, хотя на первый взгляд инкриминировать здесь непонимание диалектики представляется святотатством. Но факт есть факт. Восхождение в функции конкретизации имеет место и в том случае, когда предмет рассматривается в той же точке его развития. (Например, восхождение от закона стоимости к колебаниям цен.). Очевидно, восхождение не сводится к отражению развития. Последнее есть важнейший элемент диалектического мышления, но это — лишь сторона восхождения. И как бы ни был велик ее ранг среди прочей логической «мелочи», она без них ничто. Абсолютизация этой стороны приводит к тем же ошибкам, что и у Гегеля.

Пусть предположены данными все следующие условия: признается, что предмет находится вне головы и не зависит от нее, что он познаваем, исторически возник, изменяется с изменениями условий, развивается и т.д. Но это ничуть не устраняет проблем, о которых говорилось выше, не говоря уже об общей задаче духовного воспроизведения предмета.

После того, как исследовано содержание и форма данного отношения (всякого отношения этого рода), мышление должно рассмотреть это отношение в его связях и сами эти связи, в его развитии и взаимодействии. Все это мысль не может вывести из уже имеющегося понятия, хотя оно и представляет сложную систему суждений и умозаключений. Но мысль и не может обойтись без него. В предмете, а не в связывании суждений в силлогизмы, мышление должно произвести новое сечение, чтобы двигаться далее. К этому мы и переходим.

§ 1. Изоляция и конкретизация

Конкретизация предполагает своеобразную абстракцию, которую Маркс часто называет рассмотрением предмета в чистом виде. Поэтому выражение «односторонность» мы выше брали в кавычки: оно неточно характеризует существо абстракций при анатомировании предмета диалектическим методом.

Что значит «рассмотреть предмет в чистом виде»? Ответить на этот вопрос в виде краткого определения можно лишь после всестороннего его рассмотрения. Мы ограничимся пока следующим: рассмотреть предмет в чистом виде — значит рассмотреть (исследовать) его отвлеченно от всех обстоятельств, не определяющих его качество, влияющих лишь на форму его проявления. Иначе говоря, рассмотреть предмет отвлеченно от всех его связей, кроме той, в которой он возник и существует как данный предмет; следовательно, рассмотреть предмет отвлеченно от всех его изменений в этих связях, т.е. рассмотреть то, что «остается» в предмете, несмотря ни на какие его изменения, и образует сам предмет; короче говоря, рассмотреть то, что находится в связи и в ней изменяется, отвлеченно от этих связей и изменений. Можно сказать еще так (с точки зрения того, что в предмете должно быть рассмотрено): исследовать предмет отвлеченно от всех обстоятельств, не вытекающих из его имманентных законов.

Например, рассматривая товар в чистом виде, Маркс отвлекается от влияния на рост экономических отношений рабства и феодализма, от модификации его в связи с возникновением капитала и т.д. Все обстоятельства, от которых Маркс отвлекся, либо вообще не вытекают из товарных отношений, либо требуют дополнительных условий для своего появления, — условий, которые опять-таки не вытекают из товарных отношений как таковых.

Рассмотрение предмета в чистом виде мы для краткости будем называть **изоляцией**. Термин этот напоминает известные пороки метафизики. Потому в порядке профилактики заметим: изоляция есть необходимая закономерность процесса познания, — чтобы раскрыть связи и изменения предмета в них, надо уметь до известного предела от них отвлекаться. Изоляция есть отвлечение от каких-либо связей. Лишь абсолютизация этой стороны познания образует то, что принято сейчас называть метафизикой.

Нет необходимости доказывать значение изоляции в науке: само существование конкретных наук как различных целостных наук без нее было бы вообще невозможно. Возникновение каждой новой науки и самостоятельное ее развитие уже в исходном пункте предполагает изоляцию соответствующего предмета исследования. Смогла бы, например, существовать как наука механика макротел, если бы она при изучении законов движения тел не отвлекалась от массы обстоятельств, модифицирующих проявление этих законов в реальном эмпирическом движении тел?

Между тем, этот тип абстракции в марксистской литературе еще не изучен, у Богданова в курсе «Экономическая наука» уже упоминается. Если этого вопроса и касаются, то в чисто негативной форме предостережения: нельзя рассматривать предмет изолированно от его связей.

Правда в логической литературе встречается упоминание о так называемой «изолирующей» абстракции. Но рассматривается она в отрыве от развития познания, в отрыве от диалектического требования исследовать предметы в их реальной связи, потому ее специфические особенности остаются непонятыми.

Отсутствие теоретического осмысления роли изоляции пагубно сказывается на науке. Так, ряд логиков в благом усердии рассматривать формы мышления в единстве с языковыми фактически ликвидируют веками проделанное выделение предмета логики (мысли как таковой) в чистом виде и смешивают законы мышления с законами языка, отчего теория мышления нимало не выигрывает. В подобных случаях за фразами о «диалектическом подходе» скрывается неумение производить научные абстракции, непонимание того, что рассмотрение предмета «в связи» должно быть результатом, а не исходным пунктом исследования. В исходном же пункте рассмотрение предмета «в связи» должно быть результатом, а не исходным пунктом исследования. В исходном же пункте рассмотрение «в связи» является еще

не реализованным отвлеченным методологическим требованием, которое остается субъективным пожеланием, если исследователь не будет изолировать как весь предмет, так и различные его элементы.

Изоляция представляется изначальной способностью мышления. В самом деле, если в ней обратить внимание только на одну сторону, — что абстрагированный в чистом виде предмет исследуется, — то это представление получит известную «аргументацию». Изоляция действительно древняя форма абстракции в том смысле, что имеет свою предысторию. Но как осознанный прием логического мышления она возникает на высокой ступени развития познающего мышления и при определенных условиях познания предметов.

Уже выделение единичных чувственных предметов посредством восприятия есть выделение предмета исследования, если человек затем, например, разлагает предмет на составные элементы. Но это выделение не имеет никакого отношения к абстракции. Абстракция предполагает выделение общего, а у нас речь идет о выделении предмета посредством абстракции.

В последнем случае, если абстрагированное общее подвергается изучению, еще не обязательно имеет место изоляция. Здесь отвлечение от связей предмета первоначально является следствием выделения предмета, общего, а не условием этого выделения. Так, экономисты до Маркса абстрагировали меновую стоимость и подвергали ее изучению. Отвлечение от различных связей товара произошло автоматически еще при абстрагировании его в практике обмена, поскольку был зафиксирован в форме категории часто встречающийся, повторяющийся факт обмена продуктов. Что ни практические агенты обмена, ни теоретики его не владели изоляцией, доказывает следующее: экономисты не смогли отвлечься от колебаний цен и отклонения их от трудовой стоимости при исследовании общего их закона и именно эти колебания и отклонения сделали предметом своего исследования прежде всего.

Для возникновения изоляции требуются условия, сами являющиеся продуктом истории развития науки: 1) необходимость абстрагировать предмет своего исследования специально из сложной связи; 2) необходимость осуществить это средствами абстрактного мышления.

Поясним сказанное. В ряде наук, опирающихся на эксперимент, выделения предмета в чистом виде началось давно. Благодаря же эксперименту выделение предмета в чистом виде совер-

шается как бы само собой в самой организации эксперимента. Так, химик абстрагируется от влияния реторты на ход реакции, подбирая для реторты материал, оказывающий на реакцию такое ничтожное малое влияние, которое практически (на данной стадии экспериментальной техники) невозможно учесть и которое теоретически принимается за нуль.

С другой стороны, участвующие в реакции вещества (или анализируемое вещество) для экспериментатора не отличаются от других единичных представителей того же рода, от других порций вещества, как для физика один кусок медной проволоки — от другого, один атом — от другого атома того же рода и т.д. Потому здесь теоретически даже не встает проблема единичных, индивидуальных особенностей или не привлекает внимания как несущественная. Здесь с самого начала берется общее, что устраняет необходимость специального отвлечения от ряда индивидуальных связей. Это значительно облегчает задачу выделения предмета в чистом виде.

Из этого вовсе не следует, что экспериментальные науки не наталкиваются на затруднения. Каких, например, трудов стоило Павлову разработать методику исследования рефлексов в чистом виде, отвлеченно от скрывающих, изменяющих и усложняющих их обстоятельств. Даже такой, кажущийся теперь ничтожным и само собой разумеющимся факт, как устройство «башни молчания», был важным теоретическим завоеванием.

Пример Павлова должен был бы послужить поучительным уроком для тех, кто отрицает своеобразные для диалектики приемы мышления. Рефлексе не выделишь путем «острого» эксперимента, не «вырежешь» из организма и не рассмотришь чувственно. Надо было выделить его, не нарушая нормальной жизнедеятельности организма, выделить особым образом. Т.е. метод проявляется и в способах эксперимента. И наоборот, поскольку сам ход эксперимента в смысле его организации и связи этапов обусловлен мышлением человека, проявляющимся в действии человека, сама методика эксперимента свидетельствует о фактическом методе мышления человека.

Однако, в связи с тем, что в экспериментальных науках выделение предмета в чистом виде совершается посредством искусственных приспособлений⁷⁰, специфическая работа мышле-

⁷⁰ Мы оставляем те случаи, когда в силу ограниченности чувственных данных человека и средств эксперимента вообще невозможно учесть связи и модификации в них предмета. Здесь вообще: изоляция не встает вообще: изоляция совершается поневоле, «по бедности».

ния остается в тени. Она, говоря гегелевским языком, «объективируется» в самих материальных средствах эксперимента и их связи, потому философские вопросы переносятся в сферу вещественной организации эксперимента, где философские проблемы усмотреть трудно. Потому фактический метод мышления исследователь может сочетать с его собственными ложными о нем представлениями.

Исследованный Марксом предмет обладал, с т. зр. исследователя его, рядом трудностей, преодоление которых рождало новый прием мышления (или, по крайней мере, превращало имевшийся в науке неосознанный его зародыш в сознательный зрелый прием).

В исследовании капитализма была исключена как искусственная изоляция предмета в целом, так и в его отдельных деталях. Потому специфическая работа мышления выступает на первый план, — встала специальная задача овладеть теоретически и практически (в логическом анализе предмета) изоляцией в полной мере.

Кроме того, здесь исследователь находился как бы внутри исследуемого предмета, где заметны воздействия самых различных обстоятельств на проявление законов предмета и его структуру, более того, именно они прежде всего и выступают для наблюдателя, где элементы предмета находятся в сложной связи и взаимодействии таким образом, что их внутренняя необходимая связь и зависимость остается скрытой для наблюдателя. Как разобраться в этом клубке, переплетении связей? Как выявить общие, необходимые связи, проявляющиеся на поверхности (след. и для наблюдателя) в форме случайных колебаний, изменений, различий? Очевидно, надо овладеть особыми приемами абстрагирования. Очевидно, надо уметь рассмотреть ту или иную связь в чистом виде, отвлеченно от остальных, надо установить место ее в целом предмете, — а это опять-таки новая абстракция.

Если грубо, наиболее «наглядно» сформулировать вставшую здесь проблему, то лучше всего прибегнуть к сравнению.

Возьмем науку, изучающую движение тел в воздушной среде⁷¹, — аэродинамику. Пока изучается движение тел на малых скоростях, то прежде всего выступает зависимость сопротивления от сечения тела и формы его. Здесь, в связи с условиями эксперимента, прочие обстоятельства вообще могут быть не замечены, и указанная зависимость в силу недостаточной точнос-

⁷¹ Мы для наглядности пример упрощаем.

ти эксперимента поневоле исследуется в чистом (более или менее) виде. Увеличение скорости движения обнаруживает такой, например, факт, как индуктивное сопротивление, — т.е. учет новых зависимостей не есть результат предварительного от них сознательного отвлечения. Он не стоит перед исследователем в начале исследования. Проблема изоляции встает здесь лишь в том случае, когда потребуется изучить факт индуктивного сопротивления независимо от других, уже известных обстоятельств, — в чистом виде, специально. Современная теория полета обнаружила такие обстоятельства, влияющие на движение тела в воздухе, которые несколько десятков лет тому назад и не снились ученым. Например, факт волнового сопротивления. Здесь совершенно очевидно, что на предшествующем этапе движение тела в воздухе рассматривается в более чистом виде в силу незнания ряда обстоятельств, в силу того, что практика полета пренебрегала ими.

Такая «изоляция» в силу незнания ряда обстоятельств свойственна всякой науке. Но это — не есть собственно изоляция или осознанный прием. Здесь нет проблемы изоляции, здесь встает прямо противоположная проблема, — проблема конкретизации, которая лишь косвенно ставит вопрос об изоляции. В рассматриваемом случае — наоборот. Перед исследователем находятся сами связи, взаимодействие, изменения, различия. Здесь необходимо сознательно отвлекаться от уже известного каким-либо путем или данного в наблюдении с целью рассмотреть предмет независимо от этих обстоятельств. Разумеется, во всякой науке встает или может встать со временем проблема изоляции. Но у нас речь идет о выработке этого приема мышления в истории науки, об условиях выработки его.

Наконец, последнее и основное условие. Исследователь может прибегать к изоляции. Но если он при этом по каким-либо причинам не осуществляет затем учета этих обстоятельств, от которых он отвлекся, то проблема для него либо исчезает, либо изолированный предмет представляется как абсолютный, независимый от условий вообще. История науки кишит подобными случаями, образующими метафизику, потому нет необходимости об этом говорить. Так, можно в качестве предмета исследования изолировать развитие техники производства и при этом оставить без внимания различные производственные отношения. И в этом нет ничего страшного, если исследователь

понимает смысл своей абстракции. Но это понимание означает то, что абстракция произведена как момент в исследовании более сложной связи общественных явлений.

Т.е. сознательная изоляция с самого начала предполагает как необходимое условие диалектический взгляд на предмет, — взгляд на предмет, как на возникающий, существующий и изменяющийся в определенной связи.

С т. зр. истории выработки изоляции сам исследованный Марксом предмет требовал для своего понимания не только его изоляции и изоляции его различных элементов, связей, зависимостей, но прежде всего — специального исследования самих условий существования предмета, форм, проявления его законов в той или иной связи и изменений его.

Только при этом условии изоляция выступает как специальный прием исследования предмета, находящегося в сложной связи и представляющего сам сложную связь.

Сказать здесь, что просто диалектик использует по-новому старый прием исследования, как вообще некоторые логики говорят о приемах формальной логики, неверно. Это видно уже из того, что мы сказали. Правильно будет лишь следующее: зародившийся в прошлой науке в силу каких-либо причин (и последние могут быть прямо противоположными, если сравнить Павлова и пример с аэродинамикой)⁷² прием абстрагирования, получает полное развитие, как сознательный прием лишь в диалектическом (сознательном) исследовании как его собственный прием, как его собственное необходимое следствие и условие. Аналогичную картину, как увидим далее, мы имеем в отношении конкретизации.

Исследование изоляции в полной мере — задача специальной работы. Мы ее рассматриваем лишь в такой мере, как это необходимо для понимания конкретизации.

Изоляция имеет общее со всякой абстракцией, поскольку это — абстракция. Абстрагирование всякого предмета и фиксирование его в мысли и языке (в категории, определении) есть в известном смысле выделение предмета в чистом виде: в самой категории, в определении происходит отвлечение от всего остального. Например, абстрагирование меновой стоимости, товара, капитала и т.п. и фиксирование их в соответствующих ка-

⁷² С одной стороны — исторически преходящая «бедность», с другой — трудность экспериментального вычленения.

тегориях и определениях. «Товар — обмениваемый продукт», — здесь от всех прочих обстоятельств (в самом этом определении) произошло отвлечение. Здесь не имеет значения то, каким путем был абстрагирован предмет. Важно, что он впервые абстрагируется и фиксируется в мысли. (Такие абстракции, в отличие от изоляции, мы называем фиксирующими абстракциями).

Мы сказали, что при фиксирующей абстракции «в известном смысле» происходит выделение предмета в чистом виде. Точнее же говоря, здесь происходит отвлечение предмета от всего остального, предмет впервые отвлекается или возводится в факт мышления. Тогда как при изоляции отвлеченный уже предмет исследуется отвлеченно от всего остального. Первая фиксирует предмет в отвлеченной форме. При второй уже отвлеченный предмет исследуется особым образом. Например, чтобы рассмотреть купеческий капитал в чистом виде, Маркс отвлекается от того обстоятельства, что некоторая часть купли и продажи протекает непосредственно между самими промышленными капиталистами; здесь речь идет не о выработке категории, — она давно уже выработана; Маркс отвлекается от указанного обстоятельства, ибо оно не способствует «уразумению специфической природы купеческого капитала»⁷³, от него ни в коей мере не зависит его специфика, хотя оно и влияет каким-то образом.

Изоляция не ставит вообще своей задачей образование новых категорий или определений, т.е. выявление новых предметов. Это — задача других форм мышления. Если в приведенном только что примере Маркс вырабатывает новое понимание купеческого капитала («определяет понятие»), то это совершается посредством других форм мышления, вступивших в силу после выделения образования купеческого капитала в чистом виде. Новое понимание (понятие) выработано при посредстве изоляции, но не она его выработала. Собственно изоляция представляет лишь сторону исследования, указывающую на то, что исследование совершается отвлеченно от ряда обстоятельств.

Само собой разумеется, что такая абстракция может иметь место в том случае, если отвлечен сложный в каком-либо отношении предмет (или по строению, или по характеру взаимодействия, если отвлечение имеет последнее).

Отсюда вытекает следующее. Раз предполагается данной работа по фиксированию явлений в категориях (мы оставляем здесь без внимания сам анализ отвлеченного), то процесс изо-

⁷³ Маркс К. Капитал. Т. III. С. 279.

ляции с самого начала совершается уже внутри расчлененного, взаимодействующего общего. Отвлечение происходит от явлений, уже каким-либо путем ставших фактами мышления. Потому здесь имеет место отвлечение от общих обстоятельств.

Например, превращение стоимости в цены производства имеет общий характер. Отвлекясь от последних при рассмотрении первой тем путем, как происходит отвлечение от индивидуальных различий при выделении общего, невозможно, ибо здесь вообще невозможно сравнение. Правда, стоимость не только логически, но исторически есть по отношению к ценам производства, так что можно было бы сравнить во времени. Но имеется масса обстоятельств, которые исключают это.

1. В истории нигде не было зафиксировано, что товары продавались по стоимости. Само фиксирование стоимости в мышлении стало возможно лишь в развитом буржуазном обществе, где всеобщим фактом стали цены производства.

2. Если бы даже было возможно детальное фиксирование истории предмета, но и в прошлом истории мы столкнулись бы с фактом отклонения цен от стоимости; чтобы сказать, что товары продавались по стоимости, потребовалась бы изоляция в другом плане, которая должна была бы сопутствовать еще анализу менового отношения в том плане, как мы показали на примере анализа товара.

Если явно заметно, что одно исторически предшествует другому, как, например, в отношении товара и капитала, то их «сравнение» точно так же предполагает изоляцию, ибо здесь нужно не сравнение, а исследование возникновения нового. Сравнение здесь имеет задачей лишь фиксирование отличия, нового. Но процесс к этому не сводится, как мы покажем далее. А раз потребуется объяснить процесс превращения денег (стоимости) в капитал, стоимость в цены производства и т.п., то сам этот процесс так или иначе должен быть рассмотрен в чистом виде.

Итак, при изоляции отвлечения от ряда общих обстоятельств невозможно тем путем, как происходит отвлечение от различий при выделении общего.

Выше мы уже отмечали, что оно осуществляется сознательно в том смысле, что те обстоятельства, от которых отвлекаемся, уже известны. Например, исследуя взаимоотношения норм прибыли и прибавочной стоимости, Маркс отвлекается от изменения стоимости денег, оборота капитала, производительности труда, продолжительности рабочего дня, зарплаты и т.д. Лишь в той мере, в какой эти обстоятельства известны, изоляция носит сознательный характер, является собственно изоляцией.

Знать об этих обстоятельствах в данном пункте можно лишь то, что они есть и влияют на рассматриваемый предмет. Часть их могла быть уже исследована специально раньше (например, Маркс в I томе уже исследовал влияние изменения зарплаты и интенсивности труда на норму прибавочной стоимости, часть может быть в их влиянии на данный предмет рассмотрена в данном пункте, часть — в дальнейшем (напр., влияние оборота), причем место рассмотрения определяется законами, лежащими вне процесса изоляции, т.е. зависит от восхождения в целом и от задачи исследования. Часть обстоятельств вообще может не рассматриваться в связи с данным предметом в дальнейшем. Например, влияние изменения зарплаты, интенсивности труда и продолжительности рабочего дня рассматривается не в связи с рассмотрением отношения норм прибыли к норм прибавочной стоимости и не представляет конкретизации понятия о последнем.

Сознательность в собственном смысле слова означает далее, что само отвлечение происходит на основе умозаключения. С подобным явлением мы встречаемся уже в применении так называемых «индуктивных» методов. Здесь действительно имеет место отвлечение от ряда обстоятельств при выделении какой-либо причинной зависимости в чистом виде, причем отвлечение опирается на умозаключение. Но гениальный зародыш рационального познания у Бэкона в дальнейшей истории английского и прочего эмпиризма выродился в удивительно плоские положения, известные в школьной логике. Сам Бэкон, конечно, знал только одно основание для отбрасывания обстоятельств — сравнение. Во-вторых, он понятия не имел о том, что этим путем выделяется в чистом виде лишь какая-либо зависимость, которая не абсолютна, а относительна. В дальнейшем метод Бэкона вообще, в связи с постановкой вопроса (чуждой ему) о «множественности причин» выродился в бесполезное занятие, уместное только в школьной логике и уродующее примеры из истории познания. В-третьих, метод Бэкона имел задачей лишь выявление причинной зависимости, т.е. сама изоляция здесь превратилась в самоцель, а не в средство исследования характера выявленной зависимости. Итак, при изоляции указываются (по крайней мере, должны быть поняты исследователем, если не выражаются в изложении) основания отвлечения. При рассмотрении влияния оборота на норму прибыли Маркс отвлекается, например, от изменения строения капитала и от нормы прибавочной стоимости. Почему? Все эти обстоятельства

влиять на норму прибыли. Но они не зависят от оборота, и как бы они не влияли, они не устраняют специфического влияния оборота. Их учет в данном пункте только усложнил бы форму понимания рассматриваемой зависимости, более того — мог бы вообще скрыть ее. Движение нормы прибыли есть равнодействующая массы воздействий. И как бы ни влияли прочие, данное воздействие остается.

Изоляция, сказали мы, осуществляется с целью дальнейшего исследования. Последнее совершается по двум направлениям.

1. По линии исследования изолированного предмета (раскрытие содержания, строения, закона, характера зависимости и т.д.). При этом исследование должно выявить условия появления и существования абстрагированного предмета, как мы видели в отношении товара. Это говорит о том, что изоляция никакого отношения не имеет к метафизике в современном ее смысле.

2. По линии конкретизации, т.е. рассмотрения данного предмета в его связях с другими.

Отношение изоляции к исследованию по первой линии не представляет проблемы: она есть его предпосылка. Как будет протекать это исследование, зависит не от изоляции, а от того, что и с какой целью изолировано. Так, изоляция товара есть предпосылка углубления к его содержанию и выведения формы стоимости, а изоляция отношения P^1 к m^1 — предпосылка рассмотрения возможных здесь случаев зависимости. В чистом виде может быть выделен и процесс появления нового качества и т.п., — т.е. все, что угодно, при учете того, что сказано выше.

Отношение же изоляции ко второму направлению имеет существенное значение как для понимания изоляции, так и конкретизации. По отношению к конкретизации изоляция образует ее исходный пункт и ее исходное содержание.

Здесь само содержание абстракции влияет на форму конкретизации, ибо конкретизация есть конкретизация выработанного при посредстве изоляции понятия. Продукт исследования предмета после его изоляции образует понятие о предмете, выделенном в чистом виде. Так что в этом смысле от исследования в чистом виде конкретизация зависит. Но мы здесь должны рассмотреть дело в общей форме, потому предполагаем, что это исследование есть факт.

Вместе с тем, поскольку конкретизация сама определяется общими задачами восхождения, находится в общей связи восхождения, это вносит ряд моментов в соотношение изоляции и

конкретизации, например, разрывы их по времени и месту. Но так как сами законы конкретизации от этого ничуть не изменяются, **раз конкретизация** имеет место, то ее отношение к изоляции можно рассмотреть в чистом виде.

Различные формы конкретизации мы рассмотрим дальше. Здесь рассмотрим дело в общих чертах. Изоляция есть отвлечение от ряда обстоятельств. Конкретизация — процесс их учета. Это — противоположные процессы. Как всякие действительные противоположности, они представляют собой результат единого процесса, включающего в себя противоположные стороны. При этом надо понимать, что мы имеем в виду изоляцию как сознательный в указанном выше смысле процесс. Действительно, всякий процесс изоляции исходит из факта влияния на изолирующий предмет других, т.е. его различных связей. Он, далее, предполагает, что это влияние в каких-то чертах указывается при отвлечении. Значит сам процесс изоляции уже заключает в себе не только возможность конкретизации, но и ее действительность. Весь процесс может быть проделан так, что эти две стороны могут слиться и различение их окажется очень трудным или вообще невозможным. Например, Маркс, выделяя закон стоимости с его количественной стороны в чистом виде осуществляет это так, что одновременно выясняется и то, что он в действительности действует лишь как тенденция, осложняясь массой обстоятельств: различные фактические затраты труда, различные производительности труда, степени сложности, изменение всех этих факторов. Какой бы процесс изоляции у Маркса мы не взяли, он заключает в себе свою противоположность.

Но в связи с тем, что в процессе познания та или иная сторона процесса в зависимости от задачи исследования может выступать на первый план, эти процессы выступают как различные процессы, возможно даже разорванные по времени и месту.

Это однако, не может уничтожить того, что каждый из этих процессов будет единством изоляции и конкретизации, причем это единство в каждом будет представлено в противоположном смысле. Относительно изоляции мы уже говорили. В конкретизации же учет связей предмета означает, вместе с тем, что исходный ее пункт разъясняет как изолированное понятие о предмете.

В предыстории диалектического метода и на базе диалектики расчленение изоляции и конкретизации обусловлено различными причинами. В науке конкретизация возможна без сознательной изоляции. Здесь лишь в процессе конкретизации обна-

руживается, что исходное понятие о предмете было изолированным (см. пример из аэродинамики); с другой стороны, предмет может быть изолирован специально, но в дальнейшем на длительный период исчезает из поля внимания, что была произведена именно изоляция. Она не дополняется конкретизацией. В этом случае лишь сам процесс изоляции включает в себя момент конкретизации. Например, Аристотель, отвлекая мысль в языковых формах, изолировал ее. В дальнейшем в науке логике исследование того, как процессы мышления проявляются внешне, в языковых формах, притом — как модифицируется в связи с этим, было «отложено» на многие века. Даже в настоящее время эта сторона дела по-настоящему не разработана.

На базе диалектического метода разделение изоляции и конкретизации является ее собственным продуктом. Можно было бы сказать здесь, что отражение есть процесс во времени. Потому, чтобы выразить обе стороны дела, лучше сочетать два процесса. Но это не объясняет специфической причины раздвоения процесса. Схематично единство, связь и различие изоляции и конкретизации можно представить так:

1) Исходный пункт — предмет в его связях	2) Предмет в чистом виде	3) Конечный пункт — предмет в его связях

«1 — 2» представляет сторону изоляции

«2 — 3» — конкретизации.

Но такое различие процессов имело бы в лучшем случае смысл наглядности изложения, но никакого познавательного значения. Очевидно, такое различие имеет смысл только в том случае, если начальный и конечный пункты отличаются по содержанию понятия.

Откуда может произойти такое изменение? Если бы дело заключалось только в том, чтобы изолировать предмет и затем привлечь отвлеченные обстоятельства, то к содержанию понятия не прибавилось бы абсолютно ничего. Очевидно, источником изменения понятия является средний пункт: исследование изолированного предмета.

Мы неоднократно говорили, что изоляция имеет целью не фиксирование предмета, а есть сторона исследования предмета, которая заключается в том, что предмет **исследуется** отвлеченно от его связей. Именно в этом исследовании в предмете обнаруживается новое — возникает новое знание. Оно-то и обуслови-

вает то, что конкретизация будет заключаться не просто в обратном привлечении связей, а в рассмотрении того, что выявлено в предмете, в этих связях.

Благодаря этому промежуточному звену изоляция и конкретизация различаются не только как стороны единого процесса, но и как различные процессы, как различные этапы исследования. (Тот факт, что они могут быть разорваны во времени, не зависит от них, а определяется законом восхождения в целом. Это мы не будем рассматривать здесь, поскольку дело ничуть не меняется от того, в каком месте совершится конкретизация. Она так или иначе будет зависеть от итогов исследования изолированного предмета. Если при этом будут иметь место учет обстоятельств, выявленных в других процессах, это точно так же не меняет дела. Если конкретизация имеет место она различается по результатам от изоляции, рассматриваемой наоборот).

Чем различаются изоляция и конкретизация (если оставить в стороне направление)?

1. При изолировании товара Маркс отвлекается от колебания меновой стоимости. Исследовав товар в чистом виде и выявив его содержание, Маркс рассматривает влияние различных обстоятельств на закон стоимости, на проявление стоимости данного товара. Если мы даже возьмем те же обстоятельства, которые имелись до изоляции, и самый простой случай, немедленно выступает отличие начального и конечного пункта. Исходный пункт: меновые стоимости колеблются в зависимости от места и времени. Конечный пункт: стоимость одного товара выражается в потребительной стоимости другого, в отношении двух товаров; может измениться стоимость каждого в том же или в различных направлениях, т.е. стоимость не абсолютно адекватно выражается в меновой; на товар может быть затрачено столько-то труда, а продан за меньшее и т.д. Т.е. колебание меновых стоимостей — форма проявления закона стоимости, который выступает как тенденция. Т.е. по содержанию понятия.

2. При изоляции все обстоятельства, от которых происходит отвлечение, выступают как одинаково безразличные. Например, при выделении товара в чистом виде одинаковыми безразличными обстоятельствами являются и модификации товара как продукта капитала, и конъюнктура товарного рынка. Тогда как при конкретизации одни разъясняются как внешние и случайные, другие — как необходимые и внутренние.

3. При изоляции просто отвлекаемся от обстоятельств. При конкретизации рассматриваем: а) как изменяется выявленная при рассмотрении предмета в чистом виде закономерность в данной связи; б) сами эти связи как особый предмет (последнее уже выходит за рамки конкретизации).

Привлечение новых связей в ходе конкретизации зависит от следующего.

1. Насколько они известны или обнаруживаются в других, связанных с данным, процессом.

2. От общей связи восхождения, т.е. от законов более сложного процесса. Например, влияние капитала на закон стоимости может быть рассмотрено лишь после рассмотрения капитала (целого ряда промежуточных звеньев).

3. Частично — от результатов и предпосылок данного процесса. Вообще, вопрос о порядке привлечения тех или иных сторон, связей — вопрос о других приемах познания (например, об анализе и синтезе). Здесь мы только отметим, что в процессе исследования предмета в чистом виде намечается и порядок конкретизации.

Принципиально говоря, в процессе конкретизации могут быть привлечены абсолютно все связи предмета. Но нас интересуют общие закономерности закономерности привлечения. Потому в отношении полноты для нас проблемы нет и быть не может.

Если мы возьмем конкретизацию и изоляцию в процессе восхождения в целом, то здесь наблюдается следующее:

1. Разрыв их возможен по времени и месту. Например, капитал рассматривается отвлеченно от сферы производства, в частности — от сельского хозяйства. Лишь через ряд промежуточных звеньев рассматриваются особенности, вытекающие из приложения капитала к земледелию.

2. Изоляция может не дополняться конкретизацией. Например, Маркс отвлекается от влияния различной степени сложности труда и специально этот вопрос не исследует. (Не говоря уже о таких случаях, как биметаллизм в рассмотрении ряда проблем, индивидуальные особенности страны и т.д.).

3. Целый ряд вопросов при изоляции разъясняется как предмет других наук. Например, исследование потребительных стоимостей — дело товароведения. Т.е. исследование носит избирательный характер, и полнота его относительна.

4. Изоляция, осуществленная в одном пункте восхождения, может быть в дальнейшем действительна для целого ряда проблем.

Например, предположение, что товары продаются по стоимости — вплоть до цен производства, предположение, что товары продаются по ценам производства — вплоть до конца III тома.

5. В процессе изложения возможно вообще, что изоляция выражается внешне в форме конкретизации, и наоборот. Например, изоляция зависимости величины стоимости от затрат труда выступает в форме как конкретизация.

В дальнейшем мы конкретизацию будем рассматривать исключительно в восхождении, оставив в стороне ее предысторию, и отвлеченно от усложняющих ее обстоятельств.

Рассмотрим основные формы изоляции и конкретизации, имеющие место при исследовании сложного, органического целого. Всякое такое целое само находится как целое в связи и взаимодействии с другими целыми, т.е. представляет элемент структуры более сложного целого. Например, капиталистические отношения, представляющие сами сложное расчлененное целое, существуют в связи с другими общественными отношениями, данная капиталистическая сторона — в связи с другими и т.д. Но раз какое-либо целое абстрагировано в качестве объекта исследования, ход его исследования, как целого, имеет черты, общие исследованию всякого целого. Нас в данном случае и интересуют общие черты изоляции и конкретизации, имеющие место в исследовании целого.

Простейшая форма изоляции при исследовании целого — исследование отдельного предмета, входящего в это целое (например, отдельного капитала). Простейшая не в смысле легкости ее осуществления, а в том смысле, что это — предел изоляции.

В разделе о клеточке мы уже касались смысла этой абстракции в плане ее предметного содержания: отдельный предмет — это не эмпирический «этот», единичный предмет (этот капитал), а любой всякий представитель этого рода предметов (всякий капитал). Теперь необходимо рассмотреть эту абстракцию с т. зр. ее места в процессе исследования целого.

С т. зр. хода исследования только что данное определение отдельного нуждается в дополнении: исследовать отдельный предмет этого рода отвлеченно (на данном этапе) от связи предметов этого рода между собой и, следовательно, отвлеченно от вытекающих из этих связей последствий. Например, исследовать отдельный капитал — значит исследовать всякий капитал отвлеченно от связи капиталов и вытекающих из нее послед-

ствий (явлений конкуренции). Ради упрощения мы предполагаем, что отвлечение от всех прочих обстоятельств уже произошло. Так, рассмотрение отдельного капитала предполагает отвлечение от влияния других экономических отношений.

Легко увидеть, какую важную роль играет эта абстрактная для последовательности исследования сложного целого, общие законы которого представляют перед человеком, впервые обращающим внимание на него, в форме, модифицированной гигантским количеством связей и воздействий: раз сознательно рассматривается отдельный предмет, все явления, представляющие результат связи отдельных предметов между собой, «автоматически» откладываются на будущее; вместе с тем, это будущее — рассмотрение связи отдельных и последствий ее для каждого отдельного — уже намечено в возможности (если, повторяем, отдельное осознано, как отдельное).

Тем самым эта абстракция облегчает анализ предмета. Так, изоляция отдельного капитала с самого начала исключает возможность объяснения прибавочной стоимости из связи между капиталами, с товарным обращением вообще и некапиталистическим покупателем и направляет внимание исследователя в нужном направлении: искать источник прибавочной стоимости в природе купленного товара.

С другой стороны, если, опять-таки, эта абстракция совершается со знанием дела, исследователь с самого начала понимает продукт исследования отдельного предмета, как одностороннюю абстрактную картину предмета, которая для более полного соответствия предмету нуждается в фактической реализации указанной выше возможности, т.е. в конкретизации — в учете факта связи отдельных и его последствий для всякого отдельного.

Решающее значение для понимания смысла изоляции и последующей конкретизации имеет определение категории «отдельное» как особой категории в отличие от категории «единичное». В философской литературе эти категории не различаются, выступают как синонимы. А за отождествлением этих категорий кроется смешение различных способов отражения, подкрепляемое сознательным отрицанием специфических форм диалектики со стороны ряда философов. Половинчатой, потому в итоге ошибочной, является и часто встречающаяся манера трактовать категории диалектики лишь как более глубокое понимание «тех же» категорий формальной логики, примерно в таком духе: диалектика, мол, глубоко понимает «единичное».

Но ведь совершенно очевидно, что как бы глубоко или поверхностно мы не понимали какие-либо явления, они от этого не становятся другими, пока мы к ним относимся чисто теоретически. Товар, например, ничуть не изменился оттого, что Маркс его понял глубже, чем Рикардо. И явления мышления не обладают в этом отношении никакими привилегиями. Предметом науки о мышлении являются сами явления мышления, — приемы, формы, законы, познания вещей. Наука о мышлении и фиксирует явления, стороны, процессы познания вещей в особых категориях («суждение», «умозаключение» и т.д.). И как бы различные теоретики ни трактовали какое-либо явление мышления, оно не перестает быть тем, что оно есть. Так, суждение не становится специфической для диалектического мышления формой оттого, что понимается диалектически, а формы диалектики не становятся формами формальной логики оттого, что некоторые философы их понимают поверхностно или отрицают совсем. Так, как бы некоторые теоретики ни трудились над сведением приемов мышления автора «Капитала» к приемам формальной логики, от этого страдают лишь головы, принимающие их трактовку за чистую монету, но ни в коем случае не сами эти приемы: они остаются особыми, отличными от тех, о которых говорит формальная логика.

Категория «единичное» и «отдельное» — различные категории, фиксирующие различные явления отражения, явления, принадлежащие к различным способам отражения или различным ступеням в развитии способности отражения. Трудность понимания категории «отдельное» как и всякой категории, отражающей явления, мышления, состоит в том, что она относится к предметам опосредованным: она фиксирует, отражает сторону процессов, отражающих предметы, и тем самым — сами предметы.

Пойти в ее трактовке по пути, представляющемуся самым простым и правильным, а именно — по пути того, чему соответствует эта категория в каждом отдельном случае («отдельный товар», «отдельный капитал») в предмете — значит наверняка не увидеть ее специфики. Какая, например, разница между единичным и отдельным капиталом безотносительно к способу отражения? Никакой: всякий единичный капитал есть отдельный представитель рода «капитал», всякий «отдельный» — единичный. На этом пути вообще исчезает специфика всех категорий «капитала», т.е. категорий диалектики в ее частном примене-

нии. Чем, например, отличается категория «средняя норма прибыли» у Маркса от таковой у предшественников и недиалектиков современников, если ее соотносить только с отражаемым фактом? Абсолютно ничем, точно так же, как ощущение этого синего цвета по объективному содержанию ничем не отличается от абстракции «этот синий цвет». Даваемый обычно в таких случаях ответ, что, мол, Маркс глубже понял тот или иной факт, имеет исключительно один рациональный смысл: здесь действительно имеет место различное понимание одного и того же предмета, но именно это различие пониманий и образует для науки о понимании различные предметы ее собственного, как особой науки, исследования, образует различные способы отражения. Выше мы показали, как без учета способа, процесса, хода отражения, «схватывания» предмета оказывается невозможным фундаментальнейшее понятие диалектики — «противоречие».

Не учитывая способа отражения, не определишь ни одной категории диалектики. А раз понятие не определено соответствующим для данного способа отражения образом, оно не есть понятие.

Сказанное касается вообще всех категорий, фиксирующих стороны, элементы, формы процесса отражения: их требуется определять не только в плане их предметного содержания, но и в плане определения их места в процессе отражения предмета, не просто соотносить с предметом, а определять их отношение к предмету через посредство процесса отражения предмета. В простейших случаях это очевидно: например, различие восприятия какого-либо единичного предмета и воспроизведение его посредством совокупности абстракций невозможно указать, минуя способ отражения.

Рассмотрим с только что изложенной точки зрения категорию «отдельное» детальнее. Раз отдельный предмет есть любой предмет этого рода, то уже предполагается отвлечение общего. Оно-то и позволяет говорить о «всяком». Это по существу тавтология: раз речь идет об отдельном не вообще, а об отдельном этого рода, то род, т.е. общее, должен быть уже известен, отвлечен и зафиксирован в категории. Так отдельный товар — всякий товар, т.е. свойство продуктов труда обмениваться и на этой основе сами продукты как обмениваемые отвлечены и зафиксированы в категории.

Что значит исследовать отдельный предмет? Исследовать отдельный предмет (товар, например) — значит исследовать не единичные особенности того или иного предмета (товара), —

этим в отношении товара занимается не наука, а тот, кто покупает товар, — а исследовать всякий другой предмет (товар), т.е. само общее, сам род. Т.е. исследование с самого начала есть исследование общего.

Бесспорно, что исследователь может понять общее только в его единичных проявлениях (товар, капитал — в их единичных проявлениях). Это — абсолютная необходимость познания предмета, исходный пункт выработки первоначальных абстракций и обобщений эмпирически обнаруживаемых связей (например, «формула Д-Т-Д» может быть только продуктом наблюдения единичных случаев подобного движения стоимости), постоянный необходимый питательный источник всего процесса познания.

Но при этом имеет силу другая сторона дела — способ исследования самого общего. Исследовать отдельный предмет — значит исследовать общее всякому предмету этого рода, но исследовать первоначально отвлеченно от связи отдельных между собой и от влияния этих связей на то общее, которое исследуется в отдельном, — т.е. исследовать отвлеченно от всех индивидуальных особенностей в том числе. Каким образом протекает исследование самого отдельного, здесь не имеет пока значения: здесь важен смысл самой абстракции отдельного.

Таким образом, категория «отдельное» является таковой лишь по отношению к другой, предполагает свою противоположность. Она отражает лишь одну сторону противоречивого процесса отражения предмета. Относительной (в этом смысле) является и категория «единичное». Но характер ее относительности отличен от такового категории «отдельное». Единичный предмет есть неповторимый предмет. Но отражение его посредством мышления означает, что в нем отвлекаются стороны, сходные с другими предметами, повторяющиеся в других. Единичные предметы отражаются как не-единичные, как повторяющиеся, одинаковые, как общее. Это — противоречивый образ предмета, и противоречивость его разрешается в особом движении мысли, в котором неразрывно связанные стороны образа выступают, как противоположные полюсы мысли: «единичное есть общее», «это, неповторимое, есть повторяющееся» («это — товар»). Категория «единичное» возникает и имеет смысл лишь как противоположность категории «общее». Что это так, об этом говорит невозможность определения этих категорий без противопоставления их друг другу. Определение их, независимо друг от друга, идет по линии разрыва чувственного и рационального отражения.

Здесь единичное отдается чувственному, а общее — рациональному. От этого страдает понимание и того и другого. Да это и вообще ошибочно. Чувственное не есть отражение только единичного, рациональное отражает и единичное. Это еще довод за то, что надо исследовать способ отражения. Что каждый единичный случай этих категорий («Москва — город») отражает соответственно единичный предмет и общее в нем с другими, это очевидно. Но речь идет о способе отражения. Здесь общие категории «единичное» и «общее» фиксируют противоположные и неразрывно связанные стороны однородных образов и процессов их выражения, существования в мысли. Что единичные предметы отражаются как общее, это образует специфику мышления в его исходном пункте. Это — противоречие процесса мышления, и только. В предмете нет никакого противоречия между общей его стороной и им же самим, включающим и эту сторону. Например, нет противоречия между этим товаром как единичным и его общим свойством быть товаром. Выше мы показали, что противоречия образуют различные стороны предмета. Какой бы товар мы не взяли, его противоречия образуют его общие две стороны: он — предмет потребления и стоимость.

Это, казалось бы, настолько очевидно, что не стоило бы труда говорить об этом вообще. Но еще до сих пор имеется стремление у ряда философов представить противоречия процесса мышления как противоречия самого предмета. Чем, спрашивается, отличаются эти попытки от теорий реакционных буржуазных философов, которые изображают противоречие предмета лишь как противоречие хода его отражения? Только по форме. И в том и в другом случае имеет место извращение предмета, отказ от познания его действительных противоречий. Что осталось бы от метода Маркса, если бы он вместо раскрытия внутренних противоречий товара преподнес бы нам «диалектику» такого рода: всякий товар есть этот единичный товар и товар вообще, это противоречиво и т.п. Но прошло почти сто лет со дня выхода в свет «Капитала», а подобные бредни котируются как «диалектика».

Мы на этом останавливаемся лишь потому, что эта точка зрения отсекает путь к пониманию специфики мышления. Когда категории «единичное» и «общее» прямо соотносятся с их предметным содержанием и только, они не рассматриваются фактически как способ отражения, остаются лишь общие разговоры о мире. Единственно, что становится здесь возможным

сказать, что это — трижды известная истина, известная еще Аристотелю, но порой преподносимая как завоевание марксизма. В трактовке же процессов мышления диалектический метод не стал еще методом исследования. Не случайно же до сих пор гениальные положения Гегеля, Энгельса и Ленина о диалектике единичного и общего в простейших суждениях категорически не допускаются на страницы учебников и монографий по логике. Не случайно же до сих пор постановка вопроса о специфических формах, приемах, законов диалектического мышления считается архиеретической по мнению ряда философов.

Путаница в вопросе о единичном и общем даже у лучших умов прошлого заключается вовсе не в том, что они не видели объективности прошлого, а в том, что они не могли понять диалектики общего и единичного в процессе отражения предмета в том, что они не видели специфических закономерностей самого процесса отражения вещей.

Категория «отдельное» отражает сторону совершенно иного процесса отражения, чем категория «единичное», и имеет своей противоположностью не категорию «общее». Отдельный предмет есть отдельный по отношению к связи отдельных предметов между собой. И в данном пункте мало свести категории «отдельное» и «связь» к их объективному содержанию. Это дело не трудное, надо вывести, объяснить специфику процесса отражения связи как связи отдельных.

Что здесь нельзя ограничиться силлогическим применением основного вопроса философии, видно из следующего. Что можно сказать в плане плоского отражения? Только следующее: как в реальной действительности отдельное обладает свойствами, в том или ином отношении общими с другими, а общее существует лишь в единичном, так и отдельное существует в связи с другими, а связь есть связь отдельных. Что значит: связь отдельных? Например, этот капиталист покупает средства производства у такого-то, продает товар на таком-то рынке, такому-то капиталисту и т.п. Но чтобы отразить, понять связь отдельных, исследователь (диалектически мыслящий) идет особым путем: абстрагирует отдельное из связи и рассматривает отвлеченно от нее, а самое связь рассматривает, восходя от отдельного к связи. Именно эти две стороны процесса отражения связи отдельных мы и обозначаем категориями «отдельно» и «связь». Взаимоотношение этих категорий, точнее — обозначаемых ими сторон отражения, образует (в каждом единичном

случае познания) особое движение мысли (изоляция и конкретизация), отличное от того, какое имеет место во взаимоотношении категорий «единичное» и «общее».

Что эти категории связаны с более глубоким пониманием предмета, это не только не устраняет особенности этих категорий и их отношения, а наоборот — является обобщенным научкой синонимом развития способа отражения, фиксируемых этими категориями. Более того, это движение мысли отлично вообще от всего остального, в том числе — отлично от отражаемого предмета. Оно сходно только с однородными процессами. Отлично от отражаемого предмета не в том смысле, что оно не дает его портрета, — нет, оно как раз и образует, создает этот портрет («копию»), но сам процесс есть особый процесс, не имеющий никаких аналогов. Его аналог может быть создан лишь в науке о нем. Если прибегнуть к образной аналогии, то процесс отражения предмета посредством мысли настолько же похож на сам предмет, как процесс рисования на рисуемый предмет. Обвинения в кантианстве, которые обычно следуют при такой постановке вопроса, свидетельствуют о полном непонимании того факта, что если бы процесс отражения по своей форме был копией предмета, то вообще было бы невозможно отражение. Даже в зеркале отражения предмета (сам ход его) есть особый процесс, отличный от предмета. Он зависит от отражаемого, так зависит, а не сходствует. Зависимость не есть сходство.

Рассмотрим теперь категорию «связь». Смещение ее с категорией «общее» — дело более трудное, но, как показывают факты, вполне возможное. Во всяком случае четкого их различения нет: «общее» употребляется в смысле сходного, одинакового, повторяющегося и в смысле связи. Это неточно. Мы будем термин «общее» употреблять только в первом смысле. Термин «связь» общепризнан, и мы его будем употреблять в отличие от «общего».

При отражении связей прежде всего перед исследователем предстают единичные связи. Наблюдение их приводит к выявлению общего в них, к фиксированию связей посредством абстракции в мысли. Но остается еще задача исследовать сам характер связей.

В связи с тем, что исследование с самого начала ставит задачей исследование общего, это налагает свою печать и на связи, которые должны быть выявлены, точнее на то — какие связи будут исследованы.

Очевидно, речь идет здесь не об эмпирических, единичных связях, а о связях общих. Это имеет двойкий смысл, и восхождение от отдельного к связи их имеет двойное направление.

1) В отношении отражения связей понятие идет, прежде всего, по пути абстрагирования общего в эмпирических связях и фиксации их в категориях и суждениях. Например, наблюдение эмпирических связей единичных капиталов приводит к тому, что фиксируют в мысли сами эти связи, а значит — общее в них: между капиталами устанавливается связь в смысле покупки и продажи средств труда и предметов потребления для воспроизводства переменного капитала. Здесь впервые в мышлении воспроизводятся сами связи, как особый предмет мысли, связи, образующие строение данного целого.

Исследование этих связей не входит в задачу конкретизации, это — задача других сторон восхождения и совокупная задача ряда его сторон. Изоляция и конкретизация принимают участие в понимании этих связей, но чтобы указать здесь роль конкретизации, надо принять их фиксирование как факт. Смысл имеющей здесь место конкретизации мы рассмотрим несколько ниже.

Заметим, между прочим, что восхождение от отдельного к связи отдельных облегчает, если оно предпринимается осознанно, задачу отвлечения связей отдельных между собой. Раз исследование с самого начала имеет задачей исследование общего, то и связи он должен (и может лишь) рассмотреть общие для всяких отдельных, раз начали со всякого, отдельного. Отсюда и сами эти связи понимаются с самого начала иначе, чем при простом их обобщении. При последнем общее суждение о них имеет констатирующий характер, в рассматриваемом случае — необходимый: исследование отдельного вскрывает необходимые для существования всякого отдельного связи. Например, исследование отдельного капитала раскрывает его структуру: $D-T^{PC} \dots P \dots T-D^0$; существование ее предполагает с необходимостью связь с другими капиталами, производящими для данного средства производства и средства существования рабочих и самого капиталиста; в свою очередь, произведенный данным капиталом товар должен быть продан. Более того, оно способствует раскрытию закона этой связи.

2) Второе направление ставит себе задачей выяснить, что вытекает из взаимодействия отдельных друг на друга, как модифицируются форма проявления выявленных при исследовании

отдельных законов во взаимодействии остальных. Например, как модифицируется форма проявления закона стоимости во взаимодействии товаров.

Проиллюстрируем различие этих двух направлений примером. Исследован отдельный капитал. В дальнейшем надо исследовать связь капиталов. Исследование это идет по таким линиям.

1. Связь капиталов в смысле взаимосоприкосновения, взаимобмена, — воспроизводство общественного капитала в целом. Связь капиталов в этом смысле образует целый организм, в котором различные капиталы представляют части, функции целого.

2. Связь капиталов в смысле воздействия друг на друга, в результате которого форма проявления законов каждого изменяется. Например, конкуренция капиталов приводит к установлению средней нормы прибыли, в результате — цены отклоняются от стоимости с необходимостью.

Таким образом, понятие «связь» — сложное понятие, включающее в себя связь, результатом которой является образование целого, так что отдельные начинают играть в нем роль части, функционального отдела целого, и связь, результатом которой является изменение каждого отдельного, выработка общих для всякого отдельного новых закономерностей. В процессе исследования, очевидно, эти стороны надо различить, при рассмотрении одной отвлекаться от другой, хотя реально они не существуют изолированно. Первую будем называть координацией, вторую — зависимостью.

Возникает вопрос: в какой последовательности рассматривать эти две стороны? Мы не считаем необходимым указать здесь единственно возможный путь. Эти две задачи могут быть решены в различной последовательности и до известной степени самостоятельно. Например, пропорции отраслевого строения промышленности какой-либо страны могут быть исследованы независимо от движения прибыли в этой стране. Более того, в самой действительности возможно, что имеет место связь во втором смысле, и наоборот. Необходимо лишь одно общее: исследование и по той и по другой линии предполагает исследование отдельного предмета и осознание факта связи. Но поскольку в исследовании по первой линии необходимо раскрыть не просто координацию целого, а закон ее, зависимость в координации, то в логическом рассмотрении метода восхождения мы должны эту сторону дела рассмотреть после второй, ибо последняя ста-

вит с самого начала вопрос о законе, о зависимости. И при рассмотрении координации восхождение должно выявить зависимость в ней, а не просто зафиксировать.

Восхождение от отдельного к взаимодействию отдельных включает в себя три момента:

1. Отражение самого факта взаимодействия.
2. Отражение того, как изменяется то, что выявлено при рассмотрении изолированного отдельного, во взаимодействии отдельных.
3. Восхождение к отдельному.

Прежде всего, несколько слов еще о подходе к выработке такой формы отражения. Выработка категорий «товар», «капитал» и т.п., т.е. отвлечение общего ряду предметов, свидетельствует о том, что в самой отражаемой действительности отвлеченное в категории общее свойственно многим предметам. Это же предполагает и то, что имеет место их взаимодействие: если последнего нет, то и конкретизация в этом направлении невозможна. Во всяком случае, оставим пока вопрос об истории формирования отражаемой действительности и примем как факт наличие множества отдельных и их взаимодействия. Из этого факта исходили и предшественники Маркса, и сам Маркс.

Чтобы изучить законы, например, капитала, надо, очевидно, обратиться к отдельным капиталам и исследовать всякий капитал, т.е. общее для всякого капитала. Иных путей нет, каким бы методом не оперировал исследователь. Исследование отдельного капитала, т.е. общего для всякого капитала, открывает ряд закономерностей. Например, норма прибыли зависит от массы прибыли, а последняя — от соотношения основного и оборотного капитала (под последним экономисты фактически понимали переменный капитал и, хотя не осознавали четко органическое строение капитала, однако зависимость нормы прибыли от него нащупали), от скорости оборота. Отсюда: различные в указанном отношении капиталы должны давать различные нормы прибыли.

С другой стороны, наблюдение эмпирических фактов приводит к абстрагированию закономерности, противоречащей по видимости абстрагированной в первом случае: различные капиталы дают одинаковую (в среднем) норму прибыли.

Недиалектически мыслящий исследователь не осознает того, что в первом случае он исследовал изолированное отдельное, а во втором — продукт взаимодействия отдельных. Он знает одно:

и в том и в другом случае речь идет об одном и том же (о норме прибыли), значит результаты должны совпадать, а не противоречить друг другу. О чем свидетельствует это противоречие? Это противоречие, говорит Маркс неоднократно, кажущееся. Оно свидетельствует о бессилии тех приемов, которыми оперирует исследователь.

Для диалектически мыслящего исследователя здесь никакого противоречия нет. Его метод позволяет объяснить кажущееся противоречие, его метод показывает, что недиалектически мыслящий исследователь не мог произвести различие и установить зависимость различных явлений, не мог осуществить необходимых в данном пункте абстракций.

Что дает исследование отдельного предмета? Если мы оставим в стороне имеющий здесь место анализ, примем его как факт, то исследование это должно еще установить зависимость между выявленными в этом анализе явлениями, т.е. известную закономерность (раз исследуется общее, значит и зависимость общая). Так анализ отдельного капитала показывает зависимость нормы прибыли от органического строения капитала и оборота. И чтобы в дальнейшем ни происходило, эта зависимость сохраняет силу, раз существует капитал. (Так, Маркс специально в III томе исследует эту зависимость, отвлекаясь от средней нормы прибыли, т.е. от факта взаимодействия капиталов).

Раз рассматривался отдельный капитал, то и зависимость эта рассматривалась в чистом виде, как таковая. Отвлечение от связи капиталов означало автоматически отвлечение от модифицирующих ее обстоятельств. Это отвлечение очевидно является приемом, позволяющим изолировать какую-либо зависимость и исследовать ее в чистом виде.

Вывод отсюда: что познание фиксирует в качестве закона, есть лишь общая зависимость. Термин «закон» обозначает особую форму абстракции, отражающую какую-либо зависимость в чистом виде.

С другой стороны, исследование эмпирических фактов приводит к фиксации того, что эта зависимость в чистом виде никогда не проявляется, она модифицируется другими зависимостями, — реальная форма ее проявления вступает в кажущееся противоречие с ней, как законом. Для недиалектически мыслящего исследования имеет силу одно: раз общий закон, значит силлогистически действует для частного случая. Он оказывается

метафизиком потому, что силлогизм хочет видеть там, где нет места ему, где нет для него условий. Реальное проявление закона не есть частный случай закона, а есть сам закон в реальном проявлении. Здесь рассматриваются не случаи наряду, а одно и то же, но в первом случае — в чистом виде, во втором — в связи.

Что видит диалектически мыслящий исследователь, фиксируя в категории среднюю норму прибыли? Он прежде всего фиксирует этим новую, другую зависимость, зависимость отдельных капиталов друг от друга. Эта зависимость выражается в явлениях конкуренции (мы ради упрощения берем только конкуренцию между отраслями), в переливах капитала. Категория «средняя норма прибыли» фиксирует не просто уровень прибыли отдельного капитала, а именно зависимость капиталов. Здесь конкретизация не только в том смысле, что рассмотрена новая зависимость, а прежде всего, раз речь идет о конкретизации имеющегося понятия, конкретизация обнаруженных при рассмотрении отдельного закона.

Рассмотрение отдельного вскрыло какую-то зависимость. Рассмотрение взаимодействия отдельных ставит вопрос: как эта зависимость проявляется не в чистом виде (реально в чистом виде она не существует, выделение ее в чистом виде — продукт абстрагирующей деятельности ума), а в той связи, какую дает рассмотрение взаимодействия отдельных между собою. Восхождение к взаимодействию отдельных есть, т.е. прежде всего фиксирование новой зависимости, нового закона. И как следствие осуществляется при этом конкретизация выявленных при рассмотрении отдельного зависимостей, закона.

Если теперь сформулировать вопрос в такой форме:

1) норма прибыли всякого капитала зависит от органического строения;

2) в результате конкуренции капиталов устанавливается средняя норма прибыли, — то никакого тут противоречия нет, это — различные зависимости. В реальной действительности наблюдается факт их совместного действия. И если исследователь берет какую-либо сторону дела и строит на ней умозаключение (их иначе и не построишь), то неизбежно получается вывод, вступающий в мысленное противоречие с выводами, построенными на абстрагировании других сторон, или с созерцаемыми фактами. Проблема конкретизации здесь еще только возникает: как объяснить наличие средней нормы прибыли, если предположено действие закона стоимости.

Оставим в стороне то обстоятельство, что процесс конкретизации в данном пункте предполагает массу других процессов, и рассмотрим, как протекает конкретизация, как таковая.

Итак, исследование отдельного капитала выявило определенные зависимости, законы; но раз исследовался отдельный капитал, значит все капиталы выступали в данном отношении как качественно однородные. Раз встал вопрос о их взаимодействии, то, следовательно, эта качественная однородность — исходная предпосылка. Вместе с тем, о взаимодействии не могло быть и речи, если бы они были абсолютно однородными. Взаимодействие предполагает различие взаимодействующих. Различие капиталов по их месту и общей связи мы пока оставляем без внимания: речь идет о результатах взаимодействия, независимых от места капитала в целом. Это показывает простое созерцание и умозаключение, основанное на нем.

Но исследование отдельного обнаруживает различие отдельных, в целом ряде сторон. Что должно быть взято? Очевидно, единственное различие, которое должно быть принято во внимание здесь, это различие в том, что исследовалось в каждом отдельном.

1. Раз отдельные предполагаются качественно тождественными, то выступает пока лишь количественное различие выявленного при анализе отдельного.

2. Раз отдельное — всякое, то уже предполагается различие в единичном проявлении всякого отдельного. В данном случае для второго различия должно быть взято лишь то, что различные капиталы производят различный сорт товаров, или один и тот же.

В отношении первого различия дело сложное. Какие именно количественные различия должны быть взяты, зависит от проблемы: в данном случае, различие в органическом строении (при всех прочих данных обстоятельствах или отвлекаясь от них должна быть различная норма прибыли, а взаимодействие капиталов дает одинаковую). Но во всех случаях — различие относительное (отношение в отдельном, например, Y и C , и отношение в координации в связи с этим).

Вся задача теперь сводится к изображению в форме мысли того действительного процесса, какой имеет место при образовании средней нормы прибыли при наличии разных норм у капиталов, рассматриваемых отдельно, — показать, как количественные различия ведут к качественному изменению предмета (а не только количественный рост вызывает качественные изменения).

В рассмотренной форме конкретизации восхождение совершается от рассмотрения отдельного предмета к взаимодействию отдельных, и это дает возможность конкретнее рассмотреть законы, обнаруженные в отдельном. Но самое любопытное здесь — рассмотрение отдельного дает самое абстрактное понятие о нем. Рассмотрение отдельного вскрывает законы, действующие для всякого отдельного, т.е. общее. Но вместе с тем, в каком виде эти законы действительно выступают для отдельного, это выясняет лишь восхождение к взаимодействию отдельных, — т.е. это восхождение есть конкретизация понятия об отдельном, точнее о законе, проявляющемся в нем. Например, рассмотрение отдельного капитала не может дать понятия о средней прибыли, хотя каждый отдельный капитал и подчиняется этому закону. Оно дает лишь понятие о прибыли вообще. Лишь рассмотрение взаимодействия капиталов открывает путь к средней прибыли.

Т.е. хотя отдельное и есть исходный пункт, понято оно может быть лишь путем восхождения.

Надо сказать, что рассмотрение отдельного во взаимодействии отдельных дает опять-таки **общее** знание, но это общее ближе к полной конкретности. Последняя может быть получена путем учета взаимодействия не только однородных отдельных, но и различных по качеству, но и влияний вплоть до случайных.

Конкретизацию как восхождение от отдельного к связи отдельных не следует путать с восхождением к форме движения. В разделе о клеточке мы говорили, что рассмотрение отдельного товара есть рассмотрение его как обмениваемого продукта, т.е. в отношении к другому товару. Но как рассмотрение стоимости отвлеченно от меновой стоимости не есть изоляция, ибо меновая стоимость с необходимостью вытекает из противоречий товара, так и восхождение к меновой стоимости не есть конкретизация, точно так же — в отношении содержания и формы движения капитала.

В процессе исследования и изложения переплетаются различные процессы, потому, разумеется, процесс конкретизации имеет место в связи с движением к форме. Но смешивать эти процессы не следует.

Рассмотрим их различие на примере товара. Восхождение к форме движения стоимости есть восхождение к отношению, связи двух товаров: $T - T'$. Здесь как будто один товар рассматривается в связи с другим. Но если присмотреться ближе, то здесь нет фактически рассмотрения связи отдельных товаров

в смысле взаимодействия. Здесь рассматривается отдельный акт обмена, т.е. отдельный товар в форме своего существования, движения. Здесь товары играют **различную** роль в обмене, и исследование этого — дело анализа, основанного на углублении к содержанию и движению к форме.

Особенно ясно это видно на примере формы движения капитала: $D - T - \dots P \dots T' - D'$. Что здесь рассматривается отдельный капитал, ясно.

Конкретизация в отношении рассмотрения товара даже в форме « $T - T'$ » будет иметь место тогда, когда стоимость каждого рассматривается независимо от формы ее проявления, но в зависимости друг от друга. Т.е. если рассмотреть возможное движение затрат на каждый товар, то уже в форме « $T - T'$ » обнаруживается возможность отклонения меновой стоимости от стоимости или то, что она не адекватна выражает стоимость. Например, стоимость T постоянна, стоимость T' изменилась, тогда формула будет « $T - xT'$ ». Но здесь уже рассматривается не отдельный товар, а связь отдельных, которые различны и изменяются в общем качестве. Это — другая сторона дела, отличная от той, в которой обнаруживается, что натуральная форма одного товара становится нормой стоимости другого.

Элемент конкретизации имеет место и в восхождении к форме движения капитала. Так, при рассмотрении содержания капитала прибавочная стоимость рассматривалась только в отношении к переменному капиталу. Маркс порой постоянный капитал для простоты приравнивал к нулю. При восхождении к движению капитала прибавочная стоимость рассматривается в отношении ко всему капиталу — ее существование зависит от движения всего капитала. В первом случае — в чистом виде, во втором — в связи с движением всего капитала (а это значит — конкретнее, учет новых связей). Но в обоих случаях это не есть восхождение к взаимодействию отдельных. Здесь конкретизация обусловлена восхождением к форме движения, выступает как следствие, а не совершается специально. При конкретизации же специально объясняется не форма проявления содержания, а рассматривается изменение формы проявления в той или иной связи, — изменения формы проявления закона вообще.

Восхождение от единичного акта к повторяющемуся процессу

Выше мы рассмотрели отдельное отвлечение от фактора времени. Здесь рассмотрим отдельное, как повторяющееся, воспроизводящееся отношение. Сам переход к этой стороне дела обусловлен переходом в форме движения отношения.

Отдельное отношение — не просто всякое, а повторяющееся во времени. Рассмотрение предмета с этой стороны предполагает, например, что не просто этот товар обменивается на этот, а товар этого рода постоянно (в известных хронологических рамках, образующих время существования предмета — товарных отношений) обменивается на товар другого рода. Так что отдельное и с этой стороны не есть единичное.

Абсолютная «единичность» есть явление, включающее сцепление связей, в том числе — случайностей. Это абстракция, фиксирующая «мгновение». Но и «отдельное» есть продукт созерцания единичностей — абстракция. Объективный предмет — и то и другое. Рассмотрение единичностей, как отдельных и отдельных, как единичностей есть противоречивый процесс отражения. Посмотрим, какую форму он принимает в восхождении.

При рассмотрении товара эти две стороны отдельного — всякость и повторяемость — совпадают. «Т-Т», — здесь процесс закончен. Рассмотрение повторяемости имеет место в другом процессе — выведении денег. Здесь различие этих сторон с одной стороны доходит до обособления, но именно потому они и не замечаются, как разные стороны одного процесса.

Потому рассмотрим лучше на примере движения капитала. Здесь движение представляет связь качественно или количественно различных предметов, потому из рассмотрения повторения выявляются новые стороны предмета.

Созерцанию движение капитала представляется как постоянно возобновляющийся процесс: Д-Т...П...Т'-Д' · Д-Т...П...Т'-Д' · Д-Т...П...Т'-Д' (точнее, Д-Д' · Д...Д'). Чтобы понять этот процесс в его возобновлении, мышление должно абстрагировать «единичный» акт движения, заключенный между повторяющимися пунктами: «Д...Д'». Почему взяты именно эти пункты, зависит от других процессов — от фиксирования капитала в его внешней форме денег, дающих прирост денег (и других соображений, о которых здесь говорить не место).

«Д...Д'», — не «этот» и в этом смысле единичный акт, а любой один акт, остающееся во времени, свойственное всякому. Здесь произведена уже масса абстракций: раз один, значит отвлекаемся от накопления, например.

Что выявляется при рассмотрении повторяющегося процесса?

а) Внутренние различия, представляющие результат сцепления и повторения различных процессов. Например, Д-Т...П...Т'-Д'. Д-Т...П...Т'-Д'. Т.е. процесс разъясняется как единство различных процессов, образующих целое.

б) Изменение формы проявления законов отдельного. Например, норма прибавочной стоимости — годовая норма ее.

в) Учет времени. Например, время производства и обращения.

г) Учет взаимодействия различных подразделений. Например, производства и обращения.

д) Учет пространственного и временного фактора и его влияние на непрерывность процесса. Например, необходимость капитала постоянно фиксироваться в разных точках пространства в одно и то же время и в одной и той же точке проходить его в разное время. Вытекающие отсюда последствия. Рассмотреть учет роста предмета в связи с повторением мы не имеем возможности. Укажет лишь то, что этот вопрос может иметь место лишь после объяснения внутренней необходимости роста, что предполагает рассмотрение массы связей целого, как например, — накопление капитала. Восхождение должно рассмотреть это в связи с взаимодействием отдельных в их связи в пространстве и времени. (Например, воспроизводство капитала).

Вообще же говоря, рассмотрение процесса в его повторении имеет смысл лишь тогда, когда его конечные пункты опосредованы промежуточными звеньями и в процессе повторения становятся сами промежуточными, преходящими моментами. Вытекающие отсюда различия и приводят к модификации законов, выявленных при отвлечении от повторения.

Надо сказать, что отвлечение от повторения вовсе не означает, что взят один этот акт, а означает лишь то, что отвлеклись от вытекающих из его повторений последствий, — т.е. взят любой акт или процесс в тех моментах, какие обнаруживаются при отвлечении от указанных моментов.

Восхождение к единичному

Единичное не просто как отличительное «это», а в его внутренних связях и в данном их проявлении, образующем единичное, может быть понято лишь путем восхождения. А раз это — восхождение, оно, как бы полно и близко ни приближалось к единичности, должно постоянно учитывать общее, закономерное. Например, Ленин в «Развитии капитализма в России» восходит к единичному — к развитию капитализма в условиях России. Но внутри этого примера Ленин прослеживает проявление общих законов капитализма в условиях России, причем эти условия берутся как общее внутри ее.

Постижение единичности путем восхождения — бесконечный процесс приближения мысли к ней. С другой стороны, единичное — исходный пункт созерцания проявления общего. Это противоречие, о котором мы неоднократно говорили, разрешается тем путем, что исследование должно отвлечься от различий единичных (Маркс исследует **капитализм вообще**, а не Англию, Францию и т.д., берет Англию в качестве примера и иллюстрации), чтобы, в зависимости от задачи, понять их (Ленин исследует развитие капитализма **в условиях России**, т.е. конкретизирует понятие). Вместе с тем движение к единичному вносит массу коррективов в понимание общего, есть конкретизация общего, как общего. Например, развитие Лениным учения о судьбе мелкого частного собственника с развитием капитала, о дифференциации деревни.

В этой связи одно замечание по поводу сферы применения восхождения. Восхождение к единичному имеет смысл тогда, когда в этом появляется практическая необходимость и когда единичное само есть сложное внутренне расчлененное целое. Например, целая страна. В отношении же таких воспринимаемых предметов как «этот стол», оно бессмысленно. В таком случае надо писать всю историю развития хотя бы мебели. Так что требование «показать» восхождение в применении к эмпирическому воспринимаемому предмету совершенно неправомерно. В таких случаях восхождение с успехом заменяется другими приемами: указанием общих и отличительных черт, причин, конкретных условий (как, например, в отношении какой-либо личности), пространственно-временных координат и другими.

§ 2. Внешняя форма изоляции и конкретизации

Мы рассмотрели существо изоляции и конкретизации. Внешне эти приемы выражаются в форме предположений, допущений.

Поскольку изоляция и конкретизация начали применяться как логические приемы еще до выработки сознательной диалектики при исследовании сложного связного целого, то и внешняя их форма — форма предположения — появилась задолго до Маркса в политэкономии. Именно со стороны внешней формы изоляции и конкретизации были осознаны и замечены впервые, и этот метод своеобразных абстракций получил наименование «гипотетического метода», (например, у Чернышевского).

В нашей отечественной литературе «гипотетический метод» обычно квалифицируется как метафизический. Прямо-таки традиция установилась при характеристике Чернышевского указать в качестве его метафизического недостатка... «гипотетический метод». В последнее время имели место попытки реабилитировать этот метод. правда, не столько метод, сколько Чернышевского.

На самом деле такая оценка метода предположений есть результат недоразумений. Рассматриваемый сам по себе, этот метод ни метафизический, ни диалектический. Как об исследователе, применяющем в ходе исследования «метод остатков» нельзя сказать, метафизик он или диалектик, если мы этот прием вырвем из контекста исследования, так и в данном случае. Это форма изолирующей абстракции в применении к предметам, где затруднен или невозможен или по каким-либо причинам не производится эксперимент. Притом, именно внешняя форма. Там, где исследователь опирается на эксперимент, он не говорит «допустим», «предположим». Ту работу, которую оперирующий предположениями исследователь проделывает в уме, экспериментатор воплощает в искусственные приспособления, позволяющие выделить в чистом виде искусственно часть процесса, отдельный этап, какую-либо зависимость. Ему нет необходимости говорить «предположим» (предполагать в уме), он говорит «возьмем», «сделаем так», — т.е. для него все эти абстракции не только предположение, а наблюдаемая и создаваемая при посредстве его ума реальность.

Метафизическим или диалектическим метод предположений оказывается лишь тогда, когда его применяет метафизик или диалектик. Более того, это выражение не точно, правильно будет сказать так: предположения оказываются ложными или

правильными в зависимости от метода исследования. Метод предположений, повторяем, есть лишь внешнее проявление некоторых приемов исследования.

Можно, например, сделать такое предположение: пусть капиталист на 1000 р. купил средства производства, на 500 р. нанял рабочих; произведенный товар продал за 1700 р., получив 200 р. «дохода»; это ему «награда за труды» и, так сказать, «на харчи»; но капиталист «бережлив» и «проедает» только 100 р., а остальные пускает «в дело». Теория накопления капитала путем «сбережений» готова. Всякий теперь знает, что это весьма распространенное в апологетической политэкономии буржуазии предположение явно скверное. Но виновата здесь не сама способность предположения, а теоретик, делающий скверное предположение. Но вместе с тем, от самой способности предположения абсолютно не зависит то, как оно будет сделано. Путем предположения может быть произведена абсолютно ложная абстракция. Например, допущение изолированного Робинзона в «науке» об обществе, допущение того, что люди первоначально жили изолированно друг от друга. Могут быть произведены правильные абстракции, но крайне второстепенные для исследования, понимания предмета. Нельзя, например, обвинять Рикардо за то, что он допускает колебания заработной платы и смотрит, как это влияет на цены производства. Абстракция эта допустима, и Маркс к ней тоже прибегает. Но эта абстракция дает микроскопически мало для понимания связей капиталистического организма вообще и абсолютно ничего для раскрытия внутренних связей: вопрос о механизме образования цен производства «предположен» (вольно или невольно) не существующим. В рассмотренных случаях абстракции носят произвольный или случайный характер, необходимость их не вытекает из понимания существа предмета. В какой мере произвол допустим в правильных абстракциях, увидим дальше. Хотя рассматриваемый прием таит в себе возможность ложных абстракций, он является могучим оружием исследования. Подчас без него не обойдешься вообще. Достаточно сослаться на «экономическую таблицу» Кена, одно из самых гениальных достижений домарксовской политэкономии: путем только эмпирического наблюдения дать схему производства общественного капитала невозможно, ибо эмпирическое наблюдение дает прежде всего и как раз акт отсутствия этой схемы.

Маркс очень часто прибегает к приему предположений, допущений. Более того имеют место случаи, когда предположения далеко не совпадают с эмпирией. Так действительное среднее строение капитала в современной Марксу крупной промышленности = $97 \frac{1}{2} C + 2 \frac{1}{2} Y$ ⁷⁴, а Маркс оперирует круглыми и более удобными цифрами ($80C + Y$, например). Выиграло бы исследование Маркса, если бы он предпринял работу по изучению постоянно колеблющихся и дающих колоссальное разнообразие фактов эмпирического строения капиталов? Порой миллион фактов дает меньше для теории, чем несколько логически отработанных, и в последнем случае роль предположения неопенима.

Наконец, Маркс в ряде случаев говорит о произвольности предположений⁷⁵. И однако, этот метод «строgo логичен и математически правилен»⁷⁶.

Откуда берет силу «строгой логичности и математической правильности» этот метод? В чем его преимущества перед плоским эмпиризмом? Почему он точен, несмотря на «произвольность»? Единственно правильный ответ может быть таким: 1) если исследователь фактически (по крайней мере в данном частном пункте) мылит диалектически и 2) если метод предположений представляет лишь внешнее проявление метода исследователя, — рассматриваемый метод приобретает свойства инструмента познания.

Рассмотрим основные черты применения этого метода, тогда сказанное станет яснее.

Теоретическое упрощение

Маркс часто ради упрощения предполагает, что денежным товаром является только золото, что труд рабочего является средним трудом и т.п. Что этим достигается? Если бы Маркс привлекал биметаллизм, различие в степени сложности труда, изменение стоимости денег и т.п., то исследование стало бы более трудным, а подчас невозможным, а изложение — громоздким, — т.е. затруднено было бы понимание предмета исследователем и косвенное понимание предмета читателем результатов уже проделанного исследования. Это очевидно. Однако сказанное дале-

⁷⁴ Маркс К. Капитал. Т. III. С. 81.

⁷⁵ Там же. С. 161.

⁷⁶ Там же. С. 317.

ко не банально; следует помнить, что речь идет не о таких случаях исследования, где эта абстракция осуществляется сама собой и не осознается, а если каким-либо путем осознается, то не вызывает сомнения (например, при исследовании законов криволинейного движения самолета предположение нормального летчика и метеоусловий)⁷⁷, а о случаях, где упрощение надо произвести специально, где прежде всего для сознания выступает факт разнообразия, колебаний, изменений и т.п. (например, факт разнообразия степени сложности труда, создающий видимость зарплаты).

Интерес здесь представляет следующее: что дает право на упрощение?

Чтобы установить, от чего зависит масса денег, потребных для обращения в данное время, Маркс упрощает задачу: отвлекается от изменения стоимости денег, биметаллизма и т.д., потому что эти обстоятельства абсолютно ничего не изменяют в том, что масса денег зависит от сумм цен товаров (прямо) и числа оборотов одноименных единиц денег (обратно). Т.е. те явления, от которых происходит отвлечение при упрощении, не влияют на существо рассматриваемого предмета. Но чтобы выяснить, что эти обстоятельства действительно таковы, необходимо это, по крайней мере для себя, обосновать. Например, при рассмотрении превращения прибыли в среднюю прибыль, Маркс предлагает норму прибавочной стоимости в различных отраслях, районах и странах одинаковой. Почему? Различия в норме прибыли, во-первых, не вытекают из самих законов капитала, а зависят от внешних по отношению к нему, от него независимых обстоятельств, а во-вторых, эти различия могут лишь изменить форму проявления процесса.

Конечно, в изложении нет необходимости каждый раз давать обоснование упрощению. Так, Маркс, предполагая ум в читателе, очень часто предоставляет ему самому возможность проделать такое обоснование, если появятся сомнения. Но не только в изложении. И в ходе исследования возможно, что обоснование может быть дано после предположения. Более того,

⁷⁷ В каком контрасте невнимание философов к такого рода «мелочам» находится с интересами современной науки, можно проиллюстрировать следующим примером: Ветчинкин оценивает рассмотрение Жуковским криволинейных полетов под постоянным углом атаки как метод исследования. Сам он идет в теоретическом упрощении еще дальше: предполагает постоянной перегрузку (см.: *Ветчинкин, Кименев, Ченцов. Динамика полетов. 1927*).

сами обстоятельства, от которых происходит отвлечение при упрощении, могут быть осознаны в результате дальнейшего исследования или в другом исследовании, а в момент предположения могут оставаться еще неизвестными или просто забытыми. Это образует случайности самого хода исследования.

Но раз речь идет о законах исследования, о методе, который лишь внешне модифицируется в своем проявлении в ряде случайностей, то можно указать эти требования в качестве необходимых:

1) отвлечься от обстоятельств, не влияющих на существо рассматриваемого предмета;

2) обосновать отвлеченно.

Отсюда вытекает следующее: разоблачить ложность какого-либо предположения, основанного на упрощении, значит показать его необоснованность. Причем, здесь не важно, бессознательно или умышленно исследователь сделал ложное предположение, не важно, знал он или нет те обстоятельства, от которых отвлекся. Иначе говоря, должность абстракции может быть доказана не только фактами, но и путем критики ее получения.

Каутский, например, выдвигая теорию ультраимпериализма, до такой степени «упростил» вопрос, что отвлекся от противоречий капитализма и борьбы классов, абстрагировав лишь одну сторону дела — централизацию капитала, абстрактно мыслимым концом которой должен быть один капитал.

Ленин подверг критике именно необоснованность этой абстракции: классовая борьба и вообще противоречия капитализма не являются второстепенными для централизации капиталов обстоятельствами, наоборот, сама централизация есть лишь одно из их следствий.

Необходимо четко отличать рассмотренный способ критики от критики аргументов при доказательстве. В рассматриваемом примере можно построить абсолютно безупречное с т. зр. формальной логики доказательство: число самостоятельных капиталов сокращается, предел и тенденция централизации — один капитал. Ленин критикует не аргументы: сами по себе они истинны; и не связь их: сама по себе, с т. зр. правил формальной логики, она «правильна», Ленин критикует необоснованность самой абстракции, упрощения.

Мы уже говорили, что все законы формальной логики имеют силу лишь в каком-либо одном абстрагированном отношении. Раз отношение, сторона абстрагирована — они действуют.

Но они ничего не говорят, правильно ли абстрагирована сторона предмета. Потому ни в коем случае не следует смешивать критику, в которой разоблачаются ошибки формально-логического порядка, с критикой, где разоблачается ложность абстракции в самом исходном пункте.

Те обстоятельства, от которых происходит отвлечение при упрощении, принципиально могут быть привлечены, и исследуемый вопрос понят конкретнее, в его большей или меньшей сложности. Например, при изображении процесса образования средней нормы прибыли и цены производства Маркс ради упрощения отвлекается от того, что постоянный капитал снашивается частями и предполагает, что он целиком входит в стоимость продукта. Затем Маркс учитывает смешивание и дает более сложные схемы, — имеет место конкретизация. Аналогичную картину мы имеем в отношении схем воспроизводства.

Т.о., упрощение есть обычная изоляция, характер его зависит от задачи исследования (от того, что исследуется в предмете), привлечение отвлеченных обстоятельств принципиально возможно всегда, исследователь сознает, что полученные после упрощения результаты абстрактны, реальное привлечение определяется задачами данного исследования.

Рассматриваемая со стороны упрощения, изоляция выступает в такой форме: те обстоятельства, от которых происходит отвлечение, предполагаются или «несуществующими», или постоянными, или пропорционально изменяющимися. Повторяем, это — внешняя форма, которая отнюдь не говорит о том, что исследователь признает или не признает существование или изменение этих обстоятельств. Он на данном этапе в зависимости от цели исследования предполагает лишь для исследования в данном пункте их не существующими и постоянными. Принцип таков: если бы этих обстоятельств не было или они были постоянны, то дело выглядело бы так. Дальнейшая конкретизация или сам процесс изоляции, однако, говорит: но реально влияют какие-то обстоятельства, потому исследование при предположении модифицируется так-то. Из этого не следует однако, говорит единство этих сторон, что результат предположения — фикция; несмотря ни на какие модификации, исследованное при упрощении имеет место реально: обоснование упрощения и конкретизация говорят, что модифицируется лишь его форма проявления.

Рассмотрим это на примере. Чтобы рассмотреть товарно-торговый капитал в чистом виде в его специфичности, Маркс упрощает условия исследования:

1. Транспорт представляет продолжение процесса производства; эти привходящие эпизоды обращения товарного капитала отчасти смешиваются со специфической функцией товарно-торгового капитала, отчасти соединяются с его специфической функцией (товарно-торговый капитал соединяет эти функции со своими); для Маркса важно специфическое отличие товарно-торгового капитала, потому он эти функции оставляет без внимания. И во всем дальнейшем исследовании (в самом содержании его) эти функции — явление «несуществующее».

2. Часть купли и продажи протекает непосредственно между самими промышленными капиталистами. Это явление уже было исследовано Марксом (воспроизводство общественного капитала), но к данной проблеме это непосредственного отношения не имеет. Это оставляется без внимания, ибо не способствует пониманию специфической природы купеческого капитала.

Хотя эти обстоятельства и не входят в процесс конкретизации данной проблемы, однако в самом ходе ее упрощения указанные выше соображения уяснены.

Необходимо различать следующие типы упрощения:

1. Упрощение, означающее приблизительное отражение реальности.

Например, рассматривая влияние оборота на норму прибыли, Маркс для упрощения предполагает, что оборотный постоянный капитал совершает оборот за то же время, что и переменный, «что в большинстве случаев и на практике оказывается приблизительное верным»⁷⁸.

2. Упрощение, совпадающее с действительной тенденцией предмета.

Например, при исследовании уравнения общей нормы прибыли посредством конкуренции, Маркс допускает «теоретическое упрощение»⁷⁹ — норму прибавочной стоимости предполагает одинаковой. Но и в самой действительности одинаковая норма прибавочной стоимости как тенденция, есть фактическая предпосылка капиталистического способа производства. Она тормозится препятствиями, создаваемыми местными различиями, например, — законы об оседлости для английских земле-

⁷⁸ Маркс К. Капитал. Т. III. С. 77.

⁷⁹ Там же. С. 182.

дельческих рабочих. Т.о. и это упрощение есть приблизительное отражение, но особого рода: отражает тенденцию, которая есть проявляющийся во внешних влияниях закон.

3. Третий тип упрощения принципиально отличен от первых, представляет собственно упрощение.

Например, при упрощении, имеющем место в объяснении цены производства, отвлечение от снашивания капитала не отражает никакой тенденции к тому, чтобы постоянный капитал полностью и сразу снашивался в одном обороте. Что капиталисты стремятся использовать, окупить постоянный капитал за более короткий срок, не имеет к этому абсолютно никакого отношения: будет ли постоянный капитал функционировать 24 часа в сутки или 8, это нисколько не влияет на то, что он будет частями входить в стоимость продукта; сократится лишь время его воспроизводства, а это для объяснения цены производства безразлично.

Если во втором случае происходит отвлечение об внешних обстоятельстве и предполагаемое выражает вытекающую из законов самого исследуемого явления необходимость, то в третьем случае происходит отвлечение от необходимых явлений целого. Во втором случае привлечение осуществляется как специальная конкретизация, если это требуется, как конкретизация путем восхождения к единичному. Те обстоятельства, от которых отвлеклись, имеют более или менее общий характер, вплоть до единичности. Так, можно специально исследовать различия в норме прибыли в разных отраслях, районах и т.д., вплоть до особенностей какой-либо отрасли или района. Само упрощение имеет здесь целью выделение целого предмета исследования в чистом виде, отвлеченно от внешних обстоятельств.

В третьем же случае упрощение выступает как элемент в анализе выделенного в чистом виде предмета, имеет задачей исследовать какую-либо его «сторону» в чистом виде. Потому к свойствам конкретизации, имеющим место во втором случае, присоединяются новые. Главные из них — следующие: если упрощение во втором случае (независимо от того, в каком месте исследования оно произведено) имеет силу для исследования на всем его протяжении, пока исследуется целое в чистом виде, то в третьем случае упрощение имеет частный характер — имеет силу только в данном пункте; если происходит конкретизация,

то она означает не столько то, что полученный при упрощении результат разъясняется как абстрактный, но и то, что рассматривается новая связь. Например, формула

$$P^1 = m^1 \frac{Y}{K}$$

имеет место только при отвлечении от оборота (и других обстоятельств). Для годового оборота уже нужна формула

$$P^1 = m^1 \cdot n \cdot \frac{Y}{K}.$$

Но это не просто конкретизация в смысле уточнения формулы, но и рассмотрение новых связей — связей во времени⁸⁰.

Вторая особенность состоит в том, что если во втором случае упрощение означает приближительность в смысле чего-то среднего по отношению к несущественным различиям, то в третьем случае приближительность имеет иной характер: а) раз речь идет об исследовании существа какой-либо стороны целого, то упрощение дает эту сторону не приблизительно, а точно по отношению ко второму случаю. Например, положение о том, что с изменением оборота изменяется норма прибыли не приблизительно, а абсолютно точно. Приблизительна лишь количественная сторона; б) приближительность упрощения состоит в том, что с помощью ряда абсолютно точных по существу предположений создается приближительная картина целого.

Так, если формулу

$$P^1 = m^1 \frac{Y}{K}$$

принимать не как тождество величин, а как функциональную зависимость, то она в узких пределах, определенных упрощением, абсолютно точна. Формула расширяет пределы упрощения, и как функциональная зависимость в этих новых пределах абсолютно точна. Но все они приближительны с т. зр. охвата целого.

⁸⁰ Различие связей на связи во времени и пространстве относительно: всякая связь есть и то и другое. Но различие есть вот в каком смысле (в данном случае): влияние конкуренции на P^1 — «связь в пространстве», т.е. в понятие фактор времени не входит; влияние оборота — «связь во времени», т.е. в понятие не входит «пространственное» влияние. Т.е. абстрагируются просто различные связи.

В том случае, когда в качестве упрощения берется среднее, типичное для данного рода различных в каком-либо другом отношении явлений, то этот случай упрощения фактически уже охвачен первыми тремя. Например, Маркс берет среднее для данной отрасли строение капитала. Среднее строение есть, с одной стороны, закономерная тенденция, нарушаемая массой обстоятельств (например, конкуренция и стремление к добавочной прибыли, заставляя капиталистов повышать технику производства, с одной стороны, закономерная тенденция, нарушаемая массой обстоятельств нивелируют различия в строении, с другой стороны их же образуют); с другой стороны, раз речь идет об исследовании взаимоотношений различных отраслей, то на самое существо последнего различия внутри каждой отрасли не влияют. Вместе с тем, сам процесс упрощения фиксируя эти обстоятельства, уясняет производимую абстракцию как абстракцию.

Мы отнюдь не исчерпали всех деталей упрощения. Мы указали лишь на самые общие случаи. Внутри каждого имеются свои различия. Сочетание различных форм еще более разнообразит факты упрощения, создавая видимость невозможности их классификации.

Теоретическое упрощение следует отличать от вульгаризации. Теоретическое упрощение ставит задачей отвлечение от: 1) несущественных, второстепенных, затемняющих суть дела обстоятельств; 2) внешних по отношению к данному предмету; 3) исторически исчезающих с развитием данного предмета; 4) не имеющих значения при решении данной частной проблемы внутри исследования целого.

Путем ряда абстракций теория охватывает сложное, как сложное, принципиально предполагая возможность рассмотрения всех, реально охватывая необходимые с точки зрения данного исследования обстоятельства. Вульгаризация же как раз наоборот: стремится избежать сложности исследования, берет предмет односторонне и абсолютизирует его, стремится дать субъективно «простое» и легко запоминающееся, а объективно поверхностное объяснение предмета. Вульгаризация с необходимостью означает ошибочное отражение.

Примеров вульгаризации наука дает массу. Они известны. Мы проиллюстрируем отличие теоретического упрощения от вульгаризации таким примером. Вульгарная экономика рассматривала прибыль как надбавку к цене: $D = T$, $T = D$; товар куп-

лен дешевле, чем продан. Если бы этим хотели сказать, что стоимость купленного товара меньше стоимости проданного, то это было бы верно, но поверхностно, вульгарно. Но этим хотят сказать больше: имеет место либо неэквивалентный обмен, либо надбавка к цене. А это — ошибочно, ошибочно вследствие вульгаризации. (Точно такая же картина в отношении вульгарных теорий накоплений.)

Маркс, беря форму Д-Т-Д', упрощает: предполагает, что весь капитал сразу превращается в товар и т.д. Но это — необходимое теоретическое упрощение: надо выяснить источник ΔD , и от того, сразу или порциями капитал превращается в товар, дело не изменяется нисколько.

Теоретическое упрощение надо отличать и от популяризации. Задача популяризации — наложить готовое знание о предмете. Теоретическое упрощение — необходимый элемент исследования. Популяризация, выполняя положительную роль распространения и первого подхода (для определенного уровня развития читателя, слушателя) к изучению предмета, однако несет в себе возможность вульгаризации. Потому что: 1) в ней исчезает ход исследования, метод исследования; 2) исчезает сложность вопроса, как бы об этом не твердили популяризаторы.

Если представить наглядно резко отличие популяризации от теоретического упрощения, то это будет на примере выглядеть так:

1. популяризация: капиталисты дерут с рабочих три шкуры, эксплуатируют и наживают колоссальные прибыли;

2. теоретическое упрощение... впрочем, это ни к чему здесь. Главное надо иметь в виду следующее: второе — способ исследования, первое — изложение готового исследования для аудитории, учитывая ее уровень.

Имеется еще одна сторона дела: исследователь может совершенствовать свой уже в основном законченный труд. Но это не есть теоретическое упрощение, поскольку здесь совершенствуется в смысле ясности переходов, изложения и т.д. уже проделанное исследование. Это и не популяризации, поскольку это — продолжение всего того же исследования. И все, что касается упрощения, в этом продолжении исследования сохраняет силу.

Отвлеченное сравнение

Отвлеченное сравнение очень распространенное в науке явление. Но до сих пор оно рассматривалось со стороны, общей ему, с наглядным сравнением, т.е. со стороны установления сходства и различия. Его особенности в исследовании целого (расчлененного, взаимосвязанного в своих элементах и изменяющегося) до сих пор остаются вне поля зрения логиков.

Отвлеченное сравнение отличается от «обычного» (где цель — установить сходство и различие), тем что оно представляет лишь внешнюю форму изоляции, т.е. средство отвлечься от массы изменчивых, переменных обстоятельств с целью рассмотрения какой-либо зависимости.

Оно имеет два основных типа:

1. Чтобы рассмотреть зависимость одного явления от другого, предполагаются существующими наряду два (берем простейший случай, можно несколько) случая, где имеет место эта зависимость; предполагаются одинаковыми все прочие обстоятельства (или изменяющимися пропорционально); предлагается различие в одном обстоятельстве, влияние которого на другое явление нужно исследовать. Например: «Чтобы представить в чистом виде влияние оборота всего капитала на норму прибыли, мы должны предположить, что все остальные условия для сравниваемых двух капиталов одинаковы»⁸¹.

Капитал I: $80 \text{ с} + 20 \text{ у}$; $m^1 = 100\%$; $n = 2$ в год;

годовой продукт = $60 \text{ с} + 40 \text{ у} = 40 \text{ м}$;

$$P^1 = \frac{40}{100} (80 \text{ с} + 20 \text{ у}) = 40\%$$

Капитал II: $160 \text{ с} + 40 \text{ у}$; $m^1 = 100\%$; $n = 1$;

годовой продукт = $160 \text{ с} + 40 \text{ у} + 40 \text{ м}$;

$$P^1 = \frac{40}{200} = 20\%$$

Вывод: при всех прочих равных обстоятельствах, нормы прибыли капиталов стоят в обратном отношении ко времени их оборотов.

Внешне рассмотренный пример представляет идеал, мечту для индуктивиста: все одинаково, одно обстоятельство различно! Единственное различие! Это так. Но это не индукция. Здесь,

⁸¹ Маркс К. Капитал. Т. III. С. 76–77.

во-первых, не отыскивается причина, а исследуется зависимость известных явлений. Пример этот не может служить утешением сторонникам единственной формальной логики и в другом плане: хотя он и кажется сцеплением «обычных» умозаключений, хотя они тут есть, но здесь есть, однако, нечто другое, что не укладывается в рамки формальной логики.

Во-первых, формальная логика не может дать правил смысла и места этой абстракции. Отсюда — второе: не может дать и направление связи самому рассуждению. Пусть имеем то-то; пусть... Но что устанавливает связь предположений? Единственное, где формальная логика имеет право слова, это подведение рассмотренной зависимости под понятие «обратная». Остальное от нее не зависит.

В данном примере ясно видно и то, что здесь гипотетическое сравнение имеет целью не сравнение различных явлений и выявление их сходства и различия — они уже предполагаются, а есть лишь одно из формальных средств рассмотреть зависимость двух явлений.

Между прочим, надо заметить, что эмпирия здесь абсолютно бессильна: эмпирические капиталы дают среднюю норму прибыли, независимо от различия в скорости оборота.

2. Предполагаются два случая не наряду, а один и тот же, но включающий отличие во времени. Все обстоятельства предполагаются данными, постоянными, одно какое-либо изменяется. И рассматривается на основе отвлеченного сравнения этих опять-таки двух случаев какая-либо зависимость — влияние изменявшегося или различного во времени обстоятельства на какое-либо другое.

Это сравнение отличается от первого только тем, что гипотетические примеры взяты во времени, а не в данное время наряду.

Поскольку со стороны формы этот вид сравнения отличий от первого не имеет, возьмем простой пример. Изменение величины капитала не влияет на норму прибыли, если при всех равных обстоятельствах (постоянных) изменяется стоимость товара (или номинальная стоимость).

1) Пусть $K = 100$
 $P = 20; \quad P' = 20\%.$

2) Пусть стоимость золота изменилась вдвое
Тогда $K = 200$
 $P = 40; \quad P' = 20\%^{82}.$

⁸² Маркс К. Капитал. Т. III. С. 150.

Это по существу один путь сравнения, но применяемый для различных целей, в различной связи. Так, то, что Маркс в одной связи рассматривал как последовательные изменения одного капитала во времени (изменение строения капитала и влияние его на норму прибыли), теперь⁸³ он рассматривает это как одновременно существующие различия между капиталами, вложенными в разные сферы производства (установление общей нормы прибыли и цен производства в результате конкуренции капиталов).

3) Соединение первого и второго случая. Требуется, например, показать различие между составными частями стоимости товара, образующими издержки производства⁸⁴.

а) Пусть при всех прочих одинаковых, постоянных обстоятельствах C повысилась с 400 до 600 (пусть $Y = 100$, а $m^1 = 100\%$). Тогда K с $400 + 100$ повысится до $600 + 100$, а стоимость товара с $400 + 100 + 100$ до $600 + 100 + 100$.

Пусть C понизился с 400 до 300. Тогда K понизится с $400 + 100$ до $300 + 100$, а стоимость товара с $400 + 100 + 100$ до $300 + 100 + 100$.

Здесь различие берется во времени.

б) Пусть изменяется Y с 100 до 150. Тогда стоимость товара будет $= 400 + 150 + 50 = 600$

($K = 400 + 150 = 550$).

Пусть Y понизится со 100 до 50. Тогда K будет равно $400 + 50$. Стоимость товара $= 400 + 50 + 150 = 600$.

Здесь стоимость не изменяется. Изменяется лишь отношение Y и C . Здесь опять-таки берутся различия во времени. Но по отношению к «а» и «б» имеет место сравнение наряду.

Вывод: общим для Y и C является лишь то, что они — составные части товарной стоимости, но роль их в образовании последней различна.

Мы так детально останавливались на такой «мелочи», как может показаться на первый взгляд, по двум весьма существенным соображениям. Первое. Если научное исследование хочет исследовать изменение и взаимозависимость (и зависимость вообще), и если оно при этом не хочет отделаться пустыми фразами об этом, оно должно прибегать к каким-то «техническим» приемам раскрытия и, по крайней мере, изображения их. Важ-

⁸³ Маркс К. Капитал. Т. III. С. 150.

⁸⁴ Там же. С. 32–33.

нейшее значение для этого имеет сравнение. Об изменении человек может говорить лишь тогда, когда одного и того же предмета во времени, т.е. сравнивает один и тот же предмет с собою, как различные во времени предметы — устанавливает отличие второго состояния от первого. Категория «изменение», как определенное понятие, ничего (первоначально) больше в себя не включает.

Точно так же в отношении взаимодействия. Здесь мало сказать, что один предмет влияет на другой. Чтобы рационально, в понятии это отразить, человек должен сравнивать, во-первых, различные предметы как различные наряду (различные в одном отношении и тождественные в другом), указать их различие. Например,

$$K_1 : 80 \text{ с} + 20 \text{ Y} + 20 \text{ m} ; p^1 = 20\%$$

$$K_2 : 60 \text{ с} + 40 \text{ Y} + 40 \text{ m} ; p^1 = 40\%.$$

Затем взять результат их взаимодействия: среднюю P^1 . И, наконец, рассмотреть изменение каждого во времени, т.е. сравнивать. Ср. $p^1 = 30\%$. Тогда стоимость продукта $K_1 = 80 \text{ с} + 20 \text{ Y} + 30 = 130$;

$$= 60 \text{ с} + 40 \text{ Y} + 30 = 130.$$

В отношении простой зависимости — точно так же; например, зависимость нормы прибыли от строения капитала:

$$\left. \begin{array}{l} 1) 80 \text{ с} + 20 \text{ Y} + 20 = 120 \quad p^1 = 20\% \\ 2) 90 \text{ с} + 10 \text{ Y} + 10 = 110 \quad p^1 = 10\% \end{array} \right\} \begin{array}{l} m^1 \text{ принимается как} \\ \text{постоянная.} \end{array}$$

Т.е. категория «зависимость» (а значит и понятие о зависимости в каждом данном случае) означает первоначально фиксирование изменения одного в связи с изменением другого. И лишь этим путем она может быть понята впервые рационально.

Категория «взаимодействие» означает с т. зр. способа отражения соединения двух первых.

Но этого мало сказать. Одно дело — наглядно заметить изменение и зависимость, фиксируя различие во времени и наряду. Другое дело — понять их закон, т.е. понять их как необходимые. А для этого необходимо абстрагировать в том смысле, в каком мы говорили в этом параграфе. Заметить, что норма прибыли зависит от строения капитала и в связи со средней прибылью что-то в отношении закона стоимости изменяется, — дело сравнительно легкое. Это чувствовали уже экономисты до Маркса. Но, чтобы раскрыть внутренний механизм этого необходим диалектический метод, и в том числе — рассмотренные приемы.

Второе соображение. Приведенные примеры кажутся настолько простыми, если их рассматривать изолированно, что по технике мышления представляются доступными школьнику младших классов.

Пусть имеется такая задача.

А. купил товаров на 80 р. (сукна) и на 20 р. (шерсти); продал их за 120 р.; В. купил на 60 р. сукна и на 40 р. шерсти, а продал за 140 р. Сколько «выгадал» каждый на каждый рубль и кто больше?

$$\text{А.} \quad \text{«выгадал» на } \frac{20}{100} = 200 \text{ к.}$$

$$\text{В.} \quad \text{— " — } \frac{40}{100} = 40 \text{ к.}$$

В. конечно больше.

Конечно такие простейшие операции имеют место. Но дело не в них. И это не математика, как увидим дальше.

Во-первых, чтобы осуществить все эти операции, надо выработать органическое строение категории. «прибыль», «средняя прибыль» и т.д.

Во-вторых, надо абстрагировать ту или иную зависимость, а это определяется процессами, не имеющими с рассмотренными ничего общего (строение капитала выявляется при анализе содержания капитала, прибыль — при восхождении к форме движения, средняя прибыль — при восхождении к форме движения, средняя прибыль — при восхождении к взаимодействию отдельных капиталов между собою); производимые абстракции зависят от конкретизации (в данном случае). Так, рассмотрение взаимодействия отдельных капиталов ставит вопрос о том, как изменился закон стоимости в своем проявлении в этой связи — выведение цен производства.

Да и тогда, когда мышление начало двигаться уже в области гипотетического сравнения, это — лишь средство выразить, понять зависимость рационально, а не специальная задача арифметических вычислений.

Кроме того здесь надо не забывать другую сторону: предположение переменных величин постоянными и рассмотрение зависимости двух отвлеченно от всех. Это — лишь момент в рассмотрении зависимости массы переменных.

Под отвлеченными иллюстрациями мы понимаем не частные эмпирические примеры, которые, разумеется, являются предпосылкой исследования, должны привлекаться в исследовании для подтверждения общих положений, для наглядной иллюстрации их, должны быть поняты в процессе конкретизации. Мы имеем в виду особую общую форму выражения общих положений, связанную с мысленным фиксированием строения, связей, изменений и вообще зависимостей предмета.

Маркс постоянно прибегает к ним. Откроем наугад: III том, с. 55. Маркс иллюстрирует влияние изменения интенсивности труда и зарплаты на норму прибавочной стоимости: «Если мы предположим, что капитал, например, в 100 с 20 рабочими...» и т.д.

Здесь, иначе говоря, мы имеем дело с особыми абстракциями, выражающимися в более или менее наглядной форме: в определенных величинах, конкретных образах. Например, 10 аршин холста = 1 сюртуку».

Иллюстрации играют большую роль не только в изложении принятого, но и в исследовании, поскольку это — абстракции. Маркс придавал им большое значение. Так, он критиковал Рикардо⁸⁵ за «тяжеловесность», «бессодержательность», «нелепость» иллюстраций и указывал, что это — следствие «внутренней неясности». Например, иллюстрируя влияние продолжительности существования капитала (на величину необходимого капитала), Рикардо делает это невозможным: не дает никакой части основного капитала входить в товар в качестве изнашивающейся (т.е. отвлекается от обращения основного капитала). Он показывает лишь то, что чем продолжительнее процесс труда, тем больше нужен капитал. Такой характер иллюстрации есть проявление недостаточности силы абстракции⁸⁶.

Отвлеченная иллюстрация есть, иначе говоря, особый вид абстрактной формулы, приближающейся по форме (лишь по форме) к фиксированию эмпирических фактов. Потому мы обратились к формулам вообще. Нас интересуют не символические стороны формул, как абстракций, а основные принципы их применения в диалектическом исследовании. Символическая сторона имеет большое значение в смысле краткости и особого рода наглядности изображения предмета и его законов. После-

Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. I. С. 21, 22, 23, 28–29.
Там же. С. 28–29.

днее интересно тем, что доведенная до предела абстракция получает свою «материализацию», как особая реальность, так что исследователь анализируя формулы — анализирует косвенно сам предмет, связывая их — раскрывает действительные связи предмета. До известного предела исследователь может двигаться в сфере исключительно формул⁸⁷. Но лишь до известного пункта, о котором мы сейчас и будем говорить.

Отвлеченная иллюстрация имеет преимущество перед эмпирическим примером, как вообще имеет преимущество перед чувственными данными абстракция. В ряде случаев без нее вообще не обойдешься. Например, «какова величина переменного капитала в известном предприятии, этого в большинстве случаев не знает и сам капиталист»⁸⁸. Научное же исследование от этого ничуть не страдает.

Отвлеченная иллюстрация имеет преимущество и перед формулой: большая степень наглядности, а в ряде случаев отвлеченная иллюстрация не может быть заменена крайне отвлеченной формулой. Например, при иллюстрации зависимостей величин.

Формула в свою очередь, имеет преимущество перед отвлеченной иллюстрацией как большая степень абстрактности. Например, в формуле «Т-Т» обобщение и по форме, и по содержанию крайнее; в отвлеченной иллюстрации «10 арш. холста = 1 сюртуку» обобщение по содержанию крайнее, по форме выглядит как эмпирический факт.

Рассмотрим основные типы формул и условия их применения в процессе восхождения.

Формулы строения. Например, Т-Т. Сложность формулы зависит от сложности предмета. Например, Т-Д-Т, Д-Т-Д', Т-Т...П...Т'-Д''.

С известного пункта эти формулы оказываются нецелесообразными. Например, дать формулу строения капиталистического организма в целом невозможно и бессмысленно: это достигается целым восхождением.

В формуле нет простого обозначения эмпирических фактов. Они — результат изолирующей абстракции (которая, конечно, включает в себя фиксирующую). Например, формула Д-Т...П...Т'-Д', предполагает упрощение: весь капитал сразу превращается в товар, сразу совершается акт производства, происходит отвлечение от величины капитала, от связи с другими капиталами.

⁸⁷ Маркс К. Т. III. С. 53.

⁸⁸ Там же. С. 79.

Лишь в крайне узких пределах, определенных изоляцией, формула имеет смысл. Относительность формул строения обнаруживается в процессе конкретизации. Например.

$$\begin{array}{c}
 \text{Д-Т} \begin{array}{l} \nearrow \text{р.с-д-т} \\ \searrow \text{с.п. ...д} \end{array} \quad \dots \text{П} \dots \text{Т}' / \frac{\text{Т}}{\Delta \text{Т}} \left| \frac{\text{Д}' \text{Д}}{\Delta \text{Д}} \right.
 \end{array}$$

Говоря о конкретизации формул, необходимо заметить следующее:

1. Во избежание громоздкости происходит отпочкование формул. Например, формула движения прибавочной стоимости может быть отделена от общей формулы движения капитала. Забвение или непонимание этого отпочкования или связи ведет к ошибкам.

2. Конкретизация идет в другом аспекте расчленения предмета. Например, формула

$$\begin{array}{c}
 \text{Д-Т} \begin{array}{l} \nearrow \text{р.с.} \\ \searrow \text{с.п.} \end{array} \quad \dots \text{П-Т}' \text{-Д}'
 \end{array}$$

предполагает при конкретизации учет воспроизводства средств производства, средств существования и циркуляцию прибавочного продукта. Схема воспроизводства (и это — своего рода формула) предполагают указанную форму и дают абстрактное выражение строению предмета в другом «разрезе».

3. Формулы строения фиксируют не просто эмпирическую координацию, а абстрагируемую закономерность. Хотя формулы выглядят как нечто статичное, по своему содержанию они есть лишь момент в фиксировании процесса. Потому конкретизация должна, так сказать, привести предмет в движение и в мысли: учет пространственно-временных факторов, например, (как мы уже отмечали), и в этой связи проследить форму проявления закона.

Повторяем еще раз, что дело здесь не в символикe. Можно было бы обойтись и без нее посредством системы суждений. Читатель, читающий формулы, именно так и поступает, когда усваивает обозначения.

Изобретение формул строения не есть заслуга Маркса. Но заслуга Маркса — понимание формул как абстракций, имеющих относительный, преходящий в процессе восхождения характер, и понимание того, что именно процесс восхождения преодолевает некоторое «умерщвление» предмета формулами.

Формула зависимости фиксирует зависимость одних явлений от других. Например:

$$P^1 = m^1 \cdot \frac{Y}{K}$$

Формулы зависимости не следует путать с фиксированием какого-либо явления через отношение других. Например, прибыль есть прибавочная стоимость, как продукт движения всей авансированной суммы денег. В формуле это изобразить невозможно: в формуле можно выразить норму прибыли:

$$P^1 = \frac{m}{K} .$$

Здесь сливается и фиксирование категории (норма прибыли), и зависимости. В формуле

$$P^1 = m^1 \cdot \frac{Y}{K}$$

уже не требуется определение категории, здесь оно произведено, здесь зависимость выступает в чистом виде.

Формула

$$P^1 = m^1 \cdot \frac{Y}{K}$$

есть абстракция и непосредственно с эмпирией не совпадает. Совпадение есть процесс конкретизации. Например, учет оборота дает уже формулу.

В пределах произведенной абстракции формула точна: зависимость P^1 от m^1 , Y и K имеет место всегда, какие бы обстоятельства еще не учитывались.

Простейшая зависимость $A=f(b)$ — зависимость одного от другого — простой формулой изображена быть не может (в конкретном исследовании) — требуется сравнение ряда формул, в которых изменяется одна переменная, ведущая к изменению рассматриваемой.

Да и вообще, чтобы рассмотреть, как изменяется одно явление в зависимости от других, требуется система абстракций, т.е. попеременное рассмотрение путем отвлеченного сравнения влияния одного из элементов формулы на рассматриваемое явление.

Точно так же начиная с известного предела формула зависимости теряет смысл. Например, изобразить всю совокупность зависимостей буржуазного организма в формуле невозможно: требуется система разветвлений и различных «разрезов» абстракции.

При рассмотрении формул зависимости особенно важно следующее обстоятельство, которое часто упускают из виду в конкретных науках. Формулы зависимости из-за их внешней формы (знак равенства) часто абсолютизируются путем превращения их в формулы тождества. Формулы зависимости говорят не о том, что есть данное явление, а о том, от чего оно зависит. Например,

$$P^I = m^I \frac{Y}{K} \cdot P^I$$

не есть (т.е. не равна в смысле тождества)

$$m^I \cdot \frac{Y}{K},$$

а зависит от них. Тождество может быть достигнуто лишь в бесконечном процессе конкретизации. (Примеров превращения формул зависимости в формулы тождества — бесконечное количество. Например, в политэкономии. Формула зависимости нормы прибыли от числа занятых рабочих, будучи абсолютизирована, была противопоставлена эмпирической действительности и многими экономистами отвергалась).

Формулы могут представлять систему функционально связанных явлений, но, вместе с тем, эта система может быть расчленена одним. Например,

$$P^I = m^I \cdot \frac{Y}{K}$$

в действительности выражает зависимость нормы прибыли от органического строения; так что при изображении $A = f(B)$ возможно дифференцировать независимую переменную.

Схемы — соединение формул, указанных двух видов и плюс еще ряд обстоятельств.

1) Схема зависимости в координации. Например, схема воспроизводства капитала. В свое время (в особенности в немецкой социал-демократии) вокруг марксовых схем реализации был поднят большой шум, писались специально толстые книги (например, Р.Люксембург). Наиболее блестящую трактовку схем дал В.И. Ленин⁸⁹.

Исследование схем вообще может послужить темой специального исследования на материале различных наук. Мы ограничимся замечаниями, необходимыми с т. зр. нашей темы.

⁸⁹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России.

Схема Маркса есть абстракция. Эта абстракция выступает на определенном этапе восхождения: требуется предварительное исследование формы движения капитала, ибо без выяснения того, что оно требует воспроизводства средств существования рабочего и средств производства, невозможно фиксирование двух подразделений, без включения движения прибавочной стоимости исчезает трудность воспроизводства и расширенное воспроизводство, требуется рассмотрение воспроизводства индивидуального капитала.

Схемы — абстракция особого рода. Это — не эмпирия, которую стоит лишь изобразить в формулах, эмпирия как раз дает факт постоянного нарушения равновесия зависимости и факт установления его таким путем, который ведет, правда, к фиксации известного повторяющегося процесса (цикл производства), но ни в коем случае не к фиксации скрытой закономерности, — путем кризиса.

Схемы — абстракция на определенном этапе восхождения, но это в то же время абстракция по другой линии, — они есть продукт изоляции. Маркс предполагает координацию только внутри капиталов, отвлекается от общего товарного обращения и других отношений, берет зависимость в координации только 2-х основных подразделений, предполагает нормальное течение процесса. Но и после всех предположений даже в уме трудно дать необходимые пропорции в форме отвлеченной иллюстрации; так какова же должна быть эмпирическая картина проявления абстрагируемой зависимости? Процесс изоляции и последующий процесс конкретизации показывают, что установление изображаемых в схеме пропорций в реальной действительности осуществляется в форме постоянного их нарушения.

Немецкие социал-демократы (Р.Люксембург) именно этого факта и не поняли — не поняли схем, как звена в процессе восхождения, вырвали их из их естественной связи в процессе отражения сложной действительности, связали их с чуждым вопросом — с вопросом об империализме, и сами пошли по пути произвольных умозрительных абстракций.

Рассмотрим подробнее схемы воспроизводства Маркса (III отдел II тома «Капитала»). Предмет исследования Маркса в данном отделе — воспроизводство и обращение всего общественного капитала.

Оно охватывает непосредственный процесс производства и кругооборот капитала, т.е. предполагает рассмотрение содержания капитала, форму его движения, рассмотрение кругооборо-

та, т.е. повторяющегося процесса движения капитала. Но отдельный капитал — обособившаяся дробная часть всего общественного капитала. Здесь надо рассмотреть совокупное движение отдельных капиталов. Потому должны быть в рассмотрение привлечены новые стороны предмета: производительное и индивидуальное потребление с опосредствующими их обменами, обращение и потребление прибавочной стоимости, общее товарное обращение.

Мы уже говорили о выделении предмета исследования. Но на каждом тапе восхождения этот вопрос встает вновь, образуя исходный пункт особого процесса. Факт переплетения движений отдельных капиталов, актов товарного обращения вообще — факт наличный для созерцания. Вместе с тем, он подлежит объяснению, пониманию. Созерцанию также предстоит факт переплетения различных форм капитала. На данном этапе от этого надо абстрагироваться, ибо рассмотрение различных форм капитала — задача другая и дальнейшая. (Хотя здесь и возможны дальнейшие случаи последовательности. Об этом дальше.) Так что весь данный этап — момент в восхождении в целом.

С другой стороны, данный этап в объяснении задачи исходит из уже имеющихся предположений (мы на низ указали). Так что для характеристики данного этапа в его особенности необходимо самого его абстрагировать. В рамках данной абстракции процесс, однако, сам оказывается внутренне расчлененным, разветвленным, имеет в данных пределах свои специфические противоречия, его обуславливающие.

Итак, созерцаемый факт — переплетение отдельных капиталов (упрощение), с их кажущейся независимостью (в известных пределах — действительной) и т.д. С другой стороны — уже поняты законы движения отдельного капитала. Весь процесс — процесс взаимодействия этих полюсов — процесс понимания.

Мы сказали: «созерцаемый факт». Но это фигуральное выражение: ибо посредством ума уже вычленена сфера созерцания, то, что должно быть понято на данном этапе.

Но и после всего произведенного абстрагирования, исследователь имеет дело и с переменными величинами; угнаться с самого начала за всем разнообразием, изменением и переплетением подлежащего исследованию материала — дело невозможное, и ошибочно было бы. Все это должно быть «схвачено» в процессе конкретизации. А здесь выступает в силу изоляция, как ее необходимая сторона.

Мы не будем рассматривать все те детали, какие имеют место у Маркса. Укажем основные принципиальные для нас положения.

1. Все исследование в данном пункте можно понять только в рамках абстракции его в процессе в целом.

2. Было бы недопустимо искать в процессе конкретного исследования рассматриваемые нами формы в чистом виде. Мы сами должны абстрагировать.

3. Маркс исследует процесс, совершающийся одновременно во всех различных точках целого. Однако мысль движется в последовательности. Маркс отвлекается в исходном пункте (изоляция) от противоречий, возникающих в предмете, однако само отвлечение есть разрешение противоречия мысли. В процессе конкретизации Маркс показывает, раскрывает противоречия предмета, они только выступают для сознания, тогда как противоречия данного процесса отражения себя исчерпывают.

Уже такой факт, что Маркс берет два подразделения, предполагает нормальное течение процесса, отвлекается от простого товарного производства, отвлекается от повторения процесса в ряде лет, берет один год и отвлекается от всего разнообразия внутри его, отвлекается от снашивания S и т.д., это говорит о том, что для отражения наблюдаемого нужен сложный процесс абстрагирования. Причем, указание на все это еще не есть их изображение в мысли или изображение предмета с учетом всего этого в мысли, — нужны еще новые схемы, формулы. Этим конкретизация существенно отличается от изоляции.

Далее в связи с тем, что при изоляции невозможно учесть все обстоятельства, дело можно решить проще: предположением. Оно (при условии сознательной диалектики) автоматически осуществляет бездну абстракций.

Предположение есть абстракция: раз общественное воспроизводство осуществляется в какой бы то ни было конкретной форме, значит так или иначе прокладывает дорогу, имеет место зависимость; ее и надо выявить; но эта зависимость осуществляется в такой-то форме, или проявляется так-то; значит производимая абстракция есть момент в ходе к конкретному.

Предположение должно быть сделано **правильно**, абстракция должна быть **правильной**.

Так, Смит исключил при решении проблемы основной капитал, разложив стоимость реализуемого продукта на $+ m/$ ($m =$ прибыль + рента). Ошибка Смита не в том, что товарная сто-

имость действительно включает источники дохода 3-х основных классов, занятых в производстве (это верно), в том, что это не имеет никакого отношения к рассматриваемой проблеме. Абстракция эта ложна и произвольна не потому, что ничего не отражает, она ложна потому, что не есть элемент решения данного специфического вопроса, — она неправильная.

Последовательность решения проблемы у Маркса такова.

1. Простое воспроизводство. Хотя фактом является расширенное, но внутри его совершается простое. Внутри простого воспроизводства:

1. два подразделения

(I $4000 c + 1000 Y + 1000 m = 6000$ в с.п.

II $2000 c + 500 Y + 500 m = 3000$ в предм. потр.);

2. Обмен между подразделениями: I ($Y + m$) на II c ;

3. "-" в пределах II подразделения;

4. Опосредование обмена денежным обращением;

5. I c ;

6. Y и m в I и II;

7. C в I и II.

Это процесс целого ряда абстракций. Если бы Маркс только мог обобщить эмпирические факты, он абсолютно не смог бы решить проблему.

Что достигается Марксом? Раскрытие скрытой внутренней зависимости отдельных капиталов в своем существовании. Пока что — еще в очень абстрактной форме: зависимость подразделений. Мы говорим о схеме: при изображении этой зависимости фиксируется строение капитала, строение всего общественного капитала (два подразделения) и их зависимость при взаимной координации.

Уже при рассмотрении простого воспроизводства Маркс конкретизирует «схемы»: например, возмещение основного капитала, учет снашивания его.

2. Расширенное воспроизводство.

а) Накопление в I подразделении.

б) "-" во II подразделении.

Расчленение имеет место и внутри каждого пункта и подпункта.

И лишь в ходе этого процесса, представляющего переплетение изоляции и конкретизации, расчленения и соединения, спиходения в абстрактной форме различных зависимостей да-

ется схема, т.е. абстрактное изображение предмета в координации его элементов, необходимых зависимостях ее и формах проявления.

Так что есть «схематизация» и схематизация: есть схема, как научная абстракция, и схема, как ложная, неправильная абстракция.

В гл. 21 в III разделе Маркс «дает схематическое подразделение накопления». Будучи вырванной из процесса восхождения, это подразделение вне своей связи в процессе мышления погибает как живой образ и превращается в мертвую схему. Примером ошибочной схемы может служить критикуемая Марксом схема А.Смита (с. 435–37, т. II).

Схема в целом — процесс рассмотрения сложного переплетения предметов и их связей. Схема как отвлеченная иллюстрация или формула — сторона этого процесса или краткий итог (II т., гл. 21 разд. III). Когда она вырывается из контекста исследования, создается впечатление плоского отражения.

Необходимо заметить способ абстракции с еще одной внешней стороны.

1. Предполагается нормальное течение процесса. Раз процесс совершается, то имеет место закономерная зависимость. Раз отвлеклись от всего прочего, то нормальное течение предполагает какую-то зависимость.

2. Вместе с тем, в конкретной связи данная зависимость проявляется в форме постоянного нарушения «нормальности» процесса в силу массы других связей и зависимостей, нормальное течение есть то, как его схватывает конкретизация.

2) Схемы, иллюстрирующие субординацию различных элементов целого. Их особенности = особенности соответствующих процессов. Их особенности как схем — общие с рассмотренными.

3) Соединение отвлеченной иллюстрации и формулы зависимости точно так же образует схемы, т.е. систему формул.

В отличие от 1 и 2) здесь в схеме отражается не многосторонняя зависимость в предмете, а сама схема есть средство фиксирования односторонней зависимости. Поясним:

Схема воспроизводства отражает скрытую зависимость различных подразделений, частей, отдельных процессов целого.

Схема, как отвлеченное сравнение формул — средство отразить зависимость одного явления от другого, фиксируемую каждой формулой, но выявляемую лишь в их сравнении. Например, зависимость P^1 от органического строения может быть изображена посредством сопоставления различных формул.

1. $80 c + 20 Y + 20 m, p^I = 20/100 = 20\%$

2. $60 c + 40 Y + 40 m, p^I = 40/100 = 40\%$

Смещение этих схем и формул может привести к существенным ошибкам. Так, рассмотрение схем воспроизводства общественного капитала лишь как субъективного способа, а не как процесса, отражающего зависимость в предмете, есть типичный агностицизм. Вместе с тем, игнорирование субъективного процесса отражения исключает возможность понимания объективной зависимости. В отношении схем координации — весь процесс с массой сторон.

4) Отвлеченное сравнение при рассмотрении взаимодействия отдельных. Например, механизм образования цены производства.

Возникает схема.

Одной из форм абстракции здесь является следующее:

а) Отдельные принимаются в качестве пропорциональных долей одного (например, при рассмотрении механизма образования цены производства).

б) Отдельные, самостоятельно существующие, принимаются в качестве частей (отделов) одного (например, при рассмотрении воспроизводства).

в) Масса связанных отдельных понимается как одно. (Например, весь общественный капитал — как недифференцированный один). Так, что рассмотрение индивидуального капитала есть абстрактное рассмотрение общественного.

5) Количественная сторона формул и отвлеченных иллюстраций. Сюда относится все, касающееся абстракций. Так как целью является изображение связей и зависимостей, то происходит отвлечение от эмпирических величин.

Например, $80 C + 20 Y + 20 m$.

Несколько замечаний.

1. И абсолютная величина не безразлична. Например, можно было бы взять строение капитала такое: $9\ 9\ 9\ 9\ 9...c + IV + I$. Здесь в конечном итоге существенные зависимости были бы сведены к нулю (степень эксплуатации). Тогда как цифры у Маркса, являясь в известной мере произвольными, выбранными для удобства изображения, приблизительно отражают действительное положение вещей, во всяком случае — существенные зависимости и в абстрактном изображении с количественной стороны выступают как таковые.

2. Несмотря на постоянное использование математического аппарата, исследование не сводится к математике.

Более того, сложность применяемого наукой математического аппарата еще ничего не говорит о глубине понимания предмета. В политэкономии были попытки изобразить дело с помощью формул высшей математики. Делавшие эти попытки не поняли как существа высшей математики, так и того, что «высшая математика» в политэкономии — не расчеты те или иные, а вся сложнейшая система абстракции.

Очень легко можно показать, что конкретное исследование не сводится к математическим операциям.

Один пример мы уже разобрали при рассмотрении отвлеченного сравнения. Смысл его: хотя и принимаются математические операции — это необходимая сторона всякого конкретного исследования — однако связь различных сторон целого и абстракцией между собою определяется не ими — они сами зависят от процессов понимания конкретного предмета.

Возьмем еще очень простой пример: цена производства товара = K (издержки производства) + $K \cdot P^1$ (средняя прибыль). Ц. пр. = $K + K \cdot P^1$. Математик сделал бы просто: ц. п. $K = (1 + P^1)$. С точки зрения политической экономии это — нелепость⁹⁰.

В ряде наук интенсивно использующих математический аппарат, как правило, последний постоянно смешивается с анализом конкретного предмета, так что создается, с одной стороны, чисто техническая трудность освоения науки, с другой — безотчетное оперирование формулами науки, когда человек формулы применяет, получает положительный результат, но сам не осознает своих действий, подобно тому, как работает арифмометром.

Достаточно привести в качестве примера применение дифференцирования в прошлом. В настоящее время в физике еще очень далеко до понимания конкретности предмета без очков формул высшей математики.

До известного предела такое оперирование формулами «терпимо». Но всякая наука, столкнувшись с трудностями, поставив ряд проблем, с необходимостью обращается к анализу всех своих понятий с точки зрения их содержания, в особенности — исходных. Например, в физике не случайно встают постоянно вопросы о массе, силе. В математике самыми трудными оказываются вопросы о том, что такое количество, величина, число, точка, дифференциал.

⁹⁰ Для математики единица обозначает отвлечение от всякого качества и отношения. Здесь же, если K вынесено за скобку, в единице не должно исчезнуть качественное отношение частей.

Совершенно очевидно, что проделанные Марксом исследования могут послужить образцом для ряда наук в смысле логических приемов конкретного исследования и роли различных форм абстракции.

3. Вопрос о количественной стороне может быть поставлен лишь в зависимости от абстрагирования того, величина чего рассматривается. Это — следствие. Например, чтобы говорить о величине переменного капитала, надо его как качество абстрагировать.

Кажущаяся произвольность абстракции

После того, как процесс изоляции проделан, предположение представляется произвольным.

Здесь есть «произвол», но произвол экспериментатора. От воли человека вообще зависит, будут ли изучать он или нет. От воли его не зависит абстрагируемое и законы такового. Если человек раскрывает диалектику предмета, он с необходимостью должен проделать определенные процессы.

Видимость произвольности создается следующими обстоятельствами:

1. Большой или меньшей детальностью исследования.
2. Пределы в отношении количественной стороны дают простор случайности.

Специальный подбор цифр здесь.

3. При односторонности исследования и ложных абстракциях создается разнообразие точек зрения.

В действительности всякое предположение имеет рациональный смысл. Характер рациональности лишь различен: есть рациональность диалектики и таковая исследователя, оперирующего простейшими абстракциями. Степень рациональности, если учесть, что абсолютных граней нет, различна.

Сама конкретизация осуществляется как ряд новых упрощений. Например, учет снашивания основного капитала в объяснении образования средней нормы прибыли есть упрощение — сам этот факт привлекается в упрощенной форме.

Метод предположения есть доказательство от противного, конечно, он принимает и отрицательную форму. Например, при критике какой-либо ложной абстракции. Тем более, когда происходит отвлечение при изоляции и когда при конкретизации показывается, что данные обстоятельства не меняют существа

рассматриваемой зависимости и связи, элемент отрицания имеет место. Эту сторону дела мы опять-таки не имеем возможности развить.

Доказательство от противного живет на произведенных абстракциях. Здесь же — абстракции производятся и умозаключенные играют роль как элемент их оправдания.

Метод предположений не есть гипотеза. В гипотезе выдвигается предположение о неизвестном. Здесь же предположение есть лишь внешняя форма абстракции (своего рода умственный эксперимент), на основе которой исследуется известное, но не познанное еще.

С другой стороны, он имеет общее с гипотезой: предположение — средство познания.

Вообще-то говоря, словом «гипотеза» обозначают один из этапов или одну из сторон научного открытия. Причем, эта сторона не исследуется в ее внутренних закономерностях, при исследовании ее не могут «оторваться» от случайностей, так что гипотеза выступает скорее как факт психологический.

Восхождение в целом, поскольку оно есть процесс мыслительного исследования внутренних связей предмета, есть гипотеза, но не в смысле, «а вдруг так», «а может быть так» и т.д. — не в смысле гаданий, а гипотеза как закономерный процесс мысленного исследования ряда известных фактов. Только в том случае, когда количество фактов ничтожно и факты по существу «слабые», познание приобретает ярко выраженный характер гипотезы.

В политэкономическом исследовании в восхождении в целом постоянно имеет место «догадка» — познание каких-либо фактов, законов не на основе их непосредственного созерцания, а на основе знания о других фактах. Здесь неизвестное оказывается «белым пятном», которое должно быть заполнено на основе познания «соседних» звеньев и закона их связи. (Например, интерполяция). Эта сторона дела нами опять-таки не рассматривается. Принципиально она может быть понята лишь после исследования всех основных процессов восхождения.

Повторяем, отличие предположения как формы абстракции от гипотезы в том, что гипотеза не отвлекается от ряда обстоятельств, а предположение есть отвлечение от них.

Процесс конкретизации фиксируется в основных пунктах в особых категориях. Друг относительно друга эти категории можно рассматривать как абстрактные и конкретные. Например, «прибыль» — «средняя прибыль», «норма прибавочной стоимости» — «годовая норма прибавочной стоимости».

Говоря об относительности, абстрактности и конкретности этих категорий, следует иметь в виду, что это — не процесс, аналогичный цепи причин и следствий, а более сложный. Так «прибыль» — абстрактная категория по отношению к «средней прибыли», но она конкретна по отношению к «прибавочной стоимости». Однако, характер абстрактности и конкретности различен и, следовательно, различен процесс перехода. Так, переход от прибавочной стоимости к прибыли связан с переходом от содержания к форме, а от прибыли к средней — с переходом от отдельного ко взаимодействию отдельных. Так что надо постоянно иметь в виду характер абстрактности и конкретности и различие их в отношении одной и той же категории.

Существенной чертой изоляции и конкретизации является то, что хотя исследуемый предмет и является продуктом истории, они берут его как факт и отвлекаются от рассмотрения развития. Даже в том случае, когда в ходе конкретизации прищипываются явления, явившиеся продуктом развития предмета, они берутся как факт, раскрытие возникновения данного явления — дело другого процесса, который мы рассмотрим в следующем параграфе, — дело выведения.

В последовательности исследования конкретизация выступит раньше выведения (не в смысле эмпирической хронологии, а в том смысле, что конкретизация возможна без выведения, но не наоборот). После выведения может быть осуществлен процесс конкретизации по общим его законам по трем направлениям: 1) в отношении уже выявленных ранее законов; 2) в смысле более конкретного рассмотрения процесса возникновения; 3) в смысле более конкретного рассмотрения выведенного предмета.

Переплетение всех этих сторон и конкретизации и выведения вообще, плюс углубление и восхождение, — картина в эмпирическом исследовании получается такая, что возникает иллюзия отсутствия стержневых процессов.

Поскольку процесс конкретизации указывает на те явления, влияние которых может быть понято после их выведения, очевидно, должен быть какой-то хотя бы приблизительный критерий этого различия. В чем он? Конкретизация рассматривает обстоятельства, изменяющие лишь форму проявления связей и зависимостей, или восхождение к «поверхностному», ко все более эмпирическому данному, конкретному, как созерцаемому. В этом процессе она сталкивается с такими обстоятельствами,

которые образуют качественное различие отношений внутри целого, изменяют форму его движения по существу. Например, возникновение денег изменяет структуру движения товара: Т-Д-Т, т.е. деньги входят в структуру предмета имманентно. Или сталкивается с отношениями и субординации. Это — в следующем параграфе.

В заключении мы должны остановиться, как всегда, на отношении процессов изоляции и конкретизации к истории формирования предмета.

Что здесь последовательность категорий, хотя и отражает предмет в его движении, связях, но не есть отражение этапов развития предмета, это очевидно. Даже в том случае, если привлекаются обстоятельства, являющиеся продуктом развития предмета, они берутся как факт, т.е. их возникновение раскрывается не процессом конкретизации.

Следующие примеры красноречиво говорят о нелепости отождествления этапов логического процесса в данном случае с этапами истории: «норма прибавочной стоимости» — «годовая норма прибавочной стоимости», схемы воспроизводства без учета снашивания — они же с учетом последнего.

Рассмотрим вопрос детальнее на примере восхождения от отдельного к связи отдельных в конкретизации.

Наличие множества отдельных (товаров, капиталов) и их связь, переплетение, координация и взаимодействие есть продукт истории. Исследование же принимает этот факт как исходный пункт, исследование условий возникновения всякого отдельного отношения — задача не конкретизации, а углубления и восхождения, но и там выясняется исторический характер отношения, но еще не его собственная история. Рассмотрение того, как увеличивалось число этих отношений и устанавливалась данная их координация, — дело конкретизации, которая лишь после восхождения от отдельного и связи отдельных вступает в силу, т.е. после раскрытия механизма, законов взаимодействия и координации. Этот процесс выходит за пределы рассмотрения данного отношения, ибо он предполагает рассмотрение иного целого: например, причины увеличения числа отношений лежат вне самих их, внутри данного исторически-конкретного целого.

Рассматриваемый нами процесс весь целиком идет в сфере абстракции, хотя исходный и конечный пункт в своем взаимоотношении дают конкретизацию.

■ По видимости здесь имеет место прямое совпадение с историей: исторически проявление единичного случая данного отношения предшествует их множеству и их связи. Но ведь восхождение здесь для понимания этой связи исходит из **отдельного**, т.е. любого, всякого отношения этого рода, имея перед собою факт множества отдельных и их связь. Восхождение от отдельного и их связи — способ понять последнюю: при рассмотрении всякого отдельного происходит отвлечение от последствий, вытекающих из их связи (с точки зрения формы абстракции масса отдельных рассматривается как **одно** отношение); на основе понятия о всяком отдельном рассматривается модификация проявлений законов в их связи, причем ход конкретизации своей другой стороной имеет рассмотрение координации отдельных в чистом виде, давая новую ветвь конкретизации. Восхождение от единичного, как исторически случайного, исходного к всеобщему, т.е. необходимому результату, есть сторона в другом процессе — выведения.

Если бы исследователю повезло случайно натолкнуться на единичный факт данного отношения в истории раньше, чем возникло целое, где это отношение всеобщее, то он столкнулся бы со следующими фактами:

1. Надо абстрагировать это отношение, т.е. не просто зафиксировать единичный факт с помощью суждений, а зафиксировать его как общее. А для этого необходимо по крайней мере **существование отношений во времени, т.е. повторение** его, что является другой стороной наличия массы отдельных⁹¹.

2. Изучение законов этого отношения сталкивается с тем, что они в своем проявлении модифицируются той «средой», в которой этот факт возник.

3. Понимание этого факта потребовало бы исследования той «среды», в которой возник данный факт, и последний мог быть понят лишь как следствие.

Само же это отношение не может быть понято в его имманентных законах, которые обнаруживаются лишь в развитом целом, т.е. уже при наличии множества отдельных отношений и их связи. Здесь исследователь берет отдельное как особое отношение и исследует его в его особенности. В указанном же гипотетическом случае только при условии, если исследователь дер-

⁹¹ Здесь важна не длительность одного единичного акта (Т—Т), а повторение, т.е. отношение во времени.

жит в голове факт развитого, сложившегося целого, как связи отдельных отношений данного рода, т.е. имеет уже выработанные категории, он может себе позволить иллюзию, будто он следует теми же «этапами», которыми шла история предмета. Формула прилагается после исследования и потому бесполезна (в лучшем виде).

Раз исходным пунктом исследования является факт связи отдельных, то исходным пунктом его созерцания является проявление законов всякого отдельного отношения в той форме, в которой они выступают в данной связи. Для понимания же самих законов и объяснения форм их проявлений исследователь должен идти от рассмотрения отдельного к их связи, да и то не путем рассмотрения ее последствий, раз она факт. Весь путь — преодоление противоречия, возникающего в результате отношения одних и тех же законов в форме их проявления, «противоречащей», не совпадающей силлогистически с ними же, рассмотренными в чистом виде, — в отдельном.

Что мышление путем восхождения отражает законы возникновения, изменения и развития предмета, это факт. Но это достигается посредством массы приемов, каждый из которых по отдельности не имеет ничего общего с формулой тождества хода бытия и мышления.

§ 3. Связь изоляции и конкретизации как особая логическая форма

В том аспекте, в каком мы сейчас будем рассматривать изоляцию, оно уступает место различию и связи другого порядка. Рассмотрим дело в самом общем виде и возьмем простейший случай.

Пусть требуется выявить характер зависимости нормы прибыли от органического строения капитала. Обозначим первую через A , второе — через B , зависимость первой от второго A_3B .

Норма прибыли зависит не только от органического строения, но и от других факторов, в частности от нормы прибавочной стоимости. Обозначим последнюю через C , а зависимость A от C через A_3C .

Если отвлечься от влияния на A прочих факторов и предположить зависимость A только от B и C , то и в этом случае наблюдается такой факт: вследствие влияния A_3C A_3B последняя модифицируется в своих частных проявлениях, выступает для наблюдателя в такой форме, которая не совпадает с нею как

Тяжелою, взятою в чистом виде. Так, А уменьшается с ростом В и увеличивается с ростом С; В и С могут одновременно возра-стать таким образом, что в результате будет расти и А; такое изменение А при одновременном изменении В не служит непосредственным показателем действительной A_3B , скорее наоборот — создает видимость ее отсутствия или вообще представляет ее из-вращенно; во всяком случае, A_3B остается еще скрытой от наблюдателя. Проиллюстрируем: пусть В возросло с $80 \text{ с} + 20 \text{ Y}$ до $90 \text{ с} + 10 \text{ Y}$, а С — со 100% до 200%; сопоставим два случая

$$1) A_1 = 20\%; B_1 = 80 \text{ с} + 20 \text{ Y}$$

$$2) A_2 = 20\%; B_2 = 90 \text{ с} + 10 \text{ Y}$$

Это сравнение ничего не говорит об A_3B .

Обозначим форму проявления A_3B в связи с действием A_3C через A_3B . Задача, уточняем заключается в том, чтобы выявить A_3B , имея перед собою A_3B .

Ограничимся этими условиями решения задачи. Иными сло-вами, допустим простейшую систему зависимостей.

1) Возьмем связь двух зависимостей — A_3B и A_3C . При этом один элемент (элементами зависимостей будем называть явления, зависимость которых исследуется) возьмем общим для обеих зависимостей. Без последнего условия мы будем иметь дело с системой из четырех элементов (A_3B и C_3D). Для раскрытия связи этих зависимостей потребуется включение в поле внима-ния еще одной (по меньшей мере) зависимости (например, A_3C), т.е. потребуется так или иначе выявить простейшие системы (например, $A_3B A_3C$). Тогда система из четырех элементов ока-жется связью по меньшей мере трех зависимостей или несколь-ких простейших систем. Заметим, кстати, что связь зависимос-тей предполагает обязательно общий элемент;

2) в каждой зависимости возьмем одностороннюю зависи-мость — зависимость А от В и А от С. Учет двухсторонних зави-симостей означал бы рассмотрение системы более четырех за-висимостей, ибо A_3B и B_3A (как и A_3C и C_3A) суть различные зависимости. Одна двухсторонняя зависимость не есть простей-шая система зависимостей, хотя и имеет лишь две зависимости с двумя общими элементами. Здесь будет иметь место констата-ция взаимодействия элементов. Простейшая система зависимо-стей предполагает три элемента;

3) общий элемент системы возьмем зависимым от двух дру-гих, но не наоборот и не различное направление зависимостей. Если взять различное направление зависимостей — $A_3B B_3C$, —

т.е. такие зависимости, где общий элемент в одной играет роль зависимого, а в другой — от которого зависит другой элемент, то будет иметь место цепь зависимостей, но не одновременно действующая система самостоятельных зависимостей. Возможно, что V_3C как-то влияет на A_3B , но тогда V_3C в целом выступает как особый элемент (К), и образуется либо простейшая система A_3B и V_3K . Если взять зависимости такого типа: V_3A и C_3A , то будет простое фиксирование двух зависимостей, взаимосвязь которых без посредства дополнительных зависимостей установить невозможно;

4) допустим, что В и С не зависят друг о друга; противоположное допущение означало бы систему минимум из трех зависимостей.

Короче говоря, система зависимостей предполагает своего рода «точки соприкосновения» зависимостей в виде общего элемента, на котором сказывается их совокупное действие. Простейшая же система есть связь двух различных односторонних зависимостей, имеющих один общий элемент, зависимый о двух других.

Анализ простейшей системы есть начало анализа сложной, необходимое его условие. Анализ приемов этого анализа есть начало анализа приемов исследования сложных систем связей.

Допустим далее, что элементы зависимостей (A_3B и С) уже отвлечены и зафиксированы в соответствующих наименованиях и определениях:

1. Норма прибавочной (А) есть отношение массы прибавочной стоимости ко всей сумме авансированного капитала; в политэкономии она выражается формулой

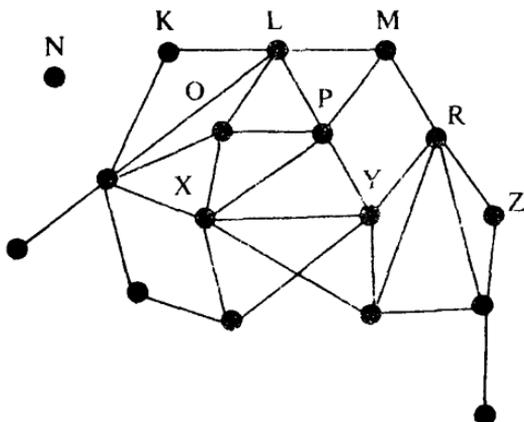
$$p^1 = \frac{m}{K} = \frac{m}{Y+C} ;$$

2. Норма прибавочной стоимости (С) есть отношение массы прибавочной стоимости к переменному капиталу; изображается в формуле

$$m^1 = \frac{m}{Y} ;$$

3. Органическое строение капитала есть соотношение стоимостей постоянной и переменной частей капитала, определяемое техническим строением капитала; изображается формулой $C + Y$ (с цифровыми значениями: $80c + 20Y$, $90c + 10Y$ и т.п.).

A_3B действует внутри органического целого. Последнее есть система связи массы отдельных различных отношений. Пусть, имеются только однотипные отношения. Тогда органическое целое будет иметь такой (схематично) вид:

где K, L, M, O, P и т.д. являются отдельными отношениями. Элементы A, B и C свойственны каждому из этих отношений, в нашем примере — всякому капиталу. Абстрагирование их зависимости есть своеобразный способ раскрытия связи отдельных отношений в целом.

Из сказанного следует, что элементы A, B и C — не случайные и частные, а общие и необходимые, и в естественно существующем целом при наших допущениях действие A, C не парализуется.

Как фиксируется зависимость вообще? Наблюдая ряд случаев, где имеют место элементы зависимости, человек сравнивает различные состояния их в соотношении друг с другом:

$$\begin{aligned} A_1 &- B_1 \\ A_2 &- B_2 \\ A_3 &- B_3 \end{aligned}$$

Результатом сравнения является вывод: такое-то изменение B идет к такому-то изменению A (или в более общем виде: такое-то состояние B связано с таким-то состоянием A). Первоначально понятие «зависимость» ничего больше не выражает. Те способы, посредством которых указанный вывод совершается, мы оставляем без внимания, т.е. предположим вывод совершившимся или в любое время возможным.

Допустим точно также, что состояния элементов могут быть в любое время зафиксированы (и в том числе — измерены) и что число случаев может быть взято любое.

Если обратиться к нашей системе, то надо заметить следующее. Если бы влияние C на A было бы ничтожно мало, то схема сравнения была бы такова:

$$A_1 - B_1$$

$$A_2 - B_2$$

$$A_3 - B_3$$

Но фактически наблюдается влияние С на А, то что мы имеем:

$$A_1 - B'_1$$

$$A_2 - B'_2$$

$$A_3 - B_3$$

Простое сравнение этих случаев имело бы результатом частный вывод: в наблюдаемых нами случаях имеет место такая-то картина (например, может быть вычислено среднее). Т.е. были бы зафиксированы различные случаи $A_p B$.

В реальном предмете возможны такие случаи, когда действие С компенсируется другими факторами, и $A_3 B$ проявляется в чистом виде. Но это возможно лишь как случайный момент, который утрачивает все свои преимущества случайной чистоты, как только вступает в силу сравнение: где гарантия, что именно в этом случае мы имеем $A_3 B$ в чистом виде? Потому мы и отвлеклись от этой случайной компенсации.

Для сравнения случаи могут быть взяты в двух планах:

1. Различные наряду или у различных отношений. На схеме

2. Во времени у одного и того же отношения:

$$K_1 - A_1 B_1$$

$$K_2 - A_2 B_2$$

Для нас различие этих планов значения не имеет. Важно только помнить, что случаи — не просто отдельные отношения, а случаи элементов $A_1 B$ и С.

Если отвлечься от способа фиксирования зависимости и охарактеризовать ее как объективное, то надо сказать следующее. Реально имеют место эмпирические связи, начиная от простейшей (например, положение одного предмета в пространстве зависит от другого) связи двух предметов и кончая системой эмпирических связей. В нашей системе изменение одного элемента через систему эмпирических связей сказывается на другом. Так, изменение органического строения ряда капиталов через массу связей конкуренции оказывает влияние на прочие капиталы и на норму прибыли в итоге. Исследование этих связей — дело других приемов. Мы предполагаем, что в данном пункте этот вопрос интереса не представляет. Здесь достаточно фиксирование нескольких «точек»:

$$A_1 - B_1$$

$$A_2 - B_2 \text{ и т.д.}$$

Система связей, которая отражается в форме фиксирования зависимости, постоянно изменяется. Учет какого-либо из постоянно меняющихся факторов в его влиянии на элементы зависимостей означал бы систему зависимостей. Поскольку мы уже предположили простейшую систему зависимостей, то должны предположить механизм зависимости постоянным.

После всех ограничений можно указать случаи, с которыми может столкнуться наблюдатель:

- 1) В постоянно, С изменилось;
- 2) С "-", В "-";
- 3) В и С постоянны;
- 4) В и С изменились различно;
- 5) В и С изменились сходно;
- 6) А постоянно, В и С изменились

и другие случаи. Число случаев, повторяем, может быть взято любое.

При сравнении возможно, что ряд случаев с точки зрения изменения элементов зависимости не различаются:

$$1) A - B$$

$$а) K \quad 2) A \quad б) M$$

В этом случае мы будем говорить о постоянной зависимости. В применении к отдельному случаю постоянная зависимость будет говорить о повторяющемся.

Исследователь может взять любой случай, т.е. зависимость в любой момент. Будем такой случай называть произвольной зависимостью.

Взять постоянную и произвольную A_3B , значит взять:

$$1) A_1 - B_1 (80c + 20 Y - p^1 = 20)$$

$$2) A_1 - B_1 (80c + 20 Y - p^1 = 20)$$

т.е. взять повторяющийся момент:

Поскольку мы взяли односторонние зависимости, то постоянная A_3B в системе A_3C означает постоянство В.

Поскольку мы рассматриваем дело в самой общей форме, то различие экспериментального решения задачи и решения способом мысленного отбора случаев мы рассматривать не будем. Нам важна работа головы как при эксперименте, так и при отборе. И работа эта лучше заметна на примере метода отбора.

Отбором мы называем такую логическую операцию, когда исследователь из массы частных случаев выбирает определенные, т.е. отвлекается от ряда обстоятельств и выделяет его

интересующие. Например, из массы случаев проявления A_3B могут быть выбраны случаи с постоянным B ; этим мы отвлекаемся от изменения B и выделяем изменение чего-то другого.

Из этого примера видно, что отбор предполагает обязательно отбор одного в связи с другим. Так, случаи постоянной A_3B сами по себе ничего не говорят. Что это за связь, мы и рассмотрим сейчас. Т.е. рассмотрим способ решения поставленной задачи, точнее — самое общее и специфическое условие ее решения. Специфическое — характерное для задач этого типа; общее — то, что имеет место и при эксперименте, и при отборе, и вообще при самых различных условиях применения восхождения.

Чтобы выявить A_3B в чистом виде, надо отвлечься от влияния на нее A_3C . Для этого надо это влияние рассмотреть, показав, что оно модифицирует проявление A_3B , лишь модифицирует и как модифицирует.

Отвлечение от A_3C совершается путем предположения A_3B произвольной и постоянной. Это — начало. При отборе — отвлечь соответствующий круг случаев, при эксперименте — искусственные приспособления создать.

Раз A_3B взята произвольная, исследователь предполагает ее фиксированной. Иначе говоря берет любое относительное состояние A и B ; например; $80\text{ с} + 20\text{ У}$ и $P^1 = 20$. Раз A_3B взята постоянная, то для мышления A_3C и A_2C совпадают. Почему? Чтобы зафиксировать зависимость A и C , необходимо рассмотреть ее элементы в соотносительном изменении, т.е. сравнить различные случаи $A-C$. Так как A_3B предположена постоянной, то влияние ее на A_3C не может быть в этих случаях зафиксировано: исключены случаи различных состояний A и C в связи с действием A_3B . Например:

$$1) 80\text{ с} + 20\text{ У} + 20\text{ м} \quad m^1 = 100 \quad p^1 = 20$$

$$2) 80\text{ с} + 20\text{ У} + 40\text{ м} \quad m^1 = 200 \quad p^1 = 40$$

Но при A_3C не должна быть постоянной (в примере изменилась). Влияние C на A и должно быть рассмотрено. Поскольку рассматривается A_3C , то фиксируется A_3C . Поскольку не включено влияние A_3B , то сравнение дает лишь A_pC нерасчлененно от A_3C : A_3B не отброшена, она лишь теоретически (в данных случаях) сведена к своего рода нулю. Так в примере:

$$1) 80\text{ с} + 20\text{ У} \quad m^1 = 100 \quad p^1 = 20$$

$$2) 80\text{ с} + 20\text{ У} \quad m^1 = 200 \quad p^1 = 40$$

A_3B не выброшена совсем, она лишь не обнаруживается сравнением.

Характерно заметить, что наличие трех элементов в двух зависимостях есть непрерывное условие фиксирования каждой. В рассматриваемом примере это очевидно: P^1 , m^1 и $C + Y$ суть стороны одного отношения. Фиксирование какой-либо зависимости в органическом целом предполагает опору на другие.

$A_{3(p)}C$, затем должна быть рассмотрена. Но не сама по себе — цель не в этом, — а в ее влиянии на A_3B .

$$1) 80 c + 20 Y + 20 m \quad m^1 = 100 \quad p^1 = 20$$

$$2) 80 c + 20 Y + 40 m \quad m^1 = 200 \quad p^1 = 40$$

Вывод: какова бы ни была A_3B , A_3C на нее влияет, ибо C влияет на A каким-то образом.

Что достигается в результате для A_3B ? Обнаруживается различие A_3B и A_pB . Зависимость расщепляется в понятии на «чистую» (как таковую) и ее проявление.

Надо иметь в виду, что A_3B и A_pB — не существующие наряду, а одно и то же явление в своих различных моментах⁹². Далее, сами по себе абстракции не дают вывода — они лишь одно из условий.

Чтобы теперь рассмотреть A_3B отвлеченно от A_3C , нельзя просто сопоставить A_pB , как следствие A_3C с A_3B , ибо последняя была взята произвольная и постоянная. Это сопоставление служит лишь цели расщепления их. Теперь все предположения должны принять противоположный характер: A_3C берется произвольная и постоянная. В результате A_3B и A_pB совпадают, зато можно проследить влияние B на A .

Например:

$$1) 80 c + 20 Y + 20 m \quad m^1 = 100 \quad p^1 = 20$$

$$2) 90 c + 10 Y + 10 m \quad m^1 = 100 \quad p^1 = 10$$

Вывод: как бы A_3C ни влияло на A_3B , влияние B на A таково.

Таким образом здесь имеют место две взаимоисключающие и взаимопредполагающие абстракции. Они исключают друг друга:

1) A_3B постоянная и произвольная, A_3C и A_3C совпадают, A_3B и A_pB различаются, A_3C текуча;

2) A_3C постоянная и произвольна, A_3B и A_pB не различаются, A_3C и A_pC различаются (для A_3B это не имеет уже значения), A_3B текуча. Они предполагают друг друга:

а) невозможно рассмотреть A_3C как таковую, если нет «точ- опоры» в виде постоянной A_3B для отвлечения от различия C и A_pC ;

В каком смысле они выступают наряду, мы не рассматриваем.

б) невозможно точно так же поступить в отношении A_3B . Кроме того, без первой абстракции не происходит расщепления на A_1B и A_2B . Кроме того, задача-то как раз в исследовании того, как A_1B модифицируется в связи с A_3C .

Каждая абстракция в отдельности не дает A_3B в чистом виде: в первом случае A_3B произвольная и, значит, не обобщенная; во втором производится обобщение, но A_3B не различается с A_pB . Лишь единство их дает понятие об A_3B как проявляющейся в форме A_pB .

В рассмотренной форме изоляция и конкретизация не различаются, образуют единство. Анализ восхождения в этом направлении будет означать его новое сечение, которое выводит за рамки рассмотрения самых основных и простых его черт.

Конкретизация раздваивается на собственно конкретизацию и выведение в связи с тем, что в процессе конкретизации приходится не просто учитывать обстоятельства, но и объяснять взаимоотношение ряда их из собственного развития предмета. Вторая сторона, служа средством конкретизации, становится особым процессом. В дальнейшем мы частично покажем, что взаимоотношение между ними приобретает многосторонний характер; пока что выведение в целом выступает, как момент в конкретизации.

§ 4. Сведение и выведение

Сторону восхождения, специальной обязанностью которой является объяснение законов возникновения (и тем самым объяснение специфики) различных элементов в структуре органического целого, мы называем **выведением**.

Термин «выведение» у Маркса иногда встречается именно в этом смысле, чаще — вообще в смысле обозначения логического процесса, ведущего к объяснению какого-либо конкретного явления (прибыли, цен производства и т.п.) и к определению соответствующей ему категории. Это вполне понятно: вырабатывая метод восхождения в конкретном исследовании (в исследовании капитала), Маркс не ставил перед собой задачи в самом этом исследовании фиксировать различные стороны восхождения в особых определениях и терминологии.

Тот, кто читает «Капитал», из-за этого и даже благодаря этому затруднений не испытывает. Во-первых, потому что для читающего на первый план выступает изображаемый предмет (капитал), а не процесс его изображения, не субъективная форма изображения. Во-вторых, если даже на процесс изображения внимание обращается, он выступает как процесс изображения данного конкретного предмета (товара, денег, капитала и т.д.), и как бы при этом отвлеченная (имеющая силу при изображении всякого предмета) терминология не применялась, в связи с данным содержанием совершенно ясно, о чем идет речь. Сказать ли, например, при объяснении прибыли «выведем прибыль» или «рассмотрим форму проявления прибавочной стоимости», процесс объяснения прибыли и его понимание читателем от этого не страдает. Важно лишь, чтобы терминология не выходила за пределы метода восхождения вообще, т.е. характеризовала бы его с какой-либо стороны.

Нашей задачей является изображение того, как Маркс исследовал и изображал свой предмет, т.е. изображение восхождения. Для этого нужно выработать особые категории, по отношению к которым применяемые Марксом к исследованию капитала приемы мышления являются частным материалом. Иначе на вопрос о том, каким путем Маркс раскрыл и изобразил диалектику предмета своего исследования, мы должны были бы ответить: читайте «Капитал». В лучшем случае — должны были бы проиллюстрировать известные «черты диалектики» примерами из этого произведения. Очевидно, надо обобщать сами приемы мышления и строго различать стороны восхождения друг от друга, дать им определения и наименования. Это лишь начало. Оно абсолютно невозможно, если рабски цепляются за букву в работах основоположников марксизма. Мы не думаем этим умалить гения Маркса в отношении обобщения самого метода восхождения: он дал общую характеристику его и сформулировал основные принципы, — это общеизвестно. Но фиксирование и изучение его восхождения в деталях (тем более на материале массы конкретных наук) — есть дело будущего науки о формах (приемах) диалектического мышления. Это факт.

Данное выше определение выведения еще недостаточно по двум причинам. Первая причина — неясность терминологии. Ее требуется пояснить, исследуется предмет, внутренне дифференцированный по своей структуре, т.е. сам представляющий связь различных предметов. Так, капиталистический организм имеет

в своем строении товар, деньги, различные формы капиталов, банки и т.п. Первый предмет по отношению ко вторым мы называем органическим или диалектически расчлененным целым (выражения Маркса); второе по отношению к первому — элементами его структуры; наличие и связь вторых — его структурой. Почему бы, спрашивается, не воспользоваться привычными (и известными из курсов формальной логики) категориями «часть и целое»? Потому что они не выражают имеющее здесь место объективное отношение и соответствующую задачу его исследования. Конкретные науки почувствовали это давным давно и пошли по пути выработки других категорий: «орган», «форма», «вид», «тип», «организм» и т.д. В самом деле даже язык не поворачивается, например, назвать деньги частью товарного производства.

Категории «часть и целое» родились в чувственной деятельности человека и несут в себе все представления, связанные с практической сборкой и разборкой воспринимаемых вещей. Категория «часть» фиксирует в абстрактной форме всякий воспринимаемый предмет, входящий в состав воспринимаемого целого; «целое» — воспринимаемый предмет, состоящий из различных частей. Вне этого отношения, как заметил Гегель, рассматриваемые категории бессмысленны. Соотношение этих категорий — пример взаимопроникновения противоположностей процесса отражения вещей мышлением. Открытие этого факта наукой не означает, как ошибочно получалось у Гегеля, что рассматриваемые категории становятся специфическими для диалектического мышления.

Раз первой школой выработки категорий «часть и целое» является практическая сборка и разборка вещей, в которой человек более или менее строго определяет пространственные формы, место, роль и координацию (взаимоотношение) частей в целом, это накладывает печать на понимание взаимоотношения частей в целом между собою и, в связи с этим, на понимание самого целого. Части схватываются в их внешнем (воспринимаемом) различии и прежде всего в различии, их отношение — как внешнее соприкосновение, как координация, целое же — как определенным образом координированная сумма частей, выполняющих в силу своего различия различную заметную роль в целом.

Будучи применимы к предметам, складывающимся независимо от практики человека, эти категории — не слова, а именно категории с их определенным содержанием — дают возмож-

ность лишь фиксировать строение предмета в его внешне обособленных элементах и описать предмет в соответствии с его созерцанием по принципу: «человек состоит из туловища, конечностей и головы».

Восхождение имеет своим предметом такое целое, которое является продуктом естественноисторического процесса, которое складывается, разлагаясь внутренне, и разлагается, внутренне складываясь, в котором один элемент возникает из другого, которое есть одно (единое) в его внутренних различиях, элементы которого находятся в отношении субординации, т.е. закон возникновения и функционирования одних является законом развития и существования других.

Внешне, в эмпирических проявлениях, элементы органического целого обособляются как отличные от других предметов, так что возможно и абсолютно необходимо в начале познания фиксировать их в отличиях посредством абстракций (так фиксируются, например, товар, деньги и т.п.). Но лишь с этого момента или при соблюдении этого условия встает специфическая задача — раскрытие закона возникновения и специфики этих элементов. Чтобы решить эту задачу, исследование должно двинуться уже в сфере общего, т.е. выяснить возникновение того или иного элемента во всяком эмпирическом целом, т.е. в каком бы эмпирическом целом он не проявлялся. Например, выяснить возникновение и специфику денег вообще. А это предполагает как раз отвлечение от всех индивидуальных различий эмпирических проявлений денег и процессов их появления, последние обстоятельства могут быть учтены лишь после решения данной задачи путем соответствующей конкретизации. Это, далее, предполагает, как раз отвлечение от координации данного элемента с другими в том или ином эмпирическом целом, — общие законы координации могут быть рассмотрены лишь после решения данной задачи, а индивидуальные особенности того или иного случая могут быть учтены по общим законам конкретизации.

С другой стороны, порой задача выяснения того, что данные элементы есть действительно элементы одного органического целого, еще должна быть решена и должна быть уже решена, чтобы раскрыть их субординацию. Т.е. должно быть выявлено то общее (хотя бы во внешней форме его проявления), дифференциацию и развитие которого они представляют. Так, введение товара, денег, форм капитала и т.д. к их абстрактному единству (к общему — к стоимости) явилось результатом ли-

тельного пути развития науки (хотя бы уже потому, что созерцание капитала как целого тем же путем, как созерцается живой организм, невозможно).

На следующем примере особенно хорошо видна новая, специфическая для диалектического мышления задача исследования. Наука о мышлении изучает различные формы мысли (формы суждений, умозаключений и т.д.). Наблюдение единичных фактов мышления, в которых различные формы мысли впервые обнаруживаются и фиксируются в абстрактной форме («S — P», например), есть необходимый начальный этап их научного изучения. Когда обнаруживается целый ряд различных форм, возможно, конечно, взять какое-либо рассуждение и рассмотреть в нем наличие и координацию этих форм. И тут исследователь наталкивается на неприятность: ряд форм в данном рассуждении он вообще не обнаруживает, а другие видит повторяющимися, различные рассуждения в отношении координации форм дают гигантское разнообразие, не поддающиеся никакому обобщению. Это вполне естественно, ибо это — не путь науки о мышлении. Наука о мышлении изучает не то или иное рассуждение, хотя эмпирические рассуждения для нее есть единственный материал изучения, а всю совокупность форм мышления, как единое целое, в котором одни формы возникают при определенных условиях из других. Что может дать категория «часть и целое» с определенным выше содержанием для исследования самих форм мысли? Очень мало: например, положение о том, что суждение состоит из субъекта и предиката, умозаключение — из суждений и т.п. (А в отношении видов суждений и умозаключений логики вообще никогда категорию «часть» и не употребляли). Диалектическое исследование ставит особую задачу: раскрыть субординацию форм мышления.

Из сказанного вовсе не следует, что в мире существуют наряду друг с другом только координированные и только субординированные целые, к которым должны применяться различные методы. Принципиально познание может раскрыть субординацию элементов в любом эмпирическом целом при условии конкретизации вплоть до индивидуальности. С другой стороны, элементы целого внешне выступают в эмпирических проявлениях в форме отношения координации и фиксируются как таковые впервые в мире. Дело в степени развития способа познания одного и того же мира, в развитии метода науки.

Рассмотренная задача и содержание диалектического мышления и должны быть зафиксированы в особых категориях. Будет ли это сделано путем уточнения старых категорий (это создает видимость лишь некоторой модернизации «обычных» категорий), или путем введения новых (это резче подчеркнет особенность, отличие форм диалектического мышления), суть дела не меняется.

Категория «часть и целое» образованы на основе наблюдения эмпирических частей и целых, как обобщение этих отношений, и имеют полную силу там, где речь идет о координации частей в целом. Они совершенно не пригодны там, где встает задача раскрытия субординации элементов целого. Здесь целесообразнее говорить об органическом целом (о расчлененном едином общем) и элементах его структуры. Дело здесь не в том, чтобы привить, навязать конкретным наукам эту терминологию — задача второстепенная и никчемная, — а в уяснении смысла задачи диалектического мышления.

Категории «часть и целое» в диалектическом мышлении, однако, не исчезают. Являясь одной из предпосылок категорий диалектики в смысле первоначальной формы их выражения, они на базе последних выступают как продукт самого диалектического мышления, движутся на его основе и играют вполне определенную роль. Например, в формуле Т-Д-Т' или Д-Т-Д' акты Т-Д и Д-Т можно рассматривать как части процесса обращения. Но эти части и это целое могут быть поняты (а не просто зафиксированы в абстрактной формуле) лишь после того, как будет объяснено возникновение и тем самым специфика денег. По этим соображениям анализ целого на части и синтез частей может быть рассмотрен лишь после выведения и на основе его понимания.

В конкретных исследованиях часто для обозначения элементов структуры целого применяется термин «форма», «формы мысли», «формы капитала» и т.п. Здесь термин «форма» употребляется в смысле «вид», «тип». В этом ничего страшного нет, если не происходит смешения с категорией «форма», как противоположностью категории «содержание». Страшно другое. «Вид» как категория, а не фигуральное выражение, имеет строго установившееся содержание: отражает отличие предмета от других такого же рода. Категории «род и вид» фиксируют определенные процессы мышления — установления сходства и различия предметов или их групп, существующих наряду в простран-

стве и времени, и только. Диалектическое мышление эти процессы специфически не характеризует. И если оно объясняет, как происходит обособление элементов органического целого внешне, так то их фиксируют как виды одного рода, так это — следствие выведения, т.е. специфического процесса диалектического мышления. А эта специфическая задача и процесс категориями «род и вид» ни в коей мере не характеризуется. Кроме того, категория «вид» не всегда создает даже видимости благополучия. Например, логика различает «виды» суждений: по количеству, качеству, отношению и модальности. Пусть она попробует расположить наряду, например, суждение единичное и утвердительное или отрицательное. Т.е. пусть приведет хотя бы пример суждений, которые бы обладали только количеством и только качеством. Эмпирические случаи суждений можно разделять на виды по признакам либо качества, либо количества, но не суждения как отвлеченные формы. Здесь отчетливо видно, что категории «род и вид» вырабатываются на основе различения и установления сходства (выявления общего) эмпирического материала, предметов, существующих наряду, и только. Для объяснения же места самих абстрагированных признаков в соответствующем органическом целом они абсолютно непригодны.

Вторая причина недостаточности данного выше определения выведения заключается в следующем. Возьмем такой пример. Товар есть элемент в структуре капиталистического производства. Маркс раскрыл необходимые условия, т.е. закон его возникновения. Является ли это выведением? Нет. Здесь имело место углубление от формы к содержанию товара и лишь в связи с этим были раскрыты необходимые условия возникновения товара — условия, образующие само содержание товара. При выведении же наоборот: раскрывая закон возникновения элемента органического целого, мы тем самым объясняем его специфику. Точно так же обстоит дело в отношении капитала и его форм, только в более сложной форме: раскрытие содержания капитала есть раскрытие условий его возникновения, выведение же форм капитала ставит задачей раскрыть их закон возникновения и необходимые условия существования и тем самым раскрыть их специфику. Направленность процессов различна.

Очевидно, выведение предполагает какой-то исходный пункт, даваемый другими процессами, и вступает в силу лишь на основе их. Таковым является исследование содержания предмета, не зависящее ни от каких новых элементов в структуре его. Так, чтобы

объяснить формы капитала, требуется для этого первоначально раскрыть содержание капитала вообще безотносительно к этим формам. Иначе говоря, исходный пункт выведения образует выявление общего для всех элементов и анализ его содержания.

Отсюда ясным становится то, почему мы постоянно говорили о **специфике** элементов в структуре целого. Можно было бы сказать, что раскрывается содержание того или другого элемента, и это было бы верно, если бы мы рассматривали понимание этого элемента изолированно, как самостоятельный процесс. (В истории науки такие случаи возможны). Возьмем, например, исследование купеческого капитала. Исследователь имеет перед собой его частные случаи, абстрагирует его специфическую форму Д-Т-Д' и ставит задачу раскрыть ее содержание, т.е. происхождение торговой прибыли. Исследование с необходимостью должно вывести за пределы непосредственного обращения — к тем экономическим отношениям, в которых существует купеческий капитал, и внутри которых он черпает свою прибыль; в буржуазном обществе исследователь должен идти к производству прибавочной стоимости, к промышленному капиталу и обнаружить, что торговая прибыль — часть промышленной, достаемая особому виду капитала в силу взаимоотношения их внутри общества.

Но уже здесь совершенно ясно обнаруживается, что понимание содержания купеческого капитала зависит от понимания промышленного капитала вообще. Содержание его — есть содержание всякого капитала или капитала вообще (в буржуазном обществе), как содержание денег есть содержание товара.

Но вместе с тем, купеческий капитал и деньги обнаруживают свойства, которых нет у промышленного капитала и товара и которые позволяют их отличить от них. Встает особая задача — не просто раскрыть содержание этих элементов, а объяснить его и их отличии от товара и денег. Эта двойственная задача и означает, что требуется раскрыть содержание органического целого вообще и объяснить один из его элементов в его специфике особого элемента целого. Эту задачу и решает выведение на основе уже решенной задачи раскрытия содержания целого.

Необходимо заметить, что категорию «специфика» надо строго отличить от категории «отличие» и соответственно определить. Обычно они употребляются как синонимы, хотя еще в древности говорили о специфическом отличии. Разберем сначала пример. Купеческий капитал впервые абстрагируется путем отличения его от других форм капитала, например, ростовщи-

ческого, от других способов получения «дохода», например, от ренты, от денег, как средства обращения, — как деньги, получающие прирост денег путем торговли. Это — его отличие. И в этом отличии проявляется какое-то особое отношение, отличное от других отношений — от товарных просто и от экономических отношений той или иной формации. Это отличие — проявление особого содержания и сущности его — есть явление (поскольку мы его отличаем от других) и форма (раз в товарно-денежных отношениях скрыто какое-то содержание, какое-то экономическое отношение, отличное от просто товарного).

Мы уже показали, что раскрытие сущности и содержания купеческого капитала зависит от исследования капитала вообще или промышленного (в других формациях — от исследования отношений данной формации, складывающихся независимо от товарных или обусловленных, и зависящих от господствующих отношений этой формации). Так вот: содержание элемента (купеческого капитала) понято так, как оно проявляется в его отличии или как оно образует это отличие, мы и будем называть спецификой его (купеческого капитала).

Т.е. специфика есть сущностное и содержательное отличие или, точнее, сущность и содержание предмета, проявляющиеся во внешнем отличии и обуславливающие его отличие и отличительную форму.

Различение категорий «отличие» и «специфика» очень важно, ибо это — отличие двух способов отражения. Отличие есть явление внешнее. Специфика есть содержание и сущность, внутреннее. На таком примере можно показать, что выявление отличия еще не есть раскрытие содержания и сущности предмета. Так, если мы знаем, что купеческий капитал есть капитал (род), применяемый в торговле (вид), мы еще не знаем, ни того, что такое капитал, ни того, как возможно его существование как капитала в торговле, т.е. не знаем, что такое купеческий капитал. Тогда представляется, что давать прибыль есть свойство самих денег, а давать в торговле — зависит от нашего произвола, тем более возможность переноса капитала в промышленность усиливает эту видимость. На этом примере особенно ясно видно наличие двух задач исследования: в первом случае — воспроизведение в языке и мысли (в абстракциях) явлений, во втором случае исследование должно объяснить эти явления, раскрыв их сущность, т.е. объяснить, как то или иное явление и форма выте-

кают из имманентного, специфического их содержания и сущности. Специфика есть внутреннее, проявляющееся в отличительной форме и явлении.

Возьмем еще, далее, такое пример. Конкуренция есть новое явление, специфическое для капитализма, и развивающееся с его развитием. Есть ли объяснение ее выведению? Нет. Конкуренция есть лишь форма проявления имманентных законов, свойств капитала во взаимодействии капиталов, — поведение капитала во взаимодействии капиталов, зависящее от его внутренних свойств. Конкуренция не есть элемент структуры, а проявление свойств, качеств элементов структуры. Элемент же структуры есть предмет, обладающий качествами, свойствами, которые проявляются в той или иной связи. Или, элемент структуры есть качество, новое качество по отношению к тому, на основе которого он возможен. Это именно элемент структуры.

Вернемся еще раз к тем же примерам, чтобы показать имеющуюся здесь сложность.

Купеческий капитал зафиксирован, как он является исследователю и практическому деятелю, т.е. в его отличии от других явлений: это — капитал в торговле. Легко сравнительно фиксируется его форма: Д-Т-Д'. Исследовать его — раскрыть, откуда торговая прибыль берется, для чего надо понять содержание капитала вообще, затем вывести его специфическое содержание, специфику, объяснить его как качество, и лишь на этой основе становится возможным объяснение и формы его проявления, т.е. всех его особенностей как самостоятельного предмета, всех особенностей, проявляющихся в той или иной связи, и фиксируемых непосредственным созерцанием. Объяснить всю совокупность проявлений купеческого капитала в самых различных связях, т.е. его явления, есть функция конкретизации на основе выведения.

У Маркса встречаются выражения такого рода: свести внешнее, видимое движение к скрытому, внутреннему. Маркс говорит «свести», но по существу метода Маркса задача эта решается путем выведения, если на самом деле не имеет место другой процесс — движение к форме, конкретизация. Декарт же, наоборот, говорит, что надо восходить от простого к сложному, но ни для кого не представляет сомнений, что в действительности он сводил сложное к простому.

Чтобы понять выведение в его специфике, надо уяснить его отличие от конкретизации. Для начала — с точки зрения его общего содержания. Содержание конкретизации, напомним, —

учет влияний, модифицирующих форму проявления рассматриваемого предмета. Содержание выведения — раскрытие механизма возникновения какого-либо элемента структуры органического целого, или раскрытие специфики этого элемента, или объяснение нового качества в жизни предмета.

Примером выведения может служить выведение денег Марксом. При первом взгляде на этот процесс у Маркса выступает следующее. Чтобы вывести деньги надо от рассмотрения отдельного товара перейти к рассмотрению связи товаров, ибо деньги есть продукт взаимодействия всего товарного мира. В свою очередь, конкретизация должна учесть влияние денег на проявление стоимости в форме цены и закона ее в форме колебания цен, т.е. конкретизация выступает как выведение и наоборот. Действительно, эти две стороны восхождения настолько тесно переплетаются, в особенности в I главе «Капитала», что, как правило, пишущие о логике «Капитала» их различия совершенно не замечают. Между тем, это различные процессы, выполняющие различные функции в восхождении. Их связь и переплетение, их единство не устраняет их различия и даже, в известном смысле, противоположности. Различные задачи единого процесса восхождения приводят к разделению его на различные самостоятельные процессы.

Основная трудность в понимании различия выведения и конкретизации состоит в том, что конкретизация смешивается с восхождением вообще. В таком случае выведение выступает как частный случай конкретизации. Чтобы избежать этого, надо помнить, что речь идет об исследовании диалектически расчлененного, органического целого, и процесс исследования представляет соединение самых различных приемов. Здесь имеет место как конкретизация понятий о какой-либо стороне целого, так и выведение новых «сторон», новых качеств в структуре целого. Называть выведение конкретизацией только на том основании, что оно есть элемент в восхождении к конкретному, значит, нужно было бы все стороны восхождения называть конкретизацией. Это, на первый взгляд, невинная игра в терминологию может обернуться серьезной ошибкой. Тогда и перечисление сторон созерцаемого предмета по принципу «этот стол черный, деревянный, имеет ящик и т.д.» надо назвать конкретизацией, т.е. восхождением, и от последнего остается одно название.

■ Кроме того, если принять такую терминологию: называть все элементы восхождения конкретизацией, и затем перечислять виды его, то даже такая плоская манера изложения и понимание возможна лишь после выявления этих «видов». А как быть, если сами эти «виды» еще неизвестны или известны в такой поверхностной форме, что их даже не решаются смело зафиксировать как «виды»? Причем, тогда в число «видов» попадут процессы, прямо противоположные друг другу и порой по отдельности не дающие никакой конкретизации или даже наоборот. Выводя, например, какие-либо новые качества, мы этим еще ничуть не конкретизируем понятия о нем, ибо существование и отличие этого качества давно уже известно и зафиксировано в мысли. Здесь имеет место особым путем углубление к сущности явления. Не конкретизируется понятие о целом и на более глубоко понятой основе: конкретизация должна быть еще проделана на базе выведения. Выведение есть средство, безотносительно к конкретизации, которая в том или ином эмпирическом случае может и не производиться в зависимости от задачи. Так, выведение денег не конкретизирует понятия о деньгах, а вскрывает их специфику, и не конкретизирует понятия о товарном производстве в целом, ибо они были известны и до выведения. Новое, более конкретное понимание товарного производства, может быть лишь дано еще на основе выведения денег.

Хороша была бы конкретизация понятия о капитализме у Ленина, если бы он ограничился выведением нового качества — монополий, которое заметно и без выведения и о котором знал не только Ленин. Выведя монополии, Ленин лишь на одной основе конкретизировал понятие о капитализме, рассмотрев дифференциацию законов капитала на базе монополий, рассмотрев вытекающие из нового качества особенности и рассмотрев взаимодействие массы отдельных монополий, «диких» и монополий, отдельных капиталистических стран между собой. Выведение, т.е. раскрытие специфики нового элемента в структуре капиталистического организма, дало ключ к пониманию капитализма и эпоху Ленина и взаимоотношения отдельных капиталистических организмов. Но это — лишь ключ, а еще не само действие посредством этого ключа.

Выделение выведения и качества особого процесса — абстракция, но необходимая. Без нее научный анализ восхождения невозможно.

Далее, при конкретизации, на каком бы этапе восхождения она не имела места, предмет берется всегда в данный момент, как он сложился к моменту рассмотрения, или отвлеченно от того, какие качественно новые элементы возникают в структуре предмета, или отвлеченно от других элементов. Например, конкретизация при рассмотрении закона стоимости постоянно имеет дело с этим законом, она лишь учитывает модификацию формы его проявления в той или иной данной связи. Если даже конкретизация учитывает влияние явлений, представляющих продукт развития предмета (т.е. исторически возникших новых элементов в структуре данного предмета), она так или иначе рассматривает модификацию закона в данной точке в данной связи. Само влияние и связи берутся ею как факт, они даются другими процессами. Ее задача — проследить их влияние на рассматриваемый предмет. Т.е. продукт конкретизации — рассмотрение того же явления в различных связях, взятых как факт. Так вообще товарное производство исследуется Марксом в чистом виде, конкретизация может учесть конкретные исторические условия и связи его возникновения и развития вплоть до индивидуальности. Так вообще весь рассмотренный в чистом виде капитал может быть конкретизирован таким же путем. Например, Ленин — «Развитие капитализма в России».

При выведении социальной задачей является объяснение возникновения и специфики какого-либо элемента в структуре предмета (например, денег). При этом происходит как раз отвлечение от тех обстоятельств, которые учитывает конкретизация, например, от отклонения меновой стоимости от стоимости и колебаний их, от конкретных условий процесса возникновения денег и их эмпирических форм. Деньги выводятся в чистом виде, и процесс выведения есть процесс их возникновения, отраженный в голове в чистом виде. Он может быть рассмотрен конкретно, как, например, в II главе «Капитала». Но при этом не исчезает специфичность самого хода выведения. Потому, как при выведении приходится отвлекаться от обстоятельств, учитываемых конкретизацией, так и при рассмотрении его надо отвлекаться от конкретизации.

Приведем еще пример для ясности. Чтобы выяснить возникновение торговой прибыли и специфику купеческого капитала, Маркс отвлекается от того, что часть обмена совершается непосредственно между самими промышленными капиталистами, что функции торгового капитала частично берет на себя

транспорт, — т.е. производит процесс изоляции. Конкретизация должна учесть эти обстоятельства. Выведение оставляет их в покое и идет по другой линии — ему важно объяснить торговую прибыль в ее специфичности. Конкретизация, если она хочет в данном случае сказать что-то новое, а не просто констатировать влияние указанных обстоятельств, т.е. именно как конкретизация, вступает в силу лишь после выведения.

Мы рассмотрели конкретизацию раньше выведения лишь потому, что она вступает в силу и до выведения, после раскрытия содержания предмета и в известной мере, как увидим далее, есть предпосылка выведения. Что она может быть проделана после выведения, абсолютно ничего не изменяет в ее общей природе.

Далее, выведение должно опираться на рассмотрение связей, ибо новый элемент может возникнуть только в связи предметов и никак иначе. Но и в этом отношении выведение отличается от конкретизации и противоположно ей: оно отвлекается от тех связей, которые берет конкретизация, и берет те, от которых отвлекается последняя. Для выведения денег безразлично, что меновые стоимости колеблются в связях товаров. Тогда как для конкретизации безразлично переплетение актов обмена, т.е. связи структурные... Для выведения безразличны взаимные воздействия, для конкретизации — взаимная координация. Человек, изучая предмет, в явлениях имеет одновременное действие связей обоюдо рода. Познавая, человек должен производить абстракции — единый процесс восхождения раздваивается на противоположные процессы, в единстве дающие целое. Они неразрывно связаны внутренне, это — один процесс. Но различие шлещ единого процесса восхождения приводит к раздвоению **единого** и образованию различных процессов, которые внешне **могут** до такой степени выступать самостоятельно, что один **может** сдерживать в себе другой лишь в возможности. Отсюда создается впечатление, что это — просто различные виды, существующие наряду.

Действительный процесс познания необычайно сложен. В этом легко убедиться, если перейти к рассмотрению выведения с другой стороны — со стороны отношения его к другому, противоположному ему процессу — к процессу сведения.

Здесь противоположность процессов имеет другой аспект — аспект отношения восхождения к тем процессам, которые имели первоначальной задачей исследование самих явлений — или исследование предметов, как они проявляются внешне. Возникаю-

щие здесь противоречия переплетаются с теми, которые имеют место внутри собственно восхождения, так что первый взгляд на историю науки дает такую пеструю картину, что единственно, кажется, о нем и можно сказать, так это общие фразы об изменении, развитии и т.п. В разделе о противоречии мы, таким образом, дали крайне абстрактное и простое понимание как противоречия вообще, так и противоречия процесса отражения.

Мы сказали: сведение. Что это такое? В жизни предмета возникают качественно новые явления, которые внешне существуют самостоятельно и наряду с предшествующими и исходящими, находятся с ними и в отношении координации. Так, деньги существуют наряду с товаром, деньги, как капитал, наряду с деньгами, как средством обращения. Мы оставляем в стороне такой факт, что деньги как капитал, например, содержат в себе, включают в себя в «снятом» виде деньги, как средство обращения. Здесь важно то, что сказали перед этим.

Познание, впервые приступив к исследованию этих явлений, прежде всего фиксирует их в абстракциях. Дальнейшее познание при условии применения тех же средств сравнения ведет к тому, что в различных явлениях, выступающих для исследования наряду, выявляется уже внутри целого (данного круга исследования) общее. Когда исследователь затем при объяснении какого-либо явления указывает на другое, имеющее с первым общее, то этот процесс и есть сведение. Например, положение «деньги есть товар», является типичным результатом сведения.

Сведение не следует путать с выделением общего (сходного) при фиксирующем абстрагировании или фиксировании явлений в мысли. Результат фиксирующей абстракции — впервые фиксирование какого-либо явления в категории. При этом общее для данного круга предмета есть и отличительные для них. При сведении мышление имеет дело уже с отвлеченными явлениями, с их отличием. Например, товар и деньги уже известны. Здесь исследователь в одном явлении аналитически обнаруживает другое или другое рассматривает как первое. Например, деньги тоже товар.

Сведение, далее, не означает указание рода. При абстрагировании какого-либо явления впервые род, т.е. круг предметов, внутри которых данный отличается от других, может вообще не иметь никакого отношения к исследуемому целому. Так, родом денег при их первом фиксировании может быть род того денежного материала, который наблюдается.

■ Сведение выявляет общее для существующих⁹³ наряду явлений, но таких, из которых оно представляет продукт развития другого⁹⁴. Если исследователь не владеет диалектикой, для него это — просто выявление общего, которое отличается от фиксирующей абстракции лишь сознательностью.

Сведение играет огромную роль в исследовании, для выведения оно — абсолютная необходимость. Но рассмотрим роль его пока самостоятельно.

В I главе мы поставили вопрос: откуда берутся те простейшие определения, с которых начинается восхождение? Берутся у предшественников? Но это дела не меняет: откуда их взяли предшественники? Единственно правильный ответ — признание в восхождении его другой стороны — пути от конкретного к абстрактному, т.е. признание противоречивости процесса. В том числе признание роли сведения. Это подтверждается в истории науки. Вряд ли кто будет отрицать великое историческое значение сведения прибыли и стоимости, форм прибавочной стоимости — к прибыли и прибавочной стоимости вообще. От необходимости проделать этот путь не избавляет и тот факт, если мы прочитаем у Маркса, что правильным в научном отношении является противоположный путь. Знание и умелое применение восхождения, выведения — в том числе, ведет лишь к тому, что характер и роль противоположного пути изменяется, становится стороной восхождения. Но, повторяем, этот путь необходим. Иначе человек будет восходить не со знанием дела, а случайно: брать первые попавшиеся под руку абстракции и проделывать массу попыток, которые лишь случайно могут привести к цели.

Путь этот исторический факт и историческая необходимость в истории науки. Признание его как стороны восхождения равносильно признанию материализма: познание начинается с наблюдения эмпирических фактов. Отрицание его равно идеализму и схоластике, заменяющим конкретное исследование чисто умозрительными схемами.

Ошибка Гегеля заключалась в том, что он недооценивал путей, противоположных основным процессам восхождения, т.е. рассматривал восхождение односторонне. В результате специфические законы самого процесса диалектического мышления

Маркс К. К критике... С. 20.

⁹³ Свести, например, формы капитала к капиталу вообще — не значит указать их общее (ΔΔ), а значит рассмотреть промышленный капитал (производство m отвлечено от распадаения ee).

у Гегеля исчезали, их место заняло в основном определение категорий и мучительное вытягивание одной категории из другой, а если они частично и были угаданы, то перепутались с общими законами диалектики с диалектикой суждений, умозаключений и других форм логики.

Сведение и выведение, как всякие противоположности, только во внутреннем единстве являются приемами действительно-го познания. Если сведение не дополняется выводением и наоборот, они утрачивают свои качества таковых, и сведение превращается в метафизическое отрицание развития, а выведение — в схоластическую спекуляцию, в которой из абстрактного рода по-гегелевски выводится чисто умозрительно вид. Примеры этого мы приводили.

Но как всякие противоположности, сведение и выведение внешне могут обособляться до такой степени, что целый период науки может характеризоваться одной стороной (например, в домарксовской классической политэкономии). Если при этом не знают диалектики, то неизбежна абсолютизация одной стороны познания и как следствие — метафизика.

Сведение — необходимость для диалектического мышления. Так, невозможно вывести деньги, не зная того, что деньги — товар, т.е. без сведения.

Другое дело, если исследователь ограничивается сведением, в таком случае сведение как специфическая сторона раскрытия развития исчезает, и к развитию применяются обычные приемы выявления общего (по крайней мере, так осознается сведение).

Надо сказать, что часто метафизику представляют очень упрощенно: мол, отрицает метафизик развитие, и все тут. Что было в истории науки такие, это факт. Но речь идет о добросовестных исследованиях, у которых метафизика является не только их мировоззрением, но и следствием способов исследования. Более того, даже такие плоские экономисты, как Д.С.Милль, считали, что деньги возникают; Адам Смит считал, что капитал возникает и т.д. Метафизика их не в этом проявляется, а в том, что они не могут раскрыть развитие в их приемах исследования. Метафизика их в том, что сведя деньги к товару, не могли вывести их специфики, свели формы прибавочной стоимости к прибыли и к прибавочному труду, но не могли развить их. Исследователь с необходимостью приходит к метафизике, если не владеет выводением и, значит, не осознает самого сведения. От этого не спасет и то, что ему прекрасно известно отличие сводимого

явления от того, к которому он сводит его. Так можно свести процент к прибыли и знать его отличие, но это ничуть не говорит о том, что понята специфика процента. Наиболее интересным здесь является то, что известное из внешних наблюдений явление при ограничении сведением в рациональном объяснении исчезает. Пример этому мы приводили в первой главе (понимание прибыли у Рикардо; точно также у него обстоит дело с рентой).

Если не проводить различия выведения и конкретизации, то (в связи со сведением) неизбежна путаница. Тогда, например, различные формы капитала надо будет не выводить в их специфике, а просто рассмотреть их как модификации капитала вообще в связи с их особым употреблением. Любой вульгарный экономист с радостью подписался бы под этим.

Сравним теперь сведение с изоляцией. Вторая есть отвлечение от всех связей предмета, влияющих на форму его проявления. Первое означает выделение свойств одного в другом, представляющем его развитие. Это — совершенно различные процессы, представляющие стороны различных процессов — выведения и конкретизации (в узком смысле ее). Например, сведение форм прибавочной стоимости к прибавочной стоимости вообще означает выявление в них общего (прирост стоимости) и исследование затем содержания его. Изоляция требует отвлечься от всех обстоятельств, не влияющих на содержание прибавочной стоимости, — от связи капиталов, от связи с общим товарным обращением и т.д. При этом изоляция и сведение взаимно проникают друг друга. Изоляция есть и отвлечение от различий форм прибавочной стоимости, т.е. сведение, а сведение — изоляция от них. Вплоть до параграфа о конкретизации мы уже говорили, что при изоляции первоначально безразлично значение обстоятельств, от которых происходит отвлечение. Теперь обнаруживается, что изоляция неразрывно связана со сведением и внутри их взаимодействия происходит известная дифференциация, имеется различие. Оно становится реальностью лишь на основе различия выведения и конкретизации.

Так что действительные противоречия процесса познания представляют очень сложную картину. Мы изобразили самое главное, но и оно уже требует рассмотрения раздвоения познания по крайней мере в нескольких аспектах: конкретизация и сведение, конкретизация и изоляция, выведение и сведение, сведение и изоляция.

В дальнейшем мы будем рассматривать только сведение и выведение и преимущественно с точки зрения выведения.

Сведение и выведение не следует смешивать с индукцией и дедукцией. Можно, конечно, последние термины применить и к диалектическому мышлению с приставкой «особого рода» и с разговорами о их «единстве». Но это вносит путаницу примерно такого же рода, как оперирование биологической терминологией с любыми уточнениями в науке об обществе.

Прежде всего, под индукцией и дедукцией понимают определенные формы умозаключений, которые к сведению и выведению никакого отношения не имеют, хотя и могут входить в качестве составных элементов в той или иной процесс. Сведение и выведение — не умозаключения, а... сведение и выведение. Это — своеобразные формы абстрактного анатомирования предмета, внутри которых имеют место умозаключения, но специфику образуют именно сами эти абстракции.

Что это ни дедукция, ни индукция в смысле умозаключений, доказать легко. Во-первых, здесь нет причинной зависимости, значит имеют место совсем другого рода процессы. Если мы имеем товар, то из этого еще не следует, что есть деньги. Здесь так: есть товар, есть деньги, надо раскрыть механизм их возникновения и специфику. Поскольку умозаключение приобрело прочность предрассудка, то исследователя так и тянет что-либо подобное примыслить и в отношении процессов диалектического мышления. Но — увы, это качественно новые процессы, абсолютно не сводимые к умозаключениям. Во-вторых, сведя например, торговую прибыль к промышленной, мы не имеем, однако, права о первой сказать все, что можем сказать о второй, как в дедукции. Дедукция есть подведение под общее, а не выведение специфического. Еще резче это видно в отношении процента и ренты. А самое главное, что здесь ничего не надо обобщать и идти к частным случаям. К частным случаям путь лежит через конкретизацию, а в отношении обобщения ясно: здесь исследование движется внутри одного и того же общего и уже общего.

Индукция и дедукция понимаются в более широком смысле: индукция — как наблюдение эмпирических фактов и фиксирование их в мысли, а дедукция — абстрактное, логическое мышление вообще. В этом смысле индукция и дедукция у Маркса совпадают: логический процесс имеет целью исследование эмпирического материала. Но если понятие «индукция и дедук

ция» имеют такое расплывчатое содержание, и если мы прекрасно можем без них обойтись при характеристике диалектического мышления, так стоит ли их за уши тянуть к ответу и придумывать им какое-то новое содержание? Они сохраняют значение в мышлении диалектики, но они не характеризуют его как диалектическое.

Возьмите пример. Маркс берет всякий товар для анализа его меновой стоимости. Требуется ли здесь индуктивное обобщение? Здесь не требуется распространять свойство быть меновой стоимостью на все продукты. Здесь мысль идет так: раз продукт — товар, он имеет меновую стоимость, и наоборот, ибо быть меновой стоимостью равно быть товару. Это одно и то же с точки зрения самого понятия. Это свойство — меновая стоимость или продукт как обмениваемый — и подлежит исследованию. Здесь с самого начала результат исследования имеет общий характер, ибо общее-то и исследуется. В отношении дедукции мы уже неоднократно говорили: путь от общего к единичному здесь опосредован длительной конкретизацией.

Короче говоря, нас в данной работе не интересует, то, какие умозаключения применяются внутри тех или иных процессов и вне их. Нам важно то, какие противоречия обуславливают сами эти процессы, каковы их начальные и конечные пункты, каков их ход, не зависящий ни от числа, ни от форм умозаключений, и в чем характер нового знания, даваемого ими. Короче говоря, надо в исследовании диалектического мышления оставаться в стороне все аналогии с формами формальной логики, и прежде всего с ними. Здесь такое словесное сходство вредит, главная иллюзии «тех же приемов».

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению вышесказанного, еще несколько замечаний.

Задача выведения — во-первых, объяснить закон возникновения какого-либо элемента или нового качества в структуре предмета. Исследование с **необходимостью** может вывести этот элемент, если он является результатом имманентного развития предмета или вытекает из имманентных законов предмета. Если какое-либо явление не вытекает из законов самого предмета и не представляет его собственный элемент, то исследование может лишь учесть это явление при конкретизации или объяснить его возникновение извне данного предмета, даже безотносительно к его исследованию. Во-вторых, вывести какой-либо элемент, это скорее предполагает, что элемент имеет общий характер,

без этого выведение его невозможно, ибо оно предполагает сведение. В-третьих, объяснить возникновение — не значит указать где впервые и при каких эмпирических условиях появился данный элемент, а значит объяснить закон возникновения, раз он возник, объяснить необходимую зависимость исторического процесса. В-четвертых, вскрыть закон возникновения — вскрыть закон существования, ибо закон имеет общий характер и имеет силу для воспроизведения данного элемента и в данный момент и всегда, раз он существует. В-пятых, раскрытие закона возникновения означает — раскрытие того, как рассматриваемый предмет в своем существовании порождает свой элемент. Это совпадает с раскрытием специфики элемента. Например, специфика купеческого капитала — это ставший функцией самостоятельного капитала функциональный отдел промышленного капитала, торговой прибыли — обособившаяся в форме прибыли самостоятельного капитала в силу особого разделения труда часть прибавочной стоимости. Вывести элемент — раскрыть его специфику, проявляющуюся в его отличии.

Из сказанного сравнительно легко можно дать схему выведения.

1. Зафиксирован элемент в его отличии, как особое явление, и элемент, к которому первый сводится, точно так же как особое явление наряду с первым и отличное от него. Вместе с тем отвлечен и зафиксирован их род, причем то свойство их, которое служит основой различения их друг от друга, является основой и рода. Процесс сведения заключается не в указании рода — это сделано — а в обнаружении зависимости понимания первого от понимания отличия второго относительно первого. В форме мысли это фиксируется так, что первый выступает как второй.

2. Противоположный процесс — выведение или объяснение первого элемента как продукта развития второго.

3. Исходный и конечный пункт — тот же элемент. Различие — в содержании знания о нем. Источник нового знания, очевидно, в исследовании содержания второго элемента — оно превращает обратный путь в выведение специфики первого элемента. Это исследование образует посредствующее звено процесса понимания элемента, раздваивая указанную зависимость понимания на сведение и выведение.

Перейдем к рассмотрению выведения.

Всякий процесс выведения имеет две стороны:

1) выведение самого элемента структуры органического целого (например, выведение денег);

2) выведение той формы, в какой проявляется содержание целого в связи с возникновением выводимого элемента (например, выведение цены). Эти две стороны неразрывно связаны. Например, вывести деньги — значит вывести форму цены. Но смешивать их ни в коем случае нельзя. Вторая сторона говорит о том же содержании в новой форме, первая — о специфическом содержании нового элемента. Далее мы увидим, что характер отношения этих сторон к исходному пункту выведения различен.

Процесс выведения осложняется массой других процессов. Во-первых, сам выведенный элемент подвергается исследованию в его специфике и относительной самостоятельности. Например, в купеческом капитале: его специфическая форма движения, относительная независимость от движения промышленного капитала, характер его постоянного и переменного капитала и т.д. Здесь имеют место все те процессы, которые имеют место в исходном пункте, только опосредованные, модифицированные процессом выведения. Например, вопрос об участии торгового рабочего в увеличении стоимости может быть понят лишь при условии выведения купеческого капитала.

Во-вторых, после выведения элемента исследуется влияние его на форму проявления законов, обнаруженных уже в исходном пункте (например, влияние торговой прибыли на уравнение нормы прибыли). Здесь имеет место конкретизация, которая точно также отличается от простой (где воздействующие влияния берутся как факт) тем, что опосредованна процессом выведения. Исследование этих процессов в их опосредовании выведением представляет интерес. Но рассмотрение их в данной работе сделало бы ее бесконечной.

В-третьих, после выведения элемента исследование должно рассмотреть изменение всего целого. Например, движение товара на базе денег принимает форму обращения: Т-Д-Т. Это в известном смысле есть конкретизация понятия о целом. Но при конкретизации исследуется модификация формы проявления (того же), здесь кроме того, исследуется новое — последствия возникновения данного элемента. Потому это особый процесс, который должен быть рассмотрен после выведения.

§ 5. Выведение

Рассмотрим основные виды и стороны выведения.

1. Простое выведение

Простейшее выведение имеет место при объяснении элемента органического целого, который для своего возникновения и существования не требует никаких иных условий, кроме возникновения и существования самого предмета, и который вытекает из имманентных законов последнего. Например, при объяснении денег.

Но сказанное превратится в бессмыслицу, если ограничиться им. Так деньги возникают не просто из товара, а из товара как переплетения массы товаров, массы актов обмена. Последнее же предполагает рост числа актов обмена и их регулярное повторение. Так что точнее будет сказать: простейшее выведение имеет дело с объяснением элемента, возникающего в результате роста числа и повторения однородных отношений, образующих целое, и переплетение их.

Поскольку исследование исходит из готовых результатов процесса развития — имеет элемент целого в наличии и исследует его — то указанное обстоятельство принимается как факт. С другой стороны, исследовав всякое отношение этого рода, исследование должно проследить, какие последствия для структуры целого вытекают из факта их координации, но, чтобы понять это последствие, они должны быть налицо и зафиксированы в мышлении.

Простое выведение, в свою очередь, бывает двух типов.

Чистое выведение — выведение элемента, возникающего при указанных условиях впервые. Рассмотрим его на примере выведения денег.

Что требуется, чтобы вывести деньги, т.е. объяснить закон их возникновения и специфику?

1. Факт существования денег уже должен быть зафиксирован в мышлении. Иначе нечего выводить. В случае научного предвидения посредством восхождения нужны так или иначе сведения о наличных тенденциях. Выражение «деньги логически вытекают из товара», следует понимать не в смысле выведения их чисто умозрительным путем, комбинируя известные истины, а в том смысле, что деньги с необходимостью вытекают из факта роста числа и переплетения товаров, и логический процесс лишь из этой необходимости черпает необходимость своего следования.

— Должны быть зафиксированы и функции денег: деньги — средство выражения, по крайней мере измерения стоимости товаров (до Маркса экономисты четко эти функции не различали). Т.е. должно быть зафиксировано то отношение, в котором деньги выступают как деньги: форма цены, Т-Д. Иначе фиксирование денег невозможно.

2. Деньги должны быть уже сведены к товару, или в ходе исследования сведение это должно быть проделано: деньги есть товар — вот резюме сведения. Но это же сведение предполагает, что зафиксировано и отличие денег от рядовых товаров. Уже простого наблюдения достаточно, чтобы увидеть привилегию денег, непосредственно обмениваться на другие товары, приобретаемые ценой невозможности их непосредственного потребления.

Если исследование ограничивается этим — становлением сходства и различия товара и денег, — то исследования нет: все это заключено в содержании понятий уже в процессе фиксирования товара и денег в мысли. Выделение общего здесь есть лишь краткое внешнее проявление действительно проделанного процесса сведения. Ведь различие и сходство товара здесь обнаруживается не просто в их сосуществовании наряду (это уже сделано в категориях), как, например, можно сравнивать виды животных между собою, а в их взаимоотношении: в «Т-Д». Т.е. здесь уже исследуется реальное отношение предметов и их различие в этом отношении, сводится к общему для обоих, а таким общим оказывается товар со всеми его свойствами.

Сведение — не просто указание того, что и деньги — обмениваемый предмет, а сведение их отличия в реальном отношении к товару, сведение их противоположности в отношении к товару и единству противоположностей, к тождеству различности в самом этом отношении.

Иначе говоря, отношение различного (Т-Д) сводится к отношению тождественного. Раз деньги сведены к товару, то и «Т-Д» сводится к формуле «Т-Т». Экономисты задолго до Маркса это осуществили (еще Аристотель).

Необходимо иметь в виду, что дело здесь вовсе не в том, что экономисты замечали случаи натурального обмена и вскрыли в фирме цены ее зародыш. Ни о каких зародышах у них и речи быть не могло:

1. Натуральный обмен, если он не развит, еще не обнаруживает себя как товарный обмен: он еще случаен, а если уж упрочился — традиционен. Если же он развит, то в силу зако-

нов товарного обмена он уже предполагает, по крайней мере, измерение стоимости товаров в каких-либо определенных товарах. А это — деньги и тенденции. Они-то как раз и подлежат объяснению.

2. Чтобы понять «Т-Т» как зародыш цены, необходим сознательный (или фактический) диалектический подход к делу. Сведение «Т-Д» к «Т-Т» есть именно сведение, обнаружение в «Т-Д» формы «Т-Т», и только. И ничего больше.

Диалектический подход не следует понимать упрощенно: мол достаточно посмотреть реальную историю, как все станет ясно, — сначала просто обменивали, затем — выработали деньги. Этот «историзм» ничего общего с диалектикой не имеет. Этот «историзм» дает возможность лишь зафиксировать последовательность различных явлений во времени, и только. За такой «историзм» еще задолго до Маркса ратовала так называемая «историческая школа», выступавшая против анатомирования предмета посредством абстракций. В дальнейшем под этим лозунгом вступали различные вульгарные экономисты против Рикардо, против его теории трудовой стоимости. Это — исторический, но эмпиризм, настаивающий лишь на описании последовательности явлений. Нельзя говорить об «историзме вообще», надо видеть различие в понимании истории тем или иным способом.

Что дает наблюдение эмпирической истории в отношении товара и денег? Пусть каким-либо путем зафиксирован обмен по формуле «Т-Т». Пусть фиксируется масса актов обмена. Пусть даже фиксируется, что один товар начинает играть роль всеобщего эквивалента для сознания выступающего в роли всеобщего мерилла стоимости. Но что может сказать наблюдатель? Только то, что он видит: раньше товары обменивались непосредственно, потом появились деньги («изобрели»). И как бы детально исследователь ни прослеживал эмпирическую историю, для него в каждом пункте и в целом сохраняет силу закон познания — необходимость от явления и формы углубиться к сущности и содержанию. Лишь после исследования Маркса кажется, что все дело лишь в «историческом подходе». Своеобразный логический процесс, необходимый при этом, исчезает из поля зрения.

Что исторический подход к предмету есть абсолютная необходимость в рассматриваемом случае, это очевидно. Речь здесь о другом: если исследователь имеет возможность наблюдать то, что он логически имеет как продукт сведения, как существую

щий и для созерцания раньше того, что должно быть выведено, это его счастье; если исследователь исходит из готового продукта истории и логические сводит его к предшествующей форме, он так или иначе должен подтвердить продукт сведения историей или наличными фактами; но от этого ничуть не изменяется необходимость логической обработки созерцаемых наличных фактов и истории. Необходимость сведения не исчезает; выведение должно быть проделано, и закон его абсолютно не изменяется, изменяется лишь форма его осознания.

Рассматриваемая сторона сведения имеет огромное значение в исследовании. Она позволяет при анатомировании уже ставшего предмета обнаружить в его сегодняшнем состоянии его историю вглубь и обнаружить эту историю, факты ее, под носом исследователя, который до сих пор не замечал или не понимал их значения.

После исследования содержания товара, Маркс восходит к форме стоимости: очевидно, простейшей формой проявления стоимости и разрешения внутреннего противоречия товара является отношение данного товара к другому, Т-Т. Эта очевидность, однако, абсолютно немыслима без сведения: именно форма цены впервые позволила зафиксировать характер товаров как стоимостей, именно она была исходным пунктом углубления в товар. Она должна быть выведена, потому исходным является товар в форме «Т-Т», — это означает что понимание ее зависит от понимания товара и истории возникновения денег, и лишь эта зависимость, т.е. закон понимания, и фиксируется в категории «выведение». Абсолютизировать какую-либо сторону противоречивого процесса понимания — значит ничего в нем не понять.

Итак, деньги есть товар, форма «Т-Д» есть форма «Т-Т» с той лишь разницей, что деньги в отличие от товара имеют силу непосредственной обмениваемости и способности измерять собою «ценность» других товаров. Исследованию подлежат именно деньги в этом их свойстве, т.е. в том их свойстве, в каком товар не есть деньги. Откуда такая способность денег? Свойство самого денежного материала, — от такого представления не возникла вся домарксовская политэкономия. Откуда они появились. Изобретены ради удобства, — по существу говорит вся домарксовская политэкономия. Т.е., сказать, что деньги возникли, еще не значит быть диалектиком. Объяснить возникновение денег — это не значит выяснить, где и когда они появились, в каком виде, а значит выяснить закон их возникновения, раз они существуют.

Какими путями диалектик Маркс решает эту задачу? Происхождение и специфика денег может быть понята лишь в том случае, если деньги рассматриваются в том отношении, в каком они проявляются как деньги, т.е. надо вывести форму цены. С другой стороны, раз исследование начато с товара, и деньги еще в теоретическом рассуждении фигурировать не могут, то надо еще вывести деньги, чтобы вывести цену. Эта противоречивая задача приводит к внешнему обособлению выведения и образованию особых процессов.

Формула выведения, напомним, в применении к деньгам такова: деньги — товар — деньги. Деньги исходный и конечный пункт исследования. Но понятие о них в исходном и конечном пункте различное. Возникает вопрос: в чем источник нового понятия о деньгах? Таким источником изменения понятия является исследование в посредствующем звене — исследование товара. Если исследование товара есть особый самостоятельный процесс, как мы его рассмотрели в исходном пункте, то в структуре выведения оно играет роль посредствующего звена, переходящего момента хода мысли.

Путь от денег к товару — сведение — мы уже рассмотрели. Ход исследования товара мы уже рассмотрели. Задача — как изменяется в связи с исследованием посредствующего звена обратный путь к деньгам. И лишь с этой т. зр. надо несколько слов сказать об исследовании товара.

Исследование товара вскрыло его двойственность; последняя, как показало исследование, проявляется в отношении двух товаров, в котором свойства каждого образуют полюсы отношения, поляризуются. Выведение и показывает, как различные свойства предмета внешне обособляются, как специфические свойства различных предметов. Это само собой предполагает наличие и связь массы однородных предметов.

В какой логической форме изображается этот реальный процесс или в какой форме совершается выведение? В форме перехода от «отдельного через особое ко всеобщему». У Маркса в выведении денег это имеет такой вид:

1.	$T-T$	— отдельная, простая или случайная форма стоимости
2.	$T-T^1$	
	$T-T^2$	— особая или развернутая форма стоимости
	$T-T^3$	
3.	T^1	— T всеобщая форма стоимости
	T^2	
	T^3	

дн. Всеобщим эквивалентом становится золото, серебро и т.п.

денежная
форма стоимости

Это логическая форма изображения исторического процесса, который привел к возникновению денег. Ее содержанием является исторический процесс. Но было бы крайне нелепо изображать самое форму как копию этого содержания. Это — форма. Распространенная т. зр., что дело здесь просто в том, что Маркс фиксирует этапы развития товарных отношений, крайне односторонняя и ошибочна.

Что товарные отношения возникли, что рост числа и упрощение актов обмена, что переплетение их есть дело истории, это факт. Но что такое «этап в развитии»? Если мы не хотим ограничиваться чисто хронологическим понятием этапа развития и чисто количественной стороной, то в понятие «этап развития» мы должны будем включить качественное отличие данного этапа от предшествующего. Товарные отношения с возникновением денег представляют действительно новый этап в развитии товарных отношений. Но тогда весь путь от товара к деньгам есть отражение одного этапа. Иначе вообще исчезнет понятие о «качественном скачке».

Другое дело — этапы движения мысли, изображающей этот один этап. Путать их ни в коем случае нельзя.

Очень легко можно показать это. Во-первых, является нелепостью мнение, что формула

$$\begin{aligned} T-T^1 \\ T-T^2 \\ T-T^3 \end{aligned}$$

отражает один этап, а формула

$$\begin{aligned} T^1-T \\ T^2-T \\ T^3-T \end{aligned}$$

другой. Первая формула с т. зр. ее содержания есть одновременно вторая: если данный товар обменивается на другие, то другие одновременно обмениваются на него. Представлять это в качестве этапов, значит утверждать, что на одном этапе данный товар обменивался на другие, а на втором — наоборот. Здесь действительно отражается развитие: посредством ряда формул Маркс изображает, как один какой-либо определенный товар становится всеобщим эквивалентом.

Во-вторых, нельзя смешивать ход мысли с тем, что посредством ее отражается, число этапов можно увеличивать до бесконечности. Например так:

1) 1) T-T	
2) T-T ¹ T-T ² T-T ³	Все это — в одной какой-либо среде товарных отношений: деньгами здесь становится скот.
3) T ¹ -T T ² -T T ³ -T	

2) Точно такая же картина — в другой сфере. Плюс к этому — взаимодействие их, в котором для нового целого из ряда эталонов выталкивается общий для данного целого.

На самом деле, формула перехода от «отдельного» через «особое» ко «всеобщему», представляя этапы мышления, отражают лишь один этап в развитии предмета — возникновение нового качества.

Факт роста числа, упрощения и переплетения актов обмена получает логическое выражение в особой абстрактной форме:

$$\begin{array}{ccc} T-T^1 & & T^1-T \\ T-T^2 & \text{и} & T^2-T \\ T-T^3 & & T^3-T \end{array} \quad \text{одновременно}^{95}$$

Тот факт, что один какой-либо товар начинает играть роль всеобщего эквивалента, и выводится из рассмотрения этого переплетения. Он фиксируется в формуле: «Т-Д», или «Т — всеобщий Т». Последовательность и связь этих формул отражает возникновение нового качества, т.е. возникновение нового этапа в развитии товарных отношений.

⁹⁵ Одновременно — не в смысле мгновения, т.е. отсутствия времени или полного отвлечения от него. Ведь и

$$\begin{array}{c} T-T^1 \\ T-T^2 \\ T-T^3 \end{array}$$

не совершаются по команде, а предполагают различные временные координаты, а не только одинаковые, — эмпирически одинаковые и различные. «Одновременность» означает, что факт наличия связи и переплетения отдельных отношений принимается именно как факт. Точно так же — принимается, что рост числа и переплетение их дело времени.

Только в единстве эти три этапа рассмотрения предмета (формулы в единстве) отражают процесс возникновения денег.

Маркс называет категории, фиксирующие процесс выведения, «единичным (отдельным), особым и всеобщим». Надо сказать, что здесь — лишь словесное сходство с соответствующими категориями формальной логики. Мы уже говорили о различии категорий «единичное» и «отдельное». Оно имеет полную силу и для данного случая. Здесь укажем отличие «особого» и «всеобщего» от «особого» и «общего» в формальной логике. — и не в смысле глубины их понимания, а в смысле различия фиксируемых ими процессов. Общее, выявленное путем сравнения, есть сходное, одинаковое в различных существующих наряду или в последовательности предметах. При этом безразлично, в каком отношении к друг другу находятся сравниваемые предметы. Особое — отличающее данные предметы от других, существующих наряду, и вместе с тем — общее этим предметам. Это — либо отличительное, либо общее, если оно берется изолированно. Лишь в процессе умозаключения, когда особое выступает в качестве посредствующего звена в суждении о предмете, оно становится особым (В-О-Е).

«Особое» и «всеобщее» у Маркса имеет совсем другой смысл.

Конечно, в их содержании есть момент, который позволил Марксу употребить эти термины. Особая форма стоимости: здесь товар выражает свою стоимость в различных, существующих наряду товарах; здесь эквивалентная форма особая, т.е. предполагает существование других наряду. Всеобщая форма: здесь абсолютно все товары имеют одинаковую, общую эквивалентную форму стоимости. Но это — лишь сторона. Особая форма стоимости отражает факт роста числа и переплетения товаров. Частично эту сторону отражает и всеобщая форма. Всеобщая форма отражает тот факт, что свойство всякого товара служить формой выражения стоимости стало специальной функцией товара особого рода, и всякий товар теперь имеет лишь одну возможность проявить свою стоимость — именно в этом товаре особого рода. Категории эти фиксируют этапы процесса выведения.

Употребление этих терминов Марксом частично навеяно гегелевской терминологией. Но не следует забывать, что Маркс неоднократно показывал поверхность аналогий в данном вопросе с силлогизмом.

Ошибочность смешения особого и общего в марксовском смысле с формально-логическим видна еще из следующего. И диалектик, выводя какой-либо элемент целого, должен выявить

качественное отличие его от исходного пункта. Это отличие, т.е. особое, есть продукт развития. Так что всеобщая форма стоимости включает в себя единичную, раз деньги — товар, то и отличается от нее. Это ее отличие и есть ее особенность. Так что движение от простой формы стоимости к денежной есть движение от общего к особому.

Говоря об особом, как результате развития, в смысле отличия его от общего, как исходного пункта развития, мы должны сделать оговорку. Деньги отличаются от рядовых товаров. Но являясь товаром, они утрачивают способность быть предметом потребления, как другие товары. В каком смысле особое включает общее, об этом дальше. Приведем здесь еще один пример, свидетельствующий о том, что речь идет о явлениях особого порядка, смешение которых с «общим» и «особым» формальной логики привело бы к ошибкам. Так, купеческий капитал есть продукт раздвоения промышленного. Однако на него нельзя переносить все свойства последнего как это имеет место в отношении «общего» и «особого» в формальной логике.

Повторяем, здесь имеет место отражение развития, т.е. выведение элемента целого и формы его проявления. Исходный пункт процесса — отдельное, конечный пункт — продукт роста числа и переплетения отдельных, новый элемент, посредствующее звено — изображение процесса роста числа, переплетения и раздвоения единого, в котором одно свойство всех отдельных становится особой функцией отдельных особого рода.

Закон перехода количественных изменений в качественные в отношении объяснения элементов структуры целого требует уточнения: новый элемент структуры целого предполагает рост числа, повторение и переплетение однородных отношений, образующих координированное целое, но сам элемент возникает как результат раздвоения целого, результат дифференциации.

Простейший случай возникновения нового элемента в структуре целого — раздвоение и внешнее обособление в различных предметах противоречивых сторон всякого отдельного предмета, находящегося в отношении.

Относительное выведение — такое, при котором выведенный элемент хотя и возникает из имманентных законов целого, однако в истории мог возникнуть раньше рассматриваемого целого и служить одним из условий возникновения целого. Например, отношение кредитора и должника с необходимостью возникает из самого товарного обращения, но оно возникает и из других

отношений. Купеческий капитал возникает в буржуазном обществе как его элемент, но он возникает до промышленного капитала и служит одним из условий возникновения последнего.

В таких случаях формула «логический процесс должен отражать исторический» в ее вульгарной трактовке: последовательность категорий есть отражение последовательности соответствующих явлений в истории, трещат по швам и обнаруживает свой поверхностный и односторонний характер, не спасает и положение о том, что отражение имеет «сокращенный характер». Так, если в истории купеческий капитал существует раньше промышленного, и первый уравнивает нормы прибылей, и в логическом рассмотрении участие торговой прибыли в этом уравнении может быть осуществлено лишь после выведения купеческого капитала из промышленного, но как бы сокращенно не изображали дело, как бы не очищались при этом от исторических случайностей, факт налицо: последовательность категорий не соответствует последовательности соответствующих им явлений во времени. Только с т.зр. гегелевского понимания логического тавто совпадение имеет абсолютный характер.

И все-таки в таких случаях имеет место полноценное выведение, т.е. отражение развития.

Как бы ни возникал тот или иной элемент исторически, попадая в сферу действия законов данного предмета, он ассимилируется им, выступает как его собственный элемент. И этот процесс «ассимиляции» есть развитие данного предмета, его собственное развитие.

Выведение и в этом случае сохраняет рассмотренные выше черты. Сделаем здесь несколько дополнений.

1. Здесь имеет место не раздвоение сторон и внешнее их обособление, что характерно для простого в его развитии. Здесь имеет место раздвоение **«частей» процесса движения предмета**, и функция, выполняемая им в данной части, становится особой функцией особого предмета этого рода. Например, функции промышленного капитала как товарного капитала (в мире обращения) становятся функцией особых капиталов. Это раздвоение имеет место только при наличии множества капиталов и их взаимодействии, переплетении. При этом раздвоении внутреннее единство различных элементов сохраняет силу: без промышленного капитала производство прибавочной стоимости невозможно. Но элементы — промышленный и купеческий капитал — обособляются внешне как самостоятельные явления. До извест-

ной степени они могут функционировать независимо друг от друга: этот промышленный капитал может сбывать свои товары непосредственно другим промышленным капиталам без посредства торгового, может приобретать средства существования рабочих непосредственно на общем товарном рынке; этот купеческий капитал может покупать и продавать непосредственно на общем товарном рынке, и, однако, получать среднюю прибыль.

Выведение ставит задачей раскрыть внутреннее их единство. Здесь выведение имеет место уже в тех случаях, когда рассматривается дальнейшее развитие уже сложного, т.е. состоящего из различных элементов, целого.

2. На примере перехода от промышленного капитала к купеческому особенно ясно видно, что нет движения от общего к особому или наоборот в формально-логическом смысле: купеческий капитал не есть особый вид промышленного и не есть всеобщая форма его. Здесь имеет место движение внутри общего.

3. Характер выведения со стороны формы здесь отличается от чистого выведения.

Там главная задача — изображение переплетения отдельных предметов, что служит посредствующим звеном к новому, — ибо обособляются свойства. Здесь же обособляется целый функциональный отдел. Задача выведения — объяснить специфику элемента в том смысле, как данный элемент существует на основе законов предмета и как модифицируются последние в нем. Поэтому и ход выведения иной. Например, выведение купеческого капитала. Купеческий капитал и торговая прибыль — факт. Как она получается?

1. Сведение: торговая прибыль — часть промышленной.

2. Посредствующее звено: исследование прибыли вообще.

3. Выведение: раскрытие условий обособления купеческого капитала и изображение в абстракции его образования.

Пусть имеется промышленный капитал $720 с + 180 У$; m^1 100%; стоимость продукта = $720 с + 180 У + 180 m + 180$; $p^1 = 20\%$.

Пусть применяется купеческий капитал = 100. Весь капитал = 900 пром. капитал + 100 куп. капитал; процент купеческого = $100/1000 = 1/10$; следовательно, на его долю должна пасть прибыль = $180/10 = 18$.

Промышленный капитал продаст купцу товар по цене $720 + 180 + (180 - 18) = 1062$; купеческий капитал дает $P^1 = 18/1000 = 18\%$.

Конечно, это — крайне абстрактно: конкретизация должна учесть участие торговой прибыли в уравнении нормы прибыли и другие обстоятельства.

Указанные расчеты — не исчисление эмпирии, а способ абстрактного изображения, как торговая прибыль образуется и существует на базе промышленной.

Надо сказать, что и соответствующее данному выведению сведение есть отличное от того, какое имеет место при сведении денег к товару. Здесь торговая прибыль сводится к промышленной в том смысле, что выявляется как часть ее. Здесь отличие сведения от простого выведения сходного заметно еще яснее.

3. Процесс раздвоения единого совершается по самым различным направлениям одновременно. Например, промышленный капитал (точнее — прибавочная стоимость) раздваивается на промышленный и купеческий и одновременно и тот и другой — на собственный и ссудный (прибыль раздваивается на предпринимательский доход и процент). Выведение имеет задачей исследование того, как прибавочная стоимость распределяется между различными капиталами.

4. Здесь выведение объясняет виды однородных предметов. Это — следствие его.

2. Условное выведение

Условным выведением мы называем такое выведение, при котором выводимый элемент является результатом включения в сферу действия законов исследуемого предмета условий и явлений, не зависящих от данного предмета. Натолкнувшись в своем экстенсивном движении (распространении)⁹⁶ на условия, устранить которые данный предмет (по крайней мере в данное время) не в состоянии, он сам по себе испытывает их влияние таким образом, что в его структуре возникает особый элемент. Например, капитал в земледелии наталкивается на различие плодородия земель и их положений. Как следствие — дифференциальная рента.

Детально рассмотреть это выведение мы не имеем возможности, укажем лишь два момента.

1. Выведение это следует отличать от конкретизации, которая учитывает влияние на проявление законов предмета условий, не зависящих от предмета. Здесь имеет место конкретизация, поскольку рассматривается проявление законов предмета в

⁹⁶ Пространство опять-таки не эмпирическое «это», а всякое.

связи с существованием данного элемента. Но здесь имеет место полноценное выведение: элемент — сведение его к другому — выведение его, т.о. раскрытие закона возникновения и существования.

2. Условное выведение точно так же имеет два вида:

а) чистое — когда выводится элемент, возникающий в результате жизнедеятельности предмета и только его, например, дифференциальная рента;

б) относительное — выводимый элемент возник независимо от данного предмета и лишь преобразуется в его элемент, например, выведение абсолютной ренты.

При этом необходимо понять природу ассимилируемого явления безотносительно к данному целому. Но, в свою очередь, понимание явления в данном целом открывает путь к этому пониманию. Зависимость этого рода мы не рассматриваем.

3. Снятие

Выведение имеет две стороны: выведение самого элемента и той формы, в которой проявляется его специфика в отношении к предмету, к которому он сводится. Вторую сторону мы называем снятием, поскольку она отражает реальное снятие или сторону развития, заключающуюся в том, что новое есть тот же предмет, отличающийся от самого себя как исходного пункта. Новое состояние предмета включает в себя (сохраняет в себе) свой исходный пункт и по форме представляется возвращением назад, если не рассматривается движение предмета в целом на базе нового элемента.

Например, «Т-Д» и «Т-Т». Цена включает в себя «Т-Т» и по форме сходна с ней. Но она включает в себя процесс развития, который в его исторических перипетиях исчез в результате — в деньгах, но который имеется в наличии, раз это развитие было переплетением и ростом товарных отношений.

В простом чистом выведении снятие совпадает с выведением в его первой функции, точнее — они внешне не различаются. Различие тотчас становится заметным, когда выводимый элемент рассматривается как новое отношение. Например, купеческий капитал — сложное отношение. Выведение его — объяснение условий обособления функционального отдела промышленного капитала в самостоятельный капитал и объяснение торговой прибыли. Снятие же есть рассмотрение капиталистического организма на этой основе — т.е. взаимоотношения промышленного и купеческого капитала в уже обособленном виде.

Но как только наступает различие этих сторон, снятие превращается в особый процесс восхождения, который мы кратко рассмотрим в следующем параграфе. В этой особенности снятия, если его взять по отношению к случаю простого чистого выведения, отличается от снятия как стороны просто выведения. Например, «Т-Д» снимает в себе «Т-Т», с другой стороны, «Т-Д-Т» точно также снимает в себе «Т-Т»; но здесь уже рассматривается новое отношение в его особенности сравнительно с «Т-Т», а это — начало нового процесса восхождения.

При снятии имеет место «возвращение назад» в процессе рассмотрения предмета. Так, выведя деньги, Маркс рассматривает как теперь проявляется стоимость товаров. Эту сторону дела Гегель, отождествив процесс мышления с развитием предмета, принял за реальный возврат назад.

В связи с выведением возникает вопрос об общем и особом в том смысле, что особое есть отличие как самого себя на предшествующем этапе развития. Здесь имеет место не «новое применение» приемов формальной логики, а лишь словесное сходство с ее категориями. Что это так, доказывает следующее. Деньги, например, — особое по отношению к товару. Но деньги не включают в себя всех свойств товара, т.е. все, что говорится о товаре, можно сказать о деньгах. Так, деньги лишаются полезности в том смысле, как товары. Их полезность — служить мерой стоимости. Еще резче — в отношении купеческого капитала: он не включает в себя всех свойств промышленного (не производит прибавочной стоимости).

Дело здесь в том, что речь идет не о сходных и различных признаках, а о развитии, в котором одно явление, происходя из другого, несет в себе свойства источника, но несет их так, что выступает как противоположность (в известных условиях) его. Отсюда — внешняя дифференциация свойств.

Точно так же в отношении «Т-Т» и «Т-Д» (снятия вообще). На базе денег товары утрачивают способность непосредственной обмениваемости.

Так что употребление категорий «общее» и «особое» в рассматриваемом случае есть лишь следствие неизученности форм восхождения и отсутствия особой терминологии.

4. Сложное выведение

Сложное выведение имеет место в тех случаях, когда новый элемент в структуре целого является следствием взаимодействия различных элементов, результат действия его внутренних моментов в массе внутренних связей. Здесь возникновение ново-

го элемента ведет к раздвоению целого как следствие возникновения его. Примером может служить возникновение монополий.

Процесс восхождения здесь предполагает всю совокупность рассмотренных процессов, плюс дополнительные — все приемы имеющие место при рассмотрении взаимодействия уже понятых в своей специфике явлений. Мы очень кратко затронем эти приемы дальше.

5. Логическое и историческое

Как обстоит дело с принципом соответствия логической последовательности исторической? Мы считаем, что соответствие это имеет место, но не следует его вульгаризировать.

Что логический процесс в целом есть отражение исторического развития предмета во времени, это факт. Но когда последовательность явлений во времени берется в качестве принципа логической последовательности, это ложно. Если бы история в ее внутренних законах была непосредственно заметна, тогда иное дело. Тогда не требовалось бы особого восхождения, никакой гибкости ума. Но познание начинается с созерцания предмета и его истории, и при игнорировании специфики логического процесса указанный принцип превращается в свою противоположность — внешнее описание случайно замеченной последовательности.

Маркс вполне отчетливо выразил, насколько этот принцип может быть принципом исследования: 1) совпадает последовательность категорий с последовательностью появления соответствующих им явлений? Когда так, отвечает Маркс: если совпадает, то... совпадает⁹⁷; 2) Маркс приводит массу случаев (в «Капитале»), когда логический ход даже противоположен историческому: купеческий и ростовщический капитал, рента, монополии и т.д. в истории появления и в ходе восхождения.

Остаивание принципа «соответствия» в указанной вульгарной форме практически ведет к отрицанию этого соответствия, когда мышление сталкивается с фактами противоположного порядка. Мы показали выше, что рассмотрение купеческого капитала после промышленного есть отражение развития самого промышленного капитала, хотя первый и имеет свою предысторию до второго. С т.зр. вульгарного «совпадения» здесь имеет место исключение не общего правила, если бы оно было provedено последовательно.

⁹⁷ Маркс К. К критике... С. 215.

Далее, с т. зр. вульгарного «совпадения» неизбежны такие нелепости: деньги должны выступать как этап в развитии товара, а не **товарно-денежные отношения**: аналогично в отношении всех случаев выведения. Это неизбежно, ибо категория фиксирует ту или иную сторону развития, само же развитие схватывается в их связи, системе.

Особенно туго данной т.зр. приходится, когда предмет одновременно развивается в разных «плоскостях» (купеческий капитал, ростовщический, рента). Здесь никакой последовательности элементов во времени нет для созерцания, но зависимость складывается, и уловить ее надо отнюдь не на основе «соответствия».

Даже тогда, когда логический процесс совпадает с историческим, принцип «соответствия» бессилён. Историю надо понять, а это предполагает все восхождение сначала. Например, в изучении первоначального накопления.

Тем более, процессы сведения, являясь необходимой стороной выведения (восхождения в функции выведения), порой идут путем противоположным реальной истории.

Но может быть в ходе восхождения имеются такие случаи, когда именно историческая последовательность развития предмета служит основой для процесса восхождения именно как принцип? Да, это имеет место в восхождении как одна из его сторон. Мы рассматриваем это как вид выведения, движущийся (как и всякое введение) на основе рассмотренных процессов восхождения или в связи с ними.

Возьмем такой пример: соотношение абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Абсолютная прибавочная стоимость относительна: предполагает развитие производительности рабочего до такой степени, чтобы необходимое рабочее время сократилось и создало возможность прибавочного. Относительная — абсолютна: она так или иначе есть продолжение рабочего дня сверх необходимого. Последовательность рассмотрения определяется именно исторической последовательностью развития капитала: 1) капитал берет труд, как он сложился; 2) изменение способов производства и увеличение производительной силы труда — следствие его существования. Но и здесь необходимы логические заключения: 1) должна быть понята, а не просто замечена, необходимость повышения производительности труда, что предполагает рассмотрение взаимодействия капиталов и борьбу классов (борьба за сокращение рабочего дня); 2) должна быть объяснена прибавочная стоимость, как таковая. Т.е. лишь в об-

шей связи восхождения, как одна его сторона, принцип «соответствия» играет роль как таковой, но и то как определяемый основными процессами восхождения. Какой рациональный смысл имеется в проблеме «историческое и логическое», мы рассмотрим в следующем параграфе.

Процессы выведения фиксируются постоянно в категориях, которые друг относительно друга образуют абстрактное и конкретное понятие о предмете. Опять-таки необходимо уточнение. Так, не просто категория «деньги» конкретно относительно категории «товар», а понятие о товарных отношениях с выведением денег конкретно предшествующего этапа восхождения (понятия о товарных отношениях).

§ 6. Историческое и логическое

Выражение «логическое и историческое» скрывает в себе различные теоретические вопросы.

1. Диалектическое мышление («логическое») отражает возникновение, изменение, развитие и условия гибели предмета — историю предмета («историческое»). Никакой проблемы здесь еще нет: это утверждение входит в самое определение диалектического мышления. Проблема начинается с вопроса: посредством каких приемов мышление раскрывает историю предмета, какова специфика того «логического», посредством которого отражается «историческое».

2. Поскольку специфические приемы диалектического мышления отрицаются, поскольку игнорируется специфика процесса отражения сравнительно с отражаемым и специфические законы мышления сводятся к общим законам вещей, как следствие этих ошибок возникает проблема соотношения последовательности категорий в ходе отражения предмета («логического») и последовательности возникновения отражаемых ими явлений («исторического»).

Одна только постановка такой проблемы есть симптом непонимания существа диалектического способа мышления. Совершенно бесспорно, что фиксирование последовательности возникновения служит цели исследования, но при чем тут порядок категорий? Одно из двух: последовательность явлений либо есть загадка для исследователя, и он должен проделать какие-то мыслительные операции для установления факта последователь-

ности, либо — исходный факт, условие исследования, учитывая которое исследователь делает выводы о связи следующих друг за другом явлений, о возникновении одного из другого и т.д.; и в обоих случаях порядок категорий для него абсолютно никакой проблемы не представляет.

А если уж эта проблема каким-то образом встала, то верное ее решение может быть только негативным: ложна сама ее постановка, решение же ее в смысле утверждения принципа «единства (читай: совпадения) логического и исторического» (последовательности категорий и соответствующих им явлений) еще более усугубляет ошибку.

Во-первых, этот принцип противоречит фактам научного мышления. Их мы уже приводили достаточно.

Во-вторых, даже с оговорками (вроде «очищения от случайностей») и с ограничениями (мол, в ряде случаев совпадение все-таки есть) он носит исключительно пассивный характер. Он выступает на сцену лишь после того, как работа по изучению предмета закончена без его участия; выступает для того, чтобы на массы категорий выбрать соответствующие ему.

Малейшая попытка строго определить условия его действия обнаруживает его нерабочий характер с очевидностью. Можно, например, точно сказать, что условие возникает раньше обусловленного, и сформулировать правило: категория, соответствующая первому, должна следовать раньше категории, соответствующей второму. Но какова польза этого правила? Речь ведь идет не о приведении в порядок категорий, а об исследовании предмета. В последнем же случае оказывается, что условие может быть понято как таковое лишь в связи с обусловленным, которое фактически и является исходным и конечным пунктом анализа. Кроме того, условие и обусловленное в жизни органического целого меняются местами, так что и фиксирующие их категории не появляются однажды в ходе мышления, а фигурируют в нем неоднократно, причем — первая оказывается второй и наоборот.

В-третьих, он вреден, так как претендует на роль принципа последовательности анализа предмета. В этой роли выглядит так: стороны предмета должны исследоваться в той последовательности, в какой они возникли исторически.

Исчерпывающая критика этого принципа в применении к политической экономии дана Марксом (во введении к «Критике политической экономии»). Цитировать и комментировать слова Мар-

кса нет необходимости: они общеизвестны и ясны. Мы считаем, что выводы Маркса имеют общий характер (общий для сходных условий исследования), потому сформулируем антитезис критикуемому принципу в общем виде: 1) последовательность рассмотрения различных явлений органического целого определяется не последовательностью их появления, а тем отношением, в каком они находятся в ставшем целом; 2) взаимоотношение сторон органического целого не дано непосредственному созерцанию, оно раскрывается посредством силы абстракции. Если же руководствоваться принципом последовательности появления его сторон, то:

а) ряд сторон останется непонятым (например, земельная рента, торговая прибыль и другие явления не поймешь раньше промышленного капитала, однако этот принцип настаивает на обратном):

б) сама последовательность сторон превращается в ряде случаев в неразрешимую загадку (например, что раньше возникло — процент или торговая прибыль?), хотя решение ее не имеет никакого значения;

в) возможна извращенная картина предмета, ибо взаимоотношение сторон в ставшем целом и его формировании может оказаться различным и даже противоположным.

3. «Логическое» имеет смысл «логического метода», «историческое» — «исторического метода». Здесь действительно можно говорить о единстве различного, здесь действительно есть очень важная проблема.

Пока восхождение рассматривается в самом абстрактном виде, разграничение исследуемого материала на «ставший предмет» и «историю предмета» бессмысленно: ставший предмет изменяется, развивается, совершает историю; история же — установление связей, воспроизводящихся в ставшем предмете. При более детальном анализе восхождения, однако, это различие оказывается существенным.

Сравним первую и вторую главы первого тома «Капитала». Оставим в стороне тот факт, что они — главы одного и того же произведения, что вторая есть конкретизация первой, что в обеих имеет место исторический взгляд на предмет. Возьмем их как самостоятельные исследования одного и того же предмета. Что прежде всего бросается в глаза, если отвлечься от общего? В первой главе предмет (товарные отношения) берется как дан

ный факт, и анализ его вскрывает специфические условия его существования. Во второй же главе прослеживается конкретно-исторический процесс, приведший к возникновению товара.

В познании могут быть еще более резкие различия. Например, биолог, исследующий живое вещество, не имеет перед собой эмпирической истории возникновения жизни на земле; он берет живое как факт, анализирует его строение, вскрывает необходимые для его существования условия. С другой стороны, может быть исследован процесс формирования жизни на земле, как он протекал исторически.

Наконец, учение о капитале, как оно дается Марксом, и учение о нем же, как оно дается в науке истории явно различаются в том же плане. Это различие фиксируется в понятиях «история предмета» и «теория предмета», «исторический метод» и «логический метод».

Надо сказать, что термины «исторический метод» и «логический метод» неудачны. Первый есть логический метод, т.е. метод мышления; второй — «исторический» в том смысле, что рассматривает предмет исторически. Неточно говорить и о двух методах. Можно говорить о различии двух сторон в одном и том же методе или о различных формах проявления одного и того же метода, обусловленных различием задач того или иного исследования. По крайней мере, это так в отношении восхождения.

Мы рассмотрим различие и связь «логического» и «исторического» (в этом смысле) в едином процессе познания, — различие и единство, образующие особую сторону восхождения.

Прежде всего определим точно понятие «ставший предмет» и «историю предмета» в их соотносительном различии. Когда мы говорим о ставшем предмете в отличие от его истории, то имеем в виду не указание хронологической границы, — история предмета есть всегда история ставшего предмета. Здесь есть важный вопрос: как данное целое завоевывает себе определенное место среди других, но к нашей задаче это не относится. Под ставшим предметом мы имеем в виду то целое, которое находится перед исследователем в данный момент; так как «данный момент» реально не есть мгновение, а промежуток времени, в который происходят изменения предмета, то «ставший предмет» будет означать абстрагирование в предмете повторяющегося воспроизводящегося в повторяющихся условиях. Например, «современное буржуазное общество» у Маркса — повторяющееся в буржуазном организме в ту эпоху. При этом повторяющемся

ся берется и процесс изменения. Так, модификация формы проявления закона стоимости Марксом берется как повторяющийся, воспроизводящийся и общий факт. «Ставший предмет», т.е. определенная абстракция, имеющая смысл лишь в определенных пределах.

Под «историей предмета» мы имеем в виду (только в данном случае, а не вообще) отвлечение в исследуемом предмете факта следования сторон, явлений предмета во времени. Например, развитие товарных отношений привело к возникновению денег и т.д. Иначе говоря, абстрагирование отличия одного состояния предмета от другого, предшествующего. Напоминаем, что речь идет не об определении «ставшего предмета» вообще и «истории предмета» вообще, а об определении их в отличии друг от друга. За этими пределами их различие теряет смысл. За этими пределами предмет есть история, история — история предмета, и встает вопрос о методе понимания предмета и его истории (в целом).

Поясним схематично. Пусть зафиксирована связь А-В. Она сложилась исторически и изменяется во времени. Но в рассматриваемом плане это не имеет значения. Важно, что связь А и В фиксируется как **одновременная**. Ставший предмет — в дополнение к сказанному уже — есть связи одновременные.

Но связь А и В может быть рассмотрена еще иначе:

1) фиксируется состояние предмета, где имеет место одна временная связь А-В (например, форма цены «Т-Д»);

2) фиксируется состояние предмета, когда один элемент связи отсутствовал, — было только А (например, непосредственный обмен); требуется раскрыть связь А и В во времени. Раскрытие этой связи есть раскрытие истории предмета — связи и последовательности (например, процесса возникновения денег)

Это — две стороны одного и того же процесса исследования. Но было бы крайне поверхностным трактовать связь этих сторон просто как соединение одновременной связи и временной последовательности. Дело обстоит гораздо сложнее.

Возьмем такой пример. Надо изучить в чистом виде товар В действительности он всегда в модифицированной и многообразной форме. Как осуществить изоляцию?

Если взять товар в ставшем буржуазном обществе, то он модифицирован капиталом (например, стоимость проявляется в форме цены производства). Если взять его в период до возникновения капитала, то законы его модифицированы отно-

шениями других формаций, местными различиями и т.д. Закон стоимости можно обнаружить только в буржуазном обществе, где товар — всеобщее отношение, но он проявляется в форме цен производства и рыночных цен; исключив рыночные цены, мы, однако, столкнемся с товаром в добуржуазной форме, где обнаружить закон стоимости невозможно (в силу влияния массы различных связей и отношений других формаций).

Но само затруднение, обнаруживая двустороннюю зависимость понимания, дает и средства его преодоления. Надо товар вынуть в условиях капитала, — этим мы отвлечемся от обстоятельств, содлавших его преходящую форму до капитализма. Но этого мало, надо рассмотреть его до капитала, учтя первое отвлечение, — этим мы отвлекаемся от влияния капитала на товар.

Схематично:

1) А в связи с В

надо А, вычлененное в связи с В, рассмотреть в состоянии до В, причем — в тех качествах, какие обнаруживаются в связи с В.

2) А до В

Единство этих абстракций и есть единство «логического» и «исторического» в рассматриваемом смысле (терминология явно неудовлетворительна. Это — определенная связь, зависимость мышления).

Как единство этих абстракций реализуется в эксперименте, в случае возможности наблюдения эмпирической истории в гипотетическом распределении, — это мы рассматривать не будем. Это — дело специального большого исследования. Точно так же оставляем без внимания эту сторону дела в отношении различных сторон восхождения. В том виде, как мы рассматриваем восхождение, эти стороны слиты, их единство (связь) предполагается. Так, при выведении денег необходимо сведение денег к товару и исследование последнего безотносительно к деньгам, т.е. надо мыслью перенестись в такое состояние товарных отношений, когда денег не было.

В зависимости от различных условий исследования рассматриваемая зависимость может выступить в различной форме:

1) имея перед собой факт последовательности событий, надо вскрыть их внутреннюю связь, — на этой основе развивается исторический метод;

2) имея перед собой факт одновременной связи явлений, надо вскрыть их связь во времени, — на этой основе развивается логический метод».

Характеристика различия и связи этих методов выводит уже за рамки исследования восхождения в общей форме и даже за рамки восхождения вообще.

Обособление названных «методов» не является абсолютным. Абсолютное обособление означает полный отказ от диалектического исследования, когда последовательность явлений просто фиксируется без раскрытия их связи, а анализ одновременных связей сводится к внешнему их описанию.

4. «Логическое» в сопоставлении с «историческим» имеет смысл различия изображения предмета в форме теории его в истории науки о нем. Этот вопрос важен, но рассматривать его в данном пункте не имеет смысла.

В истории науки «логическое» противопоставлялось «историческому» в смысле противопоставления рационального эмпирическому. Порой под именем «логического» выступал диалектический метод и т.д. и т.п. Так что в выражении «логическое и историческое» смыслов много, но смысла мало. То, что скрывается в нем рационального, требует иной четкой терминологии.

§ 7. Восхождение от простого к сложному. Промежуточные звенья

Выше мы говорили о конкретизации на основе выведения. Она идет по следующим направлениям: 1) рассмотрение формы проявления законов в связи с воздействием на них выведенного элемента (например, влияние торговой прибыли на форму прибыли; 2) выведенный элемент сам исследуется в своей специфике путем восхождения; 3) сам процесс возникновения рассматривается путем восхождения (например, процесс возникновения денег в его исторической форме). Мы отметили также, что восхождение идет еще по линии рассмотрения того, как изменилась форма движения всякого отдельного в связи с возникновением нового элемента, координация элементов и вытекающих отсюда последствий. Или: как предмет может быть понят, раз понят данный элемент. Например, после выведения денег Маркс рассматривает обращение товаров и те отношения, которые здесь возникают.

Так как возникновение нового элемента есть усложнение структуры целого, мы эту сторону восхождения будем называть восхождением от простого к сложному или усложнением. Так, переход от «Т-Т» к «Т-Д-Т» есть усложнение.

Отличие усложнения от конкретизации в том, что вторая есть усложнение (в известном смысле) понятия, но не понятие об усложнении предмета. От выведения — здесь элемент предполагается понятием, и рассматривается предмет в его движении (строении) на этой основе.

Отличие усложнения от конкретизации особенно заметно в следующем: конкретизация рассматривает предмет всегда в данный момент, усложнение — обязательно развитие предмета. Это очень важно: развитие не просто появление нового элемента, а тот же предмет, в связи с этим. Это важно и с точки зрения понимания восхождения: если в восхождении видеть лишь восхождение от простого к сложному, то можно смешать развитие понятия вообще с отражением развития предмета в понятии.

По отношению к усложнению выведение есть средство понять развитие. Как только оно сыграло роль и исследователь приступил к рассмотрению предмета, как развившегося, немедленно вступают в силу другие приемы. Например, выведя деньги, Маркс затем анализирует форму «Т-Д-Т». И лишь в совокупности действия различных процессов, из которых каждый не есть копия развития предмета, получается копия развития.

Но если в усложнении заметна необходимость субъективности процесса, здесь же лучше всего заметно и содержание его, как отражение развития. Так, даже в случаях кажущегося отступлении от историзма это можно показать. Совершенно безразлично, возник тот или иной купеческий капитал путем дифференциации промышленного или каким-либо иным путем, тот факт, что он начал плясать под дудочку промышленного есть развитие последнего. Так что ничего удивительного нет в том, что диалектик Маркс видит историю предмета там, где эмпирик не видит никакой истории или видит «отклонение» от нее и критикует «историзм» эмпирика в случаях очевиднейшей последовательности явлений во времени.

Усложнение, как мы его рассмотрели, лишь ставит задачу рассмотреть предмет при наличии данного элемента. Решение этой задачи принадлежит другим процессам. Например, рассмотрение «Т-Д-Т» после выведения денег предполагает раскрытие противоречивости условий разрыва актов обращения и рассмотрение процесса их единства (например, отношение, выражаемое функцией денег, как платежного средства). Если взять процесс в целом по отношению к явлениям, вырастающим в «Т-Д-Т», он принимает такую форму:

1. Реальные отношения платежей.
2. Исследование товара и выведение денег.
3. Анализ движения в форме «Т-Д-Т».
4. То же отношение, понятое путем расхождения.

Здесь включается новый момент — рассмотрение сложного. В собственной же функции особого процесса усложнение выступает в тех случаях, когда требуется объяснить предмет (отношение), требующий для своего возникновения условия, лежащие вне данного, и превращение сам его в свой элемент. Это имеет место, в частности, при переходе от клеточки к тому целому, где она есть клеточка. Например, переход от товара к капиталу. Капитал включает в себя товар, но требует для своего существования еще ряд условий, независящих от товара. Здесь совершается переход от одних условий предмета к другим. Но это не просто их перечисление посредством категорий, а сложный дифференцированный процесс.

В отличие от усложнения в первом смысле здесь выведение хотя и принимает участие (например, выведение денег необходимо для понимания капитала), однако объяснение возникновения предмета лежит вне компетенции выведения (капитал не выведешь из товара тем же путем, что и деньги, т.е. только из роста и переплетения актов обращения капитал не возникает).

В отличие от условного выведения здесь должно быть понято не то, как какой-либо предмет ассимилирует в себе другой (отношение ренты на основе капитала), а то, **что** само ассимилирует другие. Так, товарные отношения служат предпосылкой капитала, но сами они с его возникновением движутся на его основе.

Рассмотрим характер перехода от простого (клеточки) к сложному (целому) у Маркса. Предмет исследования Маркса — капитал, а начал он с товара; исследование товара — момент в исследовании капитала, а товар исследовался отвлеченно от его модификаций, как продукта капитала, в чистом виде, как самостоятельное явление. Почему Маркс начинает с товара, в чем смысл этой абстракции? В разделе о клеточке мы частично говорили об этом. Здесь рассмотрим со стороны характера перехода от товара к капиталу. В чем необходимость этого перехода? Можно ответить очень просто: товар исторически предшествует капиталу, капиталистическое производство есть высшая ступень в развитии товарного; логический процесс в своей последовательности и должен отражать эту историческую последовательность. Это действительно просто. Но это «*simta* } *simplicitas*».

Внешне, т.е. со стороны формы фиксирования категорий, переход Маркса от товара к капиталу представляется как переход от общего к особому: так как формальная логика не знает иных значений общего и особого, кроме рода и вида (род — общее ряду видов; вид — существующее наряду с другими видами, отличное от них, но имеющее с ними общее, род; переход от рода к виду означает присоединение к роду признака вида), то этот переход должен представляться как переход от рода к виду (или как ограничение понятия): товарное производство, поскольку оно имеет место в разных формациях, выступает как род; капиталистическое товарное — как вид. Некоторые категории по своему словесному строению усиливают эту зависимость. Так, «прибавочная стоимость», «стоимость» — род, «прибавочная» — вид. Некоторые определения, данные после исследования Маркса и с определенной целью, окончательно убедили ряд философов в том, что логика здесь «та же», лишь ее применение иное. Так, определение капиталистического производства как товарного, при котором в товар превращается рабочая сила, внешне выглядит вполне лояльной с правилами формальной логики.

Ряд фактов, однако, вызывает сомнение. Если допустить единственность приемов формальной логики, значит надо допустить и единственный способ выявления общих и особых признаков предмета — установление сходства и различия путем наглядного сравнения. Но увидеть этим путем превращение рабочей силы в товар!.. Можно заметить то, что рабочий нанимается (в отличие, например, от крестьянина). Экономисты и масса людей, не имеющих отношения к политэкономии, прекрасно это видели задолго до Маркса, но никому даже в голову не пришло, что рабочая сила есть товар. Правда, одному великому человеку пришло, да и то в форме нравственного негодования: рабочий как товар — это «экономический насморк». Но оставим пока это сомнение и обратимся к фактам простым и очевидным. Прибавляя к категории «стоимость» признак «прибавочная», мы в такой же мере раскрываем происхождение прибавочной стоимости, в какой раскрываем происхождение жизни при добавлении признака «живая» к категории «материя». Это — но-первых. Поставим вопрос далее, против которого не имеет права возражать ни один материалист: чему в предмете соответствуют те или иные категории и каково взаимоотношение отраженных ими явлений? Общее, как род, отражает сходное, одинокое в различных предметах, существующих наряду (в про-

странстве или во времени); особое, как вид отражает отличие данного предмет от других. Когда предмет воспроизводится в мысли в форме понятия, то указывается родовой признак (общее) и видовой (особое). Такое определение понятия есть итог сравнения, и ничего больше в себя не заключает. Каким бы путем оно исторически не возникло, — путем дифференциации внутри тождественного или расширения круга наблюдения, в котором данный предмет обнаруживается как особое, — закономерность не изменяется.

Совершенно очевидно, что этот способ отражения ничего не говорит о происхождении, связи, развитии предметов даже в том случае, когда сравниваются предметы во времени: так или иначе они для мышления выступают как существующие наряду. Например, определяя купеческий капитал как капитал, применяемый в торговле, мы абсолютно еще не имеем никакого понятия о связи различных форм капитала в пространстве и времени. Идет ли речь о формах, существующих сейчас капиталов или об истории, эффект вранения один: капитал общее, применение в торговле — особое, т.е. род и вид. Не говоря уже о тех случаях, когда определение коснется единичного случая: например, в выражении: «капитал Сидорова», «капитал» — общее, «Сидоров» — единичное, но капитал вообще не есть этап в развитии к капиталу Сидорова.

Посмотрим, как обстоит дело в этом отношении с товаром и капиталом. Товарные отношения имеют место в различных формациях в родовом обществе, рабовладельческом, феодальном, социалистическом. Но было бы крайне ошибочным считать их общим, признаком этих формаций. Можно сказать, что в Древней Греции были развиты товарные отношения, и это — черта ее; но товарные отношения не являются не только признаком, пусть самым второстепенным, рабовладельческой формации, но и вообще не являются никаким ее признаком. Иначе понятие формации бессмысленно. Товарные отношения не вытекают из имманентных законов ни одной формации, кроме буржуазной, или являются признаком только буржуазной формации.

С другой стороны, если товарные отношения — общее, то все формации, где имеют они место, есть разновидности товарных отношений. Но всякий знает, что это утверждение ошибочно.

Т.е. между товарными и капиталистическими отношениями нет отношения рода и вида, или отношения такого же типа как отношение «формации вообще» и «буржуазной формации», «ка

питализм вообще» и «капитализм во Франции», «капитал вообще» и «капитал Сидорова». Если здесь и возможно что-либо в этом роде, то только в таком смысле: «общество или страна с более или менее развитыми товарными отношениями» — «буржуазное общество или эта страна». Т.е. только в том случае, когда различные общества или страны рассматриваются наряду (в пространстве или во времени), и в ряде их обнаруживается общее свойство — наличие товарных отношений. Но в данном случае эти школьные упражнения не дают ничего, как говорится, «ни уму, ни сердцу». Ведь речь идет об отношении товара и капитала, стоимости и прибавочной стоимости. А что может быть очевиднее того, что капитал не есть вид товара, прибавочная стоимость не есть вид стоимости вообще.

Применить родо-видовые отношения к связи товара и капитала, это значит впасть в метафизику, только такого глупого свойства, в какую не впадала ни одна еще самая вульгарная и ошибочная экономическая теория до и после Маркса.

Но возьмем товарные отношения вообще и их же при капитализме, товар вообще и товар как продукт капитала. Есть ли здесь отношение рода и вида? Последнее предполагает силлогистическое распространение всего, что касается рода, на вид. Пытаясь поступить таким образом, экономисты сломали себе шею. Мы уже достаточно говорили об этом.

Далее, род не существует отдельно и независимо от вида. Товарные отношения существовали до капитала и после его гибели в ряде случаев, т.е. независимо от него.

С другой стороны, рассмотрение отношения товара и товара, как продукта капитала, товара и капитала вообще обнаруживает такие стороны, которые позволяют говорить о вторых как об особой форме первого: закон стоимости сохраняет силу и для капитала (рабочая сила есть действительно особого рода товар). Т.е. можно говорить об общем и особом в том смысле, как говорилось в предшествующем параграфе: особое — то новое, что отличает его от своего общего, предшествующего. В этом есть доля истины. Но это есть упрощение. Здесь опять-таки смешивается мысленный способ фиксирования предмета с самим предметом. Товарные отношения исторически возникли раньше капиталистических. Последние — отношения товарные. Естественно, они представляются как новый этап в развитии первых. Достаточно сослаться на слова Ленина о том, что в товаре заложены все противоречия капитала, чтобы эту сторону дела абсо-

лютизировать. Но ведь Ленин имел в виду товар в тех условиях, в каких он является уже продуктом капитала, или предполагал данными условия возникновения капитала, или исследование капитала, начатое с товара. А это не только упрощает, но как раз предполагает сложность решения восстановленной в начале параграфа проблемы.

На самом деле капитал не есть этап в развитии товара, т.е. не есть продукт имманентного развития товара. Что возникновение капитала есть результат исторического развития общества, товарных отношений в том числе, это факт. Но что капитал не вытекает из имманентных законов товара, это точно так же неопровержимый факт. Развитие товарных отношений есть необходимое условие возникновения и существования капитализма. Но это — условие не есть этап в развитии предмета, которого еще нет. Притом это условие не единственное. Чтобы возник капитал, требуются другие условия, от развития товарных отношений самих по себе не зависящие. Возникновение капитала есть возникновение новой формации, требующее ряд условий, в том числе товар.

Из развития товарных отношений с необходимостью вытекают деньги. Достаточно только их развитие для этого. Здесь мы имеем в исследовании переход типа, который мы рассмотрели выше. Так рассматривается механизм внутреннего развития. В рассматриваемом случае таким путем из товара капитал не выведешь (более того, не выведешь даже допотопных форм капитала: так, существование ростовщического капитала предполагает в большей мере экономические отношения данной формации).

Значит, чтобы совершить логический переход от товара к капиталу, необходимо выяснить те условия, которые нужны для превращения товарных отношений в капиталистические, для возникновения капитала. А это предполагает анализ ставшего капитала: надо выяснить что возникло, чтобы сказать о том, как оно возникло.

Проблема усложняется еще следующим:

1) Те законы, которые действуют для товара, сохраняют силу и для капитала. Но ведь это еще должно быть выяснено. Эмпирические факты как раз дают видимость их нарушения. Подойти с т.зр. развития, значит исследовать как модифицировались формы проявления закона товара. Для этого надо вскрыть то, что модифицировало форму проявления этих законов, т.е. требуются промежуточные звенья для того, чтобы от общего перейти

ти к тому, как оно изменилось, к особому, как продукту развития. Но это лишь одна сторона. Задача «Капитала» — не только исследование модификации формы проявления, но главное — исследование законов самого капитала.

2) Вопрос о том, почему все же Маркс начинает с товара, остается открытым. Ведь не начал же он с родовых отношений: они тоже исторически возникли раньше. Очевидно потому, что капиталистические отношения — товарные, производство капитала есть производство товара, т.е. отправный пункт исследования зависит прежде всего не от созерцания истории, а от наблюдения самого ставшего предмета.

Мы указали лишь главные стороны дела, говорящие о сложности вопроса. Сложность реального отношения требует, очевидно и сложности его понимания. И чтобы понять характер исследования в данном пункте, надо оставить в покое дефиниции.

Прежде всего как обстояло дело в истории науки? Два момента укажем:

1. Категория «капитал» была выработана задолго до того, как в теории был поставлен вопрос об историческом характере капитала. Просто капитал был наличным фактом и фиксировался в мысли тем же путем, как и всякое другое явление: путем выделения сходного в эмпирических капиталах (прирост денег) и отличительного для них (деньги, дающие прирост денег, в отличие от денег как средства обращения). Т.е. абстрагирование было произведено по всем правилам формальной логики и закреплено в категории (деньги — род, дающие прирост — вид) или определении.

Что деньги исторически появились раньше капитала и явились его условием, для человека, впервые вырабатывающего категорию, совершенно безразлично. Необходимость исторического подхода проникла в политэкономия совершенно иными путями. Экономисты знали о том, что капитал возник (например, см. у Смита), но они понятия не имели о том, что как таковой, он и должен быть исследован.

2. Необходимость исторического подхода дала о себе знать путем постановки ряда проблем и затруднений в понимании капитала. Меркантилисты еще вообще представляют капитал в виде суммы денег. Физиократы уже перешли к исследованию производства, но не в зависимости от его стоимостной формы, а в его вещественных элементах. Лишь у Смита и Рикардо отчетливо обнаруживается зависимость понимания капитала от по-

нимания товара, прибавочной стоимости — от стоимости. Так что «естественный» порядок рассмотрения здесь нащупывается длительным путем как зависимость в понимании существующего предмета.

Мы уже достаточно говорили об антиномиях и затруднениях, возникающих в политэкономии в силу отсутствия восхождения: прибыль возникает и в обращении и не в нем (проблема, ведущая к различению формы и содержания); закон стоимости и цены (ставится вопрос о законе и его проявлении в связях и развитии); наконец, если предположен эквивалентный обмен, то откуда прибыль в обмене между капиталистом и рабочим. В рассматриваемом нами моменте восхождения последняя проблема особенно важна.

О том, что прибавочная стоимость есть прибавочный труд, экономисты знали; трудность — объяснить прибавочную стоимость на основе законов товарного обмена. Ряд экономистов вынуждены допустить неэквивалентный обмен, Рикардо уходит от проблемы, объясняя различие прибылей в зависимости от различия производительности труда (сверхприбыль), а не прибыль вообще, и т.п. Нет необходимости детально разбирать историческую проблематику, так или иначе разбор ее привел бы к различным сторонам восхождения, уже нами рассмотренным. Главное ядро, от которого зависело решение всех трудных вопросов, — открытие Марксом факта превращения рабочей силы в товар.

Если предположить все условия данными: от обращения совершен переход к производству, капитал рассматривается исторически, как возникший, то все равно остается необходимость выяснить что из себя представляет это исторически возникшее явление. Что рабочий нанимается — видно всем. Что он не имеет средств труда — точно также. Да это и не ново. Купля-продажа «услуг» (найм прислуги, например) есть обмен денег за «труд», но это не есть капитал. Надо выяснить факт превращения рабочей силы в товар, что абсолютно недоступно созерцанию.

Процесс перехода от товара к капиталу представляет совокупность ряда процессов восхождения (углубление в товар, прохождение к меновой стоимости, выведение денег и т.п.). Процессы эти в совокупности есть элемент движения от внешней форм капитала (Д-Т-Д¹) к его содержанию. Это все ясно. Важно здесь другое: факт превращения рабочей силы в товар не может быть понят без анализа товара и различения живого и мертвого труда, стоимости и создающего ее труда. Именно эта зависи-

мость и делает переход от простого к сложному не просто формальным соображением, а способом понимания. Если (как мы указали в разделе о клеточке) понимание целого дает ключ к пониманию клеточки, то понимание клеточки есть необходимое условие понимания отношения, в котором клеточка есть клеточка.

Исходный пункт в исследовании капитала — форма Д-Т-Д¹. Чтобы ее понять, надо понять ее элементы — товар и деньги. Что нового присоединяется здесь?

«Д-Т-Д¹» отличается от «Т-Д-Т». На основе этого отличия и был капитал зафиксирован впервые. Так что встает задача объяснения этой измененной формы. Но эта форма из законов товара не вытекает. Очевидно, надо выяснить ее условия, лежащие вне законов товара. Эти условия и раскрываются путем движения к содержанию капитала.

Таким образом, условия и стороны капитала не перечисляются просто наряду, а привлекаются в определенной зависимости: 1) со стороны формы; 2) со стороны выяснения условий ее измененного вида, т.е. ее содержания.

Исследования акта Д-Р.С (рабочая сила), выражающего классовое отношение и скрывающего содержание капитала, представляет момент анализа самой формы капитала, как она обнаруживается после включения в нее в качестве момента процесса производства: Д-Т^{Р.С.} ...П... Т¹ и Д¹. Обмен между рабочим и капиталистом обнаруживается как внешняя форма отношения эксплуатации. Т.е. не поймешь капитал, если просто изучить найм рабочего капиталистом. Раскрытие содержания этого отношения предполагает рассмотрение товара и денег, фиксирование формы «Д-Т-Д¹», переход к производству. Лишь в этой связи в сложном обмене капиталиста и рабочего, внешне выступающий в форме обмена денег на услугу (труд, работу) может быть понят. Это еще одна сторона в усложнении, представляющем определенную зависимость понимания.

Наконец, последнее замечание. Клеточка — отдельное. И целое, в котором она является клеточкой, — отдельное отношение. Хотя рассмотрение связи отдельных и есть условие перехода от первой ко второму (например, выведение денег), однако усложнение есть переход от отдельного простого к отдельному сложному. Отсюда: сложное отношение может быть понято в его содержании лишь в том случае, если оно берется как целое. Так, достаточно оставить в стороне процесс обращения (Д-Т-Д¹) и взять

лишь найм рабочего, капитал понят быть не может, ибо содержательное отношение (действительный «обмен» рабочего и капиталиста — эксплуатация) проявляет себя как таковое лишь косвенно, опосредованно.

Поэтому сложное еще можно определить как опосредованное сравнительно с простым. В «Т-Т» люди приравнивают труд посредством обмена, но это не есть непосредственное в указанном смысле: обмен здесь непосредственный. Но «Т-Д-Т» есть уже опосредственное отношение — между полюсами отношения появляется промежуточное звено.

В сложном, которое предполагает еще условия, лежащие вне простого, отношение опосредствуется не только в указанном смысле, но еще и в том, что относящиеся стороны находятся во внешне независимых друг от друга отношениях (рабочий покупает товары на общем рынке, капиталист — тоже, и выступает в связи с другими капиталистами) и лишь в этих отношениях проявляется их действительное отношение между собой. Так что вскрыть в форме Д-Т-Д', как и в форме найма, взятых изолированно, отношение эксплуатации невозможно.

Промежуточные звенья, образующие относительно сложные отношения, не следует смешивать с промежуточными звеньями в зависимости процесса понимания, восхождения. Непосредственность и опосредствование здесь идут в ином аспекте. Рассмотрим на примере¹¹.

1. Непосредственный переход. В общих товарных отношениях наблюдается колебание цен. Закон стоимости говорит о затрате труда. Почему колеблется, изменяется цена, если стоимость та же? Очевидно изменилась стоимость денег и относительная стоимость отклонилась от прежней.

2. Опосредствованный переход. Если стоимость определяется трудом, стоимость товаров, создаваемых капиталом с большим процентом затрат на рабочих, должна быть выше. Этого, однако, нет. Причем это всеобщее явление. Чтобы объяснить необходимость отклонения цен от стоимости нужен ряд промежуточных звеньев, хотя полюсы мысленной зависимости даны непосредственно. Такими промежуточными звеньями является переход от простого к сложному (от клеточки к ее целому), рассмотрение взаимодействия сложных отношений. В данном случае — восхождение к капиталу, прибыли, средней прибыли и цене производства.

Здесь, как сторона, конкретизируется закон стоимости. Но выясняются новые законы, во-первых, и последовательность конкретизации зависит от перехода от простого к сложному и рассмотрения его.

Промежуточные звенья в процессе восхождения (а мы их называли постоянно, не подчеркивая, однако) представляют не средний термин силлогизма, а вычленение в предмете посредством различных приемов восхождения какого-либо явления, т.е. понятие о предмете с какой-либо стороны.

Это обстоятельство говорит о том, что термин «умозаключение» неприменим (во избежание путаницы) к восхождению. В умозаключении из данных суждений получается новое, раз суждения даны. Здесь же различные формы абстракции (т.е. вычленение в предмете соответствующих явлений) образуют возможность понимания предмета в последовательности.

Умозаключение, как и суждение, необходимы для восхождения. Но не ими оно характеризуется специфически. Здесь возникают новые суждения и умозаключения по содержанию, но новое с т.зр. форм здесь — различные формы абстракции и вырастающие на этой основе мысленные зависимости, общее название которых — восхождение. Следующий пример иллюстрирует сказанное. При движении к содержанию менового отношения Маркс совершает такое умозаключение: если предметы качественно сравнимы, значит в них должно быть нечто одинакового качества; товары количественно сравниваются; вывод очевиден. При выяснении труда, затраченного на товар, точно также имели место умозаключения. Но все это ничуть не устраняет той зависимости процесса понимания, что труд исследовался как создающий товар, а обмен — как проявление характера труда в данных условиях. Эта зависимость и есть тот главный стержень, который образует цельность данного мысленного образования, направление абстракций и умозаключений.

Мы наметили переход от простого к сложному в плане его предметного содержания, — как переход от простого отношения к сложному. Указали в общих чертах его роль и два основных случая: 1) переход от непосредственного отношения к опосредствованному и 2) от клеточки к основному (к отношению, на основе которого клеточка становится клеточкой).

Это — различные процессы. Рассмотрение их под одной рубрикой — недостаток, который можно преодолеть только при детальном их анализе. Мы не ограничимся лишь тем, что дополним сказанное в этом параграфе наглядно-схематическим изображением важных (на наш взгляд) моментов рассматриваемой стороны восхождения.

Непосредственное и опосредствованное отношения. Первое будем изображать формулой «а-а», второе — «а-в-а» (см. вторую главу).

Отношение «а-а» непосредственно лишь в сравнении с «а-в-а». Вне этой связи категории «непосредственно» и «опосредствованно» теряют смысл. Отношение «а-а», если его взять в целом как

$$\begin{array}{c} \text{а-а} \\ | \quad | \\ \text{в...в}, \end{array}$$

есть опосредствованное: «А-А» опосредствует «в...в». В свою очередь, «а-в-а» распадается на два самостоятельные отношения «а-в» и «в-а», единство которых проявляется в форме другого непосредственного отношения «К-Л». Нетрудно заметить, что в этом случае (вне их сравнения) «непосредственность» и «опосредствованность» имеют совершенно иной смысл — не смысл предметного содержания, а смысл хода познания одних и тех же отношений.

Отношение «а-в-а» есть отношение «а-а», опосредствованное «в». Поскольку «а-в» и «в-а» обособляются и внешне выступают как существующие просто наряду и друг за другом, «а-в-а» представляют связь двух отношений, — в этом смысле оно является сложным.

Вместе с тем, «а-в-а» есть новое отношение: оно распадается на «а-в» и «в-а», которые взаимно предполагают и исключают друг друга, тождественны и противоположны, обособляются в пространстве и времени, связь которых осуществляется в форме нового отношения «К-Л», отличного от «а-а» и «а-в» и «в-а».

Формула «а-в-а» отражает связь «а-в» и «в-а» в самой абстрактной форме. Восхождение здесь производит анализ «а-в-а» как единства противоположностей, условий его действия и формы проявления. Плюс к тому, с этой точки зрения открывается вид на массу сторон, свойств целого («а-а» и «К-Л») ⁹⁸.

⁹⁸ «а-в-а» понятие как, «а-а» — абстрактное, оно же понятие как «К-Л» — конкретное.

Важнейшее значение здесь имеет своеобразное тождество и различие отношений, реальное единство которых служит опорным пунктом в мысленном связывании различных отношений целого.

Непосредственное и опосредствованное отношение могут быть поняты лишь в зависимости друг от друга:

1. Фиксирование «а-в-а» в самом общем виде, т.е. отвлеченно от «в», служит условием фиксирования «а-а»; фиксирование «а-в» «в-а» служит условием анализа «а-а». И наоборот, только раскрытие диалектики «а-а» дает ключ к пониманию «а-в-а» как нового отношения.

2. Клеточка и основное отношение. Основное отношение может быть выражено в формуле «а-а», как и всякое отношение, но эта формула ничего не говорит об отличии его от прочих отношений целого. Основное отношение — ценностная система отношений, формула которых зависит от частного предмета. Общие же моменты следующие:

а) Поскольку исследуется развитие тех же отношений, поскольку фигурируют те же элементы отношений (прочие должны быть привлечены лишь в дальнейшем), то формула основного отношения должна представлять лишь измененную формулу уже рассмотренных (включая «в-а-в», — это и фактически так, и логически единственно возможный вариант); анализ измененной формулы (соответствующей формы) выявляет условия изменения, — и формула, естественно, будет уточнена. Формальная сторона, само собой разумеется, есть лишь следствие фактического развития предмета;

б) Основное отношение есть связь по крайней мере двух отношений; но связь, отлична от той, какая имеет место в опосредствованном отношении в сравнении с непосредственным; здесь предмет рассекается иначе.

Например, отношение капитала есть (в самой простой форме) отношение капиталиста и наемного рабочего (найм рабочего) и связь отношений обращения; первое есть сам элемент обращения, вместе с тем, второе есть средство реализации отношения эксплуатации, скрытого за наймом рабочего; анализ и того и другого ведет к содержанию капитала, но важно здесь отметить формальное отличие основного отношения. Оно как свои элементы предполагает ряд отношений;

в) Как зависит анализ клеточки от основного отношения, мы говорили во второй главе. Анализ же основного отношения предполагает анализ клеточки в ином уже плане: каждое отно-

шение, входящее в состав основного, функционирует по законам клеточки, но их единство обнаруживает явления, не укладывающиеся в их рамки; так что анализ клеточки необходим позитивно — как отражение основного отношения с одной стороны, и негативно — как постановка проблем. Кроме того, от анализа клеточки зависит направление анализа основного отношения; он заставляет искать ответа на вопросы не в общих моментах отношения, не в их комбинации и т.д., а в выяснении его специфического содержания.

Повторяем, 1 и 2 пункты представляют различные аспекты сечения целого мыслью. Так, основное отношение может выступить как непосредственное по отношению к дальнейшей дифференциации и развитию целого; вместе с тем, переход от 1 ко 2 есть отражение новой стороны развития. Рассматривать это мы не будем.

§ 8. Анализ и синтез

Переход от простого к сложному, если начать анализ его строения, ведет к тем основным сторонам восхождения, которые мы уже рассмотрели. Будучи взят в самой абстрактной форме, он сам служит цели регулирования хода восхождения: последовательности рассмотрения отношений и условий существования предмета.

Если сопоставить теперь простое и сложное отношение с т.зр. их понимания, то отличие второго от первого (отличие безотносительно к их структуре) для своего понимания требует расчленения сложного отношения, анализ его сторон и их единства. Например, отношение $D-T-D^1$ отличается от $T-T$ и $T-D-T$ не только структурно, но и как целое: оно дает прирост стоимости; чтобы понять это свойство отношения, надо его расчленить и выяснить единство сторон, расчлененного. Это — новый момент сравнительно с углублением к содержанию и движением к форме. При рассмотрении последних мы его предполагали данным. Так, постановка проблемы об источнике прибыли связана с таким расчленением: $D-T-D^1$ расчленяется на $D-T$ и $T-D^1$ и затем рассматривается их единство. Учет этого момента означает рассмотрение восхождения с новой стороны.

Начнем издалека. Одной из черт диалектического мышления является единство, соединение анализа и синтеза. Это общеизвестно. Но смысл фразы об этом «соединении» зачастую

остается попятным только произносящим ее, как и смысл фраз о единстве индукции и дедукции, логического и исторического. Что означает соединение анализа и синтеза; открытие наукой о мышлении их внутреннего единства в процессе мышления или соединение обособленных анализа и синтеза в каком-то более сложном исследовании? Раз говорится о их соединении, значит предполагается их разъединение; как оно происходит? Является ли это разъединение необходимостью самого процесса: отражения или оно означает лишь то, что наука о мышлении не в состоянии была вскрыть их действительную связь? Остановимся на этих вопросах лишь с целью определения категорий «анализа и синтеза» и выяснения места и характера соответствующих процессов в восхождении.

Анализ и синтез — мысленное расчленение целого на части и наоборот. Таково простейшее определение и, вместе с тем, определение простейшего анализа и синтеза. Вещи объективно состоят из частей или сами являются частями других. Расчленяя их на части и соединяя в целое практически, человек научается проделывать это мысленно. Расчленив предмет мысленно на части, человек должен дополнить анализ синтезом, иначе понятие о предмете будет «неполным». Если этого дополнения нет (этим страдают, конечно, метафизики), то есть разрыв анализа и синтеза. Чтобы разрыва не было, надо чтобы... не было разрыва (эта добродетель свойственна, разумеется, диалектикам). С другой стороны, метафизики в теории о мышлении разрывают и даже противопоставляют анализ и синтез, диалектики же видят их единство в процессе исследования. Таково по существу типичное понимание анализа и синтеза и их взаимоотношения.

Сказанное во многом — истина. Но опять-таки: метафизика только в теории о мышлении разрывает анализ и синтез или в конкретном исследовании; если только в учении об анализе и синтезе, значит их единство в исследовании не есть отличительная доблесть диалектического мышления; если и в конкретном исследовании, значит анализ без синтеза и наоборот — факт. Ответ такого сорта: разрывают в учении, а потому и в применении, удовлетворить не может, ибо фактически процесс мышления в своих законах ни от какой интерпретации их не зависит. Диалектики открывают единство анализа и синтеза во всяком процессе, где они имеют место. Но тогда зачем говорить о «соединении», раз оно всегда есть? Или диалектики соединяют обособленные анализ и синтез? Если так, то каковы условия «со-

единения» в самом ходе исследования, а не просто в благом пожелании? Эти противоречия и затруднения совершенно неразрешимы до тех пор, пока отрицаются специфические диалектическому мышлению формы, пока диалектика признается только как иное истолкование все тех же форм.

Далее. Если в анализе и синтезе увидеть лишь одну сторону: посредством их производится мысленное расчленение и соединение вещей, и не увидеть того, какими специфическими мысленными средствами производится анализирование и синтезирование, то в одну кучу сваливаются самые различные процессы: практические сборка и разборка, анализ и синтез в чувственном отражении, анализ и синтез в абстрактном мышлении и различные формы их внутри последнего. В итоге «могучее средство познания» превращается в расчленение и соединение вообще. Приставка «мысленное» остается явлением ничего незначащим, раз исчезает все специфическое, с ней связанное. Определение категорий «анализ и синтез» сводится к переводу иностранных слов.

Все эти явления — необходимое следствие метода подхода к процессам мышления, который мы критиковали фактически на протяжении всей работы, стремясь доказать, что формы мысли отражают предметы, некоторые философы объявляют эти формы образами предметов.

Один тот факт, что в понимании, например, анализа и синтеза приходится иметь дело с взаимодействием трех различных явлений: предмет, практическая или экспериментальная сборка и разборка его (вещественное действие) и отражение посредством абстракций (умственное действие) говорит о том, что материалист должен идти путем, прямо противоположным пути сведения форм мысли к вещам, а именно — путем выведения специфики процессов мышления, исходя из факта отражения ими вещей в практике человека.

Рассмотрим кратко отношение практической сборки и разборки вещей к объективному строению предмета. Пусть человек, при этом, фиксирует в мысли идеально точно расчленяемое целое и части.

Если начинать рассмотрение мышления с его действительного исторического начала, то наблюдается такой факт. Расчленяя убитых животных, дикарь (да и цивилизованный мясник) осуществляли это далеко не в соответствии с его естественным строением, а так, как это требовалось для его потребностей и как у него в связи с этим сложились навыки, целое и части он

фиксировал мысленно по их роли в его жизни, — по роли, абсолютно безразличной к роли и координации частей в организме животного. Создавая составное орудие или строя жилище, дикарь создавал целое, до того не существовавшее в природе, соединяя части, независимо от него не соединяющиеся в природе. «Подражание природе» (т.е. созерцательное отношение к ней) — требует уже высшего развития мышления, а не исходный пункт.

Короче говоря, не просто вещи, состоящие из частей, а деятельность человека по их расчленению и соединению в соответствии с его потребностями и навыками — вот что образует первое предметное содержание мыслей человека, вот где впервые вырабатываются простейшие понятия о части и целом (о составном и входящем в состав, о разлагаемом и продукте его разложения), вот где впервые вырабатывается способность мысленно отражать целое как состоящее из частей, но еще не анализ и синтез в собственном смысле слова.

Чтобы человек научился мысленно анализировать и синтезировать предметы так, как они сложены безотносительно к его деятельности, потребовались длительная история выработки теоретического отношения к вещам. Способность созерцания вещей — дело истории мышления, а не исходный пункт, если под созерцанием понимать не просто ощущение и восприятие, а отражение чувственно данного в форме абстракции.

Но при наличии теоретического отношения к вещам дело принципиально не меняется. Современные науки ставят задачей, практически расчленив и соединяя предметы в эксперименте, выявить естественное строение предмета. В ряде случаев удается, создавая особые условия, расчленив предмет на части и иметь их в более или менее чистом виде, соединять их точно также. Например, в химии. Однако любой химик знает, что это не устраняет самого процесса расчленения и соединения в смысле приемов, умения человека осуществить это. Любой экспериментатор считает важнейшим именно ход условий, обеспечивающих расчленение и соединение, а ведь они представляют продукт размышлений, зависят от ума человека.

Биолог, изучающий строение тканей организма по срезу в них, геолог, изучающий строение норм земли, изучает строение организма, коры земли так, как это имеет место в естественно существующем предмете. Но вряд ли кто будет утверждать, что предмет объективно, сам расчленяется внутренне именно так, как

это имеет место в естественно существующем предмете. Но вряд ли кто будет утверждать, что предмет объективно, сам расчленяется внутренне именно так, как его расчленил экспериментатор.

Наконец, несколько слов о своеобразном явлении совершенно в логике не изученном, — об «логическом эксперименте». Это — не тот умственный эксперимент, о котором говорит психология, и не эксперимент, который может поставить логик при изучении, например, формирования понятий у ребенка. В ряде наук, в ряде случаев исследователь не может искусственно расчленить предмет на его части. Например, вычленив один какой-либо акт движения капитала эмпирически невозможно, или это имеет место в исключительных случаях. В этих случаях исследователь косвенно решает задачу и в известной мере сохраняет наглядность рассмотрения частей и целого. Косвенность здесь отлична от той, какая, например, имеет место у геолога. Косвенность здесь заключается в том, что исследователь абстрагирует рассматриваемое целое в чистом виде (роль изоляции здесь), фиксирует в виде формулы, например, «Д-Т-Д¹» «S-P», и анализирует и синтезирует формулу опосредствованно, косвенно анализируя тем самым сам предмет. На этом примере особенно ясно видно, что имеет место **особый субъективный процесс** расчленения целого и соединения частей, процесс, имеющий свои специфические законы.

Рассмотрим теперь отношение анализа и синтеза как логических процессов к практической сборке и разборке вещей (в том числе — к экспериментальной в обоих смыслах). И пусть при этом человек практически расчленяет предмет так, как он устроен объективно, с **абсолютной** точностью.

В основе анализа и синтеза, сказали мы, лежит практическая сборка и разборка вещей. Но как практически сборка и разборка не сводится к предмету, так и анализ и синтез к ней.

Как особые логические процессы, анализ и синтез для своего возникновения требуют (кроме практической основы) еще следующие необходимые условия (зависящие от развития способности абстрагирования):

1) фиксирование частей в абстрактной форме, по крайней мере — выработку их наименования;

2) фиксирование в абстрактной форме (в форме суждений и определений) роли частей в целом в их координации.

Это значит: чтобы мысленно, т.е. в абстрактной форме, отразить часть как часть данного целого, а не просто как самостоятельный, существующий для сознания просто наряду с други

ми, предмет, для этого нужно осознать роль ее в целом (или по крайней мере воспринимаемое отношение к другим частям); с другой стороны, чтобы мысленно отразить целое как целое, т.е. как состоящее из частей, а не просто как обладающий свойствами предмет, надо отразить координацию (по крайней мере, наличие) его частей.

Рассмотренные условия образуют содержание процессов анализа и синтеза. Именно процессов, — обстоятельство, имеющее решающее значение. Практическая сборка и разборка вещей уже непосредственно различаются и исключают друг друга. Порой исключают абсолютно. Так, расчленив животное, дикарь был не в состоянии собрать его обратно. И вряд ли это следствие козней метафизики. В тех случаях, когда возможно обратно собрать части в целое (процесс обратим практически, как например, при сборке и разборке часов, которые, как правило, витают в представлении логиков, когда они думают об анализе и синтезе), так или иначе они исключают друг друга: разборка не есть одновременно сборка, и наоборот. Когда логический процесс смешивается с практической сборкой и разборкой, анализ и синтез с необходимостью выступают как исключающие друг друга процессы, соединяющиеся лишь один за другим, — т.е. чисто механическое понимание.

Это явление — взаимное исключение сборки и разборки и их соединение лишь во временной последовательности — имеет силу и при «логическом эксперименте». Например, имеет форму Д-Т-Д¹; это — целое; расчленим его на акты: Д-Т; Т-Д; рассматриваем каждый по отдельности, затем в целом, соединяем.

За рассматриваемыми процессами мы оставляем название «расчленение и соединение». Что логический эксперимент предполагает высокую степень развития мышления, не исключает того, что он подчиняется законам практического и экспериментального расчленения и соединения. Его своеобразие в том, что он для своего осуществления требует развития ряда форм абстракции, в особенности — изоляции.

Рассмотрим теперь процесс отражения целого и его частей. В процессе мышления о целом и его частях обособление анализа и синтеза — дело не легкое и требующее для своей действительности ряда условий, являющийся продуктом развития познания. Даже простое название частей и описание их в соответствии с восприятием, т.е. даже простое выражение в мысли того, что целое состоит из частей, есть одновременно и анализ, и син-

тез: единственный путь отразить целое, как состоящее из частей, посредством абстракций, суждений и т.п. — это путь последовательного фиксирования (абстрагирования) его частей, т.е. анализ, дающий в итоге синтез, или синтез посредством анализа. И наоборот, единственный путь отразить предмет как часть другого — это фиксирование его в отношении к другим частям и целому (по крайней мере, в сосуществовании с другими частями) — т.е. синтез, дающий в итоге анализ, анализ посредством синтеза. Т.е. каким бы путем человек ни шел практически, процесс его мышления о целом и частях (а без этого нет ни анализа, ни синтеза) есть единство анализа и синтеза. Это — имманентное свойство данного процесса мышления, его собственная необходимость. Без анализа нет синтеза. Но без синтеза нет анализа, или он не осознается как таковой. Химик, изучающий кислород безотносительно к какому-либо соединению его, не производит ни анализа, ни синтеза этих соединений. Разложив какое-либо вещество на составные части (и возможно, не соединяя их обратно), химик только в результате этого разложения осознает разложенное вещество как состоящее из частей целое; соединив какие-либо вещества в новое, химик только в результате соединения осознает части как части нового целого.

Соединение анализа и синтеза в этом смысле — а это собственно анализ и синтез — не есть заслуга диалектики, это свойство всякого процесса отражения предмета как состоящего из частей и частей как частей целого. Именно в этом смысле мы и определяем процесс анализа и синтеза в простейшем и узком смысле слова.

Повторяем, надо очень четко отличать анализ и синтез в этом смысле от расчленения и соединения в указанном выше смысле. Там возможен разрыв расчленения и соединения, возможно ограничение тем или другим, но и в том и в другом случае имеет место единство анализа и синтеза. Другое дело, что понятие будет различным. Это говорит о связи и зависимости указанных сторон отражения целого. Но о связи можно говорить лишь различного.

Единство анализа и синтеза есть собственная диалектика процесса отражения целого как состоящего из частей. Это единство — единство противоположностей. При определенных условиях эти противоположности (не расчленение и соединение, а именно анализ и синтез) внешне обособляются.

Уже в этой форме, как мы рассмотрели анализ и синтез, их различие и противоположность ясно заметны:

1) имея перед собой целое и мысленно расчлняя его на части, человек отражает целое как целое;

2) имея перед собой части и мысленно соединяя их в целое, точнее рассматривая предмет как часть другого, в отношении к целому, человек отражает части как части целого.

Но пока — это просто противоположно направленные процессы, из которых каждый представляет единство анализа и синтеза. Тогда как надо выяснить условия обособления их внутри каждого процесса, т.е. условия раздвоения единого процесса на анализ и синтез.

Рассмотрим некоторые условия, создающие возможность обособления анализа и синтеза. Возможность эта превращается в действительность в зависимости либо от конкретных условий того или иного исследования, или в зависимости от условий, имеющих более или менее всеобщий (для данной ступени развития наук) характер.

Абстрагирование частей целого может быть первоначально произведено безотносительно к целому, т.е. часть фиксируется в мысли как всякий самостоятельный предмет и изучается как таковой независимо от целого. Т.е. исследователь объективно исследует целое, субъективно этого не осознавая. И в силу этого субъективного понимания исследование принимает односторонне аналитический характер.

Исследователь может специально отвлечься от целого, внутри которого он абстрагировал ту или иную часть его, и специально ее изучить. Например, абстрагировав общее суждение в дедуктивном умозаключении, логик может изучать его безотносительно к тому целому, в котором оно функционирует как таковое.

В том и другом случае человек или субъективно не осознает того, что он фактически абстрагировал часть целого и произвел анализ его, или на данном этапе науки специально отвлекается, не производит анализ и синтез, но в силу того, что предмет есть часть целого, объективно вычленил его из целого. Если изучаемый предмет возникает и обладает спецификой, а следовательно может быть понят, лишь в его связи в целом (как это бывает во всяком органическом целом), то будучи изолирован от целого, он превращается в неразрешимую загадку для человека. Это касается вообще всякого предмета: при та-

кой абстракции, естественно, не могут быть поняты свойства предмета, проявляющиеся в той или иной связи с другими частями какого-либо целого.

Если такой способ понимания (если человек не осознает того, что он произвел определенную абстракцию) превращается в окончательный метод исследования, то мы имеем тогда разрыв анализа и синтеза в процессе исследования, который означает лишь то, что предмет рассматривается вне той связи с другими, в которой он есть часть целого и возникает как особый предмет. Так, попытки понять общее суждение вне действительного процесса умозаключения в истории логики всегда оканчивались поверхностным его описанием. Иначе говоря разрыв анализа и синтеза есть следствие сознательного или вынужденного абсолютизирования изолирующей абстракции в применении к частям целого.

Далее, исследование может исходить уже из некоторого знания о предмете и его частях, как о самостоятельных предметах, и ставить специальной задачей лишь выяснение их координации. И в таком случае, если рассмотрение соединения частей не сопровождается анализом их единства, т.е. исследование частей как обладающих свойствами лишь благодаря этому единству, исследование принимает односторонне синтетический характер. Здесь целое понимается просто как механическое соединение частей. Такое явление имеет место при систематизации, при которой исследователь не производит необходимого для синтеза анализа, а чисто умозрительно выискивает единство известных ему частей.

Чтобы не смешивать этот разрыв с обособлением расчленения и соединения, рассмотрим дело далее на более сложной форме — на «логическом эксперименте». Например, зафиксировав форму движения капитала в форме $D-T-D'$, экономист должен исследовать каждый акт по отдельности и затем в соединении. Здесь расчленение и соединение — различные последовательные процессы. Но это еще не означает разрыва анализа и синтеза. Последний будет иметь место лишь в том случае, если акты обмена будут рассматриваться безотносительно к данному целому, т.е. просто акты обмена вообще, но не акты движения денег как капитала. Например, акт $D-T$ будет рассматриваться просто как купля товара.

Рассмотренные условия обособления анализа и синтеза есть иное выражение того факта, что анализ и синтез есть лишь одна сторона процесса отражения целого мыслью.

Анализ и синтез, взятые сами по себе — бессмысленны. Практическая или экспериментальная сборка и разборка преследует какую-то цель, а не просто фиксирование строения предмета. Анализ и синтез выступают лишь как средства решения этой задачи, достижения цели. Игнорируя это, невозможно в анализе и синтезе увидеть ничего, кроме сборки и разборки. Значит надо понять эту цель как условие существования анализа и синтеза, условие их единства и обособления.

Исследователь может знать предмет в целом в каких-либо его проявлениях, свойствах, как целого, но он еще должен выяснить источник этих свойств, которые представляют результат единства его частей. Например, прибыль — источник движения стоимости, надо выяснить ее происхождение на движения стоимости. И наоборот, исследователь может знать части и их свойства, но не знает последствий их единства. Например, каковы последствия координации купеческого и промышленного капитала. Причем, задача — не просто фиксирование частей и их роли в целом (это известно), а открытие источника свойств целого как единства частей и рассмотрение свойств, вытекающих из единства.

С этой т.зр. все данные определения анализа и синтеза односторонни. Если теперь представить схематично процесс мышления, имеющий здесь место, то это будет выглядеть так:

1. Имеется целое. Известны какие-либо его свойства;
2. Исследуется строение целого, его части как части целого и их единство;
3. Объясняются свойства целого (известные и в исходном пункте) из внутреннего строения предмета.

Три аспекта, т.е. надо различать в этом процессе и их взаимодействие:

1. Сборка и разборка (практическая и в абстракции) или расчленение и соединение.
2. Отражение целого, как состоящего из частей и частей как частей целого.
3. Объяснение свойства целого как целого, являющихся результатом единства частей.

Весь процесс принимает другую форму, когда идет от некоторого знания о частях к целому, но и здесь все эти аспекты необходимы:

1. Надо осознать части как части единого целого, а целое — как образованное из этих частей;

2. Надо рассмотреть вытекающие из их единства свойства;
3. Сами части в этой связи понимаются иначе, чем как обособленные.

Мы не имеем возможности детально рассматривать все возможные здесь случаи, создающие большое разнообразие форм анализа и синтеза (в зависимости от конкретных данных исследования, например, в задачу может входить обнаружение какой-либо части при всех прочих известных данных).

При учете рассматриваемого условия и обособления анализа и синтеза принимает иной характер. Например, физиократы видели наличие прибыли, но в объяснение ее даже не поставили вопроса о ее возникновении из движения стоимости и единства актов этого движения. Исследование приняло односторонний аналитический характер.

Из сказанного очевидно: анализ и синтез есть вообще средство объяснения свойств предмета из его внутренних связей.

Анализ и синтез в широком смысле слова означают соответственно абстрагирование в целом свойств, отношений, частей, зависимостей и т.д. И рассмотрение их отвлеченно друг от друга и в той связи, как они образуют целое. Например, товар как товар не состоит из частей, из частей он состоит как предмет, продукт. Как товар, он имеет качества, проявляющиеся в том или ином отношении, — полезность и стоимость. Это не части в собственном смысле слова: сам товар не состоит из стоимости и полезности. Другие науки могут тот или иной товар разлагать на части, но уже не как товар, а как сапоги, машину, как предмет природы и т.д. Пшеница как растение состоит из частей, как товар — та или иная порция ее имеет свойства. Здесь «анализ и синтез» употребляются в смысле исследования целого вообще. Это расширение значения анализа и синтеза есть результат развития познания. Оно включает в себя и развитие понятия о целом и «частях»:

1. Составное и входящее в состав;
2. Целое и часть, т.е. предполагается отражение координации частей, наличие определенных необходимых частей (животное с отрубленной головой состоит из частей, но это — не целое);
3. Органическое целое и элементы его структуры;
4. Органическое целое со всей суммой его сторон, частей, элементов, зависимостей.

О том, по каким законам происходит отражение этого целого, т.е. анализирование и синтезирование в этом высшем смысле и будем говорить сейчас.

При исследовании органического целого наука начинает с наблюдения его эмпирических проявлений, где «стороны» целого находятся в сложной связи, переплетении, модифицируются массой обстоятельств, внешне обособляются. Отражение этого целого как единого целого предполагает прежде всего абстрагирование его «сторон» и фиксирование в категориях.

Охватить целое умом в его внутренней связи — дело длительной истории познания. Роль отдельных деятелей науки может ограничиться фиксированием и изучением частных. Возможен целый период в науке, который принимает по отношению к целому односторонне аналитический характер.

Требуется известная степень развития науки в смысле накопления знаний об элементах, сторонах целого, чтобы сделать попытку понять их единство.

Возможность изложения знания о предмете в одном, например, произведении возникает сравнительно рано. Но умозрительное связывание знаний о частностях еще не есть знание целого. На этом этапе предпринимаются попытки систематизации, т.е. синтетического охвата целого. Но если при этом систематизатор не осознает того, что при рассмотрении целого необходимо именно в этой связи понять все известное (по крайней мере), то возможны либо чисто умозрительные конструкции (например, гегелевская субъективная логика), либо простое расположение материала для удобства и классификации. Требуется еще важнейшее условие — раскрытие объективной связи частных, объективной связи сторон целого. Т.е. надо перейти к раскрытию диалектики целого.

Наконец, при решении этой задачи недостаточно иметь время, надо иметь мастерство исследования. Успех решения зависит от метода. Именно высокое развитие науки ставит вопрос о таком методе понимания, который позволил бы разобраться в массе проблем, позволил бы схватить целое в его единстве.

Приведем простой пример. Экономист исследует форму цены: Т-Д. Он должен зафиксировать товар и деньги в абстракции, дать им определения, указать их роль, даже противоположность товара и денег и их связь в процессе обмена — координацию. Здесь имеет место анализ: выявляются элементы буржуазной экономики, стороны товарно-денежного обращения. Есть и синтез: мысленно отражается координация товара и денег. Но что значит вскрыть связь товара и денег с т.зр. диалектики? Это значит вскрыть внутреннее противоречие товара, и

объяснить происхождение денег. Задача для приемов формальной логики непосильная, хотя фиксирование элементов товарных отношений в мысли и языке и их внешних связей вполне доступно и составляет их прямую обязанность. Значит надо различить анализ и синтез и анализ и синтез, а не говорить о них вообще. С т.зр. диалектики фиксирование элементов товарных отношений представляет собой необходимый момент их исследования: Но здесь еще нет соответствующего ей синтеза, раз не раскрыто их внутреннее единство. Нет и соответствующего анализа — т.е. раскрытия проявления противоречия и дифференциации товарного мира на товар и деньги. Метафизика заключается вовсе не в том, что абсолютизирует ту или другую сторону дела, а в том, что отсутствует и та и другая. Лишь внешне ограничение приемами формальной логики в исследовании органического целого создает видимость чисто аналитического исследования, как применение диалектики внешне выглядит как чисто синтетическое.

Надо различать анализ и синтез и анализ и синтез. Когда речь идет о диалектическом исследовании, надо ставить вопрос о его специфических примах анализирования и синтезирования (в последнем смысле) и не следует их путать с рассмотренными процессами, хотя они и предполагают их. Возьмем такой пример: Маркс от меновой стоимости углубляется к стоимости, в товаре вскрывает общественное отношение, в отношении товаров — внутреннее противоречие товара. Если подойти поверхностно, то имеется обычный анализ и синтез: в товаре, например, раскрываются противоречивые стороны (анализ) и выясняется их единство (синтез). Но если приглядеться ближе, то с категориями анализ и синтез в этом пункте можно заниматься лишь схоластическими спекуляциями. Зафиксировано товарное отношение: Т-Т или Т-Д. Надо вскрыть единство противоположностей, т.е. произвести синтез. Но вскрыть это единство — вскрыть внутреннее различие в товаре, т.е. произвести анализ. Вскрыто различие в товаре (двойственность), надо раскрыть единство сторон его, т.е. произвести синтез. А это значит рассмотреть, как внешне поляризуются стороны товара. Анализ оказывается синтезом и наоборот. И дело тут не в «диалектичности» этих категорий, а в их бесформенности.

Чтобы не было путаницы надо различать мысленные процессы соединения и расчленения целого и процессы мышления, отражающие то, как внутренне соединяются и разъединяются стороны целого — это главное.

Из этого не следует, что анализ и синтез в рассмотренном смысле не играют роли в диалектическом исследовании. Наоборот, только здесь впервые встает вопрос о них серьезно.

Рассмотрим кратко эту роль:

1) Анализ и синтез как условие восхождения. В этой роли они фиксируют элементы и стороны целого в их внешнем проявлении и особенности и их внешнюю координацию. Например, фиксирование полюсов товарного отношения (потребительной и меновой стоимости) есть условие исследования товара; фиксирование формы движения денег как капитала ($D-T-D'$) есть условие исследования капитала, а анализ и синтез ее по крайней мере уже ставит проблему: $D=T$, $T=D'$, но не $D=D'$.

2) Анализ и синтез как следствие приемов восхождения. Например, открытие того, что капитал распадается на постоянный и переменный, есть следствие углубления к содержанию капитала, раскрытие связи промышленного и купеческого капитала — следствие выведения и т.п. Даже в тех случаях, где как будто внутренней связи нет, имеет место восхождение. Например, качество и количество стоимости. Так как задача восхождения — не просто фиксирование сторон, а раскрытие их объективной связи, то и в данном случае обнаруживается зависимость величины стоимости от качества ее. Не в смысле той или иной эмпирической величины, а в смысле закона. Закон стоимости — величина стоимости определяется общественно необходимым трудом — отражает факт взаимодействия товаров в его влиянии на величины стоимостей. Задача исследования здесь — выяснить определенное количество (определенное связями предмета), т.е. проявление качества в связях отношений.

Зависимость анализа и синтеза от приемов восхождения обнаруживается и в тех случаях, где подчеркнуто на первый план выступает расчленение и соединение. Например, Маркс рассматривает простую форму стоимости так: 1) качественная сторона; 2) количественная; 3) относительная форма стоимости; 4) эквивалентная; 5) в целом. На рассмотрение качественной стороны и полюсов простой формы стоимости есть рассмотрение формы стоимости; характер этого рассмотрения зависит и от дальнейшей перспективы — от движения к деньгам; рассмотрение количественной стороны есть конкретизация закона стоимости.

3) Анализ и синтез как сторона восхождения.

В этом случае процесс принимает такую форму:

1. Целое, состоящее из частей или имеющее стороны;

2. Соответствующий данной задаче прием (или их совокупность) восхождения;

3. То же целое, но понятое в процессе восхождения.

Например, Д-Т-Д' — исходный пункт исследования капитала:

а) фиксирование этой формы. Расчленение актов и рассмотрение их по отдельности и в целом. Постановка проблемы: $D=T$, $T=D'$, но $D=D'$. Откуда прирост Д?

б) углубление к содержанию процесса (предполагающее все предшествующее исследованию товара и денег) и восхождение к необходимой форме его движения: Д-Т^{РС} ...П...Т'-Д';

в) рассмотрение этой формы: расчленение актов и рассмотрение по отдельности и в целом.

Эта сторона восхождения отличается от углубления к содержанию и восхождению к форме в том смысле, что здесь специальной задачей является сам анализ и синтез. Но это — лишь сторона вторых. С другой стороны, вторые есть момент в данном процессе.

Здесь специфические законы восхождения выступают как законы, регулирующие анализирование и синтезирование.

Эта сторона восхождения отличается и от усложнения. Усложнение вступает в силу только после выведения или выявления новых условий существования целого, тогда как анализ и синтез, опосредствованные каким-либо приемом восхождения, имеют место везде, где только приходится расчленять целое и соединять в единство.

Еще один пример: при исследовании товара имеется сторона — углубление от отношения товаров к стоимости и возвращение обратно. Здесь труднее всего уловить отличие рассматриваемой стороны восхождения от рассмотренных выше. Но различие есть. Т-Т (Т-Д) как исходный пункт означает, что в мысли зафиксирован факт обмена и различия товаров в этом акте; как конечный пункт, опосредствованный процессом углубления к содержанию, раскрытием противоречия, движением к форме, — это есть внешнее проявление внутренних противоречий. Анализ и синтез в своей специфической роли выступают именно в том смысле, что стороны отношения теперь рассматриваются отвлеченно друг от друга и в связи уже иначе, чем в исходном пункте: не просто сравниваются, а как проявление способа выражения противоречия. Смысл отвлечения друг от друга иной: при рассмотрении одной стороны ее необходимая связь с другой есть понятая предпосылка.

4) Анализ и синтез как совокупное действие приемов восхождения. По отношению ко всему исследуемому целому, анализ и синтез выступают в качестве синонима восхождения в целом. Восхождение, рассматриваемое в целом, и есть прием анализирования и синтезирования органического целого — закон этого отражения.

В этом отношении формальная логика, констатируя наличие сторон и частей в целом, не могла дать тех правил, посредством которых гарантировалась бы (до известной степени) последовательность анализирования и синтезирования. Непосредственное созерцание служило единственной их основой.

Все те приемы восхождения, которые мы рассматривали до сих пор есть приемы анализирования и синтезирования органического целого. Напомним их: раскрытие свойства, проявляющегося в отношении, раскрытие противоречия, скрытого во внешних противоположностях, и наоборот, углубление к содержанию и движение к форме, конкретизация и изоляция, сведение и выведение, восхождение от простого к сложному и наоборот, анализ и синтез в указанной выше специфической роли. В конкретном исследовании в зависимости от степени развитости предмета и других обстоятельств (конкретные цели исследования) все указанные процессы переплетаются, вступают в связи и совокупности.

5) Чем дальше от исходного пункта восхождения, тем больше исследование по видимости принимает синтетический характер. По существу же дело заключается в том, что для понимания ряда явлений, представляющих продукт взаимодействия огромного числа сторон, связей целого, требуется предварительное рассмотрение массы взаимодействующих явлений, так что «мысленные расстояния» между ними все более могут расти, возникать боковые ветви, совершаться переходы в другие области. Так, исследование товара сопровождается историческим очерком, объяснением превращенных представлений, исследование денег — рассмотрением таких функций их, которые непосредственно не требуются для объяснения капитала (например, платежное средство, сокровища). Так что при каждом переходе имеет место некоторое возвращение «назад», которое все более затрудняется, а со временем ставится вообще нецелесообразным.

Чем дальше от исходного пункта, тем больше затемняется внутренняя связь сторон целого. Хотя она и объясняется, но объективно внутри целого различные его стороны внешне обо-

соблюются, совершают до известной степени самостоятельное движение. Одни явления, возникнув, влияют на свой источник и другие, возникшие независимо от них.

При объяснении ряда явлений, чем ближе к поверхностной жизни целого, необходимо становится учитывать массу явлений, случайных с т. зр. прошлых этапов, но играющих существенную роль при объяснении данного явления. Охват массы сторон оказывается средством понять отдельные явления целого. Это — одна сторона рассмотрения целого, которая ставит вопрос об изучении имеющих здесь место закономерностях понимания.

Все восхождение предпринимается исследователем с целью выяснения не просто его отдельных сторон, частей, частных законов, а с целью понимания его законов как целого. Последние же могут быть поняты как совокупное действие всех выявленных в различных пунктах восхождения законов. Это — другая сторона, которая заставляет все восхождение рассмотреть по-новому: рассмотреть формы мысли, представляющие продукт взаимодействия рассмотренных нами форм, продукт переработки в свете восхождения всех форм, возникающих и возникающих независимо от него. Эта колоссальная задача может быть решена лишь усилиями ряда поколений исследователей мышления и лишь на основ обобщения всего опыта современных наук.

Мы, разумеется не можем в данной работе детально остановиться на этих сторонах диалектического мышления по той простой причине, что это еще надо исследовать. Лишь несколько слов в дополнение к тому, что мы уже сказали о восхождении в связи с постановкой вопроса об анализе и синтезе:

а) чтобы выяснить вытекающие из взаимодействия различных явлений целого последствия, необходимо сами эти явления понять тем путем, о котором мы говорили в разделах об основных приемах восхождения. Поскольку между рассмотрением этого взаимодействия и рассмотрением взаимодействующих возникают промежуточные звенья, то синтез выступает как особый процесс и этап в восхождении. Например, объяснение абсолютного закона накопления капитала требует предварительного специального объяснения массы явлений: раскрытие происхождения, прибавочной стоимости, рассмотрения роста строения капитала и причин его, рассмотрение конкуренции, концентрации и т.д. и т.п.

б) в связи с тем, что предмет отражается посредством абстракций, то само фиксирование взаимодействия различных явлений совершается посредством связи абстракций. Это не есть

одновременный акт, а процесс ряда абстракций. Например, в абстракции фиксируется строение капитала, оборот и прибыль. Путем исследовательных абстракций фиксируется и зависимость этих явлений: влияние роста строения капитала на прибыль, затем — влияние оборота. Возникает система перекрестных абстракций: например, влияние роста строения капитала на характер оборота, влияние нормы прибыли на мероприятия по изменению строения капитала в той или иной отрасли и т.п.

Характерно здесь отметить, что возникают особого рода категории, в которых кратко фиксируется какая-либо зависимость. Здесь речь идет не о фиксировании посредством категории отношения, а именно факта зависимости одного явления от другого. Например, категория «органическое строение капитала» фиксирует стоимостное строение капитала, как оно зависит от технического. Повторяем, эти категории отличаются от тех, в которых фиксируется какое-либо явление в отношении к другому. Например, «прибыль» отражает прибавочную стоимость в ее отношении ко всему капиталу. Здесь имеется момент зависимости: прибыль — прибавочная стоимость, как она зависит от всего капитала: Но эта категория фиксирует лишь факт отношения. Чтобы зафиксировать и эту зависимость, необходима еще категория, ибо прибыль зависит от взаимодействия всех капиталов: общая норма прибыли. Здесь же сразу одна зависимость и влияние, как находящееся в этой зависимости, фиксируется в категории, и в дальнейшем этой категорией оперируют как качественной.

в) исключительную важность синтетического рассмотрения предмета имеет учет противоречивых влияний различных явлений на одно и противоречивые действия одного и того же на другое.

Возьмем закон тенденции нормы прибыли к снижению. Открытие этого закона Марксом говорит о том, что ряд обобщений возможно осуществить только путем восхождения. Экономисты крутились вокруг проявлений этого закона, но, как и всякий закон органического целого, в эмпирическом проявлении своем этот закон не образует большой посылки силлогизма. Эмпирия дает факты и за и против.

Как Маркс открыл этот закон?

А) абстрагируется прибыль, раскрывается в ней прибавочная стоимость, и прибыль объясняется как форма проявления последней.

Б) открывается зависимость нормы прибыли от органического строения капитала.

Г) открываются причины роста органического строения вследствие погони за сверхприбылью, конкуренции, стремления капиталиста увеличить относительную прибавочную стоимость.

Д) рост органического строения капитала ведет к понижению нормы прибыли. Конкретизация и изоляция этой зависимости показывают, что так или иначе закон, зависимость сохраняет силу. Проявляется она внешне в форме тенденции. Но различные обстоятельства, действующие на эту зависимость, учитываются просто конкретизацией, констатируется факт модификации формы проявления закона.

Е) специфически новое, что присоединяется к конкретизации, — рассмотрение причин, противодействующих снижению нормы прибыли (например, понижение зарплаты ниже стоимости рабочей силы, обесценение постоянного капитала и т.д.).

Такие обобщения, в которых в процессе восхождения происходит учет массы обстоятельств, в которых обобщаемое явление (закон) осознается как продукт взаимодействия различных явлений, мы будем называть синтетическими обобщениями. Синтетическими — ибо учитывается связь массы явлений.

Таким путем в «Капитале» обобщаются все законы его. Например, закон стоимости (простейший) обобщается в результате учета взаимодействия массы различных явлений — различие в степени сложности, производительности и т.д. труда. Стоимость определяется общественно-необходимым трудом — это положение может быть только результатом учета всех различий труда производителей и понимания труда отдельного производителя как звена в совокупном общественном труде.

Это обобщение не следует смешивать с конкретизацией, хотя они неразрывно связаны. Конкретизация берет обстоятельства и рассматривает их влияние на проявление закона, предмета вообще. Синтетическое обобщение указывает на ту сторону, что вывод есть продукт рассмотрения совокупности явлений.

Простейший случай такого обобщения — учет не просто колебаний и проявления закона, как выясняет конкретизация, а учет того, как все эмпирические различия в проявлении общих законов нивелируются в тенденции (закон стоимости). Более сложный случай — учет противоречивых влияний, как это имело место в рассмотрении закона тенденции нормы прибыли к снижению.

Это обобщение не есть чисто умозрительное. Все явления, воздействующие на проявление закона, берутся из действительности, абстрагируются из эмпирических фактов. Только задача мышления — не просто индуктивное их обобщение, а рассмотрение их связи и вытекающих из нее тенденций.

С другой стороны, одно явление в своем существовании порождает противоречивые действия на другое явление вследствие опосредствованного влияния на него через различные связи. Например, конкуренция, заставляя капиталы переливаться из одной отрасли в другую, приводит к уравниванию нормы прибыли; с другой стороны, заставляя товары одной отрасли продавать по средней цене, она отклоняет индивидуальные нормы прибыли от средней.

Такое явление возможно потому, что норма прибыли определяется массой обстоятельств, так что последние, испытывая на себе влияние какого-либо явления (конкуренции) оказывают противоречивое влияние на нее⁹⁹.

Одно и то же явление имеет противоречивые влияния на другие и в свою очередь испытывают противоречивые влияния (норма прибыли не только испытывает противоречивые влияния, но последние сами порождены одним и тем же явлением — погоней за прибылью)¹⁰⁰.

Мы упомянули о «синтетическом обобщении». Весьма возможно, что термин неудачен. Но суть дела не в этом.

«Обобщение» имеет двоякий смысл:

1. отвлечение или выведение общего путем сравнения;
2. индуктивное умозаключение, имеющее результатом общее суждение, а точнее — суждение о всяком, каждом представителе рода. Его схема такова: имеются единичные предметы (а, б, в, г, д, и т.д.); известно, что они все обладают свойством К или принадлежат к роду К; в ряде этих предметов обнаруживается новое свойство L; делается вывод о том, что всякий К имеет L. Это умозаключение (при ряде дополнительных условий) вполне правомерно там, где речь идет о сравнении существующих наряду предметов одного рода.

⁹⁹ Невозможно в данном случае удержаться от сравнения: в теории полета известно, что увеличение скорости полета самолета с поршневым мотором ведет к уменьшению тяги (видно из формулы: $P_v = \frac{N}{V} \rho$) винта и увеличению потребной тяги в связи с увеличением сопротивления воздуха.

¹⁰⁰ Примером может служить еще централизация и децентрализация капитала.

Но вот имеется органическое целое, внутри которого имеется масса взаимодействующих единичных явлений одного рода (капиталов, например). Род известен: капитал; сравнимое свойство — тоже (например, норма прибыли). О том, что это свойство всеобщее для предметов данного рода — и речи нет: норма прибыли входит в понятие о капитале. Речь идет уже совсем о другом: об изменении свойства и направлении изменения.

Вывод должен быть сделан о всяком капитале. Как это сделать? Рассмотреть единичные факты во времени и наряду — сравнить. Что из этого получится? Сведения получаются и за уменьшение, и против него — о колебании нормы прибыли. В крайнем случае, после сложных статистических вычислений можно, взяв какой-либо период, выяснить, что норма прибыли в среднем для такой-то страны сократилась. Потребуется перечисление всех стран, всех эпох — и все-таки результатом будет констатация (приблизительная) факта. Вывод о необходимом, т.е. о законе, невозможен. Более того, вывод этот не распространишь на всякий капитал, если даже предположить его готовым. Отличие имеющих здесь место умозаключений от индуктивных прекрасно осознавала статистика¹⁰¹. Но она не видела метода решения возникающих тут проблем.

Посредством восхождения проблема решается, так сказать, как следствие, мимоходом. В рассматриваемом примере Маркс исследует отдельные капиталы и их взаимодействие и лишь путем ряда приемов восхождения поднимается к закону тенденции нормы прибыли к снижению. При этом обнаруживается, что путь от общего закона к отдельному предмету лежит через конкретизацию. Само же общее положение есть вывод не о всяком, а о целом, и имеет силу для всякого лишь в его связи с целым.

Можно на следующем примере проиллюстрировать, к каким последствиям ведет отсутствие восхождения, т.е. диалектического метода, в подобных случаях. Маркс закон концентрации и централизации капитала вывел путем восхождения (всех рассмотренных приемов). Вот как на него реагировали типичные метафизики, которые оперировали приемами формальной логики и применяли при этом приемы, о которых многие логики даже и понятия не имеют («статистическое умозаключение»); статистика показывает, что число мелких и средних предприятий сравнительно с крупными растет, значит нет закона концентрации и централизации¹⁰².

¹⁰¹ Например, *Кауфман*. «Введение в теоретическую статистику».

¹⁰² *Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений. М., 1918. С. 280.

Почему, с т. зр. приемов мышления, такой вывод? Потому что спутали разные задачи и масштаб формальной логики применили к проблеме, которую сами видели, о которой сами говорили, что индукцией ее не решишь и что силлогизм здесь не имеет силы. Потому что смотрели на диалектику как на словесные фокусы, общую болтовню, а не как на прием исследования.

Согласно формальной логике если один факт противоречит общему положению, последнее — не общее. Перед кризисом зарплата в ряде стран и отраслей возрастает, и метафизики подымают смех: какой же ваш закон накопления общий?!

Сторонники единственности формальной логики в наше время не смеются. Более того, они готовы молиться на «Капитал» Маркса, как на икону. Но слепая вера есть все-таки вера, а не разум.

Мы не рассмотрели в деталях поставленный вопрос. Но по крайней мере он поставлен.

Несколько слов о рассмотрении причин путем восхождения.

Поскольку всякое явление внутри органического целого обусловлено массой взаимодействующих обстоятельств, одновременных и последовательных связей, индуктивные методы здесь бесильны. Так посредством их вскрыть причину кризиса — либо вообще отвлечься от всех обстоятельств, либо схватить случайно любое и потом примыслить индукцию. Заниматься критикой ее в этом отношении, значит воевать с ветряными мельницами. Политэкономия фактически давно пошла по иному пути, и самые заядлые метафизики замечали процессы мышления здесь такие, которые никак не укладываются в понятия формальной логики¹⁰³.

Говоря о причинах и следствиях внутри органического целого, надо учесть следующее. Часто категория «причина» употребляется в смысле, не соответствующем ее действительному значению. Например, в чем причина возникновения товара? Отвечают: разделение труда и частная собственность на средства и продукт труда. На самом деле это — не причины, а условия, необходимые для возникновения товарного производства. Причины же — это не конкретно-исторические связи, которые заставили людей обмениваться продуктами. В особенности это явно видно на капитале. В чем причина капитала? Отделение рабочей силы от средств производства? Нет. Это — условие. Кроме него требуется еще развитие товарных отношений. Но и

¹⁰³ Достаточно прочитать «Систему логики» Д.С.Милля.

при этом условии причины возникновения капитализма — это вся совокупность исторических связей и событий, в результате которых сложилась буржуазная формация. Наука в данном случае фиксирует основные условия, образующие структуру предмета и воспроизводимые его существованием. Специальное исследование на этой основе может детально исследовать историю возникновения предмета.

Важно при этом заметить: задача исследования при объяснении причины какого-либо явления внутри уже рассматриваемого целого не ограничивается указанием, перечислением обстоятельств, способствующих его появлению. Здесь можно перечислить все, не сказав ничего. В процессе восхождения вопрос о причине какого-либо явления ставится иначе. Мы его уже частично коснулись: рассмотрение совокупного действия массы обстоятельств, как например, в отношении причин роста строения капитала.

Но в ряде случаев, в особенности когда выясняется причина какого-либо явления, представляющего продукт жизнедеятельности всего целого, Маркс применяет особый способ — способ рассмотрения превращения возможности в действительность. Причина понимается как то, что превращает возможность в действительность.

Поскольку речь идет о причине ставшего явления, то прежде всего встает задача выражения этого явления в абстрактной форме. Например, в чем причина кризиса? Нарушение соответствия актов купли и продажи, отвечают некоторые экономисты (Милль). Указана ли здесь причина. Здесь лишь сам кризис изображен в крайне абстрактной форме. Здесь объяснена возможность кризиса, но не его действительность.

Чтобы выяснить причины кризиса, надо рассмотреть весь капитал в его деталях и взаимодействии. Процесс восхождения у Маркса на каждом этапе раскрывает те внутренние связи, которые в совокупности обуславливают циклическую форму движения буржуазной экономики и кризис как момент ее.

Разумеется все необходимые условия и связи могут быть рассмотрены как причины соответствующих явлений. Мы сказанным лишь подчеркиваем следующее: сказать о капитале, что причиной его возникновения является отделение рабочей силы от средств производства и купля-продажа ее, значит сказать, что причина капитала есть капитал; выяснить причину здесь — выяснить почему стали развиваться эти отношения в истории.

В «Теориях прибавочной стоимости»¹⁰⁴ Маркс детально рассматривает этот вопрос на примере рассмотрения причины кризиса.

Д.С.Милль объясняет кризисы заключенными в метаморфозе товаров возможностями — разделением на куплю и продажу. Это — объяснение кризиса кризисом. Здесь выражен сам кризис в самой абстрактной форме. Возможность есть сам предмет, выраженный абстрактно.

Абстрактная возможность кризиса есть самая абстрактная его форма без содержания, без побудительных причин. В самой этой форме не заключено то, благодаря чему возможность превращается в действительность. Причина есть то, что превращает возможность в действительность. Экономисты не отрицали возможностей кризиса. Они лишь считали наступление их случайными. Причина есть то, что делает данное явление — кризис — необходимым. И процесс рассмотрения причины есть восхождение:

1. Т-Д-Т; разрыв актов Т-Д и Д-Т в пространстве и времени;
2. Функция денег как платежного средства;
3. Воспроизводство капитала как товара;
4. Единство и противоречие производства и обращения;
5. Конкуренция, переплетение капиталов;
6. Кредит и т.д. и т.п.

Кризисы есть реальное соединение и проявление всех противоречий буржуазной экономики.

¹⁰⁴ Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. 2. С. 181–190.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами формы мысли не являются лишь существующими формами, хотя это сосуществование и имеет место. Они, вместе с тем, являются сторонами одного и того же дифференцированного способа мышления — восхождения.

В истории науки о мышлении имели место случаи, когда в сложном приеме мышления абстрагировались различные его стороны и изобретались только как сосуществующие различные приемы. Так было, например, с «индуктивными методами». Бэкон исследовал процесс выявления причинных зависимостей, как он совершается путем наглядного сравнения различных случаев, абстрагировал его различные стороны; с легкой руки Милля эти стороны стали фигурировать в качестве самостоятельных методов (приемов), даже соединение «метода сходства» и «метода различия» стало фигурировать как особый метод наряду с его составными. Это сказывалось отрицательно на понимании как метода в целом, так и его сторон в отдельности.

Восхождение — прием неизмеримо более сложный и дифференцированный по своей структуре. Отвлечение его сторон и рассмотрение их в их особенностях сравнительно друг с другом есть необходимые условия понимания метода в целом. Но таким же необходимым условием является рассмотрение сторон восхождения в единстве, в зависимости друг от друга. Без этого они не могут быть правильно поняты и превращаются в ложные абстракции. Мы постоянно стремились учесть оба названные фактора.

Из этого, однако, не следует, что весь арсенал приемов, составляющих метод восхождения, должен иметь место в каждом акте частных исследований. Если сравнить частные исследования, то обнаруживается, что отдельные стороны восхождения отсутствуют в одних и получают гипертрофическое развитие в других, — это зависит от частной задачи исследования, способностей исследователя и других причин. Поскольку наука о мышлении должна изучить сами формы, приемы мышления в их субординации, она должна взять массу частных исследований как одно целое. Мы почти не прибегаем к сравнению «Капитала» с другими произведениями — он достаточно обширен и дает богатый материал для анализа всех основных приемов восхождения, но в большинстве случаев это сравнение служило предпосылкой для фиксации приемов автора «Капитала» в обобщенной форме. Наверняка можно сказать, что исследование других наук обнаружит такие стороны восхождения, какие в «Капитале» имеются в зародыше или трудно обнаруживаются. Мы уже не говорим о том, что изучение раз-

личных форм проявления восхождения и его сторон в различных (типичных для определенного круга наук) условиях его применения требует в обязательном порядке охват массы наук.

Восхождение не есть схема в том дурном смысле, что его лишь стоит однажды открыть и затем как сложную, расчлененную большую посылку силлогизма распространять на различные частные науки. Хотя восхождение и есть общее, но именно такое его «применение» будет означать непонимание предмета, а лишь подведение его под общее или в лучшем случае приведение примера для общего после проделанного исследования. Восхождение есть закон в полном смысле этого слова: оно абстрагируется как внутренняя зависимость процесса познания предмета и проявляется в каждом частном случае, если оно там имеет место, не в чистом виде, а внутри бесконечного переплетения связей, модифицируясь в своем проявлении под их влиянием. Все, сказанное о законах вообще, должно быть отнесено и к нему самому. Потому «применение» его к частным случаям должно совершаться с учетом всей совокупности развития данной науки, начиная от конкретной задачи исследования и кончая особенностями исследования данного предмета.

Относительного того, что восхождение может модифицироваться в своих проявлениях в конкретных исследованиях, мы неоднократно говорили. Укажем здесь для полноты картины возможные модификации в пределах даже одного и того же исследования. Вместе с тем, это будет некоторой детализацией сказанного в 2 и 3 главах.

Одно и то же по содержанию исследование (и изложение) может происходить в различных формах абстракции — в различных категориях, умозаключениях, определениях и т.д. В предисловии к III тому «Капитала» Энгельс разбирает рассуждение вульгарного экономиста Лексиса. Последний таким образом объясняет прибыль: капиталист продает дороже, чем покупает, т.е. выше стоимости товара; рабочий же не может сделать надбавки к стоимости своего товара — труда: потому он продает труд по стоимости, т.е. за необходимые средства существования; потому по отношению к рабочему надбавка к цене ведет к переносу части стоимости продукта в руки капиталиста. Энгельс по поводу этого рассуждения замечает: это объяснение фактически ведет к тому же результату, что и теория прибавочной стоимости Маркса; рабочий воспроизводит издержки своего производства плюс прибавочную стоимость; рабочая сила продается по издержкам производства, товары — выше, надбавка в цене покрывается из «совокупного продукта» рабочих. Лексис, говорит Энгельс, есть марксист (в данном пункте), облачившийся в костюм вульгарного экономиста. Характерно заметить что если бы с т. зр. способа (точнее, внешней формы) абстрагирования Лексиса охватить весь предмет в целом, пришлось бы в

конечном итоге заменить всю терминологию, конкретный ход исследования этого пункта к остальным деталям целого принял бы другой вид. Но с необходимостью проявилась бы та же самая зависимость, о которой мы говорили во 2 и 3 главах.

В исследовании Маркса точно так же можно встретить различные формы субъективного фиксирования одного и того же явления. Например, гл. 16 первого тома «Капитала». Там Маркс дает «различные формулы нормы прибавочной стоимости». В гл. 7 Маркс изображает стоимость продукта в относительных долях продукта. В таких случаях мы имеем дело с эквивалентными по существу и различными по форме абстракциями.

Надо сказать, что хотя в частностях и возможны модификации в форме абстракций (мы говорим не о терминах — с т. зр. изображения данного предмета они случайны), однако для исследования в целом эти модификации не безразличны и в конце концов нивелируются, подчиняясь главным зависимостям понимания предмета. Так, взять в качестве основы исследования капитала в целом изображение стоимости в относительных долях продукта бессмысленно, ибо здесь исчезает стоимость как отношение, и на первый план выступает субъективный способ измерения. Не говоря уже о том, что эта форма абстракции не дает возможности рассмотреть все отношения буржуазного организма, как «надбавка к цене» в приведенном выше рациональном смысле разрушает самую эту абстракцию в контексте исследования в целом; в крайнем случае «надбавка к цене» оказывается «надбавкой» к издержкам производства, а цена — издержками производства. Если рассматривать тенденции развития науки — наиболее адекватное отражение предмета в целом — то разнообразие форм абстракций, связанное с индивидуальным освоением предмета и теми или иными внешними для понимания, конкретными условиями, сводятся к единообразию, наиболее соответствующему задаче адекватности отражения.

Далее. Полнота и детальность рассмотрения того или иного вопроса, исторически связанная с новизной понимания, с теоретической борьбой и т. д. образует разнообразие внешних проявлений восхождения. В тенденции здесь точно так же наблюдается отсеивание массы обстоятельств, как случайных, но необходимых с т. зр. понимания предмета в данных условиях развития науки. Причем от этого глубина, характер понимания предмета не страдает.

Наконец, последовательность рассмотрения предмета не есть нечто абсолютное. Одни и те же необходимые зависимости могут проявляться с различной последовательностью в частностях. Например, глубина понимания ничуть не пострадает, если проблему накопления рассмотреть между обращением индивидуального капитала и воспроизводством общественного капитала. Простор для разнообра-

зия остается и в таком направлении: понимание прибыли, появления цен производства и средней прибыли и т.д. возможно без рассмотрения движения индивидуального и общественного капитала в деталях.

Восхождение есть взаимодействие массы различных форм мышления. В конкретном исследовании их данная координация может иметь самый различный вид. Короче говоря, надеяться на то, что различные науки во внешне заметной форме проявят какие-то «стандарты», значит ждать сотни, а может быть и более лет, когда приемы восхождения приобретут прочность предрассудка, станут «обычными», привычными.

Восхождение, сказали мы, есть закон, т.е. имеет силу во всяком исследовании при определенных условиях. Это значит, что не всякий процесс мышления есть восхождение. Доказывать это не приходится. Скорее наоборот, надо защищать то, что восхождение имеет силу для всякой науки при соответствующих условиях.

Об необходимых условиях осуществления восхождения мы говорили во 2 и 3 главах. Очевидно, надо указать условия другого порядка: какие условия познания требуют вмешательства восхождения и делают применение его возможным, какова сфера применения восхождения.

Вопрос о сфере применения той или иной формы мышления можно решать двояко:

1. Идти по пути рассмотрения различных областей знания, выясняя, имеет там место восхождение или нет, возможно или нет. На этом пути мы сразу натолкнемся на тот факт, что в ряде областей науки восхождение не проделано, и доказательством его возможности должно стать применение его в данной области. Кроме того, даже рассмотрение имеющихся достижений дает колоссальное разнообразие форм проявления законов восхождения, что должно быть рассмотрено лишь на основе предварительного изучения восхождения отвлеченно от этих модификаций. Мы этот путь не отрицаем. Но он эффективен лишь как сторона второго.

2. Действительно научный путь выяснения сферы той или иной формы мысли есть анализ самой формы. Последний должен вскрыть общее содержание и условия данной формы, и ответ, естественно, получается такой: там, где имеют место такие-то условия, там применима и данная форма. Всегда, когда исследователь имеет перед собой органическое целое, представляющее продукт естественноисторического процесса, должно быть применено для его понимания восхождение.

Этот путь имеет еще одно преимущество: он заранее определяет направленность исследования и исключает схоластику такого сорта, когда берут, например, спичечную коробку и требуют показать ее диалектику.

Анализ восхождения показывает, что здесь дело не в том, чтобы произвольно выгородить кусок материи и восходить. Так, чтобы рассмотреть общество в какой-либо стране, в данное время, надо проде-

лать массу восхождений, причем каждое будет фактически исследованием не просто данной страны как таковой, а исследованием различных явлений, безотносительно к ее индивидуальности: феодализма вообще, капитализма вообще, науки вообще и т.д. И лишь со временем возможно подняться в совокупном действии массы восхождений до индивидуальности данной страны. Принципиально возможно, практически — нецелесообразно. Для решения подобных задач мышление имеет другие приемы.

Восхождение, грубо говоря, есть всестороннее рассмотрение одной стороны действительности. И лишь создавая предпосылки перехода в другие сферы исследования, оно в тенденции дает возможность создать единство человеческих знаний вообще. Но это путь, как показала практика науки, нецелесообразен. Человечество выработало иной способ — изучение самих законов мышления, которые будучи осознаны, становятся способом исследования любой стороны, «отрезка» действительности.

Мы рассмотрели основные законы восхождения. Дальнейшее исследование восхождения должно идти по линии изучения: 1) проявления законов восхождения в способе изложения; 2) проявления их в различных науках в связи с их особенностями (типичные случаи); 3) происхождение восхождения; 4) новых его приемов.

Чтобы изучать диалектическое мышление, надо прежде всего вычленив его формы в качестве возможного объекта исследования. Это — необходимое условие дальнейшего углубленного и детального изучения. Этим объясняется характер данной работы: широка охвата материала, критика ошибочных воззрений, постоянное сопоставление приемов диалектического мышления с приемами формальной логики с целью подчеркнуть специфику первых. Со временем, когда вопрос о приемах диалектического мышления превратится в рабочий вопрос по детальному их изучению, станет возможным изложение этих приемов в чистом виде, не загружая изложение критическими замечаниями и сопоставлениями. Сейчас это неизбежно.

ОТНОШЕНИЕ ВОСХОЖДЕНИЯ К ПРИЕМАМ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Приемы восхождения предполагают приемы формальной логики. Но это предположение не есть включение вторых в первые. Говоря о приемах восхождения, мы абстрагируем в процессе познания определенные типы связей. Последние абсолютно ничего в себя не включают, кроме самих себя, — иначе абстрагирование их утрачивает всякий смысл.

В частных исследованиях связи, образующие восхождение предполагают одновременное функционирование других, в частности — различные типы умозаключений. Можно взять тот или иной процесс восхождения и посмотреть, какие здесь имели место умозаключения, но это не будет анализом восхождения. Связи восхождения не могут быть сведены к другим, а в ходе исследования предмета — не могут быть заменены другими. Точка зрения «включения» как раз и привела бы к замене связей восхождения другими, не соответствующими данной задаче исследования, т.е. к невозможности решить задачу и к ошибкам, т.е. к отрицанию метода восхождения на деле. Проиллюстрируем это на двух примерах.

1. В ходе восхождения Маркс высказывает следующие суждения: а) товары продаются по стоимости, отклонение — случайность; б) продажа товаров по стоимости — случайность, отклонение — закон. Более резко и учитывая факт отрицания первого суждения вторым, можно сформулировать их так: а) товары продаются по стоимости и б) не продаются по стоимости. Суждения эти касаются одного и того же предмета, в одно и то же время (рамках времени) и в одном и том же отношении, — говорят о ценах товаров в буржуазном обществе.

На первый взгляд кажется, что здесь нарушен принцип «непротиворечивости мышления» (принцип формальной логики). Теоретики-метафизики именно так и квалифицировали это знаменитое «противоречие» I и III тома «Капитала»: как нелогичность.

Если признать принципы формальной логики абсолютными, то в рассматриваемом случае одно из суждений должно быть отброшено как ложное. Если включить принципы формальной

логики в принципы восхождения, то должны будем поступать точно так же, — должны будем так или иначе совершить умозаключение, основанное на принципе «непротиворечивости». Что из этого получилось бы, очевидно.

На самом же деле здесь нет условий для действия принципа «непротиворечивости»: здесь дело одновременного утверждения и отрицания свойства в предмете, здесь отрицание играет совершенно другую роль.

Возьмем первое утверждение: товары продаются по стоимости, отклонение — случайность. Оно имеет ряд значений в ходе восхождения:

1. Обнаружен факт зависимости цен от затрат труда, от стоимости;
2. Целый ряд явлений исследуется при предположении, что цена только совпадает со стоимостью, ибо факт отклонения не играет никакой роли для объяснения этих явлений;
3. Отклонение цен от стоимости случайно — это значит, что товар исследуется в чистом виде, отвлеченно от капитала, и в этом случае отклонение цены от стоимости говорит о том, что указанная в первом пункте зависимость модифицируется в своем проявлении целым рядом обстоятельств, не вытекающих из природы товара.

Т.е. суждение здесь фиксирует не просто знание о предмете, но и определенные абстракции, при которых это знание имеет силу, — ход расчленения предмета мыслью. Эта роль суждения обнаруживается лишь в общем контексте восхождения. Повторяем, суждение здесь говорит не только о том, каков предмет, но и о том, как мы рассматриваем предмет. Эта роль суждения, вытекающая не из природы суждения, как особой формы, а из законов восхождения, обнаруживается при сопоставлении его со вторым. Второе суждение: продажа товаров по стоимости — случайность, отклонение — закон, точно так же имеет ряд функций в ходе восхождения:

1. Оно говорит о том, что зависимость цены от стоимости лишь случайно может выступить в чистом виде, — когда все воздействующие обстоятельства взаимно «уравновешивают» друг друга;
2. Оно говорит о том, что в сферу исследования включено такое явление, которое превращает отклонение цены от стоимости во всеобщее явление, — капитал, конкуренция, средняя прибыль;

3. Оно говорит о том, что даже при отвлечении от случайностей зависимость цены от стоимости проявляется в этих условиях в такой форме, что прежде всего для наблюдателя и выступает факт общего несовпадения цен со стоимостью; и целый ряд других значений.

Первое утверждение отрицается вторым. Но отрицание здесь означает определенную, специфическую для восхождения связь абстракций и связь полученных при посредстве их знаний о предмете. И лишь постольку, поскольку ход восхождения выступает на поверхность лишь как связь суждений.

Если взять первое и второе утверждение как полюса мысленной связи, как начальный и конечный пункты хода мысли, то взаимоотношение этих полюсов определяется не принципами формальной логики, в частности — не принципом «непротиворечивости», а особыми принципами, основные и простейшие из которых мы рассмотрели в данной работе.

Из сказанного не следует, что в восхождении можно нарушать принцип «непротиворечивости» (и другие). Наоборот, из сказанного следует, что он действует в строго определенных условиях, что применение его вне этих условий ошибочно, и, тем самым, есть своеобразное его нарушение.

2. Согласно формальной логике, общее, отвлеченное в частных случаях данного рода, имеет силу для любого случая этого рода: если все $M-P$, а это (некоторые, все) $S - M$, то это (некоторые, все) $S - P$.

Но возьмем такой случай: из самого понятия «норма прибыли» ($\frac{m}{K}$) следует, что норма прибыли всякого капитала зависит от массы прибавочной стоимости и величины авансированного капитала; однако, наблюдение частных случаев обнаруживает, что по видимости норма прибыли от этих явлений не зависит. Как поступить здесь? Если абсолютизировать силлогизм или включить его как элемент в решение вопроса о соотношении приведенных утверждений, то надо либо отбросить первое общее утверждение, либо — закрыть глаза на факты.

На самом же деле здесь нет никаких условий для силлогизма, поскольку речь идет о взаимоотношении этих утверждений. Если их взять изолированно, то силлогизм ни к чему: 1) каждое утверждение касается **всякого** капитала; 2) в данном случае делать вывод о том, что и этот (некоторые, все) капитал подчиня-

ется соответствующей зависимости совершенно бессмысленно. Кроме того, если уж встанет задача выяснить, чем была определенная норма прибыли у данного капиталиста, так придется учитывать массу зависимостей, а не строить силлогизм.

Здесь речь идет о соотношении двух общих утверждений, о приведении их в связь. Первое есть результат рассмотрения нормы прибыли при отвлечении от массы связей буржуазной системы; второе — результат наблюдения частных случаев, явившихся продуктом взаимодействия массы связей системы. Если взять их отвлеченно друг от друга, то схематично они будут выглядеть так:

1. А зависит от В

2. А зависит от С

Лишь внешне вторая зависимость выступает как противоречие первой: норма прибыли зависит не от величины капитала, а от спроса и предложения (от конкуренции).

Вместо того, чтобы исследовать, как первая зависимость проявляется в связи со второй и их взаимодействие, недиалектически мыслящий исследователь (или человек, не способный осуществить восхождение) либо вообще не извлекает из себя ни звука — и только в этом случае он не ошибается, либо начинает рассуждать по принципу: «либо то — либо другое», «если все — то и частные случаи, но частные случаи говорят иное, значит...»

Необходимо очень четко уяснить, что в подобных случаях различные результаты хода понимания предмета приводятся в связь не по законам умозаключений, а по законам восхождения, хотя умозаключения и совершаются. Более того, какие умозаключения будут совершены, это всецело будет зависеть от восхождения, — от соответствующих его абстракций и их зависимости. Из приведенного примера это видно с очевидностью.

1) А зависит от В

2) А зависит от С

Какое новое знание относительно А можно получить, связывая эти суждения по принципам умозаключений? Абсолютно никакого, кроме превращения двух суждений в одно: А зависит от В и от С. Восхождение же говорит о том, как одна зависимость должна быть исследована в связи с другой, — т.е. о связях мысли совершенно иного типа, для которых связь суждений — поверхностный результат и следствие.

Основная использованная литература

- К. Маркс* «Капитал» «К критике политической экономии» «Теория прибавочной стоимости» «Нищета философии» «Критика гегелевской философии государственного права» Письма и рукописи, связанные с экономическими работами
- Ф. Энгельс* «Диалектика природы» Письма, рецензии и предисловия, связанные с экономическими работами К. Маркса
- В. И. Ленин* «Философские тетради» «Развитие капитализма в России» «Империализм, как высшая стадия капитализма» «Материализм и эмпириокритицизм»
- И. В. Сталин* «О диалектическом и историческом материализме»
- Г. В. Ф. Гегель* «Наука логики» «Философия права»
- Д. Смит* «Исследование о природе и причинах богатства народов»
- Д. Рикардо* «Начала политической экономии и обложения налогами»